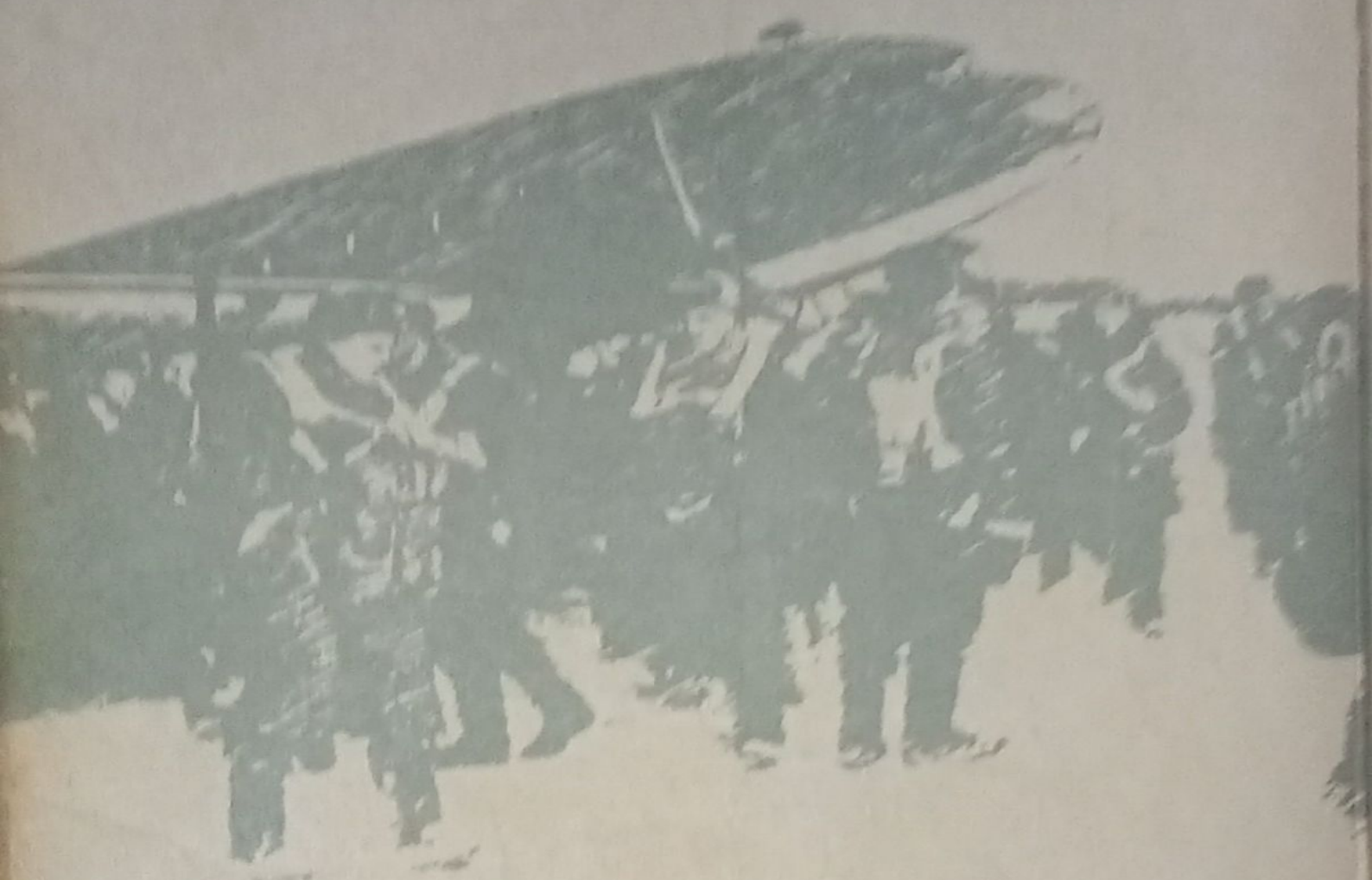

БОЙ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

И.Б. Лисочкин

Документальная повесть
о разведчиках-диверсантах

И.Б.Лисочкин

**БОЙ
ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА**

**Документальная повесть
о разведчиках-диверсантах**

Лисочкин И. Б.

Л63 Бой за линией фронта. Документальная повесть о разведчиках-диверсантах.— Л.: Лениздат, 1990.— 416 с., ил.

ISBN 5-289-00545-5

Документальная повесть ленинградского журналиста рассказывает о разведывательно-диверсионной работе органов КГБ в тылу врага во время Великой Отечественной войны. Сюжетом книги послужили действия группы чекистов «Лужане», заброшенной из Ленинграда во вражеский тыл.

Рассчитана на массового читателя.

Л $\frac{0503020600-096}{M171(03)-90}$ 24—90

ББК 63.3(2)722

Редактор *И. Н. Ионина*

Игорь Борисович ЛИСОЧКИН

БОЙ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Документальная повесть
о разведчиках-диверсантах

Заведующий редакцией *А. В. Коротнян*. Художник *И. Г. Архипов*. Художественный редактор *А. К. Тимошевский*. Технический редактор *И. В. Буздалева*. Корректор *Е. В. Новосельская*

ИБ № 5017

Сдано в набор 19.09.89. Подписано к печати 11.04.90. М-19096. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарн. литер. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 24,77. Тираж 100 000 экз. Заказ №233. Цена 1 р. 10 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ISBN 5-289-00545-5

© И. Б. Лисочкин, 1990

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Январской ночью 1943 года в одном из кабинетов здания на Литейном (ленинградцы традиционно называют его «Большим домом») состоялся разговор, из которого человек посторонний мало что смог бы понять:

—...Тяжелый квадрат! Надо его в конце концов оседлать. Вот: и «железка» и шоссейная вместе. До тех пор, пока наших людей сюда не посадим, будут «дырки» в оперсводке... И почему у нас тут ничего не получается? А, Степаныч?

Это говорил хозяин кабинета, человек уже немолодой, грузный, с тяжелыми мешками под глазами.

Тот, к кому он обращался, стоял рядом с ним, высокий, худой, туго подпоясанный в тонкой талии офицерским ремнем. Стоял и смотрел на карту, разложенную на длинном, затянутом сукном столе.

Третий человек, находившийся в кабинете, самый молодой, с фигурой борца и круглой стриженной головой, посаженной на крепкую шею, сидел за столом напротив, внимательно прислушивался к разговору и короткими затяжками курил папиросу.

Лампа под массивным колпаком освещала на столе карты, папки с радиограммами, чугунную пепельницу каслинского литья. За пределами светового круга кабинет был погружен в полумрак, но можно было разглядеть еще один тяжелый письменный стол, на котором стоял недопитый стакан чая, дубовые кресла у стены, столик с телефонами, к которому был придвинут диван со скомканной белой подушкой и тонким солдатским одеялом. Чувствовалось, что хозяин кабинета дома не бывает и живет тут, словно на казарменном положении.

— Так что, Степаныч? Почему у нас тут ничего не выходит?

— Потому и не выходит...— негромко ответил худощавый, не отрывая глаз от карты.

— А «Первый» из оперативной? — откликнулся молодой, тыча окурки в пепельницу.

— «Первого» трогать не будем, — сказал хозяин кабинета. — Он нам тут с любой стороны негод. У него связь длинная, сведения устаревать будут, пока дойдут. Это раз. Начни он собирать данные по транспорту, его немцы сразу засекут. Это два. А в-третьих, не положено у нас роли менять. Внедрился «Первый» к немцам хорошо, легенда у него в порядке, пусть работает спокойно. Дергать его на другие задания не разрешаю.

Воцарилась тишина. Слышно лишь было, как ветер бросает снег в окно, закрытое изнутри синей бумажной шторой.

— Ну ты что, брат, в молчанку играть со мной решил? Не уважаешь, Степаныч, начальство. А время, между прочим, военное...

Хозяин кабинета произнес эти слова не то чтобы совсем всерьез, но достаточно веско, чтобы не принять их просто за шутку.

Крепыш хохотнул, потер ладошью стриженный затылок и незлобиво заметил:

— Я его понимаю, Иван Михайлович. У него барон в печенках сидит.

Худощавый стрельнул в него глазами, но заговорил спокойно:

— Тут подумать не мешает... Я так рассуждаю, что забросить сюда одиночку с рацией... — Он помедлил и, поскольку никто не отозвался, ровно закончил: — ...не годится. Не справится. Большую группу тоже нельзя. Немцы насторожатся. Если разбить ее не сумеют, то гонять не устанут. Словом, работать как надо не дадут.

— Разумно рассуждаешь. Давай дальше.

— Дальше, понятно, зона действий группы ограничена железной дорогой с одной стороны и шоссейной — с другой. Каждый день через них прыгать не будешь: рискованно, охрана сильная. Значит, базироваться придется постоянно в этом лесном массиве. — Он обвел рукой на карте овал.

— Тоже верно.

— И в этот же массив надо уходить, в случае чего, как иголка в сено. А задача — только разведывательная?

— Почему? Если хорошо посадим людей, то и диверсионная. В нормальном объеме. Наступит ведь и для нас время активных действий. Когда именно наступит, об этом мы с тобой говорить не будем. Об этом только там

знают.— Хозяин кабинета ткнул толстым пальцем вверх.— Но обязанность наша — быть к этому времени готовыми. Потребуется — надежно перекрыть «железку». Надо будет — потряхнуть немецкий штаб. Само собой — установление фашистской агентуры. Судя по всему, барон насовал ее тут немало. Так что наша обычная оперативная работа — в нормальном объеме.

Худощавый кашлянул, побарабанил пальцами по столу.

— Дело основательное... Что ж... Нужна тут группа от четырех до шести человек.

— Утверждаю пять. Кого командиром?

— Иванова.

— Какого Иванова? Не помню...

— Забрасывался в прошлом году с группой Николаева.

— Ага. Теперь припоминаю — с Кировского завода... Он сейчас на переподготовке?

— Да, в школе.

Хозяин кабинета прошел к письменному столу, сел в кресло.

— Начинай, Степаныч, с минусов.

— Не кадровый...

— Знаю. Это существенно. А работу понимает?

— В объеме группы справится.

— Другие минусы есть?

— Может быть, и есть, но не установлены, — ответил худощавый.

Человек, сидевший в кресле, гневно вскинул голову, но сдержался.

— Давай плюсы.

— Смелый, инициативный, физически сильный. Отлично ориентируется на незнакомой местности. В прошлом году в самые трудные моменты при выходе из тыла фактически заменял командира группы. Бывший подрывник, так что подрывному делу учить не надо. По характеру — мужик кремневый. Хотя, насколько известно, особой страсти командовать не имеет. Предпочитает действовать убеждением.

— Хорошо. Чем поддержим группу в тылу?

— Замыкать ее на партизан считаю преждевременным. Пусть действуют автономно. Район тяжелый, и длинные связи тут опасны. Заброску предлагаю «совой». Боевое обеспечение — тоже «совой». Связь — обычная, по рации.

— Туговато им придется... Может быть, поддержим

связями? Хоть в первое время им надо на кого-то опереться.

— Опирайтесь они могут на самих себя,— не меняя тона, ответил худощавый.— Иванов в составе группы там действовал в прошлом году. Связи с местными жителями установлены. Сигналы безопасности отработаны. Вот здесь,— он постучал пальцем по карте,— заложена база. Так что подготовительная работа в основном проделана. Об этом квадрате мы еще в прошлом году думали.

Его собеседник с быстротой, которая не соответствовала его комплекции, встал с места, подошел к столу. Улыбнулся:

— У тебя небось и километровка с собой?

Худощавый взял папку с края стола, достал карту, разложил ее поверх остальных. Все трое склонились над ней.

— Вот он, Савин бор... База заложена тут, на краю леса, у болота.

— Проходимое болото?

— Летом есть тропы.

— А река?..

— Весной будет труднее, но броды найти можно.

Они обменялись еще несколькими замечаниями. Потом крепыш рассмеялся:

— Сдаюсь, Степаныч!.. Основательно работаешь. Ты уж прости, что я тебе насчет барона намекнул...

— А я, Васенька, необидчивый...— ответил, складывая карту, худощавый.— Что же касается барона, то шуток я тут не понимаю. Барон — враг опытнейший. Ты о том, как абвер в сорок первом и сорок втором наше подполье громил, только слышал, а мы с Иваном Михайловичем поседели. Трудно об этом даже вспоминать. Люди-то какие погибли!.. Барон — опытнейший контрразведчик, с хорошей школой. А уж провокатор, каких поискать — не найдешь... Могли мы раньше думать, что немецкая агентура будет действовать под видом партизанских отрядов, подпольных центров, патриотических групп? Нет, к сожалению, не предвидели такого... И на этом потеряли много. Так, Иван Михайлович?

Усевшись на прежнее место, хозяин кабинета вздохнул, потянулся за папиросами.

— Было и такое...— закурив, ответил он.— Но по большому счету ты, Степаныч, не прав. Сейчас не сорок первый год. И не сорок второй!— Он стукнул ладонью по столу.— И если тогда, несмотря на потери и провалы,

мы свою задачу выполнили, то теперь обязаны шире шагать, смелее действовать. В немецком тылу мы, как и на фронте, выстояли. Теперь мы перехватываем инициативу и навязываем абверу наш ход борьбы, наши решения. Это, брат, уже совсем не та музыка, что в сорок втором... — Он потер ладонями щеки. — Барон, верно, опытный провокатор, но позволю заметить, что пороха он не выдумает. Сейчас его методы мы знаем хорошо. А что-нибудь новенькое он предлагал нам за последнее время? Нет? Вот то-то и оно! Действует по шаблону. А нам это выгодно. Имею, кстати, сведения, что дела у барона сейчас обстоят неважно. Расстреливает он мирное население, а в отчетах показывает, будто ликвидирует партизан и разведчиков. «Липа» довольно показательная... Ну да мы отвлеклись. Степаныч, у тебя по делу еще вопросы есть?

— Заброску в Эстонию придется отложить.

— Почему?

— Там радист самый подготовленный. Отдам его в эту группу, к Иванову.

— На сколько отложим?

— На две недели.

— На неделю.

— На две недели. — повторил худощавый.

— На десять дней. Всё!

Коротко и требовательно зазвонил телефон на письменном столе. Хозяин кабинета не глядя взял трубку:

— Слушаю... Да... Так точно... Нет, есть другой вариант... — Прикрыв трубку рукой, он шепотом приказал, пошевелив пальцами в направлении стола: — Последнюю шифровку от сто восемьдесят восьмой... — и дальше в трубку: — Да... Слушаюсь. Буду с докладом через три минуты.

Поднялся, выпрямился, одернул гимнастерку. Потом пробежал глазами поданную шифровку — узкий листок плотной белой бумаги, положил его в папку.

— Задержитесь, пока не вернусь. Вероятно, сразу же будет еще дело. — И он направился к дверям.

— Так окончательно — Иванова будем готовить под Струги? — окликнул его худощавый.

Хозяин кабинета на секунду задержался на пороге.

— Да, — кивнул он, — Иванова.

КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО

Этот разговор, который, напоминаем, состоялся январской ночью 1943 года, был для его участников совершенно рядовым, обыденным. Тысячи подобных разговоров проходили, тысячи подобных дел решались в доме на Литейном проспекте за 900 блокадных дней и ночей. Но все эти разговоры, решения и дела, какими бы сложными, напряженными и значительными они ни были, имели одну отличительную особенность — они оставались известными только очень узкому кругу людей. Ни одна из операций органов государственной безопасности не освещалась в военных сводках. Имена чекистов, документы об их деятельности хранились в строжайшем секрете. Да и сегодня, признаться, обо всем этом нам известно очень немного.

В годы же войны огромное большинство тех, кто был на фронте или в тылу, вообще не представляли, да и не могли представлять, масштабов деятельности советской разведки и контрразведки.

Слухи о деятельности вражеских агентов («На Московском вокзале шпiona поймали, эшелон фотографировал», или: «Вчера на Обводном во время бомбежки схватили двух ракетчиков, ракеты бросали на молкомбинат») оказывались на поверку, как правило, пустым вымыслом.

Если взять самый типичный взгляд на работников органов государственной безопасности, то он был примерно таким: особы заняты важной, трудной и секретной работой, очень специальной и далекой от тех повседневных военных и хозяйственных проблем, с которыми приходится сталкиваться каждому.

Между тем дело обстояло совсем по-другому. Точно так же, как на фронтах, протянувшихся от Баренцева до Черного моря, встретились невиданные в истории массы вооруженных людей, схватки тайной войны не имели себе равных. Не было в те годы ни одной важной операции или кампании на фронте или в тылу, которая в той или иной степени не смыкалась бы непосредственно с работой органов государственной безопасности.

Гитлеровское командование бросило на восток, на советско-германский фронт, для ведения тайной войны основные силы военной разведки — абвера, службы безопасности — СД, гестапо, разведки министерства иностранных дел, иностранного отдела министерства пропаганды, иностранной организации ЛО и другие.

Эти разведывательные органы забрасывали в тыл Красной Армии тысячи шпионов, диверсантов, террористов. Гитлеровская Германия еще до начала войны подготовила большое число агентов для действий на территории Советского Союза. В ходе войны заброска шпионов и диверсантов продолжала все более и более возрастать.

Вот несколько цифр. В 1941 году заброска вражеской агентуры на нашу территорию выросла по сравнению с 1939 годом почти в 14 раз, в 1942 году — в 31 раз, в 1943 году — в 43 раза. Специальные школы и курсы немецкой разведки только в 1942 году выпустили свыше семи тысяч шпионов и около двух с половиной тысяч шпионов-диверсантов и радистов. Тысячи агентов, завербованных из уголовников, националистов, предателей и изменников, забрасывались к нам и без прохождения специальной подготовки.

Абвер, которому во фронтовых условиях подчинялись подразделения других разведок, обладал немалым опытом. Его возглавлял мастер шпионажа и провокаций адмирал Вильгельм Канарис, разведчик с большой интуицией, владевший стратегией и тактикой тайной войны, обладавший широкими связями с разведками других стран.

Советские органы государственной безопасности вступили в схватку с врагом очень сильным и очень опасным.

Борьба велась с таким напряжением и с такой отдачей сил, что предсказать ее результаты было невозможно. В первые месяцы войны гитлеровская разведка имела и успехи. В качестве примера можно привести такой факт: за четырнадцать дней августа 1941 года гитлеровцам удалось провести на Кировской и Октябрьской железных дорогах семь крупных диверсионных актов. И лишь к середине 1942 года появились отчетливые признаки того, что гитлеровская разведка свою игру проигрывает, терпит поражение.

Немецкие мастера тайной войны строили большие расчеты на создание в нашей стране «пятой колонны». Они пользовались услугами Организации украинских националистов — ОУН, «Русского фашистского союза» — РФС, «Национально-трудового союза нового поколения» — НТСНП, «Российского общевойскового союза» — РОВС, «Союза литовцев», «Эстонского комитета спасения» и других белогвардейских, эмигрантских, националистических и антисоветских организаций. Однако «пятую колонну» в России создать не удалось. Метод, ус-

пешно применявшийся гитлеровской разведкой в ряде стран, дал осечку в Советском Союзе.

Затем на фашистские разведывательные органы посыпались удары, сила которых из месяца в месяц нарастала. Немецкие агенты разоблачались и обезвреживались. Абвер потерял возможность эффективно действовать в глубоком тылу Красной Армии, а затем и в прифронтовой полосе. Оперативная инициатива перешла к советской разведке.

Так развивалась история этой тайной войны повсюду, так развивалась она и под Ленинградом, захвату которого гитлеровское командование придавало особое стратегическое значение. Несмотря на упорные и хитроумные усилия, гитлеровские разведывательные органы не получили необходимой информации о стратегических и тактических замыслах командования Ленинградского фронта.

О том, насколько советские органы государственной безопасности сумели сковать действия абвера, свидетельствуют документы крупного специального разведывательного подразделения гитлеровцев — «Абверкоманда-104». Это подразделение с октября 1942 года по сентябрь 1943 года забросило в наш тыл 150 групп шпионов и диверсантов, численностью от трех до десяти человек. Сумели решить свою задачу лишь две группы.

Более успешной для абвера была агентурная разведка на незначительную глубину (до 50 километров от линии фронта), но и здесь 90 процентов агентуры попало в руки чекистов. Один из руководителей фашистской разведки впоследствии писал: «Надо заметить, что... мы не выполнили поставленные нами задачи. Это зависело не от плохой агентурной работы немцев, а от умело поставленной работы русских, от хорошей бдительности не только военнослужащих, но и гражданского населения».

Одержав первые победы в тайной войне, органы госбезопасности перехватили инициативу и не теряли ее до конца боевых действий. Проводилась огромная работа по дезинформации противника. Сотни немецких агентов, захваченных чекистами, работали под их контролем и сообщали немецкой разведке ложные сведения.

Например, в декабре 1942 года, во время подготовки удара на Волховском направлении, гитлеровское командование дезинформировало через «его» агентов из Тихвина, Бологого, Вологды, Ярославля, Рыбинска, Бежецка, Калинина, Москвы, Горького, Пензы и многих других городов. Советская разведка все больше внедрялась

в глубину оккупированной территории, и таким образом центр тяжести тайной войны переместился из нашего тыла в немецкий.

Здесь работа чекистов была теснейшим образом связана с партизанским движением. Уже в 1941 году Ленинградский обком партии направил во вражеский тыл 287 партизанских отрядов — более 11 тысяч человек. Во главе многих отрядов стояли чекисты.

В конце 1941-го и начале 1942 года германской контрразведке удалось нанести нашему подполью и партизанским отрядам значительный урон. Но подавить партизанское движение фашисты не смогли. По приказу фон Лееба во всех частях группы армий «Север» были созданы специальные подразделения по борьбе с партизанами. Но и это фашистам не помогло.

Партизанское движение неуклонно набирало силу, и в 1942 году Ленинградское управление госбезопасности получило возможность широко развернуть разведывательную и диверсионную деятельность во вражеском тылу.

При партизанских отрядах были созданы оперативные группы разведотдела управления. Они вели контрразведывательную работу, помогали командованию отрядов и бригад в повышении боевой готовности подразделений, участвовали в подготовке боевых и разведывательно-диверсионных операций, осуществляли связь с автономными разведывательными группами.

Эта деятельность приобрела такие масштабы, что к 1943 году возник план создания на оккупированной территории оперативных баз, которые могли бы решать не только тактические, но и стратегические разведывательные задачи. Впоследствии, в августе — сентябре 1943 года, пять таких баз были созданы под Псковом, на территории Эстонии и Латвии. Каждая из них имела в своем составе группу опытных оперативных работников, группу связи и отряд прикрытия. О размерах этих формирований свидетельствует тот факт, что лишь отряд прикрытия оперативной базы состоял из батальона чекистов.

В тайной войне, невиданной по своим размерам и ожесточению, участвовали многие тысячи людей. Были в разведке свои генералы и свои солдаты. Мы имеем в виду не воинские звания чекистов, а, скорее, их роль в борьбе с врагом.

Были среди них те, кто действовал в самом логове фашистского зверя, носил форму вермахта, добивался доступа к наиболее секретным планам гитлеровского

командования. Были и те, чьи интересы ограничивались данными об отдельной операции, об участке железной дороги, о населенном пункте. Надо ли говорить, что их работа также была смертельно опасной?

Во вражеском тылу они действовали группами и в одиночку, устраивались в различные оккупационные органы, вели разведку, сообщая оперативные данные по радио, осуществляли диверсии — главным образом подрывы мостов и железнодорожного полотна, выявляли предателей и изменников, вражескую агентуру, проводили широкую разъяснительную работу среди населения, спасали людей от угона в рабство, в Германию. Они постоянно рисковали жизнью, несли свою опасную вахту и в стужу и в зной, голодали, бесчисленное число раз уходили от вражеского преследования.

И те, и другие составляли за спиной врага единый незримый фронт. Как нельзя победить в сражении лишь с помощью искусных стратегов, не опираясь на ратный труд солдат, так и тайная война не могла быть выиграна без работы будничной, далекой от детективных коллизий, зачастую — с точки зрения стратегии — мелкой, но дотошной и совершенно необходимой, без деятельности рядовых разведчиков.

В этой книге вы прочтете именно о солдатах тайной войны, о рядовой разведывательно-диверсионной группе, которая под командованием А. И. Иванова (Ильина) под кодом «Лужане» была заброшена из Ленинграда во вражеский тыл и действовала там двенадцать месяцев. В ее состав, как и в состав многих других групп, вошли люди, не обладавшие довоенным чекистским стажем. Их на опасное дело позвал патриотический долг, стремление принести Родине как можно больше пользы. Как и в других группах, тут были бойцы, едва достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Насколько типична история «лужан»? Судите сами. Таких и подобных им групп Ленинградское управление госбезопасности направило в немецкий тыл за время блокады сто восемьдесят шесть...

ИВАНОВ, ОН ЖЕ ИЛЬИН

Если бы до войны Александру Ивановичу Иванову, электрику термического цеха № 2 Кировского завода, кто-нибудь сказал, что ему предстоит стать чекистом, ему бы это показалось полной несусветицей. Сколько-

нибудь реально представить такую возможность он просто не смог бы.

Тридцатисемилетний рабочий с Кировского, квалифицированный специалист, он не искал другой судьбы. Труд составлял и цель и смысл его жизни. В особенности он был доволен тем, что работает в «термичке» — цехе с самым сложным энергетическим оборудованием, со многими километрами силовых коммуникаций.

Пожалуй, он один, да и то после многих лет работы, знал до мелочей это сложное электрическое хозяйство. И когда в цехе что-то случалось, а это бывало не так уж редко, сразу бежали за Ивановым, зная, что он поможет без лишних слов и проволочек.

Звали его часто для консультации и в другие цехи. Работать с ним любили. Держался Александр Иванович с достоинством, панибратства не уважал, но свое дело делал не только быстро и мастерски, но и с удовольствием, со вкусом. И чем труднее был день, чем более сложные электрические «ребусы» приходилось ему решать, тем лучше было настроение, когда он возвращался домой после смены.

Дома его ждали жена, сын, почти уже взрослый, и маленькая дочь. Семья Ивановых жила дружно, не испытывая ни тревог, ни особых волнений, и Александр Иванович искренне считал, что жизнь его удалась и все идет нормально.

Эту жизнь, как и жизни многих миллионов других людей, перевернула война.

В воскресенье 22 июня Ивановы встали поздно. Накануне были с друзьями в кино, потом вместе зашли домой, выпили по «маленькой», и Александр Иванович успел еще перекинуться с приятелем в шахматы, к которым питал большое пристрастие.

Утром он проснулся в отличном настроении, с полотенцем на шее брился на кухне, напевая вполголоса, предчувствуя великолепный, свободный день. Ребята баловались и шумели в комнате, сын прятался от сестренки, и она звонко кричала.

Они собирались на Кировские острова. Поездка эта была обещана ребятам на прошлой неделе, и теперь Александра Ивановича смущало только то, что в такой хороший, солнечный день трудно будет достать лодку и придется постоять в очереди.

В квартиру позвонили. Иванов вытер лицо, повесил полотенце и пошел открывать. Звонил сосед. Лицо у него было необычное, бледное.

— Ты что, Саша, ничего не слышал? — шепотом спросил он и выдохнул: — Война!..

Впоследствии, думая об этом дне и слушая рассказы других людей о том, как для них началась война, он всегда вспоминал бледное лицо соседа и короткое слово, которое словно разрезало время, положив непреодолимую границу между тем, что было раньше, и тем, что наступает.

Опершись рукой на дверную притолоку, он смотрел на соседа, и только одна мысль занимала его: все вчерашние планы сегодня недействительны, теперь все пойдет по-другому, и надо быстро прикинуть, с чего начать, что он, Иванов, должен сделать немедленно.

Как и миллионы других людей, он еще не понимал всей опасности, нависшей над Родиной. Первые сводки, говорившие об отступлении наших войск, воспринимались им как свидетельство временных и совершенно случайных неудач. Было у него чувство, что эти неудачи связаны и с тем, что он, Иванов, находится в тылу, а не на фронте.

В первый месяц войны Александр Иванович подал восемь заявлений с просьбой послать его на фронт добровольцем. В восьмой раз капитан в военкомате, серый от бессонницы и нервотрепки, сказал ему с грубой прямо-той:

— Надоели вы мне, Иванов. Идите на завод. Надо будет — призовем, повестку пришлем. Командование знает, что делает. Вы обязаны, как лицо призывного возраста, соблюдать дисциплину. И не мешайте работать! Без вас дел хватает...

Александр Иванович пожаловался на несправедливость своему заводскому приятелю Коле Новикову, но и тут получил отповедь.

— Умный ты, Саша, дальше ехать некуда... — сказал приятель. — Тебе бы только винтовку в руки. А танки кто будет делать, если все воевать уйдут? Я бы сам фашисту горло грыз... Но надо — буду на заводе. Не такое сейчас время, чтобы обижаться. Электриков-то почти всех подобрали... Так что вламывай, Саша, сколько можешь, и душу мне не бреди.

Иванов и «вламывал»: не уходил с завода по две, а то и по три смены, прихватывая для сна несколько часов в инструменталке, где он из нескольких досок соорудил себе топчан.

А в остальном его новая, военная жизнь складывалась так же, как у сотен тысяч других ленинградцев.

Сводки Совинформбюро были тяжелые, события накаты-вались одно за другим, не оставляя времени на пустые размышления. Ночные дежурства на крышах, рытье окопов, эвакуация детей и эвакуация предприятий, проводы народного ополчения, первые разрывы снарядов в городе, пожар Бадаевских складов 8 сентября и — БЛОКАДА.

Однажды утром, когда Александр Иванович шел по цеху к своей инструменталке, его окликнул дежурный мастер:

— Саша! Тебя там какой-то приятель спрашивает.

— Где?

— Вон там, за воротами.

Иванов оглянулся. Проем цеховых ворот был пуст, никого не было видно. Пожав плечами, он пошел к выходу.

За воротами и верно стоял паренек лет двадцати пяти. В кепочке, в сером пиджаке и рубашке с отложным воротничком, он как-то не подходил к заводской обстановке, и, приближаясь к нему, Иванов успел бегло и довольно неприязненно подумать: «Дачник!»

Паренек взглянул на него, улыбнулся и вежливо спросил:

— Иванов? Александр Иванович?

— Да.

— Хотелось бы мне с вами побеседовать.

Неприметным жестом парень достал удостоверение, раскрыл его на ладони:

— Я из управления НКГБ...

Секунду подумав, Иванов предложил:

— Пошли в курилку.

Место для курения было за углом — бочка с песком, врытая в землю, четыре деревянных скамейки вокруг нее.

Они присели на скамейку, закурили.

— Удивлены? — спросил парень.

— Нет.

— Почему?

— Какая-то ошибка... — чистосердечно ответил Александр Иванович. — Вам, наверное, другой Иванов нужен. Боюсь, что ничем не смогу оказаться полезным.

— Хм... — неопределенно произнес собеседник и вдруг живо спросил: — Заявления в военкомат сколько раз подавали? Наверное, раз пять?

— Примерно, — ответил Иванов.

— Да, — вздохнул парень, — на фронт... Все хотят на фронт...

В тоне этих слов было нечто такое, что заставило

Иванова по-новому взглянуть на неожиданного гостя. Почувствовалось, что он совсем не «дачник», как второпях определил Иванов, а человек свойский, знающий и понимающий больше, чем можно было предположить.

— А я к вам по делу, почти фронтовому.

Иванов заинтересованно посмотрел на него.

— Только сразу порешим мы с вами, Александр Иванович, таким образом: никто о нашем разговоре знать ничего не должен. Никому ни слова. Так?

Александр Иванович молча кивнул.

— Вы обратили внимание, что в городе строят огневые точки?

Иванов снова кивнул. Действительно, на многих улицах квартиры угловых домов превращались в долговременные огневые точки. Так было даже на Невском проспекте, в центре. Александр Иванович не придавал этому особого значения: фронт был рядом. Но сейчас вопрос как-то встревожил его.

— Неужели, а? — Он прямо посмотрел на собеседника.

— Не исключено... Во всяком случае, надо быть полностью готовыми к тому, что немцам удастся прорваться на городскую территорию. Тогда бой пойдет за каждый дом.

— А все-таки не верится, — покачал головой Иванов.

— Вероятнее всего, так не будет. Но готовы мы должны быть даже к этому. Так что давайте рассмотрим чисто теоретическую возможность: Александр Иванович Иванов, проживающий в районе Обводного канала, оказался за линией фронта, на временно оккупированной территории...

— Неправдоподобно. За линией этой я быть не могу. А вот на линии — это другое дело. Тут я готов...

— Нет, — мягко возразил собеседник. — Нам надо, чтобы в случае необходимости вы смогли по ту сторону действовать...

Иванов удивился:

— Подпольщиком?

— Если потребуется — да. Согласны?

— Да что об этом спрашивать! Раз надо — значит надо.

— Тогда к делу. Прежде всего выучите эти адреса и фамилии. — Собеседник протянул ему квадратный листок. — Тут трое мужчин и одна женщина. Когда потребуется, установите с ними связь. От них узнаете, что надо делать. Если в силу обстоятельств встретиться не

удастся, примените такой способ... Вы Лиговку хорошо знаете?

Иванов кивнул.

— Переулочек к рынку представляете?

Александр Иванович подумал.

— Да, знаю.

— От этого переулочка первый осветительный столб в сторону Международного проспекта — ваш почтовый ящик. За дверцей в столбе есть небольшая полочка. На ней можно оставлять письменные сообщения. Только писать их следует по возможности иносказательно, чтобы постороннему человеку было трудно догадаться о существовании написанного.

— Понятно.

— Вам, Александр Иванович, поручается, помимо прочего, обеспечение группы взрывчаткой. Где, вы думаете, ее было бы удобнее всего разместить?..

В ту же ночь на пустынной площадке возле «термишки» были зарыты несколько ящиков с толом, цинковые коробки с запалами и бикфордовым шнуром. Люди в военной форме тщательно утрамбовали яму, убрали остатки земли. Их командир, приложив руку к козырьку, сказал Иванову:

— Задание выполнено. Поедете в город?

Тот взглянул на часы.

— Поздновато ехать. Посплю до смены у себя в инструменталке. Спасибо, товарищи. Счастливо.

Так Александр Иванович оказался в странной для себя роли потенциального подпольщика. Но день шел за днем, а известий он ни от кого не получал.

В это время он жил так же, как сотни тысяч других людей. Работал под обстрелом и с работы возвращался под обстрелом, переживал бомбежки, тушил «зажигалки», хоронил погибших от голода и убитых. Как и многие другие, он лишь со временем понял, что самым страшным испытанием является голод. А хлебный паек все уменьшался и с 20 ноября стал рабочим — 250 граммов, служащим, детям, иждивенцам — 125 граммов.

В последних числах ноября вечером возвращался Александр Иванович домой со связкой щепок за плечами. В этот день они разбирали старый деревянный дом на дрова. Зима наступала ранняя, морозная, и с топливом было плохо.

Завернув на Лиговку и подойдя к переулочку, возле которого находился его «почтовый ящик», Александр Иванович глазам своим не поверил: на месте фонарного

столба зияла огромная воронка, а остатки столба — искореженное взрывом железо — валялись на мостовой метрах в двадцати. «Вот так история с географией, — подумал Иванов. — Вот тебе и „почтовый ящик!“ Как же теперь быть?» И решил на следующий день пойти на Литейный, посоветоваться.

Когда в бюро пропусков он набрал известный номер телефона, неожиданно ему ответил незнакомый голос. Впрочем, о пропуске они быстро договорились.

Иванова встретил капитан, невысокого роста, средних лет, неторопливый. Поздоровавшись, опережая возможные вопросы, он произнес:

— Садитесь. Василий Николаевич получил новое назначение. Воюет. Но о вас мне известно. Так что прошу, рассказывайте, что у вас за дело.

Александр Иванович коротко объяснил, что остался без «почтового ящика». Капитан посмеялся и резюмировал:

— Своеобразные шутки войны. Кто бы мог подумать насчет подобного попадания, а?.. Впрочем, товарищ Иванов, «почтовый ящик» больше не нужен. Обстановка переменилась. Появление противника в районе Обводного канала, — он опять улыбнулся, — исключается. Те фамилии и адреса, которые вы получили у Василия Николаевича, можете забыть, они вам не пригодятся. Спасибо, что согласились на это задание, и, — он развел руками, — других просьб сейчас к вам не имею.

Иванов с вниманием выслушал эту во многом неожиданную для него речь, но отреагировал мгновенно:

— Зато у меня к вам есть просьба.

Капитан удивился:

— Какая?

— Помогите попасть на фронт, — четко произнес Александр Иванович слова, которые ранее тысячу раз повторял мысленно.

Капитан склонил голову набок.

— На фронт, на фронт... — повторил он вполголоса, внимательно глядя на собеседника, словно изучая его. — Ну что ж, товарищ Иванов, стремление ваше понимаю. А вот чем вам помочь... Дела наши, знаете, очень опасны, других нет.

Иванов дернул головой, и капитан взмахнул рукой:

— Да вы не обижайтесь!.. Один вариант я могу, пожалуй, вам предложить — пройти обучение в специальной школе.

— А потом что делать?

Александр Иванович Иванов
(Ильин).

— Работа на переднем крае. Подчеркиваю, — очень опасная.

— Согласен, — не раздумывая отрубил Иванов.

Так он попал на фронт. Собственно фронту, передовой предшествовали считанные недели в спецшколе — деревянном домике на краю старого артиллерийского полигона. Тут обучали подрывному делу. Виды зарядов, расчет зарядов, набор зарядов, правила подрыва мостов, дотов, водокачек, домов, железнодорожных рельсов — и так с утра до вечера. Практические занятия здесь же, на полигоне. Короткие удары взрывов толовых шашек, разбор ошибок...

Ребята подобрались в школе, как определил для себя Александр Иванович, крепкие. Да и никто не скрывал от них: научиться подрывному делу — далеко не все, главное — сможешь ли ты по своим личным качествам эти знания применять...

Боевое крещение Александр Иванович получал январской ночью. Мороз был лютый, и стенки окопа, в котором он сидел вместе с напарником и сопровождающим, старшим лейтенантом, сапером, казались отлитыми из бетона. Все трое докуривали самокрутки, пряча огоньки в рукавах маскировочных халатов.

— Тихо сегодня, — поглядывая в темное небо, деловито говорил сапер. — И подсвечивают с той стороны мало. Ну а коль подсветят, — ляг и замри... Отход, как договорились, поддержим огоньком...

Он осветил окурком часы, бросил его вниз, на дно окопа, затоптал.

— Поехали, ребятки...

Александр Иванович приподнялся, перевалился через бруствер и потащил за собой плоские салазки, на которых был закреплен выкрашенный белой краской ящик с взрывчаткой. Сухой снег отчетливо поскрипывал в такт его движениям. Повернув голову, он увидел, что напарник ползет чуть поодаль.

Тот, первый, дзот Иванов запомнил хорошо. Помнил все — ослепительную вспышку и грохот, расколовший морозную ночь, стук пулеметов, слепящий, залитый пронзительным светом осветительных ракет снег. Наверное, и запомнил хорошо, потому что — первый. Все последующие как-то смешались в его памяти. Он умел быть с бранным, выбрасывал из памяти все, что мешало работе. Было ему тогда не до воспоминаний.

К таким, как он, к тем, кто ползает со взрывчаткой «туда», к немцу, относились на переднем крае с величайшим уважением. Иванов же знал, что «туда», как правило, ползти нетрудно, а вот «оттуда» действительно тяжело. Редко он возвращался в наши окопы без того, чтобы не вытащить обратно раненого или убитого напарника. Убитого Александр Иванович тоже не мог бросить, все его мучила мысль: «А вдруг жив?» И как бы ни было сложно, под любым огнем, Иванов вытаскивал товарища.

Долгое время ему везло. Ползал Александр Иванович «туда» со взрывчаткой на Невском «пяточке», где бои шли с неслыханным ожесточением, и за Лисьим Носом, где было гораздо тише, все обходилось без царапины. А дело верно было опасное. И через некоторое время из взвода, в составе которого он окончил спецшколу, в строю осталось трое.

Тут и для него кончилось военное счастье — контузило его. К слову сказать, контузило по-дурацки, шальным снарядом, когда уже до своих окопов оставалось рукой подать. И так, как Александр Иванович вытаскивал своих товарищей, вытащили и его, отправили в госпиталь, в Ленинград.

Контузия была нетяжелой. Сознания Иванов не терял ни когда его тащили, ни когда везли, а речь к нему вернулась на госпитальной койке почти сразу. Врач сказал, что особого лечения не потребуется, просто надо отлежаться в спокойной обстановке.

Иванов отлеживался. Случались в эти дни нередкие артобстрелы. Но на такие мелочи Александр Иванович и внимания не обращал. Привыкнув быть под прицельным огнем, он чувствовал себя здесь, в блокадном госпитале, словно в глубоком тылу.

Через неделю ему разрешили встать, ходить. И тут в гости к нему явился незнакомый молодой парень, лейтенант, улыбочивый и добродушный.

— Иванову привет! — весело сказал он, подсаживаясь на койку, и положил на тумбочку три больших сол-

датских сухаря.— Наши из управления тебе кланяются, просили узнать, когда будешь на ногах. Как драгоценное?.. Нормально? Ну, значит, порядок в саперных войсках. Пошли покурим?

Они вышли в курилку, задымили самокрутками.

— С врачами я говорил,— вполголоса сообщил лейтенант,— обещают выписать тебя деньков через пять. Сам-то как себя чувствуешь? Не покачивает?

— Считаю, что прошло,— ответил Иванов.

— Теперь слушай: после выписки получишь отпуск на четверо суток. Наши у тебя были, все трое живы, дома все нормально. По блокадным нормам, конечно. Так что повидаться со своими. Да ладно, не благодари... На пятые сутки прибудешь на Литейный, получишь новое назначение. Ясно? Ну, тогда я побежал, дела еще есть в городе.

...Шел Иванов с вещмешком за спиной по зимнему Ленинграду. Не был он в нем, кажется, недолго, а вроде отвык. Улицы под сугробами снега стали совсем пустынными, редко-редко где увидишь на них фигурку прохожего. Троллейбусы так и стоят вдоль Фонтанки, засыпанные снегом. Дом на углу проспекта Майорова разрушен авиабомбой. Булочная на Международном проспекте разбита артиллерийским снарядом. У кинотеатра «Олимпия» новых разрушений нет. И тем не менее последний километр к дому Александр Иванович почти бежал...

Таисия Семеновна в первый момент не узнала мужа.

— Вам кого? — спросила она, вглядываясь в темноту лестницы.

И только когда Александр Иванович шагнул вперед, обняла его и заплакала.

В тесной прихожей, поглаживая жену по плечам, Александр Иванович поднял голову и вздрогнул. Из зеркала, висевшего на стене, на него смотрел незнакомый человек в военной форме. Лишь несколько мгновений спустя Александр Иванович понял, что это его собственное отражение. Где теперь Иванов, электрик из «термички-два»? Не было его больше. Был другой Иванов — солдат.

Через четыре дня он отпрапортовал в управление, что прибыл для дальнейшего прохождения службы. Капитан, к которому его направили, высокий, худой, туго подпоясанный офицерским ремнем, вышел из-за стола и произнес:

— Товарищ Иванов, вы направляетесь в специальную школу, на Васильевский остров, для переподготовки. Бу-

дем готовить вас для заброски в тыл противника... Вопросы есть?

— Нет, товарищ капитан.

— О прибытии в школу доложите лично ее начальнику — капитану Рейху. С этого момента никто не должен знать вашей настоящей фамилии. Возьмете себе другую. И будет ваша новая фамилия — Ильин...

ПОДСЕКИН, ОН ЖЕ ПОПОВ

Рация «Север» на правом боку, батареи, питание для нее — на левом. Шагал Владимир Подсекин с Литейного на Васильевский остров, на 16-ю линию. День был солнечный и морозный, с ветерком. Шел Подсекин набережной Невы, мимо вмерзших в лед боевых кораблей, утонувшего в снегу Летнего сада. Сверкали на солнце сосульки, гранит был в инее, а по реке ветер гнал поземку, переметая тропинки к прорубям, из которых брали воду. Хватал мороз за щеки и за пальцы, но Подсекин только шагу прибавлял.

Был он среднего роста, коренаст, плечист, круглолиц, быстр в движениях. Его словно и голод не брал. Как был он сгустком энергии, так и остался. И сейчас, направляясь в пока неведомую ему специальную школу органов государственной безопасности, Подсекин не столько размышлял над тем, что его ждет, сколько любовался зимней Невой, голубым небом, солнцем.

Биография его была совсем короткая. Родился и вырос в Архангельской области, в деревне Брашниково. С детства отличался отменным здоровьем, на охоте лису был готов преследовать на лыжах сутками. Как многие сверстники, мечтал стать танкистом. Для довоенных мальчишек эта профессия была одной из самых романтических.

Мечта сбылась. После призыва в армию служил в бронетанковых войсках. Причем — образцово. Как отличник боевой и политической подготовки, танкист-радист был направлен на командирские курсы, получил звание лейтенанта. А перед самой войной — Ленинград. «Бронетанковые курсы усовершенствования командного состава РККА». Их Подсекин закончил с отличием, был занесен на доску лучших выпускников и по решению командования оставлен при курсах.

В день начала войны лейтенант Подсекин направлялся из Ленинграда в Дудергоф, в летние лагеря. Там в

этот день должны были проводиться спортивные соревнования. На вокзале, стоя в огромной молчащей толпе, он слушал радио. Потом кинулся к поезду. В Дудергофе от вокзала до лагерей — несколько километров. Их Подсекин пробежал. Бежал он так, что сердце вырывалось из груди. Когда показались знакомые ворота лагерей, он увидел, что из них уже выходят танки. Пыль, поднятая гусеницами, завесой уходила в сторону и ложилась на поля...

Подсекин тогда попал во вновь сформированный полк, который сразу был брошен на уничтожение крупного вражеского десанта. Обстановка на фронте складывалась тревожная. На значительное время немцев удалось задержать на Лужском рубеже. Но затем противник подбросил подкрепления, прорвал оборону наших войск и начал быстро продвигаться в сторону Финского залива.

Полк, в котором воевал Подсекин, едва не попал в окружение. Вырваться из кольца удалось в самый последний момент. В бою лейтенант Подсекин, зарекомендовавший себя человеком не только знающим, но и решительным, смелым, был ранен.

После ранения — Ленинград, запасной танковый полк, который размещался в здании Политехнического института. В конце августа полк подняли по тревоге. Когда Подсекин услышал о боевом задании, вначале ушам своим не поверил: танкистам надлежало небольшими группами разместиться... в конце Международного проспекта, у Средней Рогатки, в пустующих квартирах. Стало ясно: передовые немецкие части могут ворваться в город, следует готовиться к уличным боям.

Началось то, что Подсекин называл «великим скучным сидением». Квартира ему и бойцам досталась большая, в новом пятиэтажном доме, с окнами на проспект. Но находиться в ней было неловко, неудобно. Фотографии на стенах, посуда, коврик у входных дверей — танкистов окружал быт людей, которые жили здесь совсем недавно. Ребята не притрагивались к вещам. Спали на полу. Оружие было аккуратно составлено в прихожей. Чтобы не вызвать лишних разговоров в доме, на улицу выходил только один из бойцов. Он приносил паек.

Так они прожили в чужой квартире больше недели. Потом последовал новый приказ, и Подсекин с немалым облегчением сдал пожилой дворничихе ключи: танкисты вернулись в Политехнический институт.

Как человек военный Подсекин понимал, что фронт стабилизировался, что главная задача состоит в накопле-

нии сил, в том, чтобы подготовиться к контрнаступлению, которое отбросит противника от стен Ленинграда.

Можно сказать, что Подсекин жил в ладу со временем и с самим собой. Он был командиром радиовзвода, обучал радистов и главную задачу жизни видел в том, чтобы всесторонне подготовить их к наступательным боям, которые — он ни минуты не сомневался — начнутся на фронте под Ленинградом. Поэтому он требовал от радистов не только хорошей работы на ключе, но и «проигрывал» с ними разнообразные боевые ситуации, которые, по его мнению, могли в будущем возникнуть.

Как раз шло одно из таких занятий, когда в коридоре раздался голос дневального:

— Подсекина — к комбату!

К командованию полагалось являться бегом. Подсекин прогрохотал сапогами по широкой каменной лестнице, пробежал по паркету коридора и остановился перед знакомой дверью, чтобы оправить гимнастерку.

Комбат ждал его, стоя посередине комнаты. Выслушав рапорт, он приблизился к лейтенанту и сказал негромко:

— Ну, Подсекин, рассказывай, что натворил.

— Ничего не натворил, товарищ комбат, — не медля ни секунды, ответил Подсекин, недоумевая, впрочем, по поводу такого начала разговора.

— Значит, ничего? — с нажимом переспросил комбат.

— Нет, — ответил лейтенант и совершенно чистосердечно добавил: — Может, и натворил бы, кабы в увольнении был. А так... Находился все время в части.

— Ну-ну... — протянул, чуть улыбнувшись, комбат. — А почему тебя в особый отдел вызывают?

— Не знаю. Вроде бы — без причины.

— Ладно, — махнул рукой комбат. — Давай к особистам.

И снова прогремели шаги по лестнице. Правда, уже не в столь быстром темпе, помедленней.

В особом отделе хмурый майор долго расспрашивал Подсекина о службе, о занятиях, о том, какие ребята подобрались в радиовзводе. Лейтенант отвечал коротко, точно. И хоть порядочно недоумевал, сам вопросов не задавал, считая, что не вправе.

— Приказано тебе завтра с утра явиться на Литейный, четыре. Знаешь?.. — сказал наконец майор. — Нужны хорошие радисты. Подбери из своих еще парочку ребят. Во-первых, чтобы на ключе побойчее были. А во-вторых, — чтобы ни в чем не подвели. Одним словом, крепких ребят... Так что пойдете втроем.

Три танкиста вышли за ворота части чуть свет, над институтским парком едва начала занимать заря. Город был белым, в синем морозном тумане. Они пошли гуськом, пробираясь между сугробами. Подсекин шагал первым.

От Политехнического до Невы добрались за час с небольшим. Рассвело. Лучи солнца легли на крыши домов, на окна верхних этажей.

Здание управления казалось огромным, гранит, облицовавший первый этаж, был покрыт мохнатым инеем.

К бюро пропусков они подошли с некоторым трепетом. Но задержались тут не более минуты. Лейтенант в квадратном окошечке внимательно просмотрел документы всех троих и вернул их с заранее заготовленными пропусками — белыми картонными квадратами. Бегло взглянув на ручные часы, он коротко бросил:

— Поторопитесь. Вас ждут.

В проходной управления часовые проверили пропуска, и командир наряда сказал Подсекину:

— Поднимайтесь на третий этаж.

Впервые танкист увидел длинные коридоры управления с рядами одинаковых дверей по обе стороны. Тут можно было бы и заблудиться, но на каждом этаже стояли часовые и после проверки пропуска направляли Подсекина куда нужно.

В кабинете, номер которого был обозначен на пропуске, Подсекина встретил полковник, энергичный, подтянутый, с быстрым взглядом из-под темных бровей.

— Полковник Михеев... — сказал он, выслушав рапорт лейтенанта. И свободным, непринужденным жестом показал на кожаное кресло у стола: — Садись, лейтенант.

Сам уселся за стол, придвинул к себе листок, отпечатанный на машинке:

— Подсекин Владимир Федорович... Двенадцатый запасной танковый полк... Так? Давай, Володя, знакомиться. Придется мне задать тебе много вопросов, отвечай,

прошу, начистоту. Коли у тебя будут возникать вопросы — спрашивай не стесняясь. Договорились? А теперь начнем с биографии...

Когда раньше Подсекину приходилось писать автобиографию, он никогда не добирался до конца странички. Да и о чем писать было? Школа, армия, училище — и весь путь жизни. Но теперь приходилось рассказывать обо всем куда подробнее. Полковника, казалось, интересовало все, вплоть до бытовых мелочей деревни, где родился лейтенант-танкист. Он слушал внимательно, по нескольку раз возвращался к одним и тем же вопросам, расспрашивал не официально, а, скорее, по-товарищески или, еще лучше сказать, как-то по-домашнему. Так что Подсекин, который вообще робостью не отличался, чувствовал себя ничуть не скованно.

Полковник знал Подсекина еще до встречи с ним, по характеристике, которую дал ему особый отдел полка. Но теперь он стремился не просто удостовериться, что она соответствует действительности, перед ним стояла задача более сложная — решить, подходит танкист для работы в разведке или не подходит.

Конечно, разведке нужны были люди отчаянной храбрости, высокой самоотверженности. Но таких были многие тысячи, а к разведывательной работе привлекались лишь единицы из них. И вот теперь, в разговоре с Подсекиным, полковник старался уловить главное в характере лейтенанта. Чем дольше шел разговор, это — главное — вырисовывалось для полковника все отчетливее: «Активен. Деятелен. Можно сказать — очень активен. Будет действовать в любой, сложной, опасной, даже в первый взгляд безвыходной, обстановке. Пожалуй, подойдет...»

Они беседовали больше трех часов. Потом полковник выпрямился в кресле — Подсекин заметил, что он удивительным образом сочетает непринужденность с безукоризненной военной выправкой, — отодвинул листки, в которых время от времени делал пометки, и произнес:

— Хорошо, Подсекин. Закончим. Завтра в то же время снова придешь в управление. Пропуск будет тебе показан.

Лейтенант уже открывал дверь кабинета, когда полковник окликнул его:

— Владимир Федорович, погоди! Сейчас позвоню — получишь талон в столовую. Пообедаешь, а потом — часть. До Политехнического путь немалый.

Когда на следующее утро три танкиста пришли в бю

ро пропусков, их поджидала неожиданность. Вчерашний лейтенант молча и опять-таки внимательно проверил поданные ему документы, а затем сказал:

— Пропуск заказан только для лейтенанта Подсекина.

Ребята переглянулись.

— А как же мы?.. — удивленно спросил один из товарищей Володи. — Нам надо подождать?

— Нет, товарищи, ждать не нужно. Возвращайтесь в часть. Если потребуется, вас вызовут.

На Литейном Подсекин пожал руки товарищам, проводил их взглядом и зашагал к проходной управления, совсем не догадываясь, что приходит сюда всерьез и надолго.

На пропуске был обозначен номер кабинета на пятом этаже. Его хозяин, долговязый старший лейтенант с зачесанными набок волосами, увидев Подсекина, замал ему:

— Давай, давай, заходи! — Старший лейтенант хлопнул дверцу тяжелого сейфа, повернул ручку, сунул связку ключей в карман галифе. — Подсекин Володя, значит? Здравствуй! А меня Дмитрием зовут. Садись, сейчас тебе все расскажу.

И старший лейтенант просто, без обиняков рассказал Подсекину, что судьба его меняется, что он переводится на работу в органы государственной безопасности.

—...Командование твоего полка в известность об этом поставлено. Личные вещи забирать не надо, останутся на хранении в полку. Аттестат переведут сюда, к нам. Вопросы имеешь?

— Что надо будет делать?

— Наше командование считает, что тыходишь для разведывательной работы. Останешься радистом, только в новом качестве. Сейчас сдай мне документы, проверь, нет ли писем или записок на твое имя в карманах. Все документы будут храниться тут, в сейфе. Фамилия твоя теперь будет не Подсекин, а Попов. Личный позывной — «ВФП» — «Владимир Федорович Попов». Запомнить легко, потому что первые буквы фамилии и псевдонима у тебя совпадают. Шифровальное дело знаешь?

— В объеме подготовки войсковых радистов.

— Маловато. У нас это дело сложнее. Ну да не боги горшки обжигают. Научишься. Пойдем сейчас в радиоцентр, познакомишься и приступишь к делу.

Подсекину радиоцентр управления заочно представлялся радиорубкой гигантского морского корабля, обильно

оснащенной мощной аппаратурой. Но когда они со старшим лейтенантом миновали пост у входа в радиоцентр, Подсекин увидел обычный коридор с паркетным полом и ковровой дорожкой. Первое помещение радиоцентра, в которое он попал, оказалось обычным кабинетом для подготовки и тренировки радистов. В нем в четыре ряда стояли столы с одинаковыми ключами и наушниками.

Инструктор, сутулый немногословный мужчина в гражданском костюме, усевшись за преподавательский стол, с полчаса гонял Подсекина, проверяя его работу на ключе и прием на слух. Володя не без оснований считал себя мастером в этом деле, как-никак сам готовил квалифицированных радистов, но инструктор был не просто мастером, а виртуозом. На огромной скорости он демонстрировал разные радистские «почерки», имитировал характерные «провалы» в передаче. В конце концов вогнал он Подсекина в пот. «В цирке тебе работать, черт ты этакий!» — с завистью подумал Володя.

Инструктор стащил с головы наушники.

— Нормально, — сказал он глуховатым голосом. — Только, когда передаешь цифровой текст, не делай пауз. У нас это не положено. Если идет цифирь, то строчка должна быть безукоризненно ровная. Понял? В этом еще потренируешься. Не забудь. Если «там» придется работать, — он выразительно мотнул головой, — то учиться поздно будет... Других претензий к тебе не имею... Давай теперь к шифровальщикам, пусть тобой займутся.

У шифровальщиков Володе пришлось труднее. Дело действительно оказалось сложным, требовало не только быстроты, четкости, но и специальных навыков. Так что несколько дней ему пришлось сидеть над шифровальными таблицами, разбирая одну радиограмму за другой.

Он успел привыкнуть к зданию управления и его бесконечным коридорам, к своеобразному здешнему быту, тощим блокадным обедам в местной столовой. Так называемого «личного» времени у него просто не оставалось, разве что несколько коротких минут перед сном.

И в эти минуты, лежа на койке, Володя думал о том, что ему необыкновенно повезло, если его взяли на такую работу. До сих пор пределом его стремлений были фронт, передовая, бой. А теперь?.. У него даже дух захватывало.

Общежитие, в котором жили Подсекин и многие сотрудники управления, находившиеся на казарменном положении, было расположено в подвале. До войны Воло-

дя слышал легенду о том, что здание на Литейном под номером четыре якобы помимо своих надземных этажей имеет столько же подземных. Но никаких подземных этажей не оказалось. Был просто подвал, правда с такими могучими сводами, какие Подсекин видел только под Казанским собором, попав случайно в бомбоубежище во время артиллерийского обстрела.

В подвальном помещении были расставлены койки, столы, бачки с водой на табуретках. Посторонние звуки с улицы сюда совсем не доносились. Только иногда слегка гудели стены от взрывов где-то в городе.

Однажды, прислушиваясь к этому гулу, Володя спросил соседа по общежитию:

— Слушай, как это немцы до сих пор сюда бомбу не вlepили? Ведь такое заметное здание.

Сосед повернулся на койке, улыбнулся:

— Берегут, я думаю.

— Как «берегут»?.. — не понял Подсекин.

— Видишь, — серьезно продолжал его собеседник, — здание, верно, и приметное, и известное. Немцы полагают, что здесь-то, без сомнения, и содержатся их старшие офицеры, которых мы захватили в плен.

Он подмигнул Володе.

— Ага, — догадался тот. — Любопытно...

— Так что спи спокойно, — заключил сосед. — Из-под обломков выбираться не придется. Разве какой-нибудь шальной фриц по ошибке вlepит...

Дней через десять Володя получил в управлении свой кабинет — небольшую комнатку со столом, на котором стояла переносная полевая рация. Дежурный по радиоцентру предупредил, что в 12.00 его будет вызывать «СКП». Володя заранее подготовился к сеансу связи, без нескольких минут двенадцать включил рацию и ровно в полдень поймал позывные. Неизвестный радист работал четко, легко, и Подсекин без труда записал шифровку. Потом дал, как положено, подтверждение о приеме и щелкнул тумблером на рации, отключился.

Основной текст первой шифровки, принятой Володей, гласил: «Квадрат 16. Подходы трудные. Готовимся с севера. Санкционируйте второй вариант. Просим «сову» квадрат 24. Сигналы обусловленные. 10». Выписав текст на специальный продолговатый бланк, Подсекин отправился к дежурному.

Тот быстро прочел написанное.

— Когда очередной сеанс?

— Назначили на четырнадцать ноль-ноль.

— В тринадцать тридцать получите у меня ответный текст. А пока сами потренируйтесь в кодировании.

— Разрешите вопрос?— сказал Подсекин.

— Да.

— Что такое «сова»?

Брови у дежурного вопросительно поднялись.

— «Сова» есть «сова»...— медленно проговорил он и рассмеялся.— Как бы тебе это точнее объяснить... Так у нас называют самолет, который летит через фронт в немецкий тыл, на выброску или на сброс. Понял? Это может быть и «кукурузник», и «дуглас», «эр-пятый». Днем лететь нельзя — собьют, летают ночью. Поэтому и «сова».

— Буду знать,— сказал Подсекин.— Спасибо.

Начались регулярные сеансы. Неизвестный корреспондент назначал их в разное время, с перерывом от получаса до трех-четырёх часов. Володя получал шифровки, посылал ответные. Из них у него складывалась картина большой и сложной операции, которая разворачивалась где-то в немецком тылу. Зачастую он забывал, что это лишь тренировочная игра.

«Объектом» операции, как понял из радиограмм Подсекин, был крупный железнодорожный мост, охранявшийся специальными фашистскими подразделениями. Несмотря на большие трудности, операция развивалась успешно, но принять сообщение о подрыве Володе не удалось, помешал вызов к полковнику Михееву.

— Потренировались?— спросил полковник.— Ну отлично! Товарищ Подсекин, вы направляетесь в специальную школу для дальнейшего прохождения подготовки. После того как пройдете подготовку, будете заброшены в тыл немецкой армии в качестве радиста для выполнения специального задания. Таков приказ...— Он поднялся, обошел стол и сел в кресло напротив Володи.— Но отдам я этот приказ после того, как побеседую с вами. Дело, как видите, опасное. Нет ли у вас каких-нибудь сомнений, колебаний? Если есть, скажите честно, я пойму.

— Нет, товарищ полковник,— коротко ответил Володя.

— Здоровье не подкачает?

— На здоровье не жалуюсь.

— Значит, справитесь?

— Уверен, товарищ полковник. Во всяком случае полностью оправдаю оказанное доверие.

Полковник секунду молча глядел на Подсекина и, кажется, остался доволен.

— Тогда считайте, что приказ вы получили, — сказал он, поднимаясь с кресла.

Тотчас встал и Подсекин.

— ...Отправляйтесь на Васильевский остров, на Шестнадцатую линию. Товарищи подскажут вам адрес. Начальник спецшколы — капитан Рейх. Доложите ему, что прибыли для дальнейшего прохождения подготовки.

И вот Подсекин шел по морозному Ленинграду, твердо печата шаг, придерживая сумку с рацией «Север» на правом боку. Мело, и набережная Невы была совсем пустынной. Только там, на набережной, на бульваре, где стояла зенитная батарея, Володя заметил дымок «буржуйки», который синим флажком метался над заснеженным блиндажом.

В ШКОЛЕ

Подсекин до батареи не дошел, повернул направо, на Дворцовый мост, и, перейдя на Васильевский остров, мимо университета, Академии художеств, направился на 16-ю линию.

Здесь, на 16-й линии, стояла часовенка, а бок о бок с ней — небольшой двухэтажный дом, очень неприметный, с облупившейся штукатуркой на фасаде и с облезлыми окнами. «Тут ли?» — усомнился Володя: никакой охраны, даже часового, у дома не было. Он взглянул на табличку, номер был тот самый. Он поднялся на крыльцо и толкнул плечом набухшую, покрытую по краям инеем дверь.

В маленьком, тесном вестибюле, где, как ему показалось со света, было совсем темно, откуда-то сбоку выдвинулся человек в гимнастерке.

— Вы к кому?

— К капитану Рейху, — ответил Володя.

— Первый этаж, третья дверь налево по коридору, — сказал человек и проводил Подсекина взглядом.

Капитан Рейх сидел в своем кабинете за столом, углубившись в бумаги. Когда, постучавшись, Подсекин вошел, Рейх отложил папку, которую проглядывал, а после рапорта Володи протянул ему руку и сказал очень будничным голосом:

— Здравствуй, Попов, здравствуй... Поесть в управлении успел? Хорошо. Пойдем, покажу, где будешь жить.

Они поднялись на второй этаж, прошли в конец коридора, и начальник школы толкнул одну из дверей. Володя увидел небольшую комнату, стол, два стула, койку, покрытую солдатским одеялом.

— Проходи. Рацию ставь на стол. Располагайся.

И Рейх уселся на стул, наблюдая, как Подсекин стаскивает шинель, вешает ее на гвоздь у двери.

— Значит, будешь у нас учиться... — неторопливо заговорил Рейх. — В специальную подготовку входит много такого, чем ты раньше не занимался. Узнаешь. Но кое о чем я хочу, Володя, предупредить тебя с самого начала. Радисты живут у нас в отдельных комнатах. Заходить в комнату радиста имеет право только один человек. Это начальник школы, то есть я. Исключений тут никаких быть не может. Об этом порядке знают все, знай о нем и ты. Понятно?

Володя кивнул. Начальник школы оказался моложе, чем ему вначале показалось. Вероятно, ему было тридцать с небольшим. Отличали его, пожалуй, деловитость и спокойствие.

— Второе. Наши русские революционеры были хорошими конспираторами. И одним из главных правил у них было такое: «Опасно знать больше, чем нужно». Над этим ты поразмышляй на досуге. А пока запомни, что посторонние, ненужные, пустые разговоры в школе исключаются. Будешь встречаться с другими ребятами — никаких вопросов: кто они, к какому заданию готовятся и так далее. Никаких воспоминаний: «Было дело в нашем полку...» Здесь ты — радист Попов, и точка. Вместе с тем по своему заданию ты должен знать все. Поэтому преподавателям — любые вопросы по делу...

— Вас понял, вас понял... — повторил Подсекин, как это принято по радио, и Рейх чуть улыбнулся.

— Очередной сеанс связи, теперь — с Центром, у тебя в три часа. Шифровку получишь за полчаса. Рабо-

тать с Центром будешь каждый день. Между сеансами — специальная подготовка.

И Володя приступил к занятиям. Шли они с раннего утра до позднего вечера. Преподавателей было несколько, учеба оказалась трудной. В особенности портил поначалу Володе кровь «тактик» — подполковник с чуть отечным от голода лицом.

— Думай, Попов, думай... — твердил он. — Разведка есть борьба умов. Если ты не переиграешь противника, он переиграет.

Подполковник никогда не ссылался на свой опыт или опыт других разведчиков. Казалось невозможным услышать от него: «Аналогичный случай был с...» или «Помню, мы, например...» Он излагал тактику действий на оккупированной территории, так сказать, в чистом виде, и Володе приходилось лишь догадываться, какие операции и тайны хранятся в памяти этого человека.

Любимое слово подполковника было: «соколик». Он произносил его по-разному. Иногда, очень редко, оно звучало ласково-одобрительно, иногда — безразлично, бесстрастно, а иной раз — и грубовато.

— Ну, соколик, давай проиграем с тобой еще одну ситуацию, — говаривал он.

И по тому, как пошло дело с самого начала, Подсекин стал понимать, что одной храбростью, с налета дела в разведке не делаются.

— База. Квадрат восемнадцать, — говорил «тактик», обращаясь к карте. — Время весеннее, половодье. Квадрат двадцать четыре — деревня Кривое Колено. Квадрат восемь — железная дорога. Тебе с напарником надлежит зайти в деревню, получить разведсведения от своего человека, местного жителя. Если с севера входить в деревню, его изба — третья справа. Далее. Известно, что староста деревни — «тайник», то есть тайный агент гестапо. Этот факт ты учти. Далее из Кривого Колена надо пройти на железную дорогу и ровно в двадцать ноль-ноль произвести подрыв железнодорожного полотна. Понял? Теперь давай полный расчет операции.

Карту Подсекин читал превосходно, и расчет операции по времени, по боекомплекту не представлял для него труда. Помогало и то, что Володя был в прошлом не городским, а сельским жителем, немало бродил по лесам и по болотам, а весеннее половодье представлял себе не по литературным описаниям.

Подполковник, прикрыв глаза, только кивал головой, слушая быстрый ответ Подсекина.

— Погоди,— сказал он,— сколько ты на деревню положил?

— Сорок минут.

— Обедать, что ль, собрался?

— Пятнадцать минут оставляю в резерве.

— Разумно,— согласился «тактик». — Пока действуешь грамотно. Подход к дому организовал правильно. Напарника оставил на огородах — тоже правильно. В случае чего он прикроет твой отход огнем. А скажи, кто проведет тебя к дому старосты?

— Сам пройду.

— Плохо, соколик... Приедут в деревню гестаповцы, живо установят, у кого ты побывал и кто тебя к дому старосты направил. И, соответственно, этих людей тут же и расстреляют. У них это недолго. Так как же быть?

Володя напряженно думал, но ничего подходящего в голову не приходило.

— Ладно. Запоминай твердо. По отношению к своим людям в деревне ты должен казаться неприятелем. Будешь их у всех на виду водить под конвоем — автомат в спину. Только так. Человек должен потом оправдаться: «Партизаны силой заставили. Что поделаешь...» Это, соколик, элементарная мера безопасности. В деревне тебя может проводить к старосте любой, но с тем условием, что ты этого добился силой оружия. Понял?... А со старостой что будешь делать?

— Расстреляю к чертовой матери! — рубанул Володя.

Подполковник скривился словно от зубной боли, опять прикрыл глаза, скрывая гнев.

— Плохо, Попов, из рук вон плохо! Думать надо, думать!.. «Расстреляю...» Давай теперь рассудим, что получится. Ты — из деревни, родственники старосты — в контрразведку. Примчались гестаповцы на мотоциклах, каратели, зацепились за твой след. И теперь тебе придется думать только о том, как от них оторваться. А подрыв полотна в двадцать ноль-ноль? Сорвал ты, соколик, операцию. Так?

— Да, плохо получилось,— скрепя сердце, согласился Володя.

— Погоди. Главное «плохо» еще впереди! Скажи, а за что ты старосту расстрелял? У тебя такого приказа от командира группы не было. Значит, проявил ты самодеятельность. Преступную самодеятельность!

— Так он же предатель! — возмутился Володя.

— А что ты знаешь о нем? — прищурился подполковник. — Кого он предал? Какие преступления совер-

шил?.. «Расстреляю...» Не будет у тебя такого права, Попов! Санкцию на уничтожение предателя тебе может дать только командир группы, а он, в свою очередь, может получить санкцию только от Центра. Твое дело собрать факты, доказательства, проверить их и перепроверить, доложить через командира в Центр. Нарушишь это правило — сам пойдешь под трибунал.

Володя сидел с убитым видом, и подполковник заговорил мягче:

— Конечно, это кажется несправедливым. За тобой будут гоняться армейская контрразведка, служба безопасности, гестапо, каратели. У того же старосты можешь на пулю нарваться: оружие, скорее всего, у него есть... А тебе придется заниматься следственной работой, собирать факт за фактом. Но в подобных случаях ошибаться нельзя — ошибка неисправима. Понял?.. А чтобы ты еще глубже вник, рассмотрим такой вариант: под видом сотрудника гестапо скрывается советский разведчик, такой же, как ты. Исключать такую возможность не следует. Так что ж делать тебе, если ошибешься? Только — самому себе пулю в лоб.

Взглянув еще раз на Подсекина, подполковник постучал пальцем по карте.

— Вернемся к старосте. Как тут поступить? Думай, Попов, думай!

«Задача про волка, козла и капусту...» — мельком подумал Володя, стремясь найти какое-то решение. Но ничего не получалось.

— Не выходит... — сказал он. — Подскажите.

— Ладно, — согласился «тактик». — Тут может быть несколько вариантов. Но в данном случае лучше всего захватить старосту с собой как проводника к месту подрыва.

— Зачем? — удивился Володя. — Я сам выйду к дороге.

— Давай снова порассуждаем. Возьмешь старосту с собой — никто из его окружения в комендатуру не побежит. Понятно, что за такое дело староста в первую очередь головой ответит. Посмотрим дальше. Ведь тебе надо с ним познакомиться, понять, что он за человек. Вот ты и увидишь, как он вести себя будет, кое в чем сможешь разобраться. Произвели подрыв — отпусти старосту в деревню. Будет он молчать как рыба. О чем ему немцам рассказывать? О том, как подрывников на эшелон выводил? Таких дураков нет. Староста прекрасно понимает, что, сказав об этом немцам, он и до вече-

ра не проживет. Его расстреляют тут же, в гестапо разбираться никто не станет... Итак, староста молчит. Если он действительно гестаповский агент, считай, что ты крупно испортил ему биографию. А это значит, что твоему человеку в деревне, патриоту, и жить легче, и действовать проще. Теперь понял — зачем?

Много часов провел подполковник с Подсекиным над картой. Учил он, можно сказать, жестко. Но как впоследствии был благодарен Володя этой жесткости и бескомпромиссности!.. Впрочем, со временем он стал решать самые каверзные задачи так успешно, что вызвал у своего учителя новые опасения.

— Никогда не думай, что ты все знаешь и на каждый случай у тебя есть готовое решение, — заметил подполковник. — В разведке шаблонов не должно быть. С одной стороны, они опасны, как любые повторения. С другой, — жизнь штука сложная, и выдвигает она ситуации, которые, как говорится, нарочно не придумаешь. Вот и старайся от шаблона уходить, проявляй сообразительность, придумывай новое, врагу неизвестное.

«Тактик» был не единственным учителем Подсекина, а программа спецподготовки была составлена так, что от подъема до отбоя личного времени почти не оставалось. Он, как и прежде, вел радиосеансы с Центром, изучал обстановку во вражеском тылу, методы гитлеровской контрразведки, знакомился с документами, имевшими хождение на «той» стороне, листовками, воззваниями, приказами, газетами... всех его занятий тут не перечислить, да, наверное, и нужды в этом нет.

Со временем Подсекина ввели в состав группы. В ней были два эстонца, братья, очень похожие друг на друга, и видный молодой парень, русский, но свободно говоривший по-эстонски.

С полным составом группы было проведено несколько занятий, и уже начинала вырисовываться местность — за пределами Ленинградской области, где им предстояло действовать: волнистая равнина, покрытая лесами, пересеченная десятками проселочных дорог, с многочисленными далеко отстоящими друг от друга хуторами, с немецкими гарнизонами и карательными подразделениями...

Отдыхом Володя считал для себя занятия по лыжной подготовке, рукопашному бою и стрельбе, которые проходили на стадионе «Динамо». Он вырос на лыжах, стрелял первоклассно и, несмотря на голод, испытывал от этих занятий большую физическую радость. Энергич-

ный, быстрый, подвижный, он был тут примером для других.

Володя знал в лицо, по именам практически всех, кто проходил в школе спецподготовку, и мог догадываться, к чему готовится тот или иной курсант и далеко ли ему до конца программы.

Кто скажет, отчего и по каким причинам рождается между людьми взаимная симпатия?

В школе было немало хороших ребят, но Володе больше всех нравился высокий, сильный, очень спокойный и уже немолодой Саша Ильин, группа которого, состоявшая из четырех человек, видимо, также заканчивала подготовку: в школе и на стадионе Подсекин сталкивался с ней при выполнении одних и тех же заданий.

Видимо, и Володя приглянулся Ильину. И хотя ничего особого между ними сказано не было — обстановка в школе к этому отнюдь не располагала, — Подсекин чувствовал, что у него появился надежный товарищ. «Эх, его бы в нашу группу!» — подумывал он, прекрасно понимая, впрочем, всю нереальность этого замысла.

Но тут случилось ЧП, которое все перевернуло самым неожиданным образом.

ЧП произошло в группе Подсекина, во время стрельбы на стадионе «Динамо». Стреляли в тот день из маузера, в обычную грудную мишень. Бумажный лист мишени, конечно, не меняли, а пробоины в нем затыкали обломками веточек.

После того как отстрелялся командир группы, старший из братьев, пробоин в мишени оказалось больше, чем нужно. Под ударами пуль несколько веточек выпало из мишени, и установить результат стрельбы стало трудно. Возник спор, начали вспоминать, где чьи пробоины. Спорили, столпившись у самой мишени.

Командир держал маузер в опущенной правой руке. Разгорячившись, он неосторожно сжал пальцы. Неожиданно всех хлестнул звук выстрела. Командир, отшвырнув маузер в снег, запрыгал на одной ноге, скрипя зубами от боли. Пуля прошла валенок и мякоть правой ноги.

Ранение было незначительным, но что из того: заброска в тыл откладывалась почти на месяц. Командира увезли в госпиталь, а члены группы уныло вернулись в школу.

На следующий день в комнату Подсекина заглянул капитан Рейх. Володя только что провел очередной се-

анс связи с Центром и размышлял над тем, чем ему заняться до следующего.

— Скучаешь? — спросил капитан. — Пойдем ко мне. Познакомлю с хорошими товарищами.

В кабинете Рейха сидели трое из знакомой Володе группы — Саша Ильин, его командир Максим Николаев, человек лет тридцати, с глубоко посаженными глазами и крутыми скулами, и девушка-разведчица Галя. Не было только радиста. Подсекин пожал всем руки и обернулся к Рейху.

— Садись, — кивнул ему капитан. — Сейчас поговорим... Видишь, брат, какое дело. Решили мы в двух группах радистов поменять. Тебя хотим включить в эту группу, а из нее радиста — на твое место. Считаем, что ты лучше подготовлен. А пока твой командир из госпиталя выйдет, мы и ему радиста до уровня поднимем. Ты как, не возражаешь? С этими товарищами раньше в тыл пойдешь...

Подсекин расплылся в улыбке. Опять ему повезло! Улыбнулся и Саша Ильин.

— Чего смеешься? — спросил Рейх. — Согласен?

— Согласен, товарищ капитан, — весело ответил Володя. — Конечно, согласен!

— Тогда товарищи введут тебя в обстановку. Поработай основательно с картой. Парень ты молодой, голова свежая, думаю, что втянешься быстро.

И Володе пришлось снова сидеть над картами, заучивать названия деревень, расстояния между ними, запоминать расположение лесов и болот. Оперативную обстановку ему подробно излагал Саша Ильин. Делал он это, как и все другое, неторопливо и очень основательно. Через десять дней Подсекин доложил начальнику школы, что к выполнению задания он готов. И остальные участники группы подтвердили — да, готов.

Боевое задание они подписывали на Литейном, 4, в кабинете у полковника Михеева.

На машинописном листке был указан район, где им предстояло действовать. Группа забрасывалась на юг Ленинградской области, в глубокий тыл фашистской армии, в район между Лугой и Псковом, в треугольник, углами которого были деревни Сеглицы, Кирилково, Сазоново.

Цель: оперативная разведка двух стратегических магистралей — железной дороги и шоссе, установление связи с местным населением.

В боевом задании были записаны псевдонимы всех

участников спецгруппы и номера, присвоенные каждому для радиосвязи.

Полковник отложил подписанный листок в сторону и негромко заговорил:

— Школа, которая вас обучала, и Центр уверены, товарищи, что вы справитесь с заданием. Хочу вам сказать лишь несколько напутственных слов, подчеркнуть то, что в данный момент, сегодня, представляется мне самым существенным. Главнейшей вашей задачей является разведка. Не увлекайтесь боевой работой: засадами, подрывами, поджогами. Никаких диверсий, если они прямо не обусловлены получением важных разведанных. Умение в нужный момент уклониться от встречи с противником — не слабость, а достоинство. Боевая работа в вашем районе возложена на партизанские отряды и группы. Они будут приходить и уходить, а вам надлежит оставаться... Второе: успех всей вашей работы будет зависеть от того, насколько прочные связи вы завяжете с местным населением. Дело это трудное. Нам известны случаи, когда партизанские группы, находившиеся в густонаселенной местности, буквально погибали от голода из-за отсутствия нужных контактов. Но это дело абсолютно необходимое: без связи с крестьянами, с сельской интеллигенцией, без опоры на них вы просто не сможете работать... Недавно мне пришлось беседовать с одним из наших товарищей, вернувшихся из немецкого тыла. Его, видите ли, весьма обидело одно обстоятельство: к нему очень настороженно отнеслись люди. Контакт с местным населением он так и не нашел, был вынужден переключиться на партизан. Свое задание он в конце концов выполнил, но от его действий на оккупированной территории я не в восторге.

Полковник обвел взглядом сидевших в кабинете, словно проверяя эффект своих слов. Все слушали очень внимательно.

—...Представьте себе такую картину. В деревню врывается партизанский отряд: шапки с алыми полосами, шинели, бушлаты. Люди усталые, небритые, есть раненые. Быстро организуют круговую оборону, вытаскивают пулеметы на крыши, и начинается братание с населением деревни. Упреки высказываются: «Мы кровь проливаем, а ты нам чем помог?» Через час всех, кто выказывал симпатии партизанам, Советской власти, отводят на огороды и расстреливают. Под видом партизан действовал карательный отряд абвера, на вербованный из предателей Родины. Крестьяне хоронят убитых, а «партизан-

ский отряд» уже занимает соседнюю деревню... Так работает абвер. Бандиты они, и методы у них бандитские!.. Я тут не о частном факте говорю. Немецкая контрразведка имеет целый ряд подразделений, маскирующихся под партизан, а действуют они каждый день. Добавьте к этому систему тайных агентов гестапо и СД, выступающих под самыми различными масками, и вы поймете, почему так насторожен крестьянин... Вас тоже цветами не встретят. Вам еще надлежит доказать своими действиями, поведением, заботой о патриотах, что вы действительно советские люди. Докажете — не будет у вас проблем. Ибо сопротивление врагу на оккупированной территории растет. Большой патриотический подъем вызвал разгром немцев под Москвой. Люди хотят действовать, но, как вы понимаете, на удочку гестапо никому попадаться не хочется. Берегите этих людей, берегите связи. Никогда не ставьте их под удар... Вопросы у членов группы есть?

Наступило молчание, потом командир ответил за всех, что вопросов нет.

— Забрасывать вас будем с Большой земли. Так пока диктует оперативная обстановка.— И полковник улыбнулся:— Придется вам отправляться вкруговую...

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Группа была заброшена в тыл врага в марте 1942 года с Волховского фронта, из Малой Вишеры, только что освобожденной от оккупантов.

Когда разведчики на тряском «газике» въехали в город, на станционных путях горели два состава: один — с нефтью, другой — с боеприпасами. Огромные клубы густейшего дыма застилали небо, а звук рвущихся патронов и мин напоминал фронтовую перестрелку.

«Газик», воя мотором, пробирался по разбитой, заплывшей грязью улице. За поворотом разведчики увидели разрушенное бомбой каменное здание с толстыми стенами. Десятка два бойцов разбирали завал, и у стены уже лежали в ряд несколько трупов — в белых халатах и фартуках.

— В пекарню, гад, угодил,— сказал водитель «газика», совсем молодой парнишечка в большой, не по размеру, пилотке, которая сползала ему на уши.

Он выругался, крутя баранку, и, оглянувшись на сидевших на заднем сиденье, вздохнул:

— Ох и дает он нам тут прикурить...

В Малой Вишере находилось много подразделений штаба Волховского фронта, и немцы, сохранявшие преимущество в воздухе, ежедневно перепыхивали с помощью бомбардировщиков маленький деревянный городок вдоль и поперек.

Каждый день ровно в десять утра над Малой Вишерой появлялся первый клин Ю-87, прикрываемый истребителями. Самолеты плыли словно на параде, потом клин начинал с боков разваливаться. Бомбардировщики один за другим входили в пики, роняя тяжелые бомбы, полет каждой из которых был виден совершенно отчетливо.

Дрожала, гудела земля от разрывов, от бешеной стрельбы зениток. Деревянный домик, в котором остановились ленинградцы, ходил ходуном. По приказу командира во время бомбежек все покидали его, укрывались на огороде.

Укрыться, в настоящем смысле этого слова, было невозможно. В городе повсюду нарыли множество щелей и блиндажей, но весенняя вода стояла в них вровень с поверхностью земли. Приходилось выискивать мелкие ложбинки на холодной, мокрой земле и ложиться в них.

В группе все имели боевой опыт, все были блокадниками и пережили в Ленинграде самые тяжелые бомбежки и обстрелы, но такого, как в Малой Вишере, им еще переживать не случалось. Лежать на голой земле под бомбами, испытывая чувство собственного бессилия, крайне неприятно.

Володя и Александр Иванович, как правило, лежали рядом, лицами вверх, наблюдая за воздушной «каруселью». Зенитчики действовали не очень успешно, хотя небо бывало сплошь покрыто белыми облачками разрывов. Гораздо удачнее действовали наши истребители. Но и их в воздушном бою нередко сбивали. И когда, дымя, начинал заваливаться и падать наш самолет, у всех сжималось сердце: как летчик, жив ли, успеет ли спастись? Если вспыхивал на фоне неба парашютный купол, это немного успокаивало.

Малая Вишера так и осталась в памяти участников группы маленьким деревянным городком, сотрясаемым беспрестанными бомбежками. Другой они ее не успели увидеть: последовал приказ, и группа переехала на один из полевых аэродромов.

Аэродром, расположившийся у края леса, был необычным и поразил ленинградцев при первом знакомстве полнейшей тишиной. У самых деревьев под маскиро-

вочными сетками стояли транспортные самолеты, в лесу был заметен дымок от печурок в землянках, но нигде ни души. Капитан, который привез сюда разведчиков и разместил их в одном из блиндажей, сказал коротко:

— Соблюдайте здешний режим строжайшей маскировки. На взлетную полосу днем выходить запрещено, да и вокруг без дела расхаживать не следует. Обживетесь — поймете.

Володя еще со своих армейских времен, которые теперь казались ему давними, привык к тому, что летчики самые веселые и боевые ребята. Но тут, на этом аэродроме, не было слышно ни смеха, ни звука баяна, ни споров при обсуждении воздушных боев. Полная тишина... Только над самолетами на солнечном припеке весь день беззаботно щебетали птицы.

К вечеру аэродром оживал. Механики расчехляли моторы, воздух наполнялся хлопками и ревом самолетных двигателей, синий дым повисал в лесу. Приходили машины с ящиками и тюками, с оружием, с продовольствием, с заранее подготовленными огромными грузовыми парашютами. На закате начиналась погрузка. А когда ложилась вечерняя роса, «совы» одна за другой выкатывались на взлетную полосу и уходили в потемневшее небо.

Люди, работавшие здесь, как заметил Подсекин, были вечно занятыми, деловитыми и неразговорчивыми. Самолеты, улетевшие поздно вечером, редко к утру возвращались на аэродром. Видимо, «совы» базировались на нескольких посадочных площадках.

Участники разведывательной группы были тут не очень заняты. Володя дважды в сутки поддерживал связь с Ленинградом, с Центром. Они провели несколько тренировок по ориентированию в лесу, на незнакомой местности. А в остальное время отдыхали. Группа получала усиленный паек, и это было крайне необходимо: все ее участники страдали блокадной алиментарной дистрофией.

Подсекин, который больше других маялся от бездеятельности, пытался завести дружбу с девушками-зенитчицами. Четыре тщательно замаскированные в подлеске батареи охраняли аэродром. Но и тут дальше беглого знакомства дело не пошло, хотя в Красном Селе на танцевальной площадке Володя-танкист имел славу первого кавалера.

Отдых оборвался внезапно, когда командир группы Максим Николаев ввалился в блиндаж и голосом, в котором звучали нотки торжества, объявил:

— Вылетаем через три часа!

Особых сборов в дорогу не было: все было давно готово, и через три часа они стояли в ряд у борта самолета, а ребята из аэродромной команды натягивали на них парашюты. Рядом стояла и экипировалась другая группа — пять человек, но все мужчины. Ее «сова» должна была выбросить раньше.

Все происходило буднично, просто. Так же буднично, когда самолет уже был давно в воздухе, из пилотской кабины вылез штурман, человек могучей, медвежьей комплекции, и начал выяснять, кто раньше прыгал с парашютом. Обнаружилось, что никто не прыгал.

— Инструктаж все проходили? — спросил штурман и, получив утвердительный ответ, сказал: — Еще раз напомню: кольцо дергать через три секунды после начала прыжка, а приземляясь, ноги держать вместе, крепко. Так?.. Первой группе быть готовой через тридцать минут. Он ушел обратно.

Парашютисты дремали. Странно: несмотря на необычность обстановки, несмотря на сознание того, что совершается полет во вражеский тыл, хотелось спать. Ровно гудели моторы, машина изредка подрагивала, за самолетными окошечками была тьма, как черные чернила.

Линию фронта пересекли под обстрелом с земли. Самолет сильно бросало. Сквозь окошки было видно, как рядом темноту прорезают раскаленные угольки. Потом полет снова стал ровным.

Через полчаса из пилотской кабины показалась полоска слабого света. Вылез штурман, прошел в хвост самолета, на ходу бросив первой пятерке:

— Приготовиться!

Пятеро встали. Тут уже никто не дремал. Штурман открыл бортовую дверь — в самолет ворвался гул моторов, — остановился, выжидая. Над пилотской кабиной дважды мигнула и зажглась лампочка. Штурман крикнул:

— Пошел!

И тут же первый парашютист вывалился в дверной проем.

Подсекин, как и остальные, остававшиеся в самолете, смотрел во все глаза. Когда выбросился последний, штурман тотчас быстро поставил на попа огромный куль грузового парашюта и толчком отправил его за борт.

Все это разыгралось молниеносно. Возвращаясь в кабину, штурман сказал добродушным баском:

— А вам, ребятки, минут через пятнадцать...

Впоследствии каждый из них вспоминал, что в момент прыжка не испытывал страха. Саша по этому поводу резюмировал со свойственной ему прямоотой и точностью: «Первый прыжок — не страшный, потому что реально не представляешь, что это такое. Второй раз прыгать хуже».

Володя нырнул в ревушую мглу за самолетным бортом, словно в омут. Его ударило, швырнуло в сторону, все внутри у него сжалось, но он твердо считал про себя: «Раз... Два... Три!» Рванул кольцо с гораздо большей силой, чем требовалось. Могучий аэродинамический удар на момент оглушил его, а потом он повис под куполом в ночном морозном воздухе.

Гул моторов стремительно удалялся от него. Где-то рядом он скорее угадал, чем увидел, второго парашютиста под куполом. Вероятнее всего, это спускалась Галя.

Внизу была какая-то муть, очертаний местности Володя разобрать не мог. Тут он сообразил, что у него есть время, чтобы подготовиться к приземлению. Он поправил парашютную сбрую, взвел затвор автомата и поставил его на предохранитель, свел ноги вместе и напружинил их. Все как будто бы шло нормально, и Подсекин почувствовал себя уверенно.

Что сейчас внизу — лес, поле или болото, — разглядеть было невозможно.

Володя понял, что приземляется, лишь когда темная земля стала надвигаться на него со стремительной скоростью. «Ноги держать вместе...» Он приготовился, как-то тень промелькнула мимо. Володя ожидал удара, но раздался шумный всплеск, холод охватил его, и он почувствовал, что тонет.

Подсекин действительно тонул. Он не приземлился, а приводнился, угодил в лесное озеро — к счастью, недалеко от берега. Спасло его (тяжело нагруженный, он выплыть бы не смог) то обстоятельство, что парашютный купол зацепился за прибрежные кусты. Беспорядочно барахтаясь, Володя ухватился за натянутые стропы и по ним подтянулся к берегу. Стоя по плечи в воде, откашливаясь и отфыркиваясь, он понял весь драматизм ситуации, в которую попал.

Он выкарабкался на берег, с трудом освободился от постромок парашюта. Сам парашют стащил с кустов и свернул. Проверил автомат, снял его с предохранителя.

Ночь была с морозцем, земля под ногами чуть похрустывала. Володя попытался согреться. Он разделся дого-

ла и, завернувшись в парашютный шелк, начал отжимать белье и одежду. Со стороны это была диковинная картина: ночью, на морозе, на берегу озера сидит голый человек и выкручивает рубашку, с которой льется вода. Но именно с этого началась деятельность разведчика Владимира Подсекина (Попова) во вражеском тылу.

Надевать отжатую, но еще мокрую одежду на таком холоде было мучительно. Но когда Володя все-таки натянул ее, побегал по берегу, попрыгал на месте, появилось ощущение какого-то влажного тепла. Зубы еще непроизвольно постукивали, но Подсекин решил, что жить можно и надлежит действовать. Он спрятал парашют под кучей валежника, определился по компасу. Для встречи с товарищами ему надлежало идти на север, в обход озера.

И он пошел по ночному лесу, изредка останавливаясь и стуча черенком ножа по ближайшему дереву: тук-тук... Потом снова: тук-тук... Володя подолгу прислушивался, но ответа не было, только шумели под ветром кроны деревьев, скрипели ветви.

Утро наступило мглистое. С озер и разлившихся речек в лес напал туман, белый и густой, как молоко. Вскоре он окутал все вокруг, и деревья стало невозможно разглядеть даже в нескольких десятках метров. Володе пришлось двигаться помедленнее. А когда взошло солнце и его лучи начали пробиваться сквозь туман, картина стала совсем фантастической.

Пробираясь дальше, Володя услышал наконец условный сигнал. Где-то вдалеке раздавалось словно постукивание дятла: тук-тук... Потом пауза, и снова: тук-тук... Подсекин продвинулся еще на несколько метров и ответил. Вскоре перед ним в тумане возник огромный колышущийся силуэт лесного великана. Великан, приближаясь, уменьшался в размерах и приобретал реальные черты Максима Николаева с автоматом на груди и вещмешком за спиной.

— Ну, нашелся наконец! — облегченно сказал командир группы. — Сашу не встретил?

— А его нет? — встрепнулся Подсекин.

Николаев отрицательно покачал головой.

— А Галя?

— Галя здесь. Мы с ней быстро встретились. — Максим пригляделся к Володе и спросил с изумлением: — А что с тобой?

— В воду приземлился. Накрыло с головой, — объяснил Володя.

— Ах, черт! Обсушиться тебе надо, а то заболеешь. Погоди, костерок разожжем...

— Не заболею,— отмахнулся Подсекин и постучал себя по боку, по сумке с рацией.— Связь, боюсь, не потеряла ли. Я сумку обсушил кое-как, надо бы получше.

Однако разжечь костер им удалось только через несколько часов. Вначале, рассыпавшись цепочкой, они долго исследовали местность, стараясь определить опасности, которые им могут тут угрожать, и разыскивая пропавшего участника группы и грузовой парашют.

Место было глухим, без признаков недавнего пребывания людей, без старых кострищ, тропинок и того мелкого мусора, который человек неизбежно оставляет в лесу. Длинный полуразрушенный окоп, который попался им на лесном пригорке, был вырыт еще прошлым летом и, видимо, оказался тогда ненужным, потому что никаких следов боя, даже стреляных гильз, тут не осталось.

В разгаре было лесное половодье, низины и овраги залила вода. Их приходилось обходить, а там, где неглубоко, идти вброд. Час за часом разведчики кружили по лесу, по перелескам, но Саши не было нигде. Не находился и грузовой парашют.

Днем они разожгли костер из сушняка, высушили рацию, обсушились сами, открыли две банки консервов.

— Куда ж он мог пропасть?— рассуждал Володя.— Галя, Саша за тобой шел. Ты его видела в воздухе?

— Да, парашют раскрылся. Все было в порядке.

— Так куда же он мог деваться? Ведь прочесали все вокруг. Не иголка же...

Максим, бросив в костер пустые консервные банки, сказал:

— Уходить отсюда нельзя. Будем искать до тех пор, пока не найдем. Живого или мертвого.

Поиски до конца дня так и не дали никаких результатов. Спать разведчики легли в ту ночь без костра, под большой раскидистой елкой, тесно прижавшись друг к другу. Половину ночи охрану нес Максим, половину — Володя.

Саша нашелся на следующий день. Он вышел из-за куста прямо на Подсекина и сказал на удивление будничным, обыкновенным голосом:

— Ну, нашлись наконец пропавшие души. Вторые сутки вас ищу. Куда вы подевались?

— А мы считаем, что ты пропал,— ухмыльнулся Володя.— Всю местность вокруг прочесали. Как у тебя, все в порядке?

Тут только он заметил, что Саша опирается на тяжелую палку.

— Парашют подвел...

Оказалось, что его парашют при раскрытии не выдержал аэродинамического удара, и одно из полотнищ лопнуло. Поэтому снижение происходило с гораздо большей, чем хотелось Иванову, быстротой. Приземляясь, он сильно ударился о землю и повредил правую ногу.

— Покажи... — сказал Максим. — Согни... Назад... Так — больно? Наступи... — и, выпрямляясь, заметил: — Вывих.

— Передвигаться могу, но медленно, с помощью палки, — сказал Саша.

— Грузового парашюта не находил? — спросила его Галя.

— Вряд ли он найдется. Не раскрылся. Только мелькнул вслед за мной.

— Пусть — разбитый, но на земле найдем, — возразил Максим.

Иванов покачал головой.

— Я в том районе все исползал. Нет его. Видимо, угодил в большое озеро.

Николаев присвистнул:

— Попов — в воду, груз — в воду, Ильин — на одной ноге. Ну и ситуация складывается для начала...

Потеря была тяжелой. В мешке грузового парашюта находились основной запас продовольствия, боеприпасы, медикаменты, одежда, резервный комплект батарей для радиации. Теперь разведчики могли рассчитывать лишь на то, что было в их вещевых мешках.

Но, так или иначе, группа собралась, и ей надлежало приступить к выполнению боевой задачи. Николаев отдал приказ о ночном переходе к месту будущей постоянной базы.

Места, где им надлежало на длительный срок обосноваться, крестьяне издавна называли Валдаем, или Валдайскими лесами. Это были сотни квадратных километров «пересеченки», отчасти сильно заболоченной, перемежающейся песчаными буграми, отчасти покрытой сосняком, березой, осиной.

На этой площади умещалось несколько лесов, самый большой из которых — Савин бор — тянулся через весь Валдай, упираясь на юге и на севере в труднопроходимые топи и болота.

Место базирования группы было выбрано удачно во многих отношениях. Глухая «пересеченка» с болотами, че-

редование сухих песчаных бугров и топей давали возможность хорошо замаскироваться, выбрать удобный путь отхода в случае опасности. Валдай со всех сторон окружали деревни, в которых, завязав необходимые связи, можно было получать как разведывательную информацию, так и продовольствие.

Наконец — главное: Савин бор был расположен на одинаковом расстоянии от двух главных объектов, на которых предстояло работать разведчикам, — железной и шоссейной дорог Псков — Ленинград. Обе эти дороги имели для разведки первостепенное значение, ибо были магистральными коммуникациями, по которым снабжались фашистские армии, блокировавшие город. По характеру техники, войск, грузов на этих дорогах Центр, а затем и командование Ленинградского фронта могли судить о самых глубоких стратегических замыслах гитлеровцев.

Собственно базу — полушалаш-полуземлянку — разведчики решили заложить на самом краю Савина бора, у болота. На ее сооружение ушло несколько часов. Маскировкой ее занялся Иванов, который передвигался с большими усилиями, скрывая боль. Остальные ушли на задания: Подсекин — на железную дорогу, Никитин — на шоссейку, Галя — на разведку в деревни. Поздно вечером Володя связался с Центром, доложил шифром, что группа приступила к регулярной работе, и передал первые разведывательные данные.

Пока они еще только привыкали к местам, где им надлежало действовать, к ритму работы, к ее условиям. Разведчики проходили ежедневно по лесам и болотам десятки километров, часами лежали в «секретах», кружили вокруг деревень, изучая подходы к ним, вслушиваясь в обрывки русской и немецкой речи. Одежда и обувь не просыхали. Круглосуточно велась охрана базы и подходов к ней, спали урывками, без костра.

Иванов, как только опала опухоль на ноге, стал тоже выходить на задания. Ходоком он был отменным, успевал многое, и разведывательная работа начала продвигаться быстрее.

Удачно все складывалось. Группа видела, что называется, в упор оккупантов, их поезда, машины, технику, а те пока не подозревали о существовании разведчиков. Это само по себе было успехом. Но участники группы понимали, что успех этот временный, поскольку приближается опасность неотвратимая.

Как-то под вечер, когда все собрались на базе и со-

гревались у костра, тлевшего в центре шалаша-землянки, Николаев произнес со вздохом:

— Подсчитаем точно продовольствие.

На еловые жерди выложили оставшиеся консервные банки и сухари. Банок с консервами оказалось четыре, сухарей — тридцать один с половиной.

— По самым строгим блокадным нормам, — сказал командир, — на две недели. — Потом, окинув взглядом горку продовольствия, уточнил: — Нет, на две недели не хватит. На десять дней...

Все четверо грели руки над углями.

— Ну, — сказал Максим, — какое принимаем решение? Разберем все варианты. Самое простое — вызвать Центр, объяснить наше положение и попросить «сову»... Как?..

Первым покачал головой Подсекин.

— Не годится этот вариант. Во-первых, слишком дорога цена такой посылки. Любой рейс «совы» опасен как для той стороны, так и для нас. Во-вторых, сброс с самолета — дело ненадежное. Можем и второй грузовой парашют не найти. В-третьих, на ленинградском пайке мы все равно долго не просидим. Да и стыдно это. Полагаю, «сову» следует вызывать только в самом крайнем случае. Пока такой необходимости нет.

— Как остальные думают? — спросил Максим.

— Володя правильно говорит, — ответил Иванов.

Галя кивнула.

— Согласен, — сказал Максим. — Значит, продовольствие надо брать на месте. Можем «тряхнуть» старосту или полицая в какой-нибудь деревне.

— Шуметь нам рановато, — сказал Саша. — Пока еще не очень надежно тут сидим. Если немецкая контрразведка в группу вцепится, замотают нас каратели.

— А если без шума «тряхнуть»? Погреб у него мы можем и ночью очистить.

— Нет, — возразил снова Иванов. — С такой славы нам начинать не годится.

Все долго молчали. Молчал и командир, которому принадлежало последнее слово.

— Хорошо, — наконец сказал Максим. — Значит, надо по-настоящему входить в контакт с местным населением, искать патриотов и на них опираться. Думал я, что мы еще немного обживемся... Но если обстановка требует другого, так и поступим.

С первого дня группа вела разведку в ближайших деревнях. Разведчики уже знали с большой степенью до-

стоверности, где и какие немецкие группы стоят, где — лучше или хуже — несут охрану полицаи, когда и на каких дорогах можно встретить крестьян, пешком или на лошади. Теперь они перебирали вариант за вариантом, пока не остановились на окончательном, в котором главную роль должен был сыграть пастух из деревни Жупаново, парень, выгонявший рано утром нескольких коров на луг у самого края леса.

И вот однажды, когда стадо паслось на обычном месте, а пастух бродил, пощелкивая кнутом, вдоль края леса, из-за деревьев к нему вышли два человека. Оба — с автоматами, но оружие было не наготове, а за плечом.

Опустив кнутовище, парень замер, глядя на подходивших к нему людей. Он смотрел на них исподлобья, ничем не выдавая своей тревоги.

В свою очередь Иванов и Подсекин приглядывались к пастуху. Парень был одет в ветхий ватник, драные резиновые сапоги и старую меховую шапку. Он тупо глядел на Сашу и Володю, которые подошли к нему уже вплотную.

— Здорово, пастух, — сказал Володя.

— Здравствуйте... — ответил неторопливо, без выражения парень.

— Один пасешь или в очередь?

— Всегда...

— Ты из Жупанова?

— Из Жупанова.

— Немцы в деревне есть?

— Не...

— А полицаи?

Парень молчал, глядя в землю, а потом тихо ответил:

— Не знаю...

Разведчики переглянулись.

— Как тебя зовут?

— Василий.

— Ты партизан видел, Вася?

— Не...

— Ну, так мы и есть партизаны.

Пастух не поднимал головы. Однако Саша успел заметить, что парень окинул их цепким, оценивающим взглядом. «Эге, — подумал Иванов, — да ты, братец, не так прост, как хочешь показаться».

Володя достал из кармана сложенную в несколько раз «Ленинградскую правду». Эти газеты им привезли перед самым вылетом. Настоящая ленинградская газета

с недавним числом могла послужить в случае надобности своеобразным паролем.

Парень побледнел, газету он не брал.

— Возьми, разверни! — приказал Володя.

С видимой неохотой пастух взял газету, начал просматривать ее. Потом поднял голову и в упор стал разглядывать разведчиков.

Саша и Володя ждали.

Тут они заметили, что парень вовсе не туповат. Взгляд у него оказался острым, хитрым. Пастух почесал затылок и спросил вполголоса:

— Что надо?

— Хлеба сможешь принести?

Парень опять полез рукой в затылок.

— Не задаром, Вася, — быстро сказал Володя. —

Дадим тебе кусок шелка. Внакладе не останешься.

Эти слова были также необходимы. Простая меновая торговля была широко распространена на оккупированной территории. И пастух получал возможность в случае чего оправдаться: польстился, мол, на кусок шелка, предложили незнакомые люди, а партизанам-де никогда не помогал и ведать ничего не ведаю.

— Шелк есть? — ухмыльнулся пастух. — Тогда — принесу.

— Завтра сможешь? Встретимся на том же месте в это же время. Будь здоров, Василий...

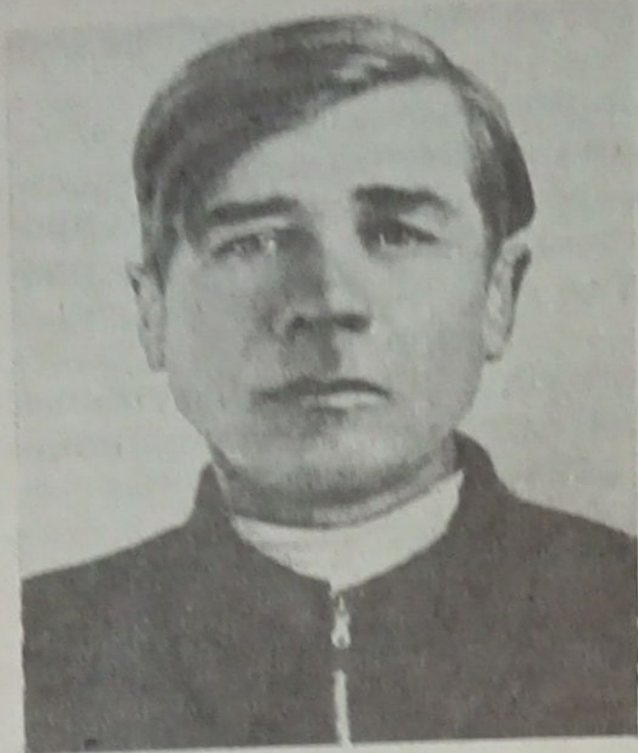
На следующий день встреча с пастухом была обставлена как важнейшая операция. Володя вышел к лугу еще ночью. Максим и Галя проверили все подходы к месту встречи, убедились в отсутствии засады. Саша скрытно сопровождал стадо с пастухом от самой деревни, следя за тем, чтобы не появился «хвост».

Ничего подозрительного не было замечено. Пастух неторопливо гнал стадо, изредка поправляя рукой холщовую суму на шее.

Не подвел Вася из деревни Жупаново. Он передал Володе буханку хлеба и три десятка крупных вареных картофелин. Подсекин дал ему большой кусок парашютного шелка, и пастух засмеялся:

— Важный товар! Сообрази, что со мной будет, если я из него рубашку сошью да на деревню выйду? А? Ладно, пока спрячу.

В дальнейшем этому парню не суждено было сыграть заметной роли в той работе, которую развернули разведчики. Но запомнился он им больше многих других: Василий был первым, кто пришел на помощь. И еще

«Дядя Миша» и «тетя Паша» — Михаил Никонович и Прасковья Григорьевна Изотовы, первыми ставшие помощниками разведчиков на оккупированной территории.

Елизавета Андреевна Ефимова.

Конкордия Ивановна Куницына
(Дина).

трижды выходил он к лесу, доставляя хлеб разведывательной группе.

Затем удалось установить прочную связь с семьей Изотовых из той же деревни. Михаил Никонович и его жена Прасковья Григорьевна, родители шестерых детей, были настоящими советскими патриотами. Они делились с разведчиками всем, чем могли, обеспечивали группу ценной информацией, выполняли ее поручения в Стругах Красных, получали и распространяли сводки Советского Информбюро. Фактически через Изотовых, через «дядю Мишу» и «тетю Пашу», устанавливались все остальные связи, которые привели к созданию подпольной разведывательной организации.

От Изотовых ниточка связи протянулась к Зине и Тоне Герасимовым в Новые Горки, от них — к учительнице Елизавете Андреевне Ефимовой, к Мише Селиверстову из деревни Лучкиной, к старосте этой же деревни Якову Елисееву и его жене Анне.

Процесс создания подпольной организации напоминал то, что мы сейчас называем цепной реакцией. У каждого патриота был круг родственников, друзей, единомышленников, которые ненавидели оккупантов, искали связи с партизанами.

Разведчики внимательно присматривались к каждому своему новому союзнику. Заходя за продовольствием, оставляли сводки, беседовали о разных делах и событиях. Потом следовала просьба: «Будешь на станции, узнай, какие части ее охраняют...», или: «Узнай, в каком доме находится гестапо. Далеко ли от него до тюрьмы?»

Такие просьбы-поручения давались одновременно двум, трем, четверем людям. Ответы их тщательно сверялись и перепроверялись. Иначе нельзя: вотрется в дело гестаповский провокатор или агент СД — тогда конец.

Месяц за месяцем росла и укреплялась подпольная организация, созданная разведчиками, охватывая деревни и села двух районов — Стругокрасненского и Плюсского. Большую поддержку стали оказывать группе сельские учителя: Иван Андреев из Сеглиц, Антонина Рейх из Сазонова, Елизавета Ефимова и Нина Иванова из Горок, Екатерина Ефимова и Мария Петрова из Букина.

Были в деревнях семьи, все члены которых приходили в случае необходимости на помощь группе. Если, к примеру, разведчики просили узнать о размещении эсэсовских и карательных подразделений семейство Исако-

вых из Сазонова, то просьбу могли выполнить и глава семьи Петр Андреевич, и его дочери Антонина и Зинаида.

Один из домов в деревне Лоховой разведчики в шутку прозвали «колхозным двором». В нем жила группа женщин, которых война случайно забросила в эти места, «переселенок», как их тут называли. И все они — Даша Сергеева, Нюра Советникова, Евдокия и Валентина Дмитриевы, Евгения Советникова, Александра Салакина — стали связными и помощниками разведгруппы.

Люди знали, на что они шли, знали, чем им грозил провал. Во всех деревнях были расклеены распоряжения и приказы комендатуры: «За помощь партизанам — расстрел со всеми членами семьи». И тем не менее люди предоставляли разведчикам любую помощь, какую только могли, делились с ними куском хлеба, одеждой и обувью.

Ненависть к врагу была сильнее угрозы смерти. Что заставляло, например, молодую учительницу из Погорелова Конкордию Куницыну выходить на связь с разведгруппой? В самом Погорелове — крупный немецкий гарнизон, рядом, в Ретенях, стоят полицаи. Но Конкордия (Дина) всегда была на месте в срок и все задания выполняла точно и смело.

В середине лета разведывательные данные поступали на базу в Савином бору практически из всех селений двух районов. Их передавали местные крестьяне, переселенцы, работники железнодорожных станций и даже бывшие дачницы, ленинградки, которые вместе с детьми, не успев эвакуироваться, оказались за линией фронта.

Всех их приходилось учить в какой-то степени разведывательной работе, конспирации. Связь разведчики организовали с помощью «цепочек» из особо надежных людей. Письменные сообщения передавались из рук в руки и достигали «почтовых ящиков» — малоприметных тайников в лесу или доставлялись в условленные места, где связных встречал один из участников группы.

Работать разведчикам, с одной стороны, стало легче: есть продовольствие, есть много способов укрыться от карателей, а с другой — труднее: увеличился объем информации и появились сложные и широкие связи.

Весьма возрос в группе авторитет Саши, Александра Ивановича. Максим стал поручать ему почти все сложные операции. А поскольку Саша и Володя были большими друзьями, то, как правило, и действовали вместе. Работоспособность, твердый характер Саши, его умение анализировать самые сложные ситуации дополнялись

отчаянной смелостью, энергией и быстротой действий Володи.

К августу у них появились первые сведения о том, что местная комендатура и гестапо обеспокоены деятельностью разведчиков. Некоторые «выходы» в деревни оказались засеченными. «Дядя Яша» Елисеев, к которому они в очередной раз зашли, сообщил:

— Приказано всем старостам и полицаям немедленно сообщать о вашем появлении, организовывать на вас засады. Обещают за вас крестьянству премию.

— А дорого ценят? — засмеялся Саша.

— Известное дело — двадцать соток и коровенка.

— Мало дают!

— Что мало, то мало, в гроб им кол, — согласился Елисеев.

— Ну, ладно, дядя Яша, не горюй, — сказал Александр Иванович. — Дай-ка нам своей махорочки, и мы пошли. А ты поезжай в комендатуру, доложи, что, мол, люди, которых вы ищете, в моей деревне были.

— Да ты что?! — обиженно взорвался Елисеев.

— Тихо, дядя Яша! Я не шучу. В деревню мы вошли открыто. Если нас какой-нибудь «тайник» засек, гестапо тебя прижмет. Понял? Поэтому ты сейчас сам к ним поедешь. Расскажешь, что, мол, грозили оружием, хлеб забрали. Придумай что-нибудь пострашнее. Пусть каратели приезжают сюда. Только отправившись ты их аккуратно в другую сторону, на болота.

— Ага, — согласился Елисеев. — Так-то, пожалуй, можно и доложить.

— Ну вот и доложи! — рассмеялись Александр Иванович и Володя.

Вскоре они выяснили, что в гестапо их считают разведывательной группой одной из партизанских бригад. Немцы решили, что командиром является Рыжий, то есть Володя, ярко выраженный блондин. Можно сказать, что тут они ошибались не одни. Рыжий — было нечто вроде деревенской клички для Володи, и многие крестьяне, которые сталкивались с разведчиками, тоже считали его командиром. Подлинных целей группы и ее организации разведчики не раскрывали даже самым доверенным людям. В их глазах они были просто партизанами.

Пытаясь поймать «группу Рыжего», комендатура организовала в деревнях несколько засад. Но разведчики, заблаговременно предупрежденные своими людьми, от встречи с ними благополучно уклонялись.

Во многом им помогла тщательно продуманная система оповещения. В деревнях надежные люди выставляли сигналы для группы. Простыня или подушка, повешенные на заборе, шест, прислоненный к амбару, сноп соломы, открытая дверь сарая и другие ничего не говорившие постороннему глазу мелочи означали на условном языке целые фразы: «Осторожно — засада!», «В деревне каратели и полицаи», «Гарнизон ушел».

Так группа продолжала работать до поздней осени. Когда землю тронул зазимок, стали думать о выходе на Большую землю. Но Центр соответствующего приказа не отдавал. В начале ноября выпал первый снег. К ноябрьским праздникам из Центра пришли поздравления всем участникам группы, приветы от семей и пожелания хорошей работы. Видимо, оперативная обстановка складывалась так, что деятельность группы в этом районе оставалась крайне необходимой.

Ноябрьские праздники встретили в Пашкове у старосты, тоже своего человека. Староста съездил в Псков, выменял на продукты у немцев две бутылки коньяку. Им и отметили годовщину Октября, отогрелись в доме.

Сидя спиной к горячей печке, Подсекин рассуждал: — А сработали мы тут все-таки нормально. А, Саша? Ведь кругом свои... За исключением Кириллкова, конечно. Но ты мне объясни, что это за треклятая деревня? Сколько с ней бьемся — никаких подходов нет... Или там люди живут другие, что ли?

— Такие же люди, — отвечал сквозь дрему Александр Иванович. — Только староста их держит в кулаке, а мы пока с ними контакта не нашли. Погоди, еще и Кириллково «разработаем».

Но «разрабатывать» Кириллково уже не пришлось. Через неделю пришел приказ Центра — работу по рации прекратить, базу и связи законсервировать, выходить через линию фронта к своим, на Большую землю.

На базе навели идеальный порядок, даже дров запасли для тех, кому, может быть, придется на ней работать. Передав последнюю шифровку, Володя обернул рацию в брезент и закопал ее в сухом песчаном бугре под густой елью.

Группа пошла «на выход». Наступала зима, а до линии фронта было 300 километров, и на этом пути они перенесли, казалось, все, что только может выпасть человеку.

Наметили маршрут — Клин, Дно, Сольцы, Уторгош, Лебедь, Барские Кулички. Вскоре кончилась карта-ки-

лометровка, пришлось идти по пятикилометровке. Выяснилось, что Максим Николаев с ней работать не мастак. Порядочно поплутали, а потом руководить выходом пришлось практически Александру Ивановичу. Максим только рукой махнул:

— Давай, Саша, выручай. Не получается у меня. Видать, к масштабу не привык.

Погода была то дождь, то снег, то мороз. В снегу и ночевали. Продовольствие кончилось, а «подзаправиться» было негде: шли по «чужой» земле. Нарывались на немецкие посты, на карателей. Отстреливаясь, уходили в лес. Отстреливаться приходилось едва ли не каждые сутки. И они уже так к этому привыкли, что безошибочно различали меткий, прицельный огонь немецких солдат, беспорядочную, но довольно опасную стрельбу карателей, пальбу полицаев из так называемых «отрядов самообороны».

Когда голод прижал окончательно, Володя и Галя пошли-таки «подзаправиться» в ближайшую деревню.

Деревенька им попалась мирная, тихая, заснеженная, с дымками из труб. По прогону от деревни ехал парнишка на телеге.

С удовольствием глядя на эту картину из-за кустарника, Володя сказал:

— Галя, так я пойду с мальчишкой потолкую.

— Ладно, — откликнулась девушка. — А я пока портянки перемотаю.

И она присела на снег.

Володя спокойно вышел на дорогу навстречу лошади. И тут, точно его ждали, из деревни ударила длинная пулеметная очередь. К счастью, на краю дороги стоял большой заснеженный валун. Володя мигом завалился за него, стянул с головы кепку и, надев ее на ствол автомата, поднял над камнем. Тотчас несколько пуль просвистело рядом, а одна пробила кепку.

«Метко, черт вас побери!» — деловито подумал Подсекин и ползком перебрался в кустарник. Галя едва успела надеть сапоги на босу ногу. И так, с портянками в руках, где бегом, где ползком, они выбрались к своим. Группа немедленно снялась и стала быстро уходить в глубину леса.

У железной дороги, которую им предстояло перейти, встретились с группой партизан из отряда Грозного, которая также шла к линии фронта на выход. Партизан было восемь человек, измотанных, изголодавшихся. Один — раненый. Решили пробиваться вместе.

Действительно, чего только не было на этом пути! Однажды они обнаружили, что находятся на минном поле. Цепочка остановилась. Да как идти, когда не знаешь, куда ногу поставить? Стояли, думали, что делать. Подсекин подсказал:

— Мины кругом, и раз все равно, в какую сторону идти, предлагаю вперед. Я пойду первым. Держите от меня дистанцию. Идти только след в след.

Он двинулся вперед. За ним, метрах в пятидесяти, — остальные. Они осторожно шагали по следам, оставшимся на снегу.

Трижды переводил таким образом Подсекин группу через минные поля. И только раз ему не повезло: зацепил за проволочку мины-«путанки». Ахнул взрыв. Но, видимо, под счастливой звездой родился Володя: его лишь оглушило да шальной осколок пропорол ему рукав телогрейки.

В последних числах ноября тяжело простудился, заболел Александр Иванович. Ночью, в снегу, он надрывался от кашля, горел. Володя с тревогой следил, как отекало его лицо. Саша не жаловался, но нетрудно было понять, что держится он только огромным напряжением воли.

Пасмурным зимним днем, когда мягкий снежок, падая, застилал округу, Володя шел предпоследним в цепочке, Александр Иванович — замыкающим. Иногда Володя слышал за спиной хриплое дыхание товарища. Устало шагая по снегу, он задумался, а потом вдруг встревоженно оглянулся назад. Позади никого не было, только темнела пробитая в снегу тропа.

— Стой! — передал он по цепочке. — Всем остановиться!

И пошел назад по тропе. Александра Ивановича не было. Он нашел его метрах в трехстах, за поворотом. Саша лежал неподвижно на снегу. Рядом Подсекин увидел приготовленный пистолет.

— Ах, Саша, что ты придумал?! — Володя бросился к нему, закинул его руку к себе на шею. — Вставай. Надо идти. Надо продержаться.

Тяжеловат был Александр Иванович, но Володя все-таки поднял его, и, покачиваясь, они побрели по тропе вместе.

На привале Подсекин высказал группе свое мнение: хочешь не хочешь, а надо заходить на отдых в какую-нибудь деревню. Рискованно? Да, риск большой. Но дру-

гого выхода нет — без отдыха люди погибнут, не добравшись до линии фронта.

Сориентировались по карте. Самой близкой оказалась небольшая деревня Абрамково. Решили выходить на нее. Вышли, долго наблюдали за деревней. Ни немцев, ни полицаев не было видно. Выбрали дом, который выглядел позажиточней, — в нем должен был жить староста. Оставили партизан в качестве прикрытия и пошли в деревню.

Дом они угадали верно. Встретил их староста, здоровенный мужик, заросший бородой до самых глаз. Он не выказал ни страха, ни смущения, а стоял и спокойно глядел на вооруженных людей, которые вошли в его избу.

— Ты староста? — хрипло спросил его Александр Иванович.

— Я.

— Дай нам поесть.

Староста немного помедлил, а потом крикнул баском в соседнюю комнату:

— Мать, иди сюда! Людей надо покормить.

Вышла немолодая женщина в платке, молча поклонилась и полезла за печь, застучала чугунами. Староста, окинув разведчиков взглядом, промолвил:

— Садитесь. Чего ж так стоять...

Они расселись по лавкам, держа оружие наготове. В избе было тепло, и от этого всех неумолимо потянуло в дрему, в сон.

Странный звенящий звук проник в избу. Староста насторожился, потом быстро пошел к окну, стал вглядываться в промерзшее стекло и, обернувшись назад, бросил:

— Прячьтесь! Немцы.

Все сорвались со своих мест. Но уходить было некуда, и Володя успел только сквозь зубы предупредить:

— Ну, староста, смотри...

С грохотом и звоном у избы остановился немецкий бронетранспортер. Володя, скрывшийся за занавеской у печи, где стояла кадушка и лежал черпак с длинной ручкой, отчетливо услышал, как хлопнула железная дверца, услышал чужую речь.

Несколько немцев с переводчиком ввалились в избу и стали выяснять у старосты, как проехать на какой-то лесоучасток. Говорил переводчик, говорили немцы. Кто-то из них весело произнес: «Партизанен... Пиф-паф!» — видимо, обращаясь к старосте, и все захохотали.

ли. Володя держал палец на спусковом крючке автомата, мысли у него прыгали. «Продаст староста или не продаст?» Потом он взглянул на кадушку. «А если кто-нибудь захочет воды?»

Но загрохотали сапоги к выходу, хлопнула тяжелая дверь, и в избе стало тихо. У Володи на лбу выступили крупинки пота, он понял, что староста вместе с немцами вышел на улицу. Лево́й рукой нащупал в кармане гранату-«лимонку», продел палец в кольцо чеки. Если солдаты ворвутся в избу — придется поднимать их на воздух вместе с собой.

Заревел на улице мотор, загрохотали гусеницы, и бронетранспортер покотился прочь. Скрипнула дверь, слышались шаги старосты. Остановившись посредине комнаты, он неторопливо сказал:

— Выходите. Уехали.

Откинув занавеску, Володя шумно вздохнул и произнес:

— Ну, молодец, старик, спасибо.

Староста, словно не обращая внимания на эти слова, продолжал:

— Баню сегодня истопим. Надо вашего попарить, а то он богу душу отдаст.— И он кивком головы указал на Александра Ивановича, который вышел из соседней комнаты и стоял, заметно покачиваясь.

Через несколько часов они яростно парились в жаркой бане. Жена старосты накормила их, напоила Александра Ивановича малиновым отваром. К утру температура у него спала.

Староста дал им с собой хлеба, картошки, кусок соленой свинины. Подсекину он принес галоши, чтобы тот натянул их на совершенно разбитые сапоги. Когда Володя хотел поблагодарить его, бородач только отмахнулся:

— Чего нам с тобой считаться! Все мы — русские люди.

На подходе к линии фронта их застигла метель. Несколько раз они теряли друг друга, опять собирались вместе, натыкались на немецкие посты. В перестрелке был серьезно ранен еще один партизан. Оба раненых были крайне слабы, приходилось тащить их на себе.

Когда метель утихла, группа оказалась на берегу реки Ловати, там, где, по расчетам разведчиков, должна была проходить линия фронта. Однако фронта тут не было, стояла полная тишина. В ложине залегли на дневку.

— Сегодня переходить не будем,— предложил Максим.— Надо определиться. А то влезем прямо в какую-нибудь немецкую часть.

— Еще сутки раненые не выдержат,— возразил Александр Иванович.— Надо двигаться.

Посоветовались. Пошли вдоль Ловати, потом перешли дремавшую подо льдом реку и углубились в редколесье. Часа через четыре вышли на берег озера, тянувшегося далеко вправо и влево. На противоположной стороне просматривались какие-то занесенные снегом блиндажи, был заметен синий дымок.

Долго вглядывались в противоположный берег. Вечерело.

— Не похоже на немцев,— заметила Галя.— А вдруг — наши?

— Может, и наши,— согласился Максим.— А в обходку — далеко. Сегодня не дойдем.

— Ладно. Я пойду напрямую,— предложил Володя.— Все равно проверить надо. Не обстреляют — значит, наши.

Под пронизывающим морозным ветром он пополз по льду к противоположному берегу. Озеро пересек благополучно, стал осторожно подниматься наверх, увидел штабель свеженаколотых дров, вход в блиндаж, а возле него — часового, нашего солдата, который потапывал каблуками на морозе.

— Братишка!.. Свои идут...— прохрипел Володя и, внезапно потеряв остаток сил, сел в снег.

Люди, сбегавшиеся по тревоге, с удивлением смотрели на странного человека в кепке и в галошах, обмороженного, который сидел в сугробе, уронив голову.

Группа вышла в расположение нашей минометной части, стоявшей аж в двадцати километрах от линии фронта. Раненых немедленно отправили в госпиталь, остальных минометчики обогрели, накормили, переодели. С экипировкой вышел казус: новые сапоги никому не лезли — ноги распухли, так что некоторое время пришлось шеголять в опорках.

Отдохнув, партизаны ушли в разведотдел, а разведчики, получив у особистов временные удостоверения личности, выехали в Хвойную, где в то время находилась одна из баз Ленинградского управления гособезопасности. Здесь им дали еще отдохнуть, подлечили Александра Ивановича, который кашлял так, что казалось — у него верхушки легких отлетят. Затем четверке выписали командировочные предписания в Ленинград.

Все они не обратили внимания на то, что по командировочным предписаниям направлялись в Ленинград... на отдых. В общем, это было отчасти правильно, справедливо. Однако строка в документах обернулась для них на Ладоге совершенно неожиданным препятствием. Комендант переправы, просмотрев документы, вернул их разведчикам:

— Ждите. Когда смогу отправить вас — не знаю.

— Почему? — удивился Максим.

— В первую очередь отправляем людей и грузы на фронт. Вы едете на отдых. Можете подождать.

— Сколько же ждать?

— Думаю, долго.

— Да это ж так написано... — загорячился Володя. Комендант поднял ладонь.

— Я верю вашим документам. Горячиться не надо. Мы тут таких притких видим каждый день сотнями. Идите.

Растерянные, они вышли из деревянного домика на улицу.

— Ну и попали! — рассмеялся Володя. — Комендант, конечно, прав, но и нам ехать надо. Придется проявлять инициативу.

Трое суток просидели они на переправе, уламывая неуступчивого коменданта, разговаривая с начальниками автоколонн, шоферами. И только после этого сумели устроиться на попутную машину.

29 декабря они рапортовали в управлении полковнику Михееву, что боевое задание, полученное девять месяцев назад, выполнено. Все они были измотанны, но счастливы.

Никто из четверки, конечно, не мог и предполагать, что первый рейд во вражеский тыл был для них своеобразным испытанием, показавшим, кто к чему пригоден, подготовкой к новому, гораздо более значительному заданию.

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЕ

Пока группа находилась во вражеском тылу, спецшкола в Ленинграде перебазировалась на другое место. Теперь она находилась в Лесном и занимала несколько двухэтажных домиков дачного типа. Наружной охраны, как и раньше, не было, но если кому-нибудь надо было пройти в один из домиков, то он быстро убеждался, что

дверь на замке и попасть внутрь можно только с помощью дежурного, который ее открывал.

В школе Александр Иванович и Володя из старых знакомых первой встретили сестру-хозяйку Веру, добродушную, обычно молчаливую женщину, которая обрадовалась им, как родным.

— Вернулись?! Нормально?.. Ну молодцы!

Вера радостно теребила их за рукава. Всех она знала в этой школе, все, один за другим, уходили в немецкий тыл. А вот возвращаться удавалось не всем...

Обрадовался им и капитан Рейх.

— Пожаловали наконец, — весело заговорил он. — Покажитесь-ка. Хороши! Как говорят, похудели, возмужавато... Давно знаю, что вы в городе. Все жду, что появитесь. Усаживайтесь.

Они уселись в его кабинете, и разговор между ними теперь пошел, так сказать, на равных, товарищеский. Потому что Александр Иванович и Володя были «там» и «оттуда» вернулись.

— Теперь, значит, командиром группы пойдешь? — спросил Рейх Александра Ивановича, когда закончился первый обмен новостями.

— Приказано командиром.

— А район?

— Пока примерно тот же, если только задание не изменят.

— А Володя, значит, замом?

— Замом.

— А радистом опять не хочешь пойти? — прищурился Рейх. — Пошел бы ты, Володя, опять радистом.

— Ну нет, — рассмеялся Подсекин. — Один раз я уже эту повинность отбыл. Дайте отдохнуть. Ведь только там начинаешь понимать, что такое для группы радист. Говорят, что ответственность не весит. Еще как весит! Ведь каждую минуту помнишь, что отвечаешь за рацию, за связь. Ну его... Нет лучше, чем идти рядовым бойцом.

— Ну, рядовым-то тебя никто не пошлет, — улыбнулся Рейх. — Легкой жизни хочешь! Теперь придется тебе командовать.

Так они шутили, пока Александр Иванович не попросил Рейха помочь ему подобрать группу. Капитан развел руками:

— Выбирай сам. Так сложилось, что сейчас в школе только молодежь. «Старики» все в работе. Те, что вернулись, снова на задания ушли. Ну, а кто не вернулся... —

он вздохнул, — тем память вечная... С молодым поколением ты сам познакомишься. Что о них можно сказать? Возраст — семнадцать-восемнадцать лет. С одной стороны, вроде бы жениться можно, а с другой — военную лямку тянуть, да еще в нашем деле, им трудновато. Физических силенок не хватает. Все, естественно, блокадники, дистрофики. У одних отцы на фронте, другие родителей, родственников здесь потеряли. Блокада их многому научила. Отбор был тщательным. И народ это, я бы сказал, неплохой, шустрый и даже отчаянный...

Александр Иванович и Володя поселились в одном из домиков, в комнате на втором этаже. Пока они готовились к будущему рейду за линию фронта вдвоем. Задание намечалось более широкое, более сложное, чем раньше, и работы им хватало. Однажды, подняв голову от карт, Подсекин спросил:

— Слушай, Саша, тебе не кажется, что на фронте происходит что-то необычное?

— Почему так думаешь?

— Да вот сегодня в управлении... Какой-то особый у людей настрой. Необыкновенно все веселые. Словно праздник наступил.

— Гм, — задумался Иванов. — Я заметил, что многих нет на месте. Видимо, какая-то операция идет. Да ладно, возможно, со временем узнаем.

О том, что происходило в эти дни, они, как и сотни тысяч других людей, не находившихся непосредственно на фронте, конечно, и догадываться не могли. А между тем разворачивались события, в результате которых произошел коренной перелом в истории блокады города.

28 декабря, в тот самый день, когда разведчики, выполнив задание, переезжали наконец через Ладогу в Ленинград, в штаб Ленинградского фронта поступила кодированная телеграмма Ставки: «Ефремову, Афанасьеву, Леонидову. Ставка Верховного Главнокомандования утвердила ваше предложение о сроках готовности и начале операции „Искра“».

Речь шла о совместной операции двух фронтов — Ленинградского и Волховского — по прорыву блокады города, операции, подготовка к которой совершенно скрытно проводилась еще с осени.

Последние приготовления были завершены 11 января, войска заняли исходные рубежи для наступления. Поздно вечером в частях были зачитаны приказы Военных советов Ленинградского и Волховского фронтов: «Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и

свобода Ленинграда. Пусть победа над врагом овеет сла-
вой ваши боевые знамена! Пусть воссоединится со стра-
ной освобожденный от вражеской осады Ленинград!
В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные вои-
ны!»

В 9 часов 30 минут утра началась артиллерийская подготовка, и еще не смолкли последние залпы, когда пехота пошла через Неву на прорыв. Сутки за сутками, в тяжелейших боях, взламывая долговременную оборону противника, продвигались вперед наши войска. 18 января в 9 часов 30 минут у Рабочего поселка № 1 встретились передовые подразделения 123-й стрелковой бригады и 372-й стрелковой дивизии. Как было условлено, солдаты подняли автоматы выше плеча. «Пароль?» — «Победа!» — «Отзыв?» — «Смерть фашизму!», на белом поле перемешались солдаты частей двух фронтов. Свершилось! И во время крепких солдатских объятий по многим небритым и усталым лицам текли слезы...

Поздно вечером 18 января Александр Иванович и Володя были, как всегда, у себя в комнате. Неожиданно тишину на даче прорезал крик с первого этажа:

— Товарищи! Сюда! Скорее!

Это было столь необычно, что оба первым делом проверили, на месте ли пистолеты. Потом они выбежали в коридорчик. На площадке первого этажа у черной круглой тарелки громкоговорителя уже стояло несколько человек.

Иванову и Подсекину замахали руками:

— Сюда! Слушайте! Блокада прорвана!

Из комнат сбегались курсанты и замирали тут, у громкоговорителя, чтобы не пропустить из сообщения ни одного слова.

Ликование было беспредельным. Об операции «Искра» впоследствии много напишут историки, писатели и публицисты. Но никто из них не сможет с такой глубиной представить и почувствовать существо свершившегося, как это чувствовали тогда сами блокадники.

Из дачи ребята выскочили на улицу, на мороз. Где-то рядом раздался громкий хлопок, кто-то, нарушая все правила маскировки, пустил в небо красную ракету, и она, роняя искры, медленно падала вниз. Слышался шум со стороны Лесного проспекта. Там обнимались, плакали, целовались случайно встретившиеся друг с другом люди.

Всю ночь работало радио. Победные песни сменяла музыка, музыку — выступления участников обороны города. Взволнованным голосом говорила Ольга Берггольц:

«Здравствуй, здравствуй, Большая земля! Приветствуем тебя из освобождающегося Ленинграда! Спасибо тебе, Большая земля, за твою помощь! Клянемся тебе, что мы будем бороться, не жалея никаких сил, за полное уничтожение блокады, за полное освобождение всей советской земли».

С утра повсюду — на заводах, на фабриках — шли митинги. Морозный ветер развеивал вдоль заваленных снегом проспектов красные флаги, и казалось — в этот день на улицы города вышли все его жители.

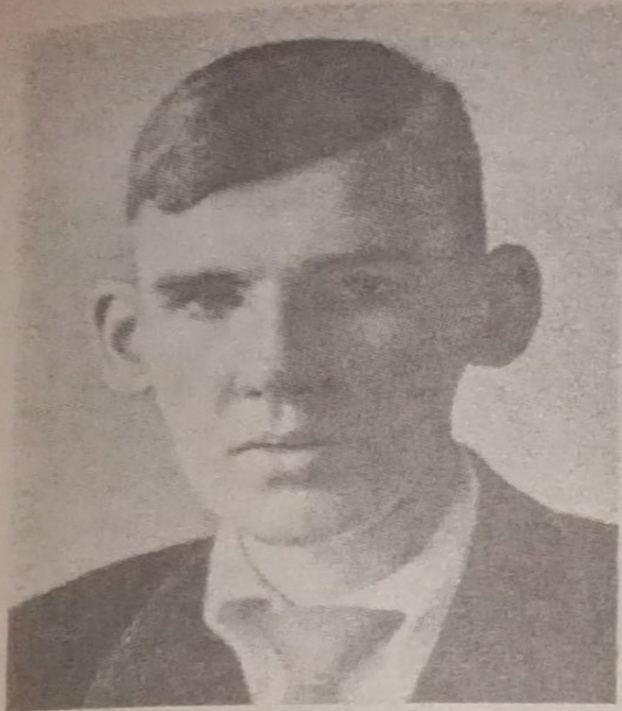
Александр Иванович, привыкший судить о военных действиях точно и конкретно, даже подумал: состоится ли намеченный выход за линию фронта, не будет ли он отменен вообще или заменен рейдом более дальним?

Но задание у них оставалось прежним. Ведь в январе 1943 года при прорыве блокады нашим войскам удалось отвоевать лишь узкую полосу земли, на которой в кратчайшие сроки была построена железная дорога. Значение ее для города было огромным, но до «полного уничтожения блокады» было еще далеко.

Иванов и Подсекин сознательно не делали в школе тайны из того, что им предстоит отправиться в тыл противника в самое ближайшее время. И каждый день их атаковали молодые ребята. Приходили по одному, по двое, а то и по трое. Все просили об одном — включить их в группу. Одни говорили робко, с надеждой, другие доказывали, что пойти сейчас в немецкий тыл могут именно они, третьи просто требовали и едва ли не стучали кулаком по столу.

Александр Иванович спокойно подолгу говорил с каждым, расспрашивал: «А это сможешь?», «А как поступить, если?..», «А почему надо сделать именно так?» Ребята отвечали, а Иванов внимательно присматривался к ним. Он сразу же отказывался от тех, кто готов был взяться за выполнение заданий абсолютно невыполнимых и заявлял, что, если потребуются, он без колебаний пойдет на смерть.

Командир группы искал не тех, кто был готов расстаться с жизнью, а работников, способных упорно трудиться в разведке, правильно оценивающих свои силы и возможности. Геройски погибнуть, по его убеждению, было делом простым, а работать — сложным. Если, предположим, какой-нибудь парень заявлял ему, что пятидесятикилометровый ночной переход по лесу — дело невыполнимое и что он не может осуществить его, к такому

Всеволод Леонардов, радист.

Михаил Антонов, боец.

Александр Иванович начинал относиться внимательнее и брал его на заметку.

Хотя Иванов старался не позволять себе никаких «сантиментов» с первого дня войны, временами у него щемило сердце. Курсанты школы были для него, зрелого мужчины, детьми.

Он остро чувствовал это еще и потому, что его Леша, сын, тоже учился теперь в спецшколе. Он уже несколько месяцев рвался добровольцем на фронт, и когда они обсуждали дома, куда Леше пойти, Александр Иванович сказал: «Ладно, иди к нам. Если у нас работать опасно, так на войне везде опасно. Но, во всяком случае, краснеть нам с тобой за то, что другие воевали, а мы на печке сидели, не придется». И вот теперь они иногда встречались в школе, правда не подавая вида, что знакомы друг с другом. Оба считали, что поступать надо именно так.

Одной из главных забот для командира был подбор радиста. Тут Рейх рекомендовал Александру Ивановичу как наиболее подготовленного Всеволода Леонардова, вчерашнего десятиклассника, высокого, худого, очень угловатого, с гривой черных волос.

Сева жил в одной из дач на втором этаже с группой эстонцев, которую также готовили к дальней заброске. Он казался необщительным, неразговорчивым, угрюмым. Но после бесед с ним Александр Иванович убедился, что это лишь следствие пережитого за время блокады. Когда

он, между прочим, спросил его, что он любит больше всего, Сева не задумываясь ответил: «Танцы». И, заметив удивление на лице Иванова, подтвердил: «Ага. Очень люблю танцевать».

Александр Иванович только руками развел. Поверг его в удивление и другой факт: Сева оказался... женат.

— Давно поженились?

— Недавно, перед школой, — ответил Сева.

— Как зовут жену?

— Нина.

— Она знает, к чему ты готовишься?

— Нет.

— А что она знает?

— Знает, что я перешел как радист из райкома партии на работу в НКГБ. Знает, что постоянно нахожусь на казарменном положении.

«А все-таки — семья, — подумал Александр Иванович. — Будет второй семейный человек в группе».

Второй кандидатурой, на которой остановился Иванов, был Миша Антонов. В те же семнадцать лет он производил впечатление взрослого человека. Миша отличался большой собранностью, спокойствием, способностью мыслить очень четко. По мнению Александра Ивановича, в другое время, в других условиях из него вышел бы переклассный строевой офицер.

Наибольшие сомнения вызывала вначале кандидатура третьего, и последнего, бойца группы — Толи Бриллиантова. Александр Иванович и сам не смог бы толком объяснить, чем именно привлек его внимание этот парнишка. Он был необычайно бойким, быстрым на слово, неутомным.

— Ну, этого в Ленинграде каждый переулочек знает... — заметил однажды Миша Антонов.

Но при всей бойкости, склонности подшутить над товарищами острый на язык Толя был человеком ясным, простым и открытым. Александр Иванович смутно чувствовал, что такой человек необходим в группе, что с ним легче будет переживать лесные трудности и невзгоды, что он может стать общим любимцем.

Однако Толя был до удивления мал, худ и слаб физически.

— Ну как же тебя взять, голова садовая? — увещевал его Александр Иванович. — Ты представь: выбросились — и сразу налетели на гестапо, на карателей. Придется от них отрываться, по лесу уходить, по глубокому снегу... А ты сколько сможешь пройти? Километр?

— Я сильный, — быстро отвечал Толя. — Вы не смотрите, что я маленький. У нас в ремеслухе большие ребята не могли болванку на станок поднять. А я поднимал. Во! — Он сгибал руку и демонстрировал то место, где должен был находиться бицепс. — Попробуйте!

Иванов и Подсекин упорно рассказывали ему о предстоящих трудностях: придется совершать многокилометровые марши без отдыха, голодать, не спать ночами, часами лежать в снегу или в болотной воде, зачастую не будет возможности ни обогреться, ни просушить одежду... Толя, нахлебавшись, как воробей, сверкая глазами, молча все выслушивал и с удвоенной энергией просил включить его в группу.

— Ты знаешь, Володя, я, кажется, его возьму, — заметил со вздохом однажды Иванов. — Привлекательный парнишка! Будет он в нашей группе как раз на месте.

Однако червячок сомнения продолжал точить ему сердце. Он узнал у Рейха адрес матери Толи и пошел вечером к ней, на Петроградскую, посоветоваться.

Мать Толи только что вернулась с работы и разжигала «буржуйку» в промерзшей комнате, едва освещенной огоньком коптилки на столе. Александр Иванович представился как командир ее сына, и Ольга Терентьевна, кивнув, попросила:

— Присядьте, пожалуйста. Я все-таки печку должна разжечь.

Она передвигалась по комнате медленно, устало. Когда в печурке затрещали сухие щепки и загудело, разгораясь, пламя, она присела к столу, поправила фитиль в коптилке и сказала ровным голосом:

— Я вас слушаю.

Александр Иванович заметил, что Толя очень похож на мать. Он изложил свои опасения, охарактеризовав в общих чертах предстоящую операцию как опасную и очень трудную.

Ольга Терентьевна слушала его не перебивая.

— Что же вы хотите? — спросила она затем негромко. — Чтобы я отговорила Толю?.. Не смею и не могу я этого делать. Мой муж на фронте, защищает Родину. Мы с Толей — в блокаде. Разве не чудо, что мы с ним живы? Я думаю, что мы живы только потому, что всегда шли прямой дорогой, не пытались скрыться, спрятаться. Кто знает свою судьбу во время войны? Может статься так, что, взявшись отговорить его, я сделаю самую страшную ошибку. Да ведь и он мне этого никогда не простит... Нет, не просите. Пусть все будет так, как надо... Вы говорите, что дело предстоит очень трудное. Как мать я могу только благословить Толю. Буду ждать и надеяться, что все для него пройдет хорошо.

После этого разговора окончательный выбор был сделан.

Пятерка поселилась вместе, в одной комнате. Участники группы должны были сжиться, научиться понимать друг друга с полуслова. Тут выяснилось, что трое новичков хорошо знакомы между собой. Они вместе учились на курсах радистов при военно-морской школе № 2. Затем Бриллиантов и Антонов часто работали друг с другом по радио. Толя был радистом спецсвязи на Кировском заводе, а Миша — радистом Кировского райкома партии.

Сева на первых порах удивился, что группа почти полностью состоит из радистов. Но Александр Иванович объяснил ему, что специальную радиоподготовку будет проходить только он, Леонардов, а Миша и Толя готовятся выступать в роли разведчиков-бойцов.

Еще в тот вечер, когда они собрались вместе в комнате, Александр Иванович увидел в глазах ребят один и тот же немой вопрос: «С чего начнем?» Он вынул из кармана и положил на стол пять пропусков на право передвижения по Ленинграду в вечернее и ночное время.

— Начнем, ребята, с ходьбы. Разведку ноги кормят. Не научимся быстро передвигаться — не сможем воевать. Так что тренироваться придется до седьмого пота. Одевайтесь, приготовьте рюкзаки килограммов по двадцать — двадцать пять.

Он увел группу в город. Шаги ребят отдавались в темных и безлюдных улицах. Они проходили мимо зданий с пустыми глазницами окон. Черной стрелой поднималась в небо замаскированная еще в начале войны Адмиралтейская игла.

Изредка ночную тишину прорезал глухой разрыв сна-

ряда. Немцы продолжали обстреливать город. Часто группу останавливали патрули. Ребята предъявляли пропуска и шли дальше. Они пересекали город из конца в конец, «наматывая» десятки километров. Иванов добился того, чтобы будущие бойцы стали прежде всего хорошими ходоками.

Несложная эта учеба была тяжелой. Иванов обычно шел первым, задавая темп. За ним двигался Сева, которому за юношескую угловатость и неуклюжесть Толя немедленно прилепил прозвище «бутылка на двух палках». Замыкал шествие Подсекин. Шли они быстро, выдерживая небольшой разрыв друг от друга.

«Выжав» ребят до конца, Иванов объявлял остановку. Все сходились вместе, задыхаясь, захлебываясь воздухом от перенесенного напряжения. Лица у ребят были синюшными. Александр Иванович в глубине души жалел их, но иначе поступать не мог. Лучше пусть научатся ходить здесь, рассуждал он, чем потом будут учиться под пулями.

Командир продолжал присматриваться к каждому из троих. В те блокадные времена бытовало забытое ныне выражение «моральный дистрофик». Так называли человека, который морально сдавался раньше, чем физически. И вот, заставляя ребят испытывать тяжелейшие нагрузки, Александр Иванович еще раз проверял их. Но ни один из троих не жаловался, не сетовал, даже в шутку. Да, убеждался командир, эти ребята отнюдь не «моральные дистрофики». И вообще ему казалось, что группа подобралась удачно. Пятеро ее участников имели совершенно разные характеры и тем не менее отлично подходили друг к другу.

Подготовка шла нормально, без особых неожиданностей и чрезвычайных происшествий. Со временем разведывательно-диверсионная группа получила кодовое название, под которым ей предстояло действовать, — «Лужане». Пришел и день, когда ее участники подписали в управлении боевое задание, или, как оно называлось, «задание рации № 205».

Это задание ставило перед «лужанами» ряд конкретных задач — устанавливать группировку, состав и нумерацию частей немецко-фашистской армии, состав и наименование перебрасываемых групп, базы и опорные пункты противника, аэродромы, дислокацию бронетанковых и автотранспортных частей, выявлять систему патрулирования и охраны железной и шоссейной дорог, устройство предохранительной сигнализации на них. Всем участни-

кам группы надлежало изучать режим, установленный немецко-фашистским командованием на оккупированной территории, добывать подлинные немецкие документы, выявлять предателей Родины и их пособников, находить советских патриотов, ведущих борьбу с врагом.

Каждый из «лужан» получал специальный номер для радиосвязи: Иванов — 10, Подсекин — 12, Леонардов — 14, Бриллиантов — 16, Антонов — 18.

Во время обсуждения боевого задания подполковник, который готовил группу и которого «лужане» называли между собой «крестным отцом», сказал:

— Об одной важной задаче, товарищи, я хочу поговорить с вами особо. Речь идет о защите населения на оккупированной территории, о спасении жизни советских людей. Да, сейчас вам придется неотложно заняться этой работой... Как вы знаете, в начале оккупации гитлеровское командование пыталось отколоть партизанские отряды и группы от местного населения. С этой целью оно провозглашало всякого рода демагогические лозунги, заигрывало с отдельными группами людей. Разумеется, фашисты просчитались. Теперь они поняли, что совершен просчет, и политика, которую они проводят по отношению к населению, радикально меняется. Ныне гитлеровцы организуют широкие карательные акции не только против партизан и сотрудничающих с ними патриотов, но и против мирного населения вообще. Расстрелы, виселицы, террор — вот чем хотят запугать советских людей. Конечно, и тут они просчитаются. Но тем не менее десятки тысяч наших соотечественников на территории области находятся под угрозой физического уничтожения или угона в немецкое рабство. Вы обязаны их защищать, товарищи... Состав вашей группы невелик, и вы лишены возможности вступать в бой даже с небольшим карательным подразделением. Поэтому надо добывать информацию о замыслах гитлеровцев, об организуемых ими проческах, карательных рейдах и акциях. Через установленные связи будете передавать эту информацию населению деревень, поселков, чтобы люди могли заблаговременно уничтожить опасные для них улики, укрыться в других деревнях или в лесу... Важность задачи, о которой я говорю, с развитием событий на фронте и в тылу будет неуклонно увеличиваться. Не исключено, что наступит такой момент, когда она станет для вас основной. Будьте к этому готовы.

После подписания боевого задания «лужане» ждали

приказа о вылете в немецкий тыл каждый день и каждый час. Толя как-то спросил у Иванова:

— Александр Иванович, нас из Ленинграда будут забрасывать или с Большой земли?

— Не знаю.

— Даже вы не знаете? Командир группы? — удивился Толя.

Иванов улыбнулся:

— Я просто думаю, Толя, что заброска будет произведена, когда это потребуется, и с того аэродрома, какой подскажет оперативная обстановка. Мы ее с тобой не знаем, а люди, которые нас направляют, знают. Это их работа. Понял?

Толя кивнул головой.

Приказ они получили 15 марта, в необычное время — в 4 часа утра. В комнату вошли подполковник, которого они называли «крестным отцом», и трое людей в штатском.

— Подъем! — быстро скомандовал подполковник. — Группе «Лужане» подготовиться к выезду!

Ребята кинулись одеваться, но он тут же остановил их:

— Подождите. Всем получить новое обмундирование.

В комнату втащили два больших тюка с ватными костюмами, теплым бельем, новенькими кирзовыми сапогами. Началось переодевание.

Подполковник представил Иванову одного из людей в штатском.

— Это Алексей Иванович из Центра. Работать с вашей группой поручено ему. Знакомьтесь. Встречаться вам с ним в дальнейшем придется только по радио.

Пожимая руку товарищу из Центра, Иванов окинул его взглядом: среднего роста, худой, лицо энергичное.

Ребята уже двигались по комнате в новеньких костюмах, только Сева сидел на своей койке: сапоги 42-го размера оказались ему малы, и сколько он ни старался вбить в них ноги, это не удавалось.

— Стоп, Сева, не трудись! Сапог должен быть точно по ноге, — остановил его Александр Иванович и обратился к подполковнику: — Сможем поменять?

— Все сможем, — ответил тот, взглянув на часы. — Но вот время...

— Придется помогать группе с самого начала, — засмеялся Алексей Иванович из Центра и присел на койку. — У меня — сорок третий...

Он стащил сапоги и протянул их Леонардову:

— Примерь.

Сева принялся обуваться. Размер был хорош, но вот только портянки остались где-то наверху, а пальцы в сапогах оказались голые. Раньше он носил только ботинки и, откровенно говоря, русские сапоги обувал впервые в жизни. Но в присутствии начальников Сева ни признаться в этом, ни попросить помощи не захотел.

— Подошли?— спросил Алексей Иванович. Он натянул необмятые сапоги, проковылял несколько шагов по комнате и махнул рукой:— До дому как-нибудь доберусь.

Подполковник ушел, ему надо было позвонить по телефону. Он долго отсутствовал, а когда вернулся, произнес только:

— Грузовик подойдет минут через тридцать.

По тем взглядам, которыми подполковник обменялся с товарищами из Центра, Александр Иванович понял, что он тоже ждал чьего-то решения, приказа и что этот приказ наконец получен.

Пока они ждали машину, пока погрузились и поехали, рассвело. У Финляндского вокзала уже шли по улицам люди, торопясь на работу.

Подполковник повернулся к «лужанам» и сказал:

— На Большую землю идем, ребята.

Все было ясно, и вопросов не последовало. Через некоторое время Володя под шум мотора вполголоса запел «Катюшу». Ребята его негромко поддержали. Так, с песней, они и поехали.

Сразу за городом попали в длиннющую колонну машин, которая двигалась по разбитой, разъезженной дороге. Навстречу одна за другой тоже шли машины. Где-то впереди случались пробки, приходилось подолгу стоять, и тогда все прыгали из кузова на обочину, чтобы размяться. Во Всеволожскую добирались целый день, приехали только к вечеру. Здесь заночевали. К машине разведчиков присоединились еще три, на которых ехали ребята из Штаба партизанского движения. Дальнейший путь им предстояло проделать вместе.

Встали и выехали затемно. Рассвет застал четыре машины уже на льду Ладожского озера.

ПОШЛИ В ТЫЛ

Машины двигались по Дороге жизни одна за другой с интервалом в 50—70 метров. Молодые разведчики, которые впервые переезжали Ладогу, увидели, что это, соб-

ственно, не одна дорога, а несколько. Дороги то шли параллельно, то сходились и расходились вновь. Каждая из них в эти мартовские дни напоминала реку. Машины раздвигали радиаторами воду, разбрасывали в стороны колесами белые буруны.

Снег вдоль трассы уже сошел, и лед местами был прокопченным до черноты. Часто встречались объезды, отмеченные указателями. Видно было, что кое-где лед не выдерживал нагрузки и оседал. В наиболее опасных местах стояли девушки-регулирующие в полушубках или в ватниках и взмахом флажка указывали направление машинам.

Рабочий вид имела прославленная ледовая трасса. Вдоль нее стояли палатки из выгоревшего, поблекшего брезента и даже легкие дощатые домики. Поодаль, за гребнями желтого льда, виднелись торчащие к небу стволы зениток.

День наступал хороший, солнце разгоняло утренний туман над ледяными просторами Ладоги. Заметив, что ребята с любопытством озираются вокруг и поглядывают на небо, Александр Иванович сказал:

— Вряд ли будет налет. Выдохся фашист. Долго он старался эту дорогу перерезать, да ничего не вышло. Крови тут пролито немало, но все-таки немцев утихомирили. Теперь они сюда вылезают пореже.

Действительно, единственными самолетами за весь день были три краснозвездных «ястребка». Патрулируя, они низко прошли над трассой, наполнив на минуту воздух уверенным ревом моторов.

До Новой Ладоги они доехали без происшествий. Чем-то родным, домашним и давно забытым повеяло на них с Большой земли.

— Братцы, кошка!— вдруг воскликнул Толя.— Смотрите!

По обочине, вдоль забора, действительно пробиралась кошка, осторожно ставя лапы на талый снег.

— Настоящая кошка!— повторил с восторгом Толя, оборачиваясь.

Александр Иванович и Володя переглядывались. Они отлично понимали ребят. Мимо мелькали деревянные дома и сараи, которые никто не собирался разбирать на дрова, лаяли собаки, а один раз они увидели даже настоящую живую свинью, которую хозяйка длинной хворостинкой загоняла в хлев. Все эти картины и должны были казаться блокадникам чудом.

За Новой Ладогой четыре машины отделились от

автоколонны, свернули на проселок и пошли гораздо быстрее. Путь лежал в Хвойную, где находилась одна из опорных разведывательных баз Ленинградского управления, уже знакомая Александру Ивановичу и Володе.

На базе задержались недолго, разгрузили с машины часть вещей и оружия, а затем направились на аэродром, где на краю летного поля стояло несколько крестьянских изб. Одна из них была отведена для «лужан».

Хозяйка, еще молодая женщина, которая жила тут с двумя детьми и стариком отцом, видимо, привыкла к смене постояльцев в доме. Она встретила разведчиков радушно и деловито, быстро показала, где кто должен расположиться, а когда Александр Иванович спросил, сможет ли она готовить для всей группы, кивнула:

— Конечно. Я всегда так делаю.

— Договорились, — сказал командир «лужан». — А мы будем вам выделять в помощь одного дежурного. Пусть чистит картошку и моет посуду.

Володя и Толя пошли на базу за продуктами. Вернулись они вместе с подполковником, который сказал:

— Погоды пока, ребята, не обещают. Будем ждать.

Они выгрузили из вещмешков продукты — хлеб, консервы, картошку, крупу, сушеный лук, банки со сгущенкой. Глядя на это невиданное богатство, Сева Леонардов восторженно воскликнул:

— Ого!

Он почему-то больше других страдал от голода, от истощения. В спецшколе раз в десять дней выдавали дополнительный килограмм хлеба. Другие ребята старались растянуть его на два-три дня. Сева съедал свой хлеб в один присест, отламывая кусочек за кусочком. И никакие силы его тут не могли остановить.

— Дежурным на сегодня назначаю Леонардова, — сказал Александр Иванович. — Ужин, Сева, приготовишь по своему вкусу.

В избе на краю аэродромного поля они прожили три дня. На второй день Сева встретил на улице приятеля по спецшколе, радиста Сашу. Оказалось, что его группа, в которую входили четверо мужчин и одна девушка, приехала в Хвойную вслед за «лужанами» и теперь точно так же, в ожидании летной погоды, жила неподалеку от аэродрома.

— Может, одним рейсом нас будут забрасывать? — высказал предположение Сева.

— Возможно, — согласился приятель. — Скоро увидим...

Сказать друг другу, куда им предстоит лететь, они не могли по законам конспирации, которые в школе выполнялись неукоснительно.

«Лужане» каждый день в окрестностях аэродрома бродили по лесам, по снегу с полной выкладкой. Тренировками руководил Володя, не знавший усталости в долгих переходах. Александр Иванович с удовлетворением отмечал, что ребята чуть порозовели, поздоровели, стали более подвижными.

Сева регулярно поддерживал связь по радиации с Центром в Ленинграде и с Подцентром в Боровичах. Радиogramмы шли длинные и носили инструктивный характер. Видимо, они передавались для тренировки, для того, чтобы радист продолжал упражняться в дешифровке.

Каждый день они получали газеты. Центральные были свежими, «Ленинградская правда» поступала с запазданием на несколько дней. Все прочитывалось от строчки до строчки.

Развернув однажды только что полученный номер «Ленинградской правды», Александр Иванович увидел, что вторая страница под заголовком «Режим насилия, рабства и произвола» посвящена жизни в оккупированных районах области. Он углубился в чтение и вдруг воскликнул:

— Ба, старый знакомый! Взгляните-ка, ребята.

Протянув бойцам газету, Иванов указал на перепечатанный в ней приказ немецкого коменданта Плюссы: «Ходьба на лыжах для русского гражданского населения, а также для детей и молодежи запрещается. Все лыжи должны быть собраны старостами и сданы в комендатуру. Кто все же сохранит лыжи или будет передвигаться на них, тот понесет наказание и будет расстрелян».

— Прямо из наших мест! — подчеркнул Иванов. — С этим грозным комендантом и его подручными будем сталкиваться частенько.

— Крепко, крепко закрутил комендант, — пробормотал Володя, вглядываясь в газетный лист.

— До того стали бояться партизан, что детские лыжи решили отобрать.

— Александр Иванович, — встрепенулся Толя, — а может, нам с собой лыжи взять?

— Э, брат, — махнул рукой Иванов, — если нам с собой все захватывать, что запрещает плюсский комендант, то и трех самолетов не хватит.

Бойцы рассмеялись.

20 марта их предупредили из штаба, чтобы они дале-

ко не отлучались. Однако день прошел спокойно, никаких приказов не последовало. Под вечер Александр Иванович и Миша получили в продчасти паек еще на пять дней. Казалось, вылет опять откладывается. Иванов заметил, что ребята даже несколько расстроились по этому поводу.

Хозяйка вместе с дежурным начала готовить ужин для группы — рисовую кашу. Но не успела каша поспеть, как в избу ввалился посыльный, молодой солдат.

— Командир! — Шумно дыша, он разыскал глазами Александра Ивановича. — Вылетаете сегодня ночью!

Иванов быстро окинул взглядом лица ребят. На них он не уловил и тени страха, было только радостное волнение.

Началась проверка оружия, подготовка рюкзаков с неприкосновенным запасом продовольствия, взрывчаткой, литературой. Выяснилось, что подготовленное захватить полностью все-таки не удастся.

В последние дни «лужане» запасали листовки и газеты.

Газеты рассказывали о том, как живет и борется огромный город, который оккупанты в своих листовках называли «мертвым». В наибольшем количестве экземпляров разведчики взяли номер «Ленинградской правды» от 19 января, который открывался ликующим сообщением: «Блокада Ленинграда прорвана! Вчера войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Слава доблестным советским воинам! Крепче удар по немецко-фашистским захватчикам! Вперед за нашу победу!»

И вот теперь часть газет и листовок не удавалось ни какими силами уместить в рюкзаки. Две пачки оставались на скамейке у стены.

— Может, сухарей взять поменьше? — предложил Миша Антонов.

Иванов на секунду задумался и скомандовал:

— Выгружай сухари!.. Еще... Стоп, теперь хватит.

Разложили пачки в рюкзаки. Потом пришлось выгрузить еще часть сухарей: Володя притащил две цинковые коробки с патронами, и после короткого совещания их тоже решили взять с собой.

— Сухари отдай хозяйке, — сказал Александр Иванович Мише. — Ребятишки их быстро перемелют.

Приготовив оружие и вещевые мешки, они сели ужинать. Как обычно, никто не страдал отсутствием аппетита. Сева очистил свою миску первым и попросил добавки.

— Смотри, Севка, худо тебе будет...— предупредил его Толя Бриллиантов.

— Ничего,— деловито ответил Леонардов, погружая ложку в кашу,— рис желудочникам полезен.

На улице, у избы, заскрипел снег под колесами автомашины. Иванов быстро поднялся из-за стола и коротко сказал:

— Ребята, пошли.

Вечер был синим, пронзительно свежим, какими бывают вечера только в самом начале весны.

На пути к взлетной полосе командир группы продолжал внимательно присматриваться к своим бойцам. Если появятся в ком-нибудь признаки смущения, страха, то лучше оставить его здесь. Потом такой возможности не представится... У командира было право оставить на аэродроме любого без объяснения причин.

Однако ребята выглядели бодрыми, оживленными. Сева и Толя пересмеивались. О чем у них шла речь, Александр Иванович из-за шума мотора не мог разобрать. Вероятно, ребята, как всегда, подтрунивали друг над другом.

У борта самолета выстроились в ряд десять человек — «лужане» и группа разведчиков, в которой радиостом летел приятель Севы. Этой группе надлежало выбрасываться позже «лужан».

Рюкзаки у всех были надеты необычно — не на спину, а на грудь. Два веселых парня из аэродромной команды, здоровяки в летных комбинезонах, натянули на каждого ремни парашютов, привязали к ним вещевые мешки и оружие.

Подполковник в армейском полушубке без погон, сопровождавший группу отозвал в сторону Леонардова и сообщил ему радиопароли на случай чрезвычайных происшествий. Когда Сева занял свое место в строю, Александр Иванович сдал подполковнику временные удостоверения и справки всей пятерки: с собой они не имели права брать никаких документов.

— Хорошей работы, Ильин,— негромко промолвил подполковник.

Потом он приветственно поднял руку и обратился ко всем:

— Желаем успеха, товарищи! Ни пуха ни пера!

Разведчики начали один за другим подниматься в самолет по деревянному трапу. Это получалось не очень ловко: впереди тяжелый рюкзак, сзади тяжелый ранец

парашюта, сбоку — оружие, в карманах и под ватниками — пачки листовок и газет.

«Лужане» ждали своей очереди. Вдруг подполковник окликнул Александра Ивановича:

— Ильин, у радиста есть часы?

— Нет, — ответил Иванов. — Часы есть у меня и у заместителя, у Попова.

— Эх, как же мы забыли... — раздосадованно сказал подполковник. — Радист должен свои иметь.

Расстегнув полушубок, он быстро достал карманные часы на цепочке и подошел к Севе:

— Ну, куда тебе их пристроить?

Радист был так основательно «упакован» и перетянут ремнями, что подполковник предложил:

— Давай-ка сунем их в сапог. Это самое надежное.

И он сам зачихал часы за голенище Севиного сапога, под портянку.

Радист стал подниматься по трапу. Он выглядел, пожалуй, самым неуклюжим, потому что помимо прочего на него были надеты две тяжелые сумки с рацией и батареями. Когда Сева встал на вторую ступеньку, раздался треск, лесенка подломилась, и радист повалился вниз. Александр Иванович едва успел поддержать его.

— Поздравляем с первым приземлением, — засмеялся парень из аэродромной команды. — Погодите, сейчас возьмем трап покрепче.

Он быстро принес другую лесенку, и Сева, поддерживая руками свои тяжелые сумки, поднялся в самолет. Иванов сел последним.

Бортовая дверь оставалась открытой: экипажа самолета пока не было. Минуты тянулись мучительно долго, и Александр Иванович еще раз напомнил своей группе порядок выброски:

— Я иду первым. За мной Сева. Потом Толя, Миша. Володя — замыкающим. Вываливаться из самолета гором, друг другу на голову. Оружие в воздухе подготовить к бою.

Наконец пришли летчики. Поздоровались, захлопнули дверь и прошли к себе в кабину. Взревел сначала один мотор самолета, а затем и второй. Ребята, сидя на металлических откидных сиденьях, прислушивались к гулу, сотрясавшему самолет. Он то спадал, то нарастал вновь. Затем самолет стал раскачиваться, тронулся с места и покатил по снежному полю на взлет.

Как только он оторвался от земли и начал набирать высоту, Иванов не вспоминал больше ни о мирной жизни,

ни о семье, ни о детях. Прощай, Большая земля! Теперь он и его бойцы стали одной группой под кодом «Лужане», одной волей, одной кровью.

Командир думал с этого момента только о деле, которое ему поручено, о предстоящей выброске, о том, как переживут ребята первый, самый трудный, период работы группы в тылу, как они освоятся. Проблем тут было столько, что ни на какие другие, посторонние, размышления времени не оставалось.

Линия фронта на этот раз была видна с воздуха совершенно отчетливо. Скосив глаза, Александр Иванович наблюдал в круглое окошечко, как она приближается, как мигают беззвучные вспышки орудий, мелькают огоньки, повторяя изломы окопов, как озаряют местность осветительные и сигнальные ракеты.

Из пилотской кабины вышел стрелок-радист, привычными движениями взобрался в пулеметную турель под потолком салона, под прозрачным колпаком. Уместившись там, он провернулся по обороту в ту и другую сторону, проверяя легкость работы турели.

Мимо самолета проплыли цепочки разноцветных огоньков. Это их обстреливали с земли трассирующими пулями. Затем за бортом промелькнули яркие вспышки, и самолет сильно тряхнуло.

Тут у всех захватило дух. Самолет резко накренился и стал проваливаться. Летчик ввел машину в пике. Потом выровнял ее и пошел на бреющем. Потряхивание прекратилось, и вскоре все почувствовали, что самолет вновь начинает набирать высоту.

Ребята сидели с посерьезневшими лицами. Иванов и Подсекин летели на самолете второй раз в жизни и уже имели за плечами по одному прыжку. Семнадцатилетние «лужане» летели впервые, и никто из них никогда не прыгал даже с парашютной вышки. Вся их подготовка к прыжку состояла из той же устной инструкции: «Не робеть. Ни секунды не медлить. «Затяжку» выдержать три секунды. Приземляясь, держать ноги вместе».

Но никто из них не испытывал страха перед прыжком, никто не думал о том, что парашют может не раскрыться. Им предстояло совершить ночной групповой прыжок, который требовал четкости и максимальной быстроты действий. Даже ничтожное промедление при выброске могло разбросать группу по большой территории. И сейчас ребята были озабочены главным образом тем, чтобы не растеряться в незнакомой обстановке и сделать все так, как надо.

Из кабины вышел штурман.

— Ну вот, ребята, и пронесло, — сказал он. — Теперь вам недолго осталось. Первая группа может готовиться к выброске.

«Лужане» обменялись рукопожатиями с товарищами, которые оставались пока в самолете, подтащили тюк грузового парашюта к двери.

Штурман сам пристегнул карабины парашютов к длинной гладкой трубе. Если кто-нибудь и промедлил бы с выдергиванием кольца, парашют открылся бы автоматически. Потом он открыл бортовую дверь.

Александр Иванович посмотрел в дверной проем. В синей мгле внизу медленно проплывала белая земля, покрытая темными пятнами лесов. Отчетливо была видна белая широкая полоса — просека железной дороги. Луна выглянула из-за туч, и на мгновение в ее свете сверкнули внизу серебряные ниточки рельсов.

«Не туда берет летчик. Слишком близко к «железке». Надо левее...» — подумал Александр Иванович. Но за правильность выброски группы полностью отвечал штурман, и делать ему замечания не полагалось даже командиру разведчиков.

— Подходим к цели! — громко предупредил штурман. — Приготовиться...

Александр Иванович подошел вплотную к открытой двери. Остальные потянулись за ним. Тотчас в салоне вспыхнул свет, который показался необычно ярким.

— Пошел!..

Иванов первым нырнул в ревушую бездну за бортом самолета. Тугая струя воздуха ударила ему в рот. Зажмурившись, он отсчитал три секунды и выдернул кольцо парашюта. Его рвануло так, что в глазах потемнело, но потом падение перешло в плавное скольжение.

Поправляя на себе парашютные ремни и жадно глотая воздух, командир «лужан» огляделся. Четыре белых зонта плыли неподалеку от него, — выбросилась группа хорошо, дружно. А вдали был виден и большой купол грузового парашюта.

Потом он обнаружил, что одно из шелковых полотнищ парашюта разорвано. Ткань опять не выдержала большой нагрузки при аэродинамическом ударе. «Эх, черт, как и в прошлый раз, ноги отобью!..» — с досадой подумал Александр Иванович, отвязывая автомат и перекидывая его себе на грудь.

Рядом с ним, в нескольких десятках метров, снижался Сева Леонардов. При раскрытии парашюта у него лопну-

ли завязки ушанки, а левый сапог наполовину сполз с ноги. Неуклюже извиваясь в ремнях, он пытался привести все в порядок. Вдруг он заметил, что невдалеке впереди появились строения и какое-то сооружение, напоминающее вышку. Вспомнив инструктаж, Сева натянул часть строп и начал быстро скользить в сторону, к земле...

«К ФРИЦАМ В ГОСТИ»

Воистину, все бывает на войне!

Темные пятна, которые Александр Иванович с воздуха вначале принял за скопления деревьев и кустов, приблизившись, превратились в крыши каких-то построек. Превращение это было столь разительным и непостижимым, что Иванов на какое-то мгновение глазам своим не поверил. Но верь не верь, а крыши оказались у него под самыми ногами, и приближался Иванов к ним все стремительнее. Деваться было некуда, и оставалось только за счет бокового скольжения парашюта выбрать место по-свободнее, ибо на крышу или на чей-нибудь двор, где могла быть собака, Александр Иванович садиться никак не хотел.

В результате он приземлился, звонко ударившись сапогами о накатанный снег, прямо на середине дороги. Припав на колени, он изготовил автомат и начал быстро «тушить» парашют, который, надуваясь, грозил потащить его за собой.

Нигде ни звука, ни огонька. Дальше по улице стояли два засыпанных снегом немецких автомобиля — тяжелые фургоны. И, сматывая посреди улицы парашют, Иванов осознал, что с ним случилось и куда он попал.

Ошибка штурмана при определении места выброски была значительной — не менее двадцати пяти километров по прямой. В довершение этой беды группа оказалась сброшенной над Владимирскими лагерями, в которых теперь размещались немецкие подразделения и часть которых занимал большой лагерь для военнопленных (одну из охранных вышек этого лагеря и видел с воздуха Сева). Александр Иванович приземлился на окраинной улице лагерей, а члены группы — где-то южнее, в непосредственной близости от него.

Рядом с Ивановым возвышалась боковая стена длинного дома. Закинув свернутый парашют на плечи, с автоматом наготове, он приблизился к стене и, продвинувшись вдоль нее, осторожно заглянул за угол. Там, в двух

шагах от командира «лужан», дремал на посту немец-часовой, спрятав голову от ветра в высокий воротник шубы.

Александр Иванович подался вдоль стены назад. С другой стороны дома охраны не было, и он стал продвигаться к огородам, чтобы выйти из немецкого гарнизона и побыстрее затеряться в недалеком подлеске. По открытому, незащищенному пространству ему надо было пройти метров триста, и Иванов прошел их, замирая после каждого десятка шагов, напряженно вслушиваясь и готовясь пустить автоматную очередь в любую сторону.

Все время, с момента приземления, Александр Иванович не размышлял, а действовал. И лишь оказавшись в кустарнике у самого подлеска, он позволил себе облегчить душу несколькими крепкими выражениями, произнесенными про себя, в которых помянул и незадачливого штурмана, высадившего их «к фрицам в гости».

В подлеске Иванов выпрямился и пошел быстрее, зорко всматриваясь в темноту. Ребята должны были находиться где-то неподалеку, но он шел и шел, никого не встречая. Наконец его остановил тихий условный свист. Из темноты показался Подсекин.

— Саша? — шепотом спросил он. — У тебя все в порядке?

— Более-менее... — проворчал Иванов и тут же спросил: — Как ребята?

— Приземлились нормально. Груз цел. Я приказал сразу же откатиться от поселка. Они ждут в километре отсюда, на старом полигоне.

— Владимирские лагеря... — промолвил Александр Иванович.

— Да, — сказал Володя. — Не повезло...

— За ночь нам надо во что бы то ни стало выйти к своему квадрату, на базу.

— А груз?

— И груз забрать. Оставлять его тут нельзя. Потеряем.

— Ладно, придумаем что-нибудь, — вздохнул Володя. — Давай пока сложим твой парашют.

Они быстро сложили и упаковали парашют. Володя вскинул его на плечо, и они зашагали прочь от Владимирских лагерей, размышляя о том, что уходят отсюда просто чудом.

Ребята ждали их в полуразрушенном блиндаже на краю старого, давно заброшенного артиллерийского полигона. Грузовой парашют был уже разобран на несколь-

ко мест, удобных для транспортировки. Александр Иванович в темноте приглядывался к ребятам. Все были настроены бодро. Только Сева время от времени потирал распухшую скулу: во время приземления его нокаутировала сумка с рацией.

— Что там за дома на полигоне? — повернулся к Володе Александр Иванович. — Раньше их не было.

— Начали теперь тут строиться. В одном уже живут, а рядом — три сруба.

— Транспорт нужен. Без транспорта нам отсюда с грузом не выбраться. Давай, Володя, на разведку, может, его добудешь... Толя, — командир обратился к Бриллиантову, — пойдешь вместе с Поповым.

Володю и Толю пришлось дожидаться долго, и остальные порядочно продрогли, потому что ночь была морозной. Только через час в темноте среди кустарника показались три темные фигуры, свои ли, чужие ли — разобрать было невозможно. Командир и два бойца приготовили оружие, залегли. Но тотчас до них донесся условный тихий свист. Фигуры подвинулись ближе, и они узнали Володю, Толю. С ними был незнакомый человек с легкими деревянными санками на веревке.

— Вот вам местный поселенец, — сказал Володя, спрыгивая в блиндаж. — Берется нам помочь. Ребята, грузите все на санки.

И совсем тихо, почти на ухо, он прошептал Александру Ивановичу:

— Можно было и лошадь... Но шуметь нельзя, да и посты на дороге нам тут неизвестны. Решил, что лучше не нарываться. Доберемся до Мишенного двора, до мельника, там лошадь и возьмем.

Командир, соглашаясь, едва заметно кивнул. Они быстро уложили груз на санки и потянули их через полигон, к лесу. Наст в этих местах был крепкий, не проваливался, и группа почти не оставляла следов.

Полночи они шли лесом к дороге Струги Красные — Новоселье. Не доходя до нее метров двухсот, остановились, и Александр Иванович сказал:

— Иди теперь, друг, домой. Спасибо, что помог. Раньше мы тебя не знали, теперь будем знать. За санки свои не волнуйся, вернем. За партизанами ничто не пропадает, ни доброе дело, ни злое. Понял?.. Иди.

Когда человек скрылся за деревьями, Володя и Миша Антонов ушли на разведку к мельнику, который был знаком Иванову и Подсекину по прошлому году. Через полчаса они подъехали на лошади, запряженной в сани.

Правил сам мельник, бородатый детина в овчинной шубе.

Он подтвердил Александру Ивановичу, что немецких постов нет до деревни Жупаново.

— ...Да и в Жупанове-то в самом гарнизона нет. Разве из Лудоней, с большой дороги, немцы туда иной раз заскакивают.

— Грузи, ребята, все в сани! — скомандовал Иванов.

В этот момент небо вдали, в той стороне, где находятся Владимирские лагеря, осветилось. Повисли в воздухе осветительные ракеты, донесся отдаленный гул стрельбы.

— Мы наследили?.. — спросил тихо Володя у Александра Ивановича.

— Может, и мы, — ответил тот, всматриваясь в зарево над лесом. — Да ведь как узнаешь? А может, и другая причина. Ладно, сейчас главное — от них оторваться. Поехали!

Сани были нагружены тяжело, но хорошая лошадь тянула их по лесной дороге бойко, и они уходили все дальше и дальше от места своей столь неудачной выброски.

На лошади ехали часа три и на рассвете остановились неподалеку от Жупанова. Перегрузили тяжелые мешки на саночки, попрощались с мельником, причем Александр Иванович сказал ему на прощанье:

— Скоро будем в твоих местах. Так что жди, увидимся. Сигналы ставь прежние.

— Не беспокойтесь, — басом сказал мельник. — Счастливо вам дальше...

Подождав, пока сани скроются из виду, они углубились в лес. Начался многокилометровый, изматывающий, многочасовой пеший переход к базе.

Встало солнце, и Александр Иванович старался выбирать путь по затененным местам, где наст был крепче. Надувы свежего снега и проталинки старались обходить, чтобы не оставлять следов. Там, где нельзя было обойти, двигались спиной вперед, высоко поднимая ноги и наступая с пятки на носок.

Было все это чертовски тяжело. За спиной у каждого — тридцать килограммов, надо еще тащить тяжелые санки с грузом. Временами ребята были готовы упасть в снег и разрыдаться от бессилия. Но каждый раз, когда казалось, что идти дальше невозможно, командир тихо произносил: «Привал! Отдых!..»

Все, не снимая мешков, садились на снег и, отдува-

ясь, отдыхали. Затем следовала команда «Вперед!», и они шли дальше.

К исходу дня «лужане» оказались на краю болота, залитого весенней водой. Александр Иванович, указывая на деревья за болотом, сказал ребятам:

— Вот и Савин бор.

Сообщение о том, что база близка, прибавило сил. Под водой на болоте оказался еще крепкий лед, и они перебрались на другую сторону без особого труда. Прошли горелым ельником и углубились в лес, к тому месту, где стоял заснеженный шалаш. Следов вокруг него не было. Вход был заставлен еловыми ветками и засыпан снегом.

Александр Иванович осторожно раскопал вход, влез внутрь и долго не появлялся. Все ждали у входа. Наконец командир вылез и сказал:

— Все в порядке, никого без нас тут не было. Разгружайтесь, и будем приниматься за дело.

Заметив любопытство на лицах ребят, он махнул рукой:

— Залезайте внутрь, знакомьтесь.

База внутри оказалась неожиданно просторной, вместительной. Крыша была сложена из жердей и покрыта ветками и сеном. В глубине поперек шалаша протянулись нары с наваленным на них старым сеном. Перед нарами было место для костра, дым от него мог уходить через дыру в крыше. По обеим сторонам примитивного очага лежали два толстых деревянных чурбака. Вход занавешивался куском брезента.

Внутри все было так, как помнили Иванов и Подсекин. Даже два котелка, алюминиевые тарелки и ложки остались лежать на своих местах.

— Ну как? — спросил Александр Иванович, когда ребята удовлетворили первое любопытство.

Толя Бриллиантов поднял на него серьезные глаза и воскликнул:

— Дворец! Натуральный дворец!

Командир засмеялся вместе со всеми. В прошлом году они называли свою базу по-разному — «шалашом», «земляной», «балаганом». Теперь за ней утверждалось новое название — «дворец».

Все были измотаны, казалось, до предела, но командир никому не дал отдохнуть и всем нашел дело. Володя стал перетаскивать и укладывать вещи, Толя и Миша начали выгрывать снег из шалаша, а Севу Александр Ива-

нович нарядил за сушняком, который горел бы в костре не давая дыма.

Первый день был полностью занят неотложными хозяйственными заботами. Надо было сварить нормальный обед, распределить привезенное имущество между «дворцом» и двумя резервными базами. На случай провала «дворца» на резервных базах были спрятаны сухари, консервы, тол, запалы, винтовочные и автоматные патроны, газеты и листовки. Следовало особо позаботиться о рации и найти для ее хранения такое место, где она не страдала бы от сырости.

Сева в разгар хлопот вдруг воскликнул шепотом:
— Товарищи, а часы?!

Он присел на снег и принялся осторожно ощупывать сапог. Часы оказались тут, но когда он их вытащил, то увидел, что стекло раздавлено и минутной стрелки нет. Досаде Севы не было предела. Ведь это были первые часы в его жизни.

Миша Антонов поднес часы к уху, послушал.

— Идут,— сказал он.— Ничего, может, еще пригодятся. Давай стрелку поищем.

Стрелка нашлась в портянке среди осколков стекла. Они осторожно поставили ее на место. Сева положил часы в коробочку, где лежали кусочки канифоли для пайки проводов рации. В дальнейшем и без стекла они служили ему верой и правдой.

К вечеру «лужане» перенесли костер, который горел на площадке перед базой, внутрь «дворца». Он долго дымил и чадил, но в конце концов разгорелся. Крыша базы стала оттаивать, на нары полилась вода. Однако когда Александр Иванович дал команду бойцам отдыхать, никакая капель не помешала им заснуть мертвым сном. Спали не раздеваясь, закутавшись в парашютный шелк.

— Сегодня придется нести охрану нам с тобой,— сказал Иванов Володе.— Ребят из пушки не разбудишь. Да и боюсь я их на пост ставить. Наверное, ни один больше десяти минут не выдержит, заснет... Начинай ты, а я тебя сменю в три часа.

«ЛУЖАНЕ» ВЫХОДЯТ В ЭФИР

Солнце вставало над лесом, большое, розовое, в морозной дымке. По-весеннему пахучий воздух был неподвижен, и тишина царила такая, что малейший звук можно было различить за километр.

И если вслушаться, лес оказывался наполненным десятками шумов: вдали пробежал какой-то зверек, донесся едва различимый свисток паровоза-«кукушки», с шуршанием упал на землю комок смерзшегося снега. Изредка слышался шум автомобильного мотора. Этот звук медленно нарастал, а потом так же медленно утихал, растворяясь в конце концов в тишине.

За час до рассвета Александр Иванович сменил на посту Володю. Оба знали, что вести ночную охрану базы им придется, по крайней мере, месяца полтора, пока ребята не привыкнут к лесной жизни, не наберутся опыта и знаний.

Сдавая пост, Володя обошелся без слов. Он лишь кивнул командиру. Это означало: «Все в порядке. Тихо». И вот теперь Иванов неподвижно лежал в яме между корнями большого дерева, привычно вслушивался в звуки утреннего леса и думал о том, что все складывается пока неплохо: снег на полях и в лесу уже осел, наст, прихваченный морозом, достаточно тверд и не проваливается под ногами. Поэтому можно не беспокоиться, что группа будет оставлять много лишних следов. А сейчас, пока ребята неопытные, это особенно важно.

«Чему учить их в первую очередь? — думал Александр Иванович. — Максимальная осторожность — раз. Осторожность всегда и во что бы то ни стало. Степень риска уменьшить до предела. Вбить им в голову мысль, что разведчик, как сапер, подрывается в жизни один раз... Приучить ребят двигаться по лесу днем и ночью по компасу, по звездам, по приметам — два. Пусть понимают, что даже глухие лесные тропинки — не для них... Познакомить со своими людьми в деревнях — три... А главное — работа! Учеба учебой, а боевую работу надо начинать без проволочек, сразу, с первого же дня».

За его спиной скрипнул снег. Александр Иванович обернулся и увидел, как из шалаша вылезает долговязый Сева. Он выпрямился, повел головой — видно, спал не очень удобно, — потянулся и сладко зевнул, прикрыв рот ладонью.

Заметив командира, он улыбнулся ему открыто, почти по-детски.

— Дрова возьми за той елью, — шепотом сказал Александр Иванович. С момента своего приземления в немецком тылу все они говорили только шепотом.

За елью были припасены дрова еще с прошлого года. Сева принес вязанку и скрылся с ней во «дворце». Вскоре оттуда послышались шорох, шепот, треск горя-

шего дерева. Запылал костер, и горячий воздух столбом начал подниматься через дыру в крыше.

Когда они завтракали, лесную тишину вдруг прорезали автоматные очереди и винтовочные выстрелы. Казалось, начался бой где-то совсем рядом, за деревьями.

Ребята насторожились, смотрели на Иванова и Подсекина, готовые ко всему. Но командир и его заместитель, прислушиваясь, продолжали спокойно завтракать.

— Это в районе Пашкова — Жупанова... — промолвил Володя.

— Да, — сказал Александр Иванович. — Это на шоссе... С чего, интересно, они вдруг проснулись? Крупных партизанских отрядов с нами пока не должно быть.

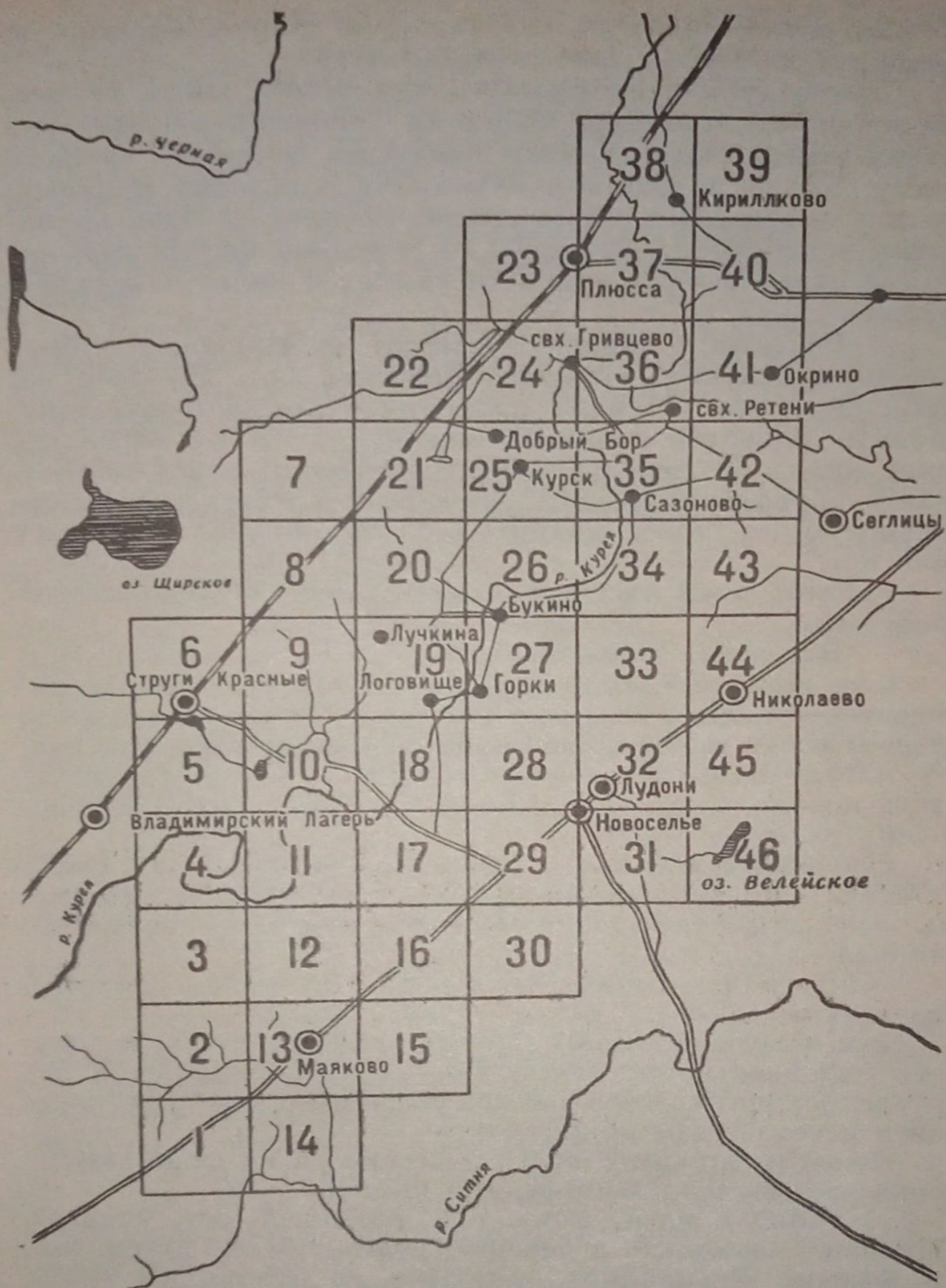
Чтобы рассеять недоумение ребят, он объяснил им:

— Стрельба идет на шоссеиной дороге. От нас до нее напрямую не больше трех с половиной километров. Но пройти так нельзя. Там непроходимое болото, топи. Даже по самой короткой тропе, которая нам известна, надо прыгать с кочки на кочку километров двенадцать. Что там сейчас случилось — не скажу... Похоже на засаду. Но пулемета не слышу. А партизаны на такую засаду обычно выходят со станковым пулеметом. Проверить, что там случилось, пока, как видите, не удастся. Но потом, я думаю, мы все узнаем. Завтракайте...

Стрельба постепенно смолкла. Бойцы доели завтрак, и сразу навалилась куча дел. Заново маскировали «дворец», резервные базы, подходы к ним. Из стропов парашютов вязали шнуры длиной метров в сто — «удочки», сматывали их в клубки. Связывали и упаковывали 400-граммовые кирпичи тола в пакеты по 7—8 килограммов. Оттачивали саперные лопатки.

Так прошло время до полудня. Затем командир достал и развернул закодированную карту, все склонились над ней.

— Вот наши сорок шесть квадратов — тысяча четырехста квадратных километров, — сказал Александр Иванович. — Как видите, пирог с двумя корками. Верхняя корка — железная дорога, нижняя — шоссеиная. Начинка — деревни с немецкими гарнизонами, с карательными и полицейскими подразделениями. Немецкие части сюда, как правило, отводят с фронта, на отдых. Поэтому они часто меняются. За этими переменами нам надлежит бдительно следить, ибо от этого зависит боевая обстановка в двух районах... Давайте наметим план первого рейда.

Закодированная карта-схема «лужан». Ночной переход из квадрата 4 в квадрат 34 был первым рейдом группы.

Он показывал путь по карте, а бойцы запоминали маршрут, приметы, названия деревень.

Солнце стояло еще высоко над лесом, когда разведчики покинули лагерь. Они шли цепочкой, внимательно оглядываясь окрест, читая следы на осевшем, хрупком снегу. Когда подошли к Жупанову, командир приказал группе залечь. Они долго прислушивались к происходившему в деревне, наблюдали за темными фигурками, которые изредка появлялись на улицах и вновь исчезали в избах.

— Ну что? — спросил Александр Иванович. — Есть немцы в деревне? На слух, кажется, нет. Ни речи, ни собачьего лая... Теперь посмотрите на крайнюю избу. Видите — шест с соломой наверху?.. Это Васильев подает знак: «В деревне немцы!» Наклон шеста обозначает направление засады. Знак выставляется всегда, независимо от того, увидит его кто-нибудь из наших или нет.

Ребята, лежа на снегу, слушали внимательно, всматривались.

— Все ясно? Пошли назад!

Они круто свернули от деревни вправо, перешли замерзшую Курею, которая неторопливо струилась подо льдом, снова резко изменили направление, миновали Горки, Обода-Буянщину, Дуброво. Многие километры остались позади, а командир шел все той же легкой охотничьей походкой.

Ельничком вышли к деревне Лучкиной. Здесь снова залегли для наблюдения, долго следили за тем, что происходит в деревне. Немцев в ней, по всем признакам, не было.

— Володя, — позвал Александр Иванович, — давай в разведку.

Все остальные члены группы наблюдали, как, используя неровности местности, Подсекин пробирается к деревне, заходит с огородов, крадется вдоль длинного плетня и исчезает за амбарчиком.

Через несколько минут он объявился на фоне амбарчика, развел руки в стороны и помахал ими.

— Можно идти, немцев и полицаев нет, — сказал Иванов. — Заходить в деревню будем тем же путем, что и Володя. Специально прятаться не нужно, но чтобы лишнего шума тоже не было. Привлекать общее внимание нам пока ни к чему.

Задами деревни они пробрались к широкой приземистой избе.

— Идем к старосте, к Елисееву,— пояснил бойцам командир.

Войдя через темные сени в душную, жарко натопленную избу и увидев высокого рыжеватого мужчину в поддевке, ребята невольно положили руки на оружие. «Немецкий староста» — сами эти слова были для них синонимом предательства.

Однако староста не выглядел испуганным, а, напротив, близоруко щурясь, оглядывал входивших с доброй улыбкой.

— Здравствуй, дядя Яша,— сказал Александр Иванович, стаскивая с головы ушанку и спокойно усаживаясь на лавку у печи.— Решил заглянуть к тебе в гости с молодыми товарищами. Надо, чтобы ты с ними познакомился.

— Здравствуй, Иваныч! — откликнулся рыжеватый.— Давненько мы с тобой не виделись. Будь гостем.

Вышла жена старосты в ситцевой кофточке цветочками, всплеснула руками:

— Александр Иванович, здравствуйте! Коли зашли в кои-то веки, так покушайте у нас. Щец наших деревенских отведайте.

— Благодарствую, тетя Аня, не откажемся.

Жена старосты, Анна Семеновна, захлопотала у печки, выставила на стол кислую капусту, щи, хлеб, чугуны с картошкой.

— Молочка сейчас принесу,— сказала она, накидывая платок,— щи забелим...

Иванов оглянулся на своих бойцов, которые продолжали стоять, разглядывая старосту и его жену.

— Ну-ка, ребятки, садитесь за стол, перекусим.— И он обратился к старосте:— Докладывай, дядя Яша, обстановку.

— Ну, во-первых, я полагаю, вам надо знать, где гарнизоны стоят...— сказал он и начал перечислять деревни.

Знал «дядя Яша» все: количество солдат, машин, пушек, какие части, давно ли с фронта, где находятся каратели или эсэсовцы. Только запоминай.

— По карателям, по «тайникам» что нового?

— Да вот их последнее дело. В Новых Горках Зину и Тоню Герасимовых расстреляли. За помощь партизанам. А продали их Павел и Арсей.

— Уверен, что они? — спросил Иванов.

— Точно — они. Павел, сука, встретил партизан случайно. Отколоться от них не мог и сам привел их к Герасимовым. Вот, дескать, девушки вам помогут. А ты зна-

«Дядя Яша» (Яков Федорович Елисеев) и его жена Анна Семеновна, выполнявшие сложные и трудные задания разведывательной группы.

ешь, девчата были хорошие... Партизаны в дом зашли, а Павел в комендатуру побежал. Партизаны — в лес, а каратели — на порог. Арестовали Зину и Тоню, нашли у них газету, листовки. Увезли в тюрьму, били так, что места живого не осталось. А через несколько дней отвели на полкилометра от Струг и расстреляли. Там местные их потом похоронили...

— Каратели какие приезжали? Немцы?

— Наши, из предателей. А с ними, как всегда, немецкий офицер.

— Так... — протянул Александр Иванович. Они помолчали.

— Вот наши новости... — промолвил староста. — А в остальном — чего тебе рассказывать, ты ж «новый порядок» знаешь. Люто бедствует народ.

— А с хлебом как?

— Как и полагали... «Дар Адольфа Гитлера русскому народу!», «Каждый работает на своей земле!» — староста даже сплюнул от возмущения. — Осенью прикатили они молотилки. Приехал к нам эдакий ферт из комендатуры: «Немецкая армия вам поможет!» Помогли. Все зерно вывезли подчистую. Что мы утаили, попрятали, тем и живем. Весной вот сеяться надо, а чем?

— И сейчас жмут немцы?

— Жмут. Одно дело, что солдаты, как и раньше, гра-

бят, последнюю курицу ташат. Другое — «по закону». Закон они ужас как любят. Налоги новые придумали — «с едока». Платим. А то еще смешней: с кошки и с собаки. Есть у тебя кошка — плати пятьдесят рублей, есть у тебя собака — сто. «Великая Германия» на кошках, видать, выехать собирается.

— Деньги какие ходят?

— Как и прежде: наши и немецкие. Десять рублей — одна марка. Крестьянство-то больше рубли уважает. Потому — привычнее.

— Режим?

— Нынче ходить по деревне с вечера до утра запрещается: увидит полицаи — пальнет без предупреждения. Посиделки и вечеринки немецким комендантом запрещены. Патефон иметь нельзя. У кого был — забрали вместе с пластинками. Старосты следят за крестьянами, а за старостами тоже надзор. Друг друга нынче боимся.

— Да уж ты забоишься, дядя Яша! — засмеялся Подсекин. — Ты скажи: по приказу коменданта лыжи сдал?

— А как же? Конечно, сдал, раз приказ такой был. Две пары взрослых ломаных да еще одни детские, непарные... А хорошие лыжи мы на старой лесосеке спрятали. Чего их сдавать! Они еще партизанам пригодятся.

За столом раздался смех, и староста с близоруким прищуром оглядел своих гостей.

— Железную дорогу сейчас как охраняют?

— Не так чтобы сильно, — ответил Елисеев. — Только патрулями. Сдвоенными. Иногда пройдет группа автоматчиков. Партизаны уж порядочно в наши места не заглядывали. Считается, что нынче у нас тихо.

— Понятно, — сказал командир. — Сегодня, дядя Яша, мы должны за «железку» перейти, на ту сторону. Где это, по-твоему, лучше сделать?

Староста задумался.

— Ты Кривой лог знаешь?

— Да.

— Как выйдешь Кривым логом к насыпи, возьми на двести метров левее. Тут, как раз у километрового столба, тебе и будет переход. Правее не ходи, там немцы недавно насыпь заминировали. Дальше, за столб, тоже не суйся. Немцы в том месте окопчики нарыли для засады, с проволочной сигнализацией. Понял?

— Все понял, спасибо. Анна Семеновна, благодарим за хлеб, за соль. Оставим тебе, дядя Яша, две газеты ленинградские и листовки. Как с ними поступать — знаешь. А это, — командир вытащил рукописный листок, — сводка

Совинформбюро. Свежая. Вчера вечером приняли. Прочитать своим дашь, но переписывать и распространять ее, как всегда, нельзя. Предупреди людей. А то до вас каратели живо доберутся.

Елисеев жадно всматривался в листок, держа его перед самыми глазами.

— Вам спасибо, сынки. Дорогой принесли подарок. Счастливого пути!

На пороге Александр Иванович обернулся:

— А заходить к тебе будут наши молодые. Теперь ты их знаешь.

— Пусть приходят, — кивнул староста. — Будем рады.

Покинув деревню Лучкину, они быстрым маршем вдоль притока Курей пошли на северо-запад, к железной дороге. Не доходя полутора километров до насыпи, Александр Иванович устроил привал, чтобы дать ребятам отдышаться и отдохнуть.

Они сидели в предвечерних сумерках на снегу в ельнике. Миша Антонов вдруг спросил:

— Александр Иванович, кто же он такой, этот староста?

— Наш человек. Очень надежный. Патриот.

— А если подробнее...

— Могу и подробнее. Когда-то до войны дядя Яша работал в Ленинграде, на табачной фабрике имени Урицкого. Потом со здоровьем у него стало плохо, заболел, вернулся в деревню. С тех пор он тут единственный сеет много табака и обрабатывает его, как специалист, по своему способу. Его махорка, брат, во всех партизанских отрядах славится. Ее так и зовут — «елисеевская». Работал дядя Яша в этих местах и путевым обходчиком. Поэтому железную дорогу он знает как свои пять пальцев, и лучшего проводника, в случае необходимости, не найти.

— А как он в старосты попал?

— По глупости немцев. Когда оккупанты пришли, на первых порах предложили крестьянам в деревнях выбрать себе старост, а того не сообразили, что люди будут выбирать самых уважаемых, самых достойных. Так и Елисеев на эту должность попал. Потом, правда, немцы почти всех выбранных старост сменили, посадили своих ставленников, но дядя Яша сумел удержаться. Но он немцам и отплатил: сохранил у себя в деревне колхоз.

— Как — колхоз? — не понял Толя.

— Подпольный, конечно. У него в деревне все вместе пашут, сеют, убирают. Вместе делят по едокам то, что немцы не успеют отобрать. И нормы жизни, правила

все — колхозные. Только шумных собраний не бывает. Вот возьмите такой пример. У него в деревне есть несколько переселенцев. И если в других местах переселенцу положено несколько соток, на которых только с голоду помирать, то у него переселенец — равноправный человек. Вместе со всеми работает и получает столько же, сколько любой житель деревни. Причем все это у дяди Яши здорово замаскировано. Мы были с ним знакомы все прошлое лето, а про колхоз разведали только поздней осенью.

— А «железку» мы переходить когда будем? — спросил вдруг Бриллиантов.

— Вообще не будем переходить.

— Но вы же сказали...

— А сказал я, Толя, так потому, что никто, даже самый доверенный человек, не должен знать, куда мы идем на самом деле. Понял? Это тебе урок. Ну да ладно, ребята, поговорили... Все отдохнули? Тогда пошли!

Они залегли в «секрете», среди деревьев, перед насыпью. От железнодорожного полотна их отделяла сотня метров — полоса вырубленного и оставленного на месте кустарника. Это был старый немецкий прием: сухой валежник сильно трещит и выдает подползающего подрывника.

Издали нарастал гул, и вскоре мимо разведчиков прогремел первый товарный эшелон, который шел в сторону Ленинграда. Александр Иванович засек время, потом прикинул скорость эшелона. Она была невелика. «Жаль», — машинально подумал он. Вскоре прошел и встречный. Иванов опять посмотрел на часы.

Показался первый патруль, четверо солдат. Они шли лениво, небрежно, опустив стволы автоматов, словно отбывая скучную повинность. Командир «лужан» засек время. Патруль с другой стороны прошел через двенадцать минут. Пауза двадцать минут. Пауза двенадцать минут. Двадцать и двенадцать — режим прохождения патрулей установлен. Эшелонов тоже достаточно, как в ту, так и в другую сторону. Все складывалось для удачного подрыва.

Было еще светло. Ребята, лежавшие на снегу, промерзли до костей.

— Саша, — прошептал Подсекин, — чего ждать? Давай сейчас рванем. Вполне управимся.

Иванов отрицательно покачал головой:

— Нет. В первый раз надежнее отходить в темноте. Немцы ночью далеко в лес не полезут. И снег пока еще

рыхлый, глубокие следы оставим. Пусть его прихватит морозцем. А заряд и «удочку» можете готовить.

Были подготовлены и мина, и «удочка», но командир все не давал команды. Совсем уже стемнело, наступала ночь. Александр Иванович замерз сам, он знал, как продрогли его бойцы. Но он считал все это небольшим испытанием: разведчику иной раз приходится лежать в «секрете» не часами — сутками.

Было уже около одиннадцати. Володя с миной в руках, Толя и Миша, которые должны были выйти на полотно, лежали в десятке метров друг от друга.

Прошел очередной патруль. Были видны лишь силуэты солдат на фоне бледного неба. До следующего патруля оставалось двадцать минут, и Александр Иванович тихо скомандовал:

— Приготовиться!

Теперь они ждали эшелон с любой стороны и досадовали, что его нет, ибо время шло.

Но вот наконец с пыхтением приблизился очередной товарняк, и Иванов отдал приказ:

— По сигналу Володи выйти к полотну под шум поезда.

Когда начали рядом постукивать по стыкам вагоны, трое устремились ползком через сушняк вперед. На выход к полотну им потребовалось даже меньше времени, чем предполагалось. Едва промелькнул мимо хвост эшелона, как Иванов и Леонардов разглядели на полотне три согнутые фигуры. Миша и Толя передвинулись вправо и влево, Володя перевалился за бровку полотна и исчез. Прошла томительная минута, другая... Наконец Володя скатился с полотна вниз, а за ним отползли Миша и Толя. Снова пауза в ожидании эшелона. Он прошел со стороны Плюссы. «Очень хорошо, — подумал командир. — Меньше ждать своего».

Подползли из темноты ребята, запыхавшиеся, взволнованные. Теперь они были все вместе. Сева, лежавший рядом с командиром, держал в руках шнур «удочки». Часы на руке у Иванова неумолимо отсчитывали секунды, а эшелона все не было.

В их распоряжении оставались пять-шесть минут. И вдруг у командира сорвалось с губ тихое:

— О черт! Несет их нелегкая! Понадеялись мы на немецкую аккуратность...

Володя всмотрелся в темноту и тоже заметил патруль — трех автоматчиков, которые шагали вдалеке по железнодорожному полотну.

— Ничего, Саша,— прошептал он Иванову.— Не заметят. Замаскировали хорошо.

Однако оба понимали, что риск есть. Комочки мерзлого песка от ударов саперной лопатки могли разлететься далеко в стороны. Если солдаты заметят их на снегу — диверсия сорвалась.

Автоматчики не торопились. Один из них постукивал по рельсу кованым сапогом. Они остановились, закурили. Пошли дальше, перебрасываясь репликами.

Наконец рельсы снова начали петь. Вдалеке, со стороны Струг Красных, показались притемненные, замаскированные огоньки паровоза. Кто подойдет к mine раньше — охрана или эшелон? «Почти наверняка — одновременно,— решил командир,— с разных сторон».

В ночи нарастали шум, пыхтение паровоза, стук колес. На фоне неба уже можно было разглядеть на платформах очертания грузовых машин, затянутых брезентом или маскировочной сеткой, орудий, цистерн.

— Дельный эшелон,— лихорадочно прошептал на ухо командиру Володя.— С техникой!

Паровоз стремительно приближался к тому месту, где была заложена мина, и Александр Иванович, поймав момент, резко взмахнул рукой. Сева рванул на себя «удочку».

Ослепительная вспышка и оглушающий грохот разорвали тьму. Мина взорвалась под передней частью паровоза. Было отчетливо видно, как из него на полотно сыплются раскаленные угли. Железная махина, а за ней два вагона развернулись поперек полотна, остальные продолжали на них набегать. Затем паровоз медленно, словно нехотя, сполз, переворачиваясь, вместе с вагонами с полотна. Раздался сильный взрыв, и паровоз окутался паром. Тотчас еще один взрыв расколол ночь, и над полотном взлетело пламя. Грохот сталкивавшихся платформ, крики, стон, стрельба — все слилось в один протяжный гул.

Сева бешено сматывал «удочку» на руку,— эту улику им оставлять здесь было нельзя. Остальные прикрывали его со всех сторон. Надо было отходить. Стрельба слышалась уже с нескольких направлений. Стреляли, видимо, охрана эшелона и ближайшие патрули.

Как только Сева сматывал «удочку», Иванов дал команду к отходу. Они цепочкой побежали между деревьями, а метров через пятьсот перешли на быстрый шаг.

Возвращение на базу заняло у них почти половину суток. По заранее разработанному плану Володя (Ива-

нов шел замыкающим) повел группу вдоль полотна к станции Карьер. Постепенно удаляясь от железной дороги, мимо деревни Посадница, вышли лесом в Плюсский район, к деревне Курск. Здесь, не обнаруживая себя, расклеили листовки. Дальше направились мимо Вотской к Сазонову. Навестили старых знакомых — Исаковых, Воронцову, Рейха, — оставили им газеты, захватили картошки и буханку хлеба. Двинулись по направлению к Гривцеву, но, когда совсем рассвело, резко свернули вправо и, обогнув Сазоново с другой стороны, с севера направились к базе.

В полдень они разожгли костер в своем «дворце», открыли банку консервов, напекли картошки. Нервное напряжение не давало проявиться усталости. Ее почувствовали только после еды. Тут еще Толя принялся комично рассказывать о снах, которые, по его мнению, в момент взрыва видели солдаты, ехавшие эшелонам.

— Давай, Севуня, устанавливай связь, — сказал командир. — В Центре, наверное, уже волнуются, ждут.

Тут же он составил текст радиограммы: обстановка в районе, наличие воинских частей, гарнизонов, движение по железной и шоссейной дорогам.

Сева уселся ее зашифровывать. Для него были установлены ежедневные сеансы связи в определенные часы, но он знал, что Центр имеет и так называемые «вызывные» волны, которые прослушиваются круглосуточно и по которым его можно вызвать в любое время дня и ночи.

Продолжая работать над шифром, он вдруг почувствовал острый страх. «А вдруг передатчик не работает? Вдруг что-то разбилось? Что будет, если меня не услышат?» Сейчас от него, радиста, зависела судьба всей группы.

Он заметил, что другие ребята тоже взволнованы. Волновался и Александр Иванович, только он не подавал вида.

— На сеанс пойдете вместе с Толей, — сказал он.

Сева был благодарен ему за этот приказ: если бы командир пошел сам, Леонардов волновался бы еще больше.

Подхватив сумки с рацией и батареями, Сева и Толя двинулись в лес. Когда они прошли с полкилометра, радист выбрал подходящую кочку, поставил на нее рацию. Затем забросил конец антенны на дерево и, стараясь действовать точно по инструкции, так, как учили на Большой земле, развернул противовес.

Он расстегнул сумки, подключил питание, с трепетом надел наушники и, была не была, после короткого колебания повернул тумблер приемника. В ушах запищала морзянка, Сева переключил рацию на передачу.

Настроившись на «вызывную» волну, он стал давать свои позывные, потом перешел на прием и тут же услышал работу Центра. Отвечал Ленинград. Радист Центра повторял позывные четко и неторопливо, будто уговаривая своего напарника не волноваться. «Мы здесь, рядом, — словно говорила морзянка, забивавшая писк соседних станций. — Если надо, всегда поможем. Только позови». Сева был счастлив. Ленинград, родной Ленинград был рядом. Казалось, нет до него двухсот километров и не находится он за линией фронта.

Центр сообщил, что слышит его хорошо. Совершенно успокоившись, Сева придвинул к себе шифровку. Дух на замерзающие пальцы, он принялся отбивать на ключе свою первую радиограмму из немецкого тыла. Передача разведанных заняла немало времени, но Сева с особым удовольствием дополнил их специальным сообщением: «Спущен под откос эшелон противника, квадрат 8. Разбиты паровоз и пять вагонов».

Получив от Центра подтверждение, что сообщение от рации № 205 принято, Сева назначил очередной сеанс связи по расписанию и выключил рацию с чувством сожаления.

— Порядок? — деловито спросил его Бриллиантов, продрогший, переминавшийся с ноги на ногу.

— Ох, Толька, здорово! — ответил радист, которого распирало чувство гордости.

Почти бегом они вернулись к «дворцу». Сева торжественно доложил командиру, что связь установлена и шифровка передана. Однако Александр Иванович не выказал никакой радости.

— Послушай, Сева, — сказал он, — ты не видел мешка с запасным питанием для рации? Кажется, мы его грузили в сани...

Радиста бросило в краску. Этот мешок он, конечно, помнил. Кроме батарей в нем находились смена белья для всей группы и пачка автоматных патронов.

— И что... нигде его нет? — нерешительно спросил Сева.

— Нигде. Пересмотрели все вещи. Видимо, упал ночью с саней в лесу. Или потеряли на месте приземления. Или у дома лесника.

Где потеряли — сейчас уже не имело большого значе-

ния. Главное — не было мешка. А следить за его сохранностью был обязан в первую очередь радист. Сева совсем понурил голову. На том комплекте питания, который находился в сумке, он работал еще из Хвойной. Рассчитывать на его долгую службу не приходилось.

— Разрешите проверить батареи,— сказал Сева.

— Иди.

Сева убежал, быстро вернулся и доложил:

— Накальные батареи подсели, но могут продержаться еще порядочно, если не будет большой нагрузки.

— Ладно,— сказал командир,— завтра попросишь у Центра при первой «сове» сбросить нам новый комплект питания.

Радист не знал, куда деться от стыда.

О РЫЖЕМ ИЗВЕСТНО В АБВЕРЕ

Сообщение о том, что в Стругокрасненском районе вновь появилась группа Рыжего, было тщательно проверено местной комендатурой через старост, гестапо — через тайных агентов в деревнях и покатилося в форме донесения по инстанциям контрразведки. Его везли по дорогам продрогшие мотоциклисты и фельдкурьеры специальной связи.

Переходя из папки в папку, оно уменьшалось в размерах и в конце концов легло одной-единственной строкой в совершенно секретную оперативную сводку, которая ежедневно готовилась для начальника отдела I-Ц (абвер) штаба 18-й немецкой армии.

Этот отдел, занимавшийся разведкой и контрразведкой, в конспиративных целях размещался не в Дружно-селе, где находились основные подразделения штаба, а в деревне Лампово под Сиверской.

Без пяти минут восемь начальник отдела I-Ц штурмбанфюрер СС фон Вакербарт прошел мимо вытянувшихся часовых в одноэтажный деревянный дом с тщательно зашторенными окнами, молча выслушал рапорт дежурного офицера в приемной, разделся, распространяя свежий запах одеколona, и прошел в свой кабинет — большую комнату с рабочим письменным столом, на котором уже горела электрическая лампочка, питаемая от аккумулятора.

Штурмбанфюрер был крупным, едва начинавшим полнеть человеком сорока трех лет, с породистым лицом, украшенным большим прямым носом, с гладко выбритой

круглой головой. Его полное имя было Детлев Лебрехт Отто Эгон фон Вакербарт и фон Бомсдорф.

Столь длинному имени, которым он в силу обстоятельств не пользовался несколько лет, начальник отдела I-Ц был обязан своему аристократическому происхождению и цепочке предков, уходившей далеко в германскую историю. В отличие от некоторых других немецких аристократов, Эгон фон Вакербарт довольно быстро разобрался в «рабочей демагогии» Гитлера.

Да, тогда он сумел разобраться правильно и, примкнув к национал-социалистам по соображениям политической выгоды, стал «наци» по убеждению. В особенности его привлек тезис о «чистоте расы», ибо себя он считал образцом арийца. В гитлеровскую партию Вакербарт вступил в мае 1933 года, имел партийный билет № 2627653, а личное дело эсэсовца характеризовало его как «деятельного» и «сильного».

Войдя в комнату, Вакербарт довольно прищурился. Печь была хорошо протоплена, а он любил тепло и считал, что оно помогает работать и думать. Усевшись за стол, он привычным жестом надел пенсне и подвинул к себе пачку машинописных страниц — сводку.

В кабинет не доносилось ни звука. Вакербарт знал, что в эти утренние часы все в доме двигаются на цыпочках. В отличие от других абверовцев, начинавших день с оперативных совещаний и громких приказов, он предпочитал сначала поработать над документами один. Именно так, в тишине у него рождались замыслы хитроумных операций, которые создали ему славу опытного и проницательного контрразведчика.

Нет, не маленьким человеком был фон Вакербарт в том аппарате массового уничтожения, который вломился в Советский Союз вместе с войсками фашистской армии. Таких, как он, было всего несколько человек в одной из трех главных группировок гитлеровской армии — в группе армий «Север», нацеленной на Ленинград.

Из Таллинна действовал матерый абверовец фрегатен-капитан Целлариус, который ранее под дипломатическим прикрытием руководил отделением абвера в Финляндии и считался одним из лучших специалистов по Ленинграду. Со своей абверкомандой-104 продвигался по оккупированной территории подполковник Шиммель, руководивший перед началом войны разведывательной школой в Кенигсберге. Следует тут назвать начальника диверсионной абверкоманды полковника фон Этвингера,

крупных абверовцев майора Клямрота, его заместителя Мюллера, подполковника Лизонга.

Таков был главный круг мастеров шпионажа, провокаций, убийств, диверсий, к которому относился и Вакер-барт.

Его роль была велика еще и потому, что, согласно принятому порядку на территории, занятой 18-й немецкой армией, ему подчинялись контрразведывательные и карательные подразделения всех тайных служб — гестапо, СД, ГФП, полевой жандармерии и других. Пожалуй, только Вакербарт мог реально представить себе ту паутину, в центре которой он сидел, — концлагеря и тюрьмы, отделения гестапо и зихердинстполицай, специальные и вспомогательные подразделения карателей, разведывательные школы и разветвленную, многоступенчатую тайную агентуру.

Впрочем, в это утро Вакербарт не вызывал в своей памяти ни рвы, забитые трупами, ни пыточные комнаты в гестапо. Если бы нечто подобное возникло у него перед глазами, то он, наверное, весьма поразился бы таким причудам собственного воображения. Сейчас он работал, пунктуально и деловито.

Оперативные сводки уже давно не доставляли ему радости, ибо свидетельствовали о том, что события на оккупированной территории развиваются отнюдь не по планам гитлеровского командования, что контрразведка не в состоянии подавить партизанское движение, что она не может обеспечить безопасность важнейших военных объектов и воинских частей.

И тем не менее он читал сводку с чувством профессионального любопытства, медленно, не пропуская ни строки. Красным карандашом он подчеркивал наиболее важные места, детали, фамилии, иногда ставил на полях вопросительный или восклицательный знак, нотабене. Временами он откладывал карандаш, задумывался или обращался к папкам на столе, где лежали подробные донесения по событиям, отраженным в сводке. Так, в тишине, у него рождались решения, которые потом покажутся его подчиненным неожиданными. И в отделе I-Ц все знали, что штурмбанфюрер никогда не отступает от принятых решений.

Он работал над сводкой более часа. Затем позволил себе отдых, взял папку с приговорами, которые ему надлежало утвердить. Над этими длинными и короткими списками он не задумывался. Приговор был один — рас-

стрел, и Вакербарт, подписывая листок за листком, лишь следил за тем, чтобы все было оформлено правильно. Он проверял формулировки: «за связь с партизанами», «политически опасны», «угрожали безопасности германской армии».

Собственно, большинство этих людей, которых штурмбанфюрер росчерком пера осуждал к смерти, были схвачены гестапо и СД случайно: по подозрению, за найденную листовку или горсть патронов. Но сама постановка вопроса о справедливости приговора показалась бы ему бессмысленной. Те бумаги, которые он подписывал, имели для него лишь два аспекта: с одной стороны, они уменьшали «биологическую массу» русского народа, который так или иначе подлежал уничтожению, а с другой — находясь в архиве, свидетельствовали о немалых успехах отдела I-Ц по раскрытию и уничтожению «подрывных элементов».

Однажды совершенно случайно Вакербарт услышал за своей спиной слова, которые ему очень польстили. «О, наш майор — тихая смерть!» — с уважением сказал о нем солдат, служивший при отделе. «Тихая смерть!» — Штурмбанфюрер мысленно улыбнулся. В этих словах что-то было...

Он не уставал учить своих подчиненных, что человек, осужденный на смерть, должен просто исчезнуть наиболее целесообразным и экономичным образом: «один заключенный — один патрон». Он наказывал тех, кто устраивал из массовых казней спектакли. По его мнению, это было дорого, неэффективно и нецелесообразно. С безразличной миной он смотрел на виселицы, как на пережиток дикого варварства.

Правда, он допускал, что их применение в столь варварской стране может явиться необходимым. Только допускал... Все это создавало ему среди людей, занимавшихся массовыми убийствами, особую репутацию и вело даже к созданию легенд вокруг его имени. «Расстреливают они, конечно, классно, — заявил однажды махровый каратель, для которого Вакербарт был выше и дальше, чем бог, — но вешать — брезгуют!»

Никто из тех, кто служил в это время в отделе I-Ц, не знал эпизода, который сыграл немалую роль в формировании взглядов штурмбанфюрера на убийства. Между тем такой эпизод был, и Вакербарт, как ни старался, не мог вычеркнуть его из памяти.

Это произошло под Псковом, еще во время уверенного наступления немецкой армии. Он ехал в машине с

водителем и адъютантом по разбитой танками дороге. Его внимание привлекла небольшая группа солдат, которая избивала на обочине мальчишку лет двенадцати. Жестом он приказал водителю остановиться. Солдаты замерли, продолжая держать мальчишку, а веснушчатый ефрейтор доложил ему, что они поймали сына то ли комиссара, то ли председателя местного Совета.

Вакербарт посмотрел на мальчишку. Тот был худ, зол и похож на растрепанного воробья. Внутренне улыбаясь ничтожности того, что он должен сделать, штурмбанфюрер приказал: «Отпустите его». Он считал своим долгом показать, с какой простотой обязан поступать представитель нордической расы. Расстегнув кобуру, он начал доставать парабеллум.

И в этот момент случилось нечто невообразимое. Мальчишка быстро присел, схватил горсть песка и с силой вlepил ее в лицо Вакербарту. Пенсне слетело, и штурмбанфюрер на момент ослеп. Пока он протира л глаза левой рукой, мальчишка юркнул в придорожные кусты. Совершенно потеряв самообладание, Вакербарт начал палить по кустам, пока не кончилась обойма. Услужливые солдаты бросились затем за мальчишкой, но того и след простыл. Штурмбанфюрер уселся в машину потрясенный, сгорая от стыда и гнева.

Разумеется, при первой возможности он отчислил и адъютанта, и шофера. Они были направлены на фронт и не напоминали своим присутствием Вакербарту о его позоре. Но случай этот занозой застрял в его памяти. И если ему случалось в дальнейшем во время допросов особо важных преступников хвататься за кобуру, то он тут же снимал и откладывал на стол пенсне.

Закончив с утверждением приговоров, Вакербарт постучал карандашом по металлическому стаканчику, и на пороге комнаты тут же появился дежурный офицер.

— К исполнению, — сказал штурмбанфюрер, передвигая по столу папку с приговорами, и добавил: — Мейснер может войти.

Он знал, что его заместитель, как и надлежало, уже несколько минут ждет в приемной.

Дежурный офицер бесшумно исчез, и через секунду на пороге появился Мейснер, темноволосый, стройный, подтянутый, с папкой в руке.

— Хайль Гитлер!

Коротко подняв в ответ ладонь, Вакербарт сказал:

— Вольно, вольно, Мейснер, проходите.

Мейснер подошел и остановился на дистанции в один

шаг от стола. Штурмбанфюрер смотрел на него снизу пронизывающими, сверлящими глазами.

Впрочем, Вакербарт сверлил глазами своего заместителя не потому, что гневался на него. Он делал это просто по привычке, как человек, привыкший безраздельно повелевать жизнью и смертью десятков тысяч людей. Напротив, штурмбанфюрер имел все основания для того, чтобы быть довольным своим заместителем. В свое время он ошибся в этом человеке. Это произошло в самом начале войны, когда Борис Мейснер, бывший студент Тартуского университета, предложил свои услуги абверовцам в качестве переводчика. Тогда Вакербарт колебался. Его смущали и большевистский вуз, в котором учился этот прибалтийский немчик, и весьма подозрительное для нордического уха имя «Борис». Однако Мейснер безукоризненно знал три языка, и штурмбанфюрер приказал зачислить его в отдел.

Мейснер начинал с должности унтер-офицера. Мог ли подозревать тогда Вакербарт, что этот молодой человек быстро пойдет по служебной лестнице, станет его заместителем и особо доверенным лицом? Конечно, нет. И тем не менее карьера Мейснера была стремительной, причем каждый следующий шаг вперед — заслуженным.

Вскоре выяснилось, что прибалтийский немчик с подозрительным именем по своим взглядам не отличается от тех молодых эсэсовцев, которые воспитывались в рейхе. Переводчик начал принимать участие в операциях. Он не чурался самой простой, черной работы, задерживал людей, конвоировал их, надо было — расстреливал. Со временем как-то стало так, что имя Мейснера в той или иной степени связывалось с большинством удачных контрразведывательных операций, осуществленных отделом I-Ц.

Сам того не подозревая, Вакербарт видел перед собой блестящий образец умного карьериста.

— Вспомогательные подразделения тайной полевой полиции действуют недостаточно эффективно... — начал штурмбанфюрер, похлопывая ладонью по сводке, где сохранилось подтверждение этой мысли. — Они продолжают оставаться дармоедами. Десяток расстрелов в день, две-три виселицы... Они не оправдывают того удовольствия, которое выделяет им германская армия. Сегодня я просмотрел некоторые их донесения и пришел в изумление. Один из наших комиссаров с гордостью сообщает, что карательный отряд целый день занимался тем, что подвешивал к потолку старуху, муж которой

находится в партизанах. Результата они не добились и повесили в конце концов старушку окончательно. Это же идиотизм, Мейснер! Целый отряд занимается одной старушкой, которая имеет все шансы умереть естественной смертью! Может быть, комиссар был просто пьян, когда писал донесение?

Мейснер почтительно слушал. Он знал, что Вакербарту надо сейчас высказаться, проверить некоторые свои мысли. Главное начнется позже, когда в кабинет будут приглашены старшие офицеры отдела.

Вакербарт был свеж, бодр, энергичен. Его заместитель, который мало что упускал из виду, знал, что штурмбанфюрер провел эту ночь у Лидии, смазливой бабенки, которая состояла при отделе на неопределенной должности. Лидия была любовницей одного из карателей, и Мейснер некоторое время удивлялся тому, что столь культурный человек, как Вакербарт, делит постель с вечно грязным и полупьяным русским мужиком. Однако Вакербарт, видимо, вообще не задумывался над этим обстоятельством. Бросил думать над ним и Мейснер. Сейчас он просто с легкой завистью отметил, что на лице штурмбанфюрера не видно никаких следов бурно проведенной ночи.

— ...Состав вспомогательных подразделений не является для нас ни союзником, ни даже помощником. Мы заставляем его делать черную работу, и только! Так заставьте же их, Мейснер, работать! Пусть прочесывают леса и гоняются за партизанами! Не выпускайте их из леса!

Начальник отдела I-Ц казался Мейснеру образцом абверовца, не знавшего ни колебаний, ни страха, незыблемого как речная скала. Пожалуй, он был недостаточно тонок... В свое время, например, когда Мейснер начинал свои «допросы с чашечкой кофе», Вакербарт отнесся к ним с презрительной улыбкой. Но Мейснер стоял на своем: избитым до полусмерти людям, которых к нему приводили, он с сочувственной улыбкой предлагал сигарету, чашечку кофе. И вскоре штурмбанфюрер был вынужден признать, что Мейснер неплохой психолог: чашечка кофе и безукоризненная русская речь давали иногда тот эффект, который не могли принести пытки. Да, тонкости Вакербарту не хватало. Но в остальном он казался Мейснеру безукоризненным.

Между тем начальник отдела I-Ц не был столь незыблем, как это представлялось его заместителю. Долгие месяцы войны в России изменяли штурмбанфюрера по-

мимо его воли. И если входить в подробности, правда, достаточно важные, то можно сказать, что на оккупированной территории действовали в разное время три разных Вакербарта.

Первый из них, абверовский рыцарь плаща и кинжала, въехал в Россию на автомобиле во главе специального подразделения. Было начало войны, самое славное, с его нынешней точки зрения, время. Горели деревни и поля. Запыленная пехота шла по обочинам дорог, пропускающая танки. Очаги упорного сопротивления, на которые наталкивались войска, легко объяснялись «фанатизмом большевиков».

Его люди — гестапо, СС, СД — работали тогда так же легко и красиво, как в Европе. Специальные машины шныряли по улицам оккупированных русских городов. Уничтожение партийного и советского актива шло по плану, по плану же уже намечалось проведение гигантских акций массового уничтожения. Сбывалось гениальное предвидение фюрера, что Россия является колоссом на глиняных ногах. Это была, как думал штурмбанфюрер, правильная война.

После длительных и упорных боев на Лужском рубеже Вакербарт был уже другим. Теперь у него рождалось предчувствие, что русская оборона напоминает пружину, которая сжимается все туже и туже... Но это же время было временем его профессионального торжества. Регулярные немецкие части с легкостью разрезали районы действий партизан и уничтожали отряды и группы по частям. Подполье, оставленное большевиками, зачастую было замаскировано наивно и не обладало конспиративным опытом.

Штурмбанфюрер еще верил, что он исполнитель неизбежной исторической миссии. И любая попытка противодействовать тому, что предопределено, вызывала у него чувство досады, недоумения и даже обиды. Однажды к нему привели избитого паренька лет шестнадцати, который подозревался в участии в подпольной молодежной организации. Парень, несмотря ни на что, отказывался. Бегло допросив его, Вакербарт коротко приказал: «Устранить!»

Он мгновенно забыл этого парня и продолжал работать. Минут через двадцать у входа в дом, где находился отдел I-Ц, раздался какой-то непривычный шум, штурмбанфюрер с удивлением спросил: «Что случилось?» Адъютант выскочил наружу и, вернувшись, растерянно объяснил, что явился расстрелянный парень, который

требует, чтобы его пропустили к Вакербарту. «О чем вы говорите?»— недоуменно рявкнул Вакербарт. «Фельдфебель только ранил его, в голову,— продолжал адъютант.— Он выбрался из ямы и пришел сюда».—«Зачем?»—«Он хочет вам объяснить, что ни в чем не виноват».—«А еще чего он хочет?»— повысил голос Вакербарт. «Он требует медицинской помощи...»

Бог мой! Штурмбанфюрер еще никогда не бушевал так в своем отделе. Фельдфебель, который водил парня расстреливать, дрожал перед ним как осиновый лист. Вакербарт брызгал слюной и размахивал перед носом фельдфебеля пистолетом. «Если ты еще раз, скотина промахнешься,— ревел он,— то я не промахнусь. Ты понял, болван?! Марш!»

Вспомнив как-то в разговоре с Мейснером этот эпизод, штурмбанфюрер спросил: «Вы не помните, как это называется по-русски?.. Есть такое слово...» Мейснер долго думал, а потом ответил: «Правдолюбец, господин штурмбанфюрер».—«Да-да, прав-до-любец,— повторил Вакербарт и, вздохнув, добавил:— Какая глупость!»

И вот теперь перед Мейснером сидел третий Вакербарт, начальник отдела разведки и контрразведки, который, увы, не мог обеспечить безопасности в тылу 18-й немецкой армии ни одному солдату. Подполье, уничтоженное, как ему казалось, навсегда, возродилось, словно феникс из пепла. Партизанские отряды и группы множились с каждым днем. Не помогали ни специальные антипартизанские подразделения, созданные по приказу фельдмаршала фон Лееба, ни инструкции для солдат, ни беспощадный террор, которому подвергалось население.

Лес вокруг железных дорог был вырублен, но эшелоны, которые шли к фронту, продолжали лететь под откос. Ни одна машина не могла выйти на дорогу без достаточной охраны. Вакербарт сознавал, что, если он не будет осторожен, его подстрелят без всякого уважения, словно перепелку. С удивлением штурмбанфюрер обнаруживал, что помимо закона, по которому он уничтожает людей, существует закон, по которому могут уничтожить его самого.

У него был немалый опыт, и он понимал, что улучшения обстановки ждать не следует, что события развиваются в пользу русских. Но сдаваться он не собирался. В тихие утренние часы он работал над планом, который должен был опрокинуть замыслы большевиков. Он видел

только один выход из создавшегося положения: необходимо превратить тылы немецких армий в «мертвую зону», полностью свободную от русского населения. Просто уничтожить жителей здесь было невозможно за их многочисленностью, следовательно, их надлежало эвакуировать.

Вакербарт прикидывал, что слабая часть населения — старики, дети — погибнет еще при эвакуации и будет погребена родственниками. Все остальные эшелонами направятся в Германию. Здесь необходимая часть превратится в «восточных рабочих», а остальные пойдут в лагерь массового уничтожения.

Этот план штурмбанфюрер предполагал изложить на совещании у подполковника Лизонга, в отделе I-Ц группы армий «Север», и рассчитывал получить полную поддержку. У себя в отделе он не говорил о нем даже Мейснеру.

— ...Итак, Мейснер, что сделано для пополнения вспомогательных подразделений?

— В Жестяную Горку доставлено еще восемнадцать человек.

— Мало.

— Наши вербовщики действуют во всех лагерях военнопленных. Но эти скоты предпочитаютдохнуть от голода. Сочетание традиционной русской лени с квасным патриотизмом...

— Гм... Все вновь доставленные уже приняли участие в акциях? Прошли, как вы выражаетесь, обкатку?

— Пятнадцать из них.

— Остальные?

— Отказались, к сожалению, принять участие в рядовом расстреле.

— Уже ликвидированы?

— Естественно, господин штурмбанфюрер.

Вакербарт почувствовал приступ сентиментальности.

— Я понимаю вас, Мейснер. Возиться со вспомогательными подразделениями — тяжелый крест. Но я не знаю человека, который справится с этим отребьем лучше, чем вы. Уверен, рейх не забудет ваших заслуг.

— Высоко ценю ваши слова, господин штурмбанфюрер. Я польщен.

«Вспомогательные подразделения», о которых вели разговор начальник отдела I-Ц и его заместитель, абвер вербовал из русских предателей. Было создано четырнадцать таких отрядов, а точнее говоря, банд, которые использовались главным образом для проведения раз-

личных провокаций. Во главе каждого из них стоял комиссар, немецкий офицер. Все они подчинялись непосредственно подразделению тайной полевой полиции ГФП-520, которым командовал комиссар полиции капитан Рейхе, а через него — Мейснеру.

История создания таких отрядов сама по себе поучительна. До начала войны в высших сферах гитлеровского рейха неоднократно и подробно обсуждался вопрос, возникнет ли у немецких властей необходимость сотрудничества с какими-либо группами русского населения. Возобладала та точка зрения, что от любого сотрудничества с русскими следует принципиально воздержаться и применять на оккупированной территории главный тезис, провозглашенный Гитлером: «Мы должны развить технику обезлюдивания. Если вы спросите, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц, и это то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача».

Однако применение «техники обезлюдивания», несмотря на настоящую «индустрию смерти», созданную гитлеровской Германией, оказалось для фашистов трудоемким делом, и тяжелая обстановка, сложившаяся на оккупированной территории, рост народного сопротивления заставили их спешно менять политику.

Стоит процитировать по официальному германскому документу:

«Имеет смысл достичь сотрудничества с гражданским населением путем обещаний хозяйственного и экономического рода... Очевидно, что мы в дальнейшем не откажемся от реального сотрудничества с определенной группой верных нам и удостоенных нами доверия русских. В конце концов, Восточный поход является лишь частью нашей общей победы. В этом смысле война не закончится и после того, как мы завоюем всю Россию. Для антикоммунистически, антисемитски настроенных русских наше пренебрежительное отношение к их содействию является основанием того, чтобы бороться против нас... В первую очередь должны исчезать только те люди, которые рассматривали коммунизм как идеал и как религию, а не просто как обычную государственную власть... Такие или близкие к этому воззрения мы должны, безусловно, поддерживать, чтобы не возникла большая опасность, при которой под ударами германской армии возникнет единый русский народ... Поэтому мы будем добиваться создания русских добровольческих союзов, проводя вместе с тем политику сохранения немецкой крови, путем

окончательного решения — в нашем толковании этих терминов».

«Термины» эти обозначали на условном языке гитлеровской верхушки физическую ликвидацию других, «неарийских», народов.

В результате этой «новой» политики фашисты приступили к созданию вспомогательных подразделений из русских предателей и так называемой РОА («Русской освободительной армии») под командованием изменника Власова.

Вакербарт был вполне прав, говоря: вспомогательные подразделения — это сборище последнего отребья. Когда он замолчал и наступила пауза, Мейснер решил оживить разговор:

— Некоторое время назад я докладывал вам о неприятном происшествии в отряде, шефом которого является комиссар Шляхтицкий...

Штурмбанфюрер внимательно посмотрел на него.

— Во время ссоры, которая возникла на вечеринке со шнапсом, один из карателей автоматной очередью убил командира своего отряда.

— Помню, — сказал Вакербарт. — Кажется, этим командиром... был какой-то князь?

— Да, князь Берг-Иванов.

— Я вижу, что у Рейхе собрались только князья, графы и прочие представители сословного дворянства, — проворчал штурмбанфюрер.

— Мы позволяем им этот маскарад, — спокойно ответил Мейснер. — Иногда он бывает полезен.

— Пожалуй. Продолжайте.

— К месту происшествия немедленно прибежал Франц Шляхтицкий. Берг-Иванов был мертв и лежал в доме, унтер-офицер, раненный, валялся у калитки. Узнав, что произошло, Шляхтицкий тут же пристрелил его и навел порядок в пьяной русской банде.

— Ну и что же?

— Берг-Иванов неоднократно отмечался командованием за борьбу с большевиками. Поэтому я распорядился, чтобы его похороны носили торжественный характер. Но недавно я получил из этого отряда новые известия. Неизвестно откуда там распространился слух, что Берг-Иванов был евреем. Ночью группа солдат разрыла могилу и выбросила оттуда его труп.

Вакербарт с любопытством смотрел на заместителя.

— Как звали этого князя?

— Корнелий Иванович.

— Боже! Корнелий Иванович! — захохотал штурмбанфюрер. — Еврей! Труп, который выбрасывают из могилы!

Насмеявшись, он весело продолжал:

— Благодарю вас, Мейснер, за этот прекрасный анекдот. Постараюсь непременно рассказать его подполковнику Лизонгу. В нем есть нечто, — Вакербарт щелкнул пальцами, — говорящее о некоторых аспектах нашей работы.

Тут губы Вакербарта плотно сжались. Казалось, невероятным, что несколько секунд назад он смеялся.

— Вам не кажется, однако, что у нас за последнее время слишком много анекдотов?

— Что вы имеете в виду?

— Мной отдан приказ, чтобы заключенные здешней тюрьмы ликвидировались только методом «гуманного расстрела». И вот у меня есть сведения о том, как этот приказ выполняется... — Проследив за реакцией своего заместителя, который явно ничего не мог сказать, он продолжал: — Фельдфебель приходит в тюрьму, объявляет заключенному, что тот переводится в лагерь, и вручает ему буханку хлеба и банку консервов. Все идет по приказу. Но этому безмозглому болвану лень далеко вести заключенного, и он расстреливает его прямо в кустах. Выстрел раздается на всю округу. А потом заключенные висят на окнах и наблюдают, как фельдфебель возвращается обратно, с хлебом, с консервами и одеждой казненного на плече. Химмельгот! Я ломаю голову, а этот мерзавец превращает мой приказ в комедию.

— Я немедленно распоряджусь о его строгом наказании.

— Вы хорошо сделаете, Мейснер. Но было бы еще лучше, если бы вы, наконец, расследовали дела у Рейхе, люди которого обычную экзекуцию превращают в еврейскую свадьбу. Черт побери! Мы должны делать удобные, а не мучеников со звездочками вокруг головы! В нашу задачу не входит пополнение синодика большевистских святых! Я начинаю думать, что вы забыли о моем приказе.

Мейснер жестом показал, что о приказе он никак не мог забыть. Он распахнул папку, достал из нее два листа бумаги и протянул их Вакербарту.

— Наконец-то, — буркнул тот и принялся за чтение. «Группа тайной полевой полиции — 520. Командованию 18-й армии, отдел I-Ц.

Относительно расстрела лиц, принадлежавших к бандитским группировкам, доношу следующее. Я отдал необходимые приказы согласно полученным мной от господина полковника Генерального штаба Рихтера и майора фон Вакербарта указаниям по этому вопросу.

В каждом случае расстреливаемые заключенные под каким-нибудь предлогом доставлялись на место, где гражданское население не могло проходить, и там выстрелом в затылок убивались. Почти во всех случаях до сих пор удавалось, что люди, которые должны быть расстреляны, не подозревали о предстоящем расстреле. Одежда, еще годная к употреблению, с расстреливаемых снималась...»

Мейснер следил, как штурмбанфюрер читает эту дурацкую, лживую от начала до конца бумагу. «Орднунг», которого добивался начальник отдела I-Ц, в отрядах Рейхе и не ночевал. Тут вешали, жгли, насиловали, публично пытали, вырезали звезды на груди. Все это Мейснер видел собственными глазами. Сам Рейхе был полным ничтожеством, бывшим уголовником, который стал сотрудником «крипо». В придачу он имел одну особенность. Когда он напивался, а это случалось регулярно, у него начинали чесаться руки, он хватал пистолет и не успокаивался до тех пор, пока не отправлял на тот свет одного или нескольких заключенных. Клоун!

Штурмбанфюрер заерзал в кресле. Дальше в рапорте шла речь о вызвавшей его гнев истории с фельдфебелем Эммерлингом. Рейхе продолжал в том же духе:

«Присутствуя один раз непродолжительное время на одном из расстрелов, я видел, что мужчины перед ямой, где с них снимали наручники, сами должны были раздеваться, и затем один из них тотчас прыгал в яму и ложился в ней, после чего обер-фельдфебель полевой жандармерии одиночным выстрелом из автомата в затылок убивал уже лежавшего в яме человека. Второй мужчина получал знак таким же образом прыгать, что он немедленно выполнял, и так же ложился лицом вниз. На мой вопрос, почему полевая жандармерия велит заключенным раздеваться, мне сказали: «Чтобы одежда, которая немедленно пойдет в употребление, не была вся в крови». Раздевание и расстрелы производились с молниеносной быстротой. Остальные расстрелы производились таким же образом.

После вновь объявленного в начале ноября 1942 года приказа о том, что расстрелы должны проводиться незаметно, заключенные под предлогом того, что они якобы

направляются в лагерь, вывозились на грузовике и затем за пределами станции Сиверской вышеуказанным образом расстреливались.

Обер-фельдфебель Эммерлинг является одним из надежнейших моих подчиненных и имеет в борьбе с бандитизмом особые достижения.

Комиссар полевой полиции
и командир подразделения
Рейхе».

Вакербарт был бюрократам, и любая бумага производила на него гипнотическое действие.

— Кажется, Рейхе взялся за ум, — пробурчал он, бросая рапорт на стол.

Приходя вновь в хорошее настроение, он взглянул на часы. Время беседы с заместителем истекало. Он еще раз просмотрел сводку, испещренную красным карандашом. Неожиданно подвинул к Мейснеру один из листков и указал на слово, которое было подчеркнуто двумя линиями.

Наклонившись над сводкой, тот прочел: «Рыжий». Затем пробежал глазами всю строку. Вакербарт любил проверять профессиональную память своих подчиненных.

Чуть помедлив, Мейснер ответил:

— Да, группа партизанской разведки Рыжего действовала в тех же местах в прошлом году. К сожалению, ее не удалось тогда ликвидировать, хотя местная комендатура и части СС провели несколько операций и засад. Нагрузка на наши подразделения так велика...

— Вы не связываете с появлением группы усиление диверсий в этих местах?

— Нет, — качнул головой Мейснер. — Рыжий занимается только разведкой. Скорее всего, можно ожидать, что в район Плюсса — Струги Красные будет переходить крупный партизанский отряд.

— Разумно, разумно. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что агент, появляющийся во второй раз, крайне опасен. Это значит, что в этих местах у него надежные связи. Прошу вас принять меры к тому, чтобы в самое ближайшее время группа Рыжего была безусловно ликвидирована.

— Ваш приказ будет передан всем местным подразделениям.

Вакербарт встал, прошелся по кабинету.

— Завтра я уезжаю на совещание к подполковнику Лизонгу.

— Желаю вам приятно провести время в Пскове, господин штурмбанфюрер.

— Благодарю. Псков, конечно, не та ужасная дыра, в которой мы сидим. Руководство отделом будет возложено на вас. Приказ я отдам сегодня.

Мейснер вытянулся.

— Впрочем... я не жду в эти дни особых событий. Вам придется заняться текущей работой, утверждением приговоров и прочей ерундой...

Помолчав, он продолжил очень значительно:

— Но я надеюсь вернуться с совещания с хорошими новостями. Думаю, что нам с вами предстоит осуществить операцию особо большого масштаба...

ЛЕСНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Что такое разведка? С точки зрения «лужан», это прежде всего — километры. В лучшем случае двадцать — двадцать пять, а то и тридцать, пятьдесят, семьдесят. От базы надо выйти к «секрету» на железной дороге или шоссе, пробыть там сутки и вернуться обратно.

«Секреты» (их выбрано несколько на обеих магистралях) — удобные в смысле маскировки места, как правило, на небольших возвышенностях, имеющие надежные пути отхода. Лежать или сидеть в «секрете» следует по возможности совершенно неподвижно, так, чтобы тебя не выдали даже лесные птицы. Пусть совсем окоченеешь — не шевелись. Уходя, надлежит проверить, не оставил ли каких-нибудь следов: полевая жандармерия часто прочесывает лес у дорог. Если жандармы заметят, что приметное место среди кустарника — пост наблюдения, то немедленно организуют засаду.

Спать приходится меньше, чем шагать, шагать, шагать. Путь по лесу извилист и причудлив. Чаще всего он проходит по склонам ложбин, изредка поднимаясь на холмы, удобные для кругового обзора. Если идешь в цепочке не первым, то засыпаешь на ходу. Ствол карабина ударяет по затылку, и ты просыпаешься. Смотришь на плывущие над головой лапы елей и засыпаешь снова.

Так — в неустанных походах — проходил для «лужан» день за днем. На привалах, во время коротких перекуров, бойцы сразу ложились на спину, упираясь каблуками сапог в стволы деревьев. Ноги отекали, пухли от бесконечной ходьбы.

— Сейчас у нас две главные задачи — наблюдение и связи в деревнях, — сказал бойцам Александр Иванович. — Ввязываться в стычки с карателями запрещаю. Если кто на них налетит, надо немедленно и бесследно исчезнуть. Отстреливаться — лишь в крайних случаях. Если вам навязывают бой, не принимайте его, — окружают. Во всех случаях старайтесь быстрее оторваться от преследования.

— Комендатуру бы потряхнуть... — мечтательно промолвил Миша Антонов.

— Будет тебе и комендатура, — ответил Иванов. — Со временем.

На Большой земле лесная жизнь представлялась молодым бойцам совсем по-другому. Они думали о засадах, дерзких диверсиях и подрывах, лихих налетах на немецкие посты. А пока командир не разрешает им «тряхнуть» даже полицаю или старосту-предателя. Способность проходить без отдыха десятки километров оказывается более важной, чем умение метко стрелять, снимать часовых и организовывать ночные засады.

Ребята похудели и возмужали, их лица обветрились, выдубились морозом. Они научились не только совершать быстрые скрытые переходы, спать в снегу, но и различать каждый звук в лесу, каждый новый запах. Издалека они распознают в воздухе запах махорки, которую курят полицаи, и сладковатый запах немецких солдатских сигарет.

При подходе к своей базе с подветренной стороны они отчетливо слышат запах «дворца». Однажды они заспорили, чем пахнет человеческое жилье в лесу.

— Веником, — сказал Сева.

— Влажной бумагой, — заметил Миша.

— Если уж точно говорить, — высказал свое мнение Володя, — то пахнет деревенской баней.

Ватники и брюки у всех уже успели порваться, были прожжены угольками костров. Но вид у «лужан» по-прежнему подтянутый. Александр Иванович и Володя, бывая на базе, регулярно бреются. Толя в это время обычно крутится около них, заглядывает в зеркальце и рассуждает, поглаживая едва заметную темную полоску над верхней губой:

— Кажется, становлюсь солидным человеком, только солидность почему-то медленно прибавляется.

Долгие походы «база — «секрет» — база» — лишь главная схема, по которой они действуют. И в каждом конкретном случае она обрастает различными заданиями.

Надо зайти к «своим» людям, что-то проверить, разузнать, получить у них сведения, договориться о новом «почтовом ящике».

Странная она, эта «временно оккупированная территория». Не назовешь ее вражеской землей. Она — своя. И люди в большинстве своем живут на ней хорошие. Во многих семьях отцы, сыновья, братья сражаются с гитлеровцами на фронте.

Но пойдешь разыщи нужных людей, если каждый день появляются сообщения об арестах и расстрелах, если лютуют каратели, а агентура гестапо неустанно организует провокации, вылавливая патриотов, помогающих партизанам.

Погибли Зина и Тоня Герасимовы. Они умерли, не назвав ни одной фамилии, несмотря на побои и пытки... В Сеглицах каратели расстреляли группу подростков, которые, найдя в лесу подбитый советский танк, зарядили его пушку и выстрелили в направлении шоссе, по которому двигалась колонна немецких солдат. Парнишки тут же разбежались, но гестапо провело расследование со всей методичностью: из «мальчишек-танкистов» в живых не остался никто.

Повсюду, в деревнях и на дорогах, развешаны плакаты: «Партизаны! Выходите из леса! Всем вам германское командование обеспечит работу и достойную жизнь». Ночью на этих стандартных плакатах появляются стандартные надписи углем: «Господа „освободители“, пули не хотите ли?»

«Лужане» сумели возобновить прошлогодние связи и установить новые в широком круге деревень — Погорелово, Ретени, Добрый Бор, Замошки, Бутыри, Андромер, Сеглицы, Николаево, Лудони, Маяково. Даже там, где стояли крупные немецкие гарнизоны, нашлись нужные разведчикам люди, патриоты.

Каждое боевое задание по разведке было связано и с распространением литературы. Запас газет и листовок быстро кончился, крестьяне передавали их из рук в руки и зачитали до дыр. Приходилось устраивать групповые читки. Толя Бриллиантов ухитрился сохранить одну из самых ценных газет — с сообщением Совинформбюро: «Наши войска полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда». Он носил ее с собой, берег как зеницу ока и никому не давал.

Почти ежедневно, возвращаясь с задания, он заходил в деревню, где сигналы указывали на отсутствие немцев

и полицаев. Тут он пользовался гостеприимством у одного из «своих», и пока подкреплялся щами или картошкой, хозяин дома потихоньку созывал знакомых.

Когда они собирались и рассаживались в избе, Толя, покончив с ужином, доставал газету и начинал вполголоса читать:

— «Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника...»

Бриллиантов знал длинное сообщение чуть ли не наизусть, но читал его всегда неторопливо, выразительно и солидно. Он знал, что успех ему обеспечен. Сообщение крестьяне выслушивали до конца, затаив дыхание. Потом сыпались вопросы:

— Сколько, ты сказал, их генералов пленили?

— Двадцать четыре и более двух с половиной тысяч старших офицеров, — чеканил Толя.

— А пушек, танков?..

— Орудий — шесть тысяч семьсот, а танков — более полутора тысяч.

Ответив еще на три-четыре вопроса, Толя сворачивал газету и степенно произносил:

— Почитали, товарищи, и хватит. Меня ждут в другом месте.

«Толя-маленький», как его называли крестьяне, пользовался в деревнях всеобщей симпатией. Из всего состава группы он казался людям проще и ближе, наверное, еще и потому, что с ним вечно случались какие-нибудь по-человечески простые, но очень смешные промашки.

Однажды, когда он, по обыкновению плотно перекусив, провел читку, его попросили прочесть сообщение о Сталинграде еще в одной избе, где его ждали крестьяне. Толя согласился. Едва он вошел в избу, как хозяин пригласил:

— Пожалуйста, наших щей горяченьких.

Толя был блокадником, к тому же он не знал, когда удастся поесть в следующий раз. Поэтому, вздохнув, он промолвил:

— Да, я давно не ел и порядочно проголодался. Подкрепиться не мешает.

Он уселся за стол и, вооружившись ложкой, принялся за дело. Оторвавшись от миски, он увидел изумленное лицо хозяина первой избы, который пришел сюда вслед за Толей, чтобы прослушать сообщение еще раз.

В особенности подводило Толю незнание деревенской,

сельской жизни. Когда однажды переселенцы пожаловались ему, что немцы выделяют им земельные наделы по восемь соток, он заметил: «Да, конечно, на таком наделе без лошади не справишься...» — чем вызвал общий хохот.

Надолго запомнился и такой эпизод. Зайдя вместе с Александром Ивановичем в деревню, Толя попросил у одной из хозяек кружку молока. «С удовольствием, родненький, напоила бы, — ответила та, — да коровки нынче нет...» — «Понятно, — сказал Толя. — Какое же молоко без коровы? Но может быть, у вас найдется немного сметаны?»

Когда они возвращались на базу, Александр Иванович веселился от души:

— Эх ты, городской житель... Что молока без коровы не бывает, это ты знаешь. А что сметаны без молока быть не может, это тебе не известно?

Толя не обижался. Разведывательную работу он вел не хуже других, а замечания мотал на ус. Допустив однажды промашку, он, как правило, больше ее не повторял.

Каждый вечер Сева включал рацию, и все, кто был на базе, собирались вокруг него с листками бумаги и карандашами в руках. Настроившись, он выжидал, а потом начинал диктовать сводку, которую транслировал Ленинград:

«В течение ночи на фронтах существенных изменений не произошло...»

Этой фразой неизменно начинались сводки на протяжении всего апреля.

«...Частями нашей авиации уничтожено не менее 6 танков, 40 машин с войсками, взорван склад боеприпасов, подавлен огонь 8 артиллерийских батарей...»

Так Сева диктовал семь-восемь минут. Очень тщательно записывались встречавшиеся в сводках сообщения о действиях партизан. Информации о зверствах оккупантов пропускали.

— Этого у нас и тут хватает, — сказал Иванов. — Не будем.

Затем каждый переписывал сводку в нескольких экземплярах. Размножались и старые записи — об итогах всей зимней кампании, и в особенности — февральское сообщение Совинформбюро «Лживая выдумка немецко-фашистских мошенников». Оно пользовалось огромным успехом не только из-за своего существования, отражавшего положение дел на фронтах, но и за счет сатирической формы изложения.

Мария Капитоновна Варфоломеева
(«тетя Маня»).

«Лужане» испытывали хроническую нехватку писчей бумаги. На помощь пришли верные помощники — учителя. Из Горок, Логовища, Сазонова, Погорелова и других мест в Савин бор поступили пачки ученических тетрадей, старые, из довоенного запаса.

Это была немалая жертва, ибо тетрадей, конечно, в продаже не было и ученики в сельских школах писали на

чем придется. Но для сводок учителя отдавали все.

Мария Капитоновна Варфоломеева из деревни Букино («тетя Маня»), мать большой крестьянской семьи, раскиданной войной, человек, который помогал разведчикам всем, чем мог, поехала однажды в Струги Красные за спичками и сумела раздобыть там большую пачку бумаги, которую передала разведчикам. Эта пачка также пошла на сводки Совинформбюро.

Вначале бойцы распространяли сводки сами, расклеивали в деревнях, прикрепляли к деревьям у дорог. Затем все шире стали привлекать к этой работе помощников в деревнях. И хотя все они были предупреждены об особой осторожности, каждый раз передача сводок сопровождалась строгим указанием:

— Прочти сам, передай надежным людям, прикрепи на видных местах. Но переписывать не смей и следи за тем, чтобы никто не переписал.

Гестапо должно было иметь только пять образцов почерка. «Лужане» заботились о том, чтобы оно не получило хоть какую-нибудь «зацепку» в деревнях.

С помощью сводок осуществлялась и своеобразная дезинформация немецкой контрразведки. Гестаповцы и жандармы сбивались с ног. Сводки, написанные одной и той же рукой, в одну ночь появлялись в нескольких деревнях, отстоящих друг от друга на десятки километров. А у страха, как известно, глаза велики. Когда каратели приезжали проводить расследование, старосты, осведомители гестапо обычно уверяли их, что видели партизан

собственными глазами, что группа была большая и так далее.

Иногда «лужане» действовали нарочито дерзко. Так, во время визита в Горки они приколотили свежую сводку на двери школы, где размещался отряд полицаев.

И в дерзости был свой смысл. Одна из особенностей тактики «лужан» состояла в том, что, если деревня была свободна от немецких солдат и карателей, они появлялись в ней открыто.

— Большого форса не надо, — говорил бойцам Александр Иванович. — Но уж еслиходишь в деревню, веди себя так уверенно, чтобы староста и «тайники» хвост поджимали. Если мы от этой шушеры будем скрываться, бегать, то у них появится желание за нами поохотиться, отличиться перед своими хозяевами. Надо, чтобы они чувствовали нашу силу.

По сообщениям из деревень «лужане» хорошо знали, что гестапо интересуется ими весьма упорно. Повсюду гестаповцы расспрашивали о «группе Рыжего». И можно сказать, что о «странных партизанах» им было известно очень многое, вплоть до имен, привычек и любимых словечек. Но только схватить их они никак не могли.

Четверо суток в деревне Жупаново к одному из амбаров был прислонен шест с пучком соломы наверху. Это был тайный знак местного жителя Якова Васильева. И четверо суток разведчики обходили деревню. Когда шест исчез и разведчики вошли в Жупаново, первый же крестьянин, встретившийся им, ахнул:

— Ну и везучие вы ребята! Каратели только что ушли. Ведь четверо суток они тут в засаде сидели.

— А мы как раз в других местах были заняты, — ответил ему Миша.

Партиями и отрядами каратели пробирались в лес, прочесывали подозрительные логи. По сырому апрельскому снегу они прокладывали множество троп, которыми умело пользовались «лужане», чтобы не оставлять собственных следов. Один из отрядов цепочкой прошел рядом с «дворцом». Но помогла хорошая маскировка: убежища разведчиков каратели не заметили.

Эти события, естественно, обсуждались на базе.

— Как вы думаете, насколько это для нас опасно? — спрашивал командир у своих бойцов. — И вообще: каким способом они постараются нас взять?

— Только не проческой, — ответил Подсекин. — Чтобы прочесать по-настоящему наши леса, надо две-три диви-

зии. Ясно, что немцы из-за одной нашей группы на это не пойдут. Много нам чести.

— А если все-таки каратели наткнутся на базу? — спросил Миша.

— Отстреляемся и уйдем. Отходы у нас хорошие, резервные базы есть. Это все случайность... Главная опасность не здесь.

— Постараются, наверное, нащупать наших людей в деревнях, — сказал Сева.

Иванов кивнул:

— Пожалуй, так гестапо и будет действовать. Самое реальное для них — взять нас где-нибудь на провокацию, на засаду.

Через два дня эти слова получили реальное подтверждение. Миша обнаружил в одном из «почтовых ящиков» записку — листок с неровными, корявыми буквами: «Дядя Яша просил пожаловать».

Командир повертел в руках записку и задумчиво спросил:

— Что же это может быть? Дядя Яша даром не позовет. Придется «пожаловать»... Сегодня же ночью.

Они подошли к Лучкиной скрытно. Бойцы прикрыли избу Елисеева от возможного нападения, а Александр Иванович осторожным стуком разбудил хозяев.

Открыл ему Яков Федорович в полушубке, накинутом поверх белья.

— Ты, Иваныч? Получил письмо? Заходи.

Они беседовали в темноте, не зажигая света.

Голос «дяди Яши» был, как всегда, ровным и спокойным.

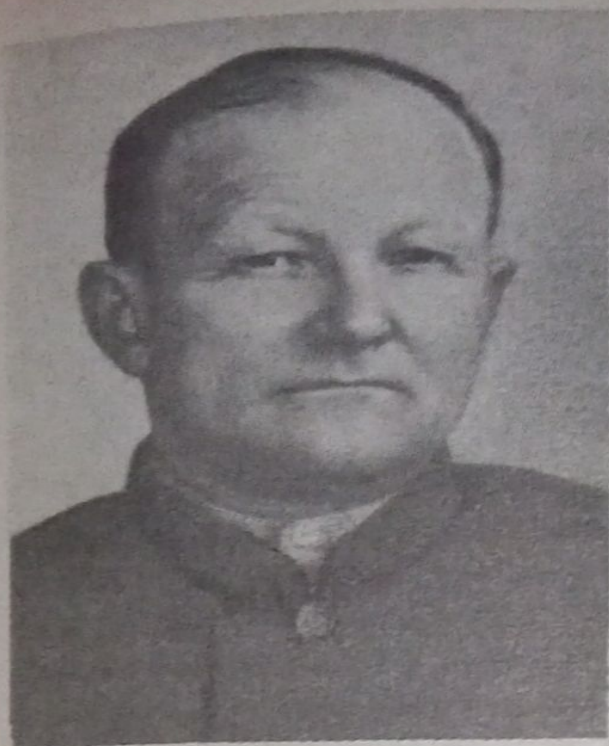
— Потревожил я вас вот по какому делу... Вчера был я в Стругах в комендатуре. Ну, сам знаешь: налоги сдать, новые приказы получить. Сижу в канцелярии и слышу у коменданта знакомые голоса. А дверь к нему была приоткрыта. Я больше прислушиваюсь... Павел и Арсей у коменданта оружие просят — автоматы и гранаты. Если, мол, господин комендант даст оружие, то они Рыжего и всю его группу быстро изведут. Просто перестреляют в деревне.

— Дал им оружие комендант?

— Не знаю. Я это все послушал и думаю: «Надо тебе, Яков Федорович, отсюда сматываться». Встал и ушел незаметно. Погулял, посмотрел на жизнь в Стругах. Когда снова пришел в комендатуру, их уже не было.

— Молодец, дядя Яша, — улыбнулся Иванов.

— Обоих я знаю. Павел и Арсей — не храброго де-

Андрей Евдокимович Ярмистый, дежурный по станции Карьер, и его жена Елена Ивановна, регулярно передававшая по «цепочке» сводки о движении по железной дороге.

сятка. Пока они только перед крестьянством властью своей выставлялись да хороших людей потихоньку немцам продавали. Но, полагаю, что могут и выстрелить... Не за объявленной наградой ведь они гоняются. А знают: либо они — вас, либо вы — их. Тут уж как дело пойдет. От страха за свою шкуру могут и на вас кинуться.

— Спасибо,— сказал командир «лужан». — Возьмем мы это дело на заметочку.

Провожая его, Елисейев вспомнил:

— Моя Анна Семеновна просила узнать, почему бельишко долго не несете. Приносите, бабы постирают.

— Поклон ей,— сказал Александр Иванович. — Как-нибудь заглянем к тебе, дядя Яша.

При такой обстановке, казалось, можно было бы зайти, спрятаться, сделать вид, что группа ушла за железную дорогу. Но Иванов полагал, что работать можно по-прежнему. Не так уж опасно все для них складывалось. Провала пока он не опасался, а если, при успешной работе, группа отвлекала на себя силы карателей и регулярных частей, то это ей и полагалось. На то и война.

Тем не менее «шуметь» Иванов бойцам не разрешал. Любая операция должна была приносить максимально действенные результаты. Поэтому постоянно его внимание привлекала железная дорога.

Там «лужане» освоились очень основательно благодаря систематической помощи со стороны Андрея Евдокимовича Ярмистого, который работал дежурным на станции Карьер.

Володя Подсекин в одну из немногих личных встреч с Ярмистым (эту связь «лужане» очень берегли и старались ничем не выдать) предложил:

— Подбери себе еще трех-четырех человек из обходчиков, смазчиков. Таких, чтобы тебе можно было спросить об эшелонах, которые прошли не в твоё дежурство. Не показывай, конечно, что ты специально сведения собираешь. Так надо сделать, чтобы тебя за любопытство не выдали...

— Найду, — согласился Ярмистый. — Потом у нас еще есть журнал дежурного, где все отмечается.

— Это — дело! — обрадовался Володя. — Но нам надо не только число эшелонов, но и характер грузов, что немцы везут.

Связь с Ярмистым была организована по «цепочке». Сводку за сутки Андрей Евдокимович передавал своей жене Елене Ивановне. Та доставляла ее в Лохову Елизавете Дмитриевне Петровой, немолодой женщине, которая жила с пущенной ею на жительство переселенкой, «бабушкой Фросей». Семья Петровой была за линией фронта. Муж ее в первые месяцы войны угнал в тыл колхозный скот. Три дочери, до войны — учительницы, ушли работать медицинскими сестрами в госпитали. Два зятя были на фронте, третий — в партизанах.

Информацию о железной дороге разведчики получали столь исчерпывающую, что зашла даже как-то речь о том, чтобы снять с нее собственные посты наблюдения. Но командир решительно этому воспротивился:

— Во-первых, нам надо проверять любую информацию. Во-вторых, «железка» прямо записана в нашем боевом задании. В-третьих, она для нас объект вообще особый.

Говоря о том, что железная дорога — объект особый, Александр Иванович имел в виду боевую работу. Подрыв линии, спуск эшелона были самой ощутимой для врага диверсией, которую могли осуществить «лужане». Эта операция оставалась самой заманчивой при любых условиях.

После первого подрыва оккупанты усилили охрану, патрули получили в подкрепление полицаев. При этом немцы рассчитывали, конечно, не на их боевые качества, которые были невысокими. Полицаи, в отличие от немец-

Прасковья Петровна
Босова.

ких солдат, хорошо слышали русскую речь. Они играли, таким образом, при патрулях роль своего рода сторожевых псов.

Однако, по мнению «лужан», интервал между патрулями, при наличии двух эшелонов за это время, позволял им осуществить диверсию. Были произведены сложные расчеты и проверены на практике. Операция, как и в предыдущий раз, прошла успешно: подрывом полотна был пущен под откос военный эшелон. Выходя на следующий день на связь с Центром, Сева дополнил обычную разведсводку специальным сообщением: «Квадрат 21, нижний левый, подорвали поезд. Разбиты паровоз, два вагона. Движение прервано на шесть часов».

После этой диверсии в лес были брошены, кажется, все наличные силы карателей. Группе пришлось с ними «поиграть в прятки». Иногда, когда это было нужно, бойцы подбрасывали в эту «игру» свежие сводки Совинформбюро и нередко отсиживались вблизи деревень, наблюдая тревогу, поднятую карателями, их походы в лес.

Случалось и так, что они отсиживались в самой деревне, в то время как каратели шныряли по лесу вокруг нее. Особенно часто бойцы пользовались в это время гостеприимством в деревне Обода-Буянщина у Прасковьи Петровны Босовой, которая выставляла для «лужан» сигналы безопасности и всегда была готова их укрыть, хотя рисковала не только собой, но и своими тремя детьми.

Прочески и облавы не дали карателям ничего, и постепенно лесная жизнь вошла в обычную колею.

...Уже буйствовала весна. Разлились реки, повсюду шумели ручьи, в воздухе пахло прелью и талой водой. Перед рассветом расстилались густые туманы. Лучи восходящего солнца, пронизывая белую мглу, создавали уже знакомую Иванову и Подсекину «лесную фантастику». Смещалась перспектива, предметы вокруг стран-

но искажались, отбрасывая в туман причудливые огромные тени.

Толя Бриллиантов, вернувшись на рассвете с поста по охране базы, сказал:

— Ну, ребята, там какой-то зверь! Против солнца правда, хорошо не разглядеть. Но длинный-длинный. Лезет на дерево и все тянется, тянется...

— Где, Толя?

— Там, — указал Бриллиантов, — метров за двести

— Волк у тебя, что ли, на дерево полез? — недоумевно спросил командир.

— Нет, не волк.

— Может, лось? — высказал предположение Миша

— Нет, не лось... Похоже — кенгуру.

Все переглянулись. Миша встал, взял винтовку «бесшумку».

— Ладно, — сказал он, — пойду посмотрю, что там за кенгуру.

Бойцы были заинтригованы. Через некоторое время в тумане послышался негромкий хлопок «бесшумки», и Миша вернулся на базу. В руке он нес за уши крупного зайца.

— Послушай, Толя, — сказал он, бросая зайца у входа во «дворец», — не этот ли зверь осину грыз?

— Он самый, — без тени смущения подтвердил Бриллиантов. — Конечно, он.

После этого случая зайцы уже не назывались у «служан» зайцами, а получили странное для постороннего уха название «валдайских кенгуру».

Весна принесла разведчикам новые заботы. Ночные заморозки прекратились, на мокрой земле стали четко отпечатываться следы сапог. Передвигаться, особенно в районе базы, приходилось с большими предосторожностями.

— Давайте уходить отсюда, — сказал Иванов. — Иначе наведем на «дворец» карателей. Надо ждать, пока все подсохнет.

И в конце апреля группа начала странствовать по огромной территории, меняя места дневок и ночевок. Бойцы спали на валежнике, на земле, выбирая места посуше. Несли они на себе и оружие, и запас патронов. Случалось поголодать. Но работа продолжалась, и жалоб не было слышно. У «дворца» теперь регулярно появлялся только Сева, чтобы забрать рацию, отойти с ней в лес и передать очередную шифровку.

ТРОЕ У КОСТРА

На исходе пасмурного и холодного апрельского дня, когда солнце не пробивалось сквозь низкие тучи, возвращаясь с базы после очередного сеанса связи с Центром, Сева и Миша заметили в лесу незнакомых людей. Осторожно приблизившись к ним, разведчики начали присматриваться.

Незнакомцев оказалось трое. Все были одеты одинаково: в гимнастерки, брюки-галифе военного образца, шапки-ушанки, ватники. Двое, растянувшись прямо на голой земле, спали. Третий, согнувшись, дремал, сидя у затухающего костра. Рядом с ним на кустах сушились три рваных ватника.

Кто такие? Как оказались здесь? Сева и Миша, конечно, обратили внимание на валенки. До такого маскарада каратели не дошли бы. Снег повсюду давно сошел, и можно было представить, каково этим людям было в последние недели в лесу. Партизаны? Отстали от своего отряда?

— Ну-ка возьми их на мушку,— прошептал Миша товарищу и двинулся вперед.

Неслышно ступая, он подкрался поближе к неизвестным и увидел два автомата ППШ и кавалерийский карабин, прислоненные к дереву. Оценив обстановку, Миша выпрямился и, направив автомат на сидевшего у костра, скомандовал:

— Встать!

Все трое вскочили, бросились к оружию, но их остановил новый уверенный окрик:

— Отставить оружие! Старший — ко мне!

Незнакомцы словно застыли. Потом один из них нерешительно подался вперед, покосившись на прислоненные к дереву автоматы.

— Держи на прицеле,— приказал Миша радисту и обратился к человеку, который, по всей видимости, был старшим:— Кто такие?

Лицо человека было помятым и измученным, глаза у него провалились, но в этот момент в них светилась сила и злость.

— А вы кто?— спросил он, вроде бы ничуть не пугаясь.

— Вопросы задаю я. Отвечайте!

У человека раздулись ноздри.

— Что же ты, не видишь, кто мы?— яростно крикнул он.— Стреляй, гад!

И человек рванул гимнастерку на груди. Нетрудно было понять, что он принял Мишу и Севу за переодетых полицаев.

— Отставить ругань! — строго приказал Миша. — Поругаться еще успеем. Рассказывай, кто такие.

Несколько секунд они ощупывали глазами друг друга. Наконец в человеке словно вдруг все опало. Понял, что не полицаи, а свои.

— Малыгин Серафим. Командир группы отдельного партизанского отряда. Бывшего отряда. Было нас тридцать три, а осталось трое.

— Чем докажешь?

Тот, кто называл себя командиром, поднял голову и сказал:

— Тем, что сейчас здесь в валенках стою. Не видишь? Вон у того, у Вани, — он кивком показал назад — рана. Да не проходит, гноится...

Миша подошел поближе и заглянул в солдатский котелок, висевший над едва тлевшим костром. В алюминиевой посудине стыла жидкая болтушка из муки.

— Ну ладно. Все ясно, — сказал Миша. — А оружие я пока у вас отберу.

Трое стояли неподвижно. Миша вытащил из карабина затвор, снял диски с автоматов, бросил их в свой вещевой мешок.

— Тушите костер! Место замаскируйте так, чтобы и следа не осталось. Эх вы, раззявы! Уселись у самой дороги, да еще костер разожгли...

Миша имел в виду едва приметную лесную тропинку. Разведчики отвели партизан на полкилометра в сторону, выбрали сухое, песчаное место.

— Устраивайтесь ночевать, ломайте хвою на подстилку. Но сегодня — без костра, — распорядился Миша. Потом он обратился к Севе: — Доложи командиру. Ждать его буду здесь. Да оставь свой НЗ. Моего не хватит. Надо же их чем-то накормить.

Радист передал ему две банки консервов, краюху черствого хлеба, несколько сухарей и скрылся в лесу. Леонардову приходилось торопиться: выйти в условленное место на встречу с командиром, Володей и Толей можно было только ночью.

При ночной встрече в лесу Иванов выслушал рассказ Севы и встревожился. Они ждали в эти дни любой провокации со стороны гестапо. Что если эта тройка — «слиповые партизаны»? Порой гестаповская агентура маскировалась весьма ловко. Смущало его и еще одно обстоя-

ятельство: не заснет ли Миша, вымотанный донельзя и вынужденный нести дополнительное дежурство восемь — десять часов?

Они посоветовались, и группа разделилась. Бриллиантов направился в Лохову за очередным донесением с железной дороги, от Ярмистого. Остальные быстрым маршем двинулись через лес к тому месту, где остался Антонов.

Командир тревожился напрасно: трое подопечных Миши заснули, а он не сомкнул глаз. Услышав в ночи шелест шагов, он вскочил и потребовал пароль. Тотчас были на ногах и задержанные, которые до этого момента лежали на лапнике, укрывшись ватниками. Спали они, видно, по-звериному, вполглаза.

— Ну, что же, хлопцы, будем знакомиться, — промолвил Иванов.

Он нашел глазами, помня рассказ Севы, командира и сказал:

— Ну, давай, Серафим. Рассказывай, откуда и кто был заброшен. Я — Ильин, командир отдельной группы партизанской разведки.

У Малыгина оказался северный говор. Начал он медленно, переводя дыхание. Выглядел он теперь таким слабым, что, казалось, толкни рукой — упадет.

— Мы из отряда Чикоревского. Я — командир группы... Девятого февраля весь отряд с Большой земли забросили в район Батецкой.

— Откуда и чем?

— Из Хвойной, самолетами... Ну, выброска прошла плохо. Словно ждали нас тут... — Он скрипнул зубами. — Часть наших немцы еще в воздухе расстреляли, другая часть погибла в перестрелке с немцами и полицаями... К месту сбора вышло нас только пятеро...

— Сколько должны были ждать?

— Трое суток.

— И ждали?

— Да. Но больше никто не пришел. К концу третьих суток слышали лай собак, голоса немцев...

— Боевая задача была какая? — перебил Иванов.

— Рейд по тылам. Отряд состоял из подрывников. Рейд проводился в связи с наступательной операцией на фронте. На каком участке — мы точно не знали. В задании не было сказано.

— Хорошо. Дальше.

— Как слышали лай, заминировали по инструкции обратный след, отошли. Три мины поставили, одна рва-

нула. Немцы на нас в рост пошли, бегут: «Рус, сдавайся!» Ну, мы их положили в снег, патронов было много. Дождались темноты, отошли, оторвались... К Заозерью.

Он облизал губы и спросил:

— Фляги с водой не найдется?..

— Дайте ему напиться, — приказал Иванов.

Напившись, Малыгин заговорил бодрее:

— На дороге Батецкая — Новгород сбросили первый эшелон. Закрыли им движение часов на десять. Я приказал еще раз выйти к месту сбора, но там никого не было, а лыжню уже снегом перемело...

— А что собирались делать дальше?

— Конечно, выходить к своим. Костра не разжигали, питались консервами и сухарями, что были. Но не с пустыми же руками выходить! Взрывчатки у нас было много. Решили еще дорогу рвануть. Заряд заложили хорошо, а длину бикфордова шнура разве угадаешь? Неудача: подрыв раньше времени, и машинист успел остановить поезд.

— А когда еще два человека пропали?

— Да вскоре после этого... Пришлось нам спешно уходить, решили перейти дорогу-шоссейку Новгород — Шимеч. И тут у деревни Грязная Харчевня налетели на немцев. В упор. В перестрелке они двоих наших положили, а Ваню Иванова ранили... Шоссейку уже было не перейти, пошли в направлении Придольской. У Вани рана загноилась, стал он совсем плох... Оставили его в лесу, два дня крутились вокруг Придольской, пока достали медикаменты. Там девушка есть хорошая, медсестра, живет в середине деревни с бабкой. В этой деревне нас и харчами «подзаправили». Пока Ваню на ноги поставили, три недели потеряли. А тут снег начал сходить, весна... Придольская была для нас последней хорошей деревней. Дальше, куда ни пытались сунуться, только на пули нарывались. Тут, считай, уж ничего мы не ели. Перешли шоссе ночью и очутились здесь.

— Ничего не забыл?

Малыгин прикрыл глаза.

— Северней станционной будки... — подсказал тихо один из партизан.

— Да, — медленно сказал Малыгин. — За Придольской мы второй эшелон сбросили. Рвали на «удочку», и все получилось нормально. Видно, — с боеприпасами, потому что шуму был много... Теперь — всё, вся наша история.

Иванов поднялся, бегло оглядел своих бойцов и командовал:

— Всем — на базу! Там передохнем...

У «дворца» застали Толю, который успел вернуться из Лоховы и, поджидая остальных, варил похлебку из картошки с консервами. «Лужане» заметили, что подходы к базе, строгий порядок у «дворца» произвели на партизан большое впечатление.

Неожиданных гостей накормили, дали им отдохнуть, отдышаться. Насквозь промокшие валенки поставили сушиться к очагу, а партизаны разместились на нарах внутри «дворца». Александр Иванович подсел к ним.

— Продолжим знакомство, ребята. Ну, давай начнем хотя бы с тебя... — Он обратился к хорошо сложенному, крепкому парню с открытым лицом, с длинными, отросшими волосами, зачесанными назад. — Расскажи, кто ты, откуда.

— Морозов Яков. С двадцать четвертого года. Родители — крестьяне. Учился в Боровичах. Там семь классов закончил, а потом фельдшерскую школу. Выпуск был в январе сорок второго. Пошел в военкомат проситься добровольцем на фронт. Не взяли. Направили на лесопункт фельдшером. Там шла заготовка леса и дров для Ленинграда. Потом перевели заведовать медпунктом в мою деревню, в Большие Новоселицы. Вроде и все...

— А в партизаны как попал?

— Да с комсомольского собрания. В июне это было. Обсуждали обращение к советскому народу с призывом встать на защиту Родины. Пятеро — Мишка Масляков, Колька Королев, Мишка Кожин, Пашка Смирнов и я — сказали, что пойдем добровольцами в партизаны. Ну, двинули прямо в райком комсомола, а там формировали комсомольский отряд. Нас и взяли.

— В тылу у немцев в первый раз?

— Нет, тут у меня биография большая, — гордо сказал Морозов. — В первый раз, правда, я до немца не дошел. Только наш отряд собрался переходить линию фронта, как вернулся из тыла немецкого отряд Косицына. Сообщили командованию, что переходить нам тут не следует. Тогда нас решили направить в Партизанский край. Двадцать девятого июня пересекли реку Ловать, дали небольшой бой и оказались там. Сразу нас бросили на линию обороны к деревне Серболово. Тяжелые были бои...

— Слышал, — кивнул головой Иванов.

— Жали со всех сторон регулярные немецкие части,

а у нас только винтовки и гранаты. Два месяца мы против них стояли. Днем отступали от деревень, ночью опять их занимали. Много потеряли своих товарищей. Голодали, соли не было. Силы-то неравные... Я заболел крепко. В это время лучших по здоровью бойцов стали отбирать во вторую бригаду Васильева. Нам, больным, раненым и дистрофикам, дали приказ — разбить гарнизон на станции Морино и

выйти для лечения на Большую землю. Задание мы выполнили, вышли к своим двадцать пятого октября. Я при форсировании реки искупался, и доставили меня в госпиталь, в Боровичи, чуть живого. Но подлатали...

— В эту группу как попал?

— В Хвойной предложили познакомиться с ребятами из отряда Чикоревского. Там мы и с Симой встретились...

По тому, как Морозов сказал последнюю фразу, Иванов понял, что он и Малыгин — большие друзья.

— Ребята занимались фугасными зарядами, толком на «удочке» или на бикфордовом шнуре. Мне они понравились, и я остался в группе. С ними — и сюда...

Иванов так же подробно расспросил двух других партизан. Сима Малыгин из Коми АССР и Ваня Иванов из Великих Лук тоже оказались людьми с боевым опытом.

Александр Иванович верил их рассказу, но он был командиром группы, отвечал за все. И принять решение было для него не очень просто. Поэтому партизаны оставались пока гостями без оружия.

«Запросим Центр, получим данные проверки... — размышлял Иванов. — А дальше? В таком состоянии ребята до фронта не дойдут... А если взять их к себе? Работы много, мои выматываются... Да и не в том дело, что выматываются, пока силы есть, тратить можно. Если трех бойцов добавить, работа по-другому пойдет, сделаем гораздо больше».

Вечером Сева очень удивился: шифровкой командир передавал в Центр не только данные о партизанах для проверки, но и просил санкции на возможное их включение в группу. «Смело, — подумал Леонардов. — Ай да Александр Иванович!»

В ту ночь во «дворце» был своего рода пост охранения, один из «лужан» не спал.

На следующий день Центр сообщил, что все данные о партизанах подтвердились, и разрешил подключать их к разведывательной работе. Когда Сева, не привлекая внимания остальных, изложил командиру содержание шифровки, тот облегченно вздохнул, подошел к входу во «дворец» и позвал:

— Сима, Яша, Иван, выходите.

Партизаны вылезли наружу.

— Товарищи бойцы! — сказал Александр Иванович. — Получите свое оружие!

Когда Володя вернул им карабин и два автомата, партизаны разом повеселели. Из подозрительных гостей они превратились для «лужан» в боевых товарищей.

— Ну, а дальше что? — спросил Иванов у Малыгина.

— Надо бы к своим выйти, — вздохнул тот.

— А как?

Иванов хотел, чтобы партизаны приняли решение примкнуть к группе добровольно. Он рассказал им о возможных трудностях при выходе из немецкого тыла, о реальных трудностях работы здесь, в лесу.

— Будет лучше, если вы останетесь с нами, — сказал он. — Но понуждать к тому вас не хочу. Дело сугубо добровольное. Решайте сами.

Малыгин покачал головой:

— Подумать надо. Предложение серьезное.

— Подумайте.

Трое партизан удалились на совет. Несколько минут они совещались, а потом Малыгин подошел к Александру Ивановичу, который был занят чисткой своего автомата:

— Решено, товарищ командир. Остаемся. Все трое. Если погибнем, то хоть рядом со своими, в бою. А не от подлой пули полиция.

— А зачем вам погибать? — улыбнулся Иванов. — Вам жить надо, работать, фашистов бить. Мы никого из своих еще не похоронили и хоронить не собираемся... Каждый будет ходить на задание с нашим бойцом. Втянетесь в боевую обстановку, и все будет нормально.

Забегая вперед, скажем, что «лужане» никогда не

раскаивались в том, что приняли трех партизан. Ребята были не только опытные, но и смелые.

Однако на первых порах с ними было трудно. Чтобы понять, в чем это заключалось, надо знать некоторые особенности порядка, принятого в группе.

В повседневной работе, в жизни все участники группы были равны между собой. Иванов и Подсекин вели боевую работу точно так же, как и бойцы. И тем не менее все распоряжения командира и его заместителя выполнялись беспрекословно.

Никому, разумеется, не выделялось особого пайка. Котел был общий, и всё делили по-братски. Даже в самое трудное время не считали, кто съел меньше, кто больше. Для «подзаправки» в деревнях существовали свои правила. Можно было взять только то, что предложат сами крестьяне. В многодетных семьях и у переселенцев продовольствие брать вообще воспрещалось.

Ко всем этим простым вещам партизанам трудно было привыкнуть. В группе понимали, отчего это происходит. Парни были сильно травмированы неудачной выброской, гибелью своего отряда. Два с лишним месяца уходили они от карателей, гибель им грозила каждую минуту. Это рождало у них чувство собственной обреченности.

Не имея связи с населением, они голодали. И от того, удастся ли взять в незнакомой деревне краюху хлеба, несколько картофелин, тоже зависела их жизнь. Поэтому выработалась привычка: если вошел в какой-нибудь дом — надо что-то взять. Не возьмешь — погибнешь.

Естественно, какое-то время они должны были держаться особняком. В первый же день Ваня Иванов, вернувшись на базу с Мишей из деревни, куда они ходили на задание, достал из-за пазухи несколько вареных картофелин и начал их есть.

Подсекин подошел к нему, тронул за плечо:

— Ты что же всухомятку, Ваня? Там вон похлебка осталась. Давай...

Ваня, прищурившись, посмотрел на него.

— Партизан тем сыт, что сам достать сумеет. Я не нахлебник.

— Но у нас же котел общий. Ты что достанешь — тоже в котел.

— Нет, — покачал головой Ваня. — Я сам. Чужой кусок мне в горло не пойдет.

Александр Иванович по этому поводу беседовал со своими бойцами:

— Старайтесь с новичками быть по деликатней. Никакого деления на «наших» и «ваших». Никаких обидных намеков. Словами их убеждать не надо. Действуйте как обычно, показывайте им пример.

Это принесло свои плоды, и новички начали, как выразился Толя, «оттаивать».

ЗА САПОГАМИ

Все бы, кажется, отдал командир «лужан» в конце апреля за три пары обыкновенных солдатских сапог. Они у него просто перед глазами стояли: новенькие, на крепкой резиновой подошве, с выворотными головками и кирзовыми голенищами! Где их взять?

Трое новичков продолжали ходить в валенках.

— Смех и горе, — резюмировал однажды Серафим, разглядывая свою обувь.

Больше, конечно, было горя. Ибо мука совершать марш в разбитых и дырявых валенках по болотам, по лесам, где мокрая почва поет под каждым твоим шагом. Ноги, не просыхая, горели, с пальцев слезала кожа, и дело шло к тому, что новички вообще ходить не смогут.

— «Сову» из-за сапог вызывать не будешь, — сказал Александр Иванович Володе, когда в очередной раз они обсуждали этот больной вопрос. — Решат, что мы рехнулись. А как поступить?

Володя рассмеялся, живо представив, как в Центре обсуждают радиограмму: «Срочно сбросьте «совой» три пары сапог».

— Может быть, все-таки найдем у своих в деревнях? — продолжал Иванов.

— Нет, — решительно возразил Володя. — Нету. Крестьяне сами в опорках ходят. Отдадут они тебе свои опорки, так это на один выход к «железке». Развалятся. А дальше — босиком ходить?

— Я думаю, вдруг у кого в деревне, если, скажем, мужик на фронте, хранятся в запасе сапоги?

— Не найдешь. Если у кого и были, так продали или сменяли. Сапоги нынче, Саша, это капитал.

Они возвращались к этой теме много раз, и один из таких разговоров закончился энергичным восклицанием Подсекина:

— Да черт с ними, с полицаями! Отстреляемся, как всегда. А Узольникова нам надо брать так или иначе.

Узольников, о котором шла речь, был волостным старшиной. Управление волости находилось в его деревне Сеглицы. Этот толстый хитрый мужичонка сделал при оккупантах большую карьеру и уже считался среди местного населения чем-то вроде барина.

Он предложил свои услуги немцам в первый же день оккупации. Все люди вокруг были подавлены горем и горечью поражения, а он ездил с гестаповцами, которым выдавал партийных и советских активистов.

Затем Узольников с группой полицаяев начал устраивать облавы на красноармейцев, которые разрозненно отступали, пробирались лесами на соединение с нашими частями. Стоило группе окруженцев, одному измученному красноармейцу появиться около Сеглиц, зайти в деревню — следовала неминуемая беда.

Оккупанты заметили усердие Узольникова, оценили его и отметили предателя. В первые дни оккупации его сын Павел был угнан вместе с другими молодыми парнями на работу в Германию. За усердие Узольников был награжден поездкой в рейх, ему разрешили разыскать и привезти сына.

Из поездки волостной старшина вернулся раздувшийся от гордости словно индюк. Он привез сына и подарки — породистую свинью и племенного быка. Свинью и быка ему выдали в Пскове, но Узольников утверждал, что привез их из Германии.

Затем волостной старшина принялся служить своим хозяевам с еще большим усердием. Он часто выступал в оккупационной газетенке «За родину», хулил как мог Советскую власть, большевиков, призывал население теснее сотрудничать с оккупантами.

Его окружала ненависть крестьян. Но Узольников начал делать вид, что сам не хочет общаться с «быдлом». Единственным человеком, к которому он снисходил, учитывая его культурный уровень, был местный учитель Иван Яковлевич Андреев, верный помощник чекистов с 1942 года.

Через Андреева «лужане» проверили большую часть фактов, связанных с предательской деятельностью Узольникова. Подробные материалы о нем были переданы в Ленинград. Каждый раз, когда речь шла о вынесении смертного приговора, Центр требовал точных и проверенных данных, а иной раз — перепроверки. Не считаясь ни с какими трудностями работы в тылу врага, он по-

сылал дополнительные запросы. Но приговор Узольникову был утвержден без особого промедления.

Однако приведение его в исполнение все откладывалось и откладывалось по разным причинам.

— Дайте мне оружие, — просил командира группы Иван Яковлевич. — Я его сам ликвидирую к чертовой матери, чтобы больше землю не поганил. Найду способ: мы ведь с ним «приятели».

Иванов не соглашался.

— Нельзя шутить с гестапо, — объяснял он. — Себя загубишь, семью свою загубишь, да еще по всей деревне за убийство старшины вам каратели виселиц понаставят.

Была у командира еще одна задумка: судить предателя гласно, на крестьянской сходке, народным судом. Но обстановка к тому все не складывалась.

И вот теперь, когда в группе создалось безвыходное положение, Александр Иванович, скрепя сердце, решил провести рискованную операцию. В Сеглицах, помимо отряда полицаев, составлявшего охрану волостного управления, всегда стояла какая-нибудь немецкая часть. Значит, следовало правильно выбрать время и тщательно продумать все детали операции.

Они приступили к ней в пасмурную ночь. Дождь то легонько накрапывал, то переставал. Бесшумно подоברались к Сеглицам. Володя Подсекин прочел условные сигналы, выставленные учителем: «Немцев в деревне нет. Полицаев — только часть».

Огородами они вышли прямо к двухэтажному дому Узольникова. Наверху, в одной из комнаток второго этажа, горел свет.

Трое бойцов отошли в заслон на случай внезапного нападения полицаев. Двое стали с оружием в руках по обеим сторонам дома.

Володя, Александр Иванович и Малыгин прошли мимо окон, громко, уверенно постучались в дверь.

В глубине дома слышались шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Господину Узольникову срочное предписание от плюсской комендатуры! — ответил Александр Иванович. Заскрипел засов.

— Нет его. Как раз он в комендатуру уехал. Он... — На этом слова женщины оборвались: Малыгин быстро зажал ей рот.

Командир и Володя быстро ворвались в дом, взбежали на второй этаж, где горел свет. Тут они нашли только жену Узольникова и неизвестную молодую женщину.

— Где старшина? Где Павел?

— Оба уехали в Плюссу.

Володя даже сплюнул от злости:

— Вот везет старшине! Под счастливой звездой, гад, родился.

Снизу подоспел Малыгин.

— Начинайте обыск, — приказал командир. — Надо забрать все необходимое.

Богатым был дом Узольникова. В кладовой они нашли свинину, сало, мясо только что освежеванного барана. Вещевые мешки наполнили солью, сахаром, махоркой. Сева и Ваня Иванов были сняты с поста у дома и отправлены к лесу, в условленное место, с первой партией груза.

Жена старшины, ошарашенная тем, что произошло, испугавшаяся вначале, что ее тут же застрелят, пришла в себя и зашипела:

— Грабители! Воры!

Иванов резко обернулся.

— Мы, значит, грабители... — сказал он, словно раздумывая. — А ну подойди сюда!

Он приоткрыл дверь небольшой кладовки.

— А как твоего мужа назвать, судя по этому?

В кладовке были грудой свалены красноармейские гимнастерки, галифе, сапоги.

— Ведь их живые люди носили... Так как ты назовешь своего мужа?

Женщина сглотнула слюну и осеклась.

— А тогда — цыц! — разъярился Александр Иванович. — Сиди и помалкивай. А не то я все ваше поганое гнездо гранатами на воздух подниму.

К лесу была отправлена вторая партия груза — горох и гороховая мука, топленое масло, мед, спички, связки лука, узел с бельем. «Лужане» находились в доме уже минут сорок. Когда Сева и Ваня вновь вернулись из леса, по деревне захлопали первые винтовочные выстрелы.

Трое разведчиков скатились по лестнице вниз. На улице шел бой. Группа заслона отходила к дому, отстреливаясь от полицаев. Иванов и Малыгин вскинули автоматы и ударили по наступающим. Это заставило их ненадолго отпрянуть назад. Прикрывая себя огнем, разведчики огородами стали отходить к лесу.

Когда добрались до кустарника, шестеро залегли цепью, а Подсекин и Малыгин пошли в обход группы полицаев. Выскочив из деревни, те начали двигаться перебежками, пытаясь организовать преследование. По ним

били бойцы из цепи, но каратели все-таки продвигались вперед. Тогда с флангов ударили автоматы Володи и Серафима. В ночи раздался резкий крик, две фигуры упали, остальные пустились наутек. Подхватив у убитых полицаев оружие — автомат и винтовку, Подсекин и Малыгин соединились с группой.

Отойдя в лес приблизительно на километр, они остановились отдохнуть, — ноша была тяжелой. И тут вдруг Яша Морозов спохватился:

— Товарищи, а мешка-то с махоркой нет!

Подсекин, который никогда в жизни не курил, фыркнул:

— Посеяли, растяпы!

Однако остальные, и даже сам командир, были взволнованы.

— Где ж ты его оставил?

— В кустах забыл, когда отстреливались. Он и сейчас там лежит.

Александр Иванович с отчаянием махнул рукой. Дескать, с возу упало и пропало. Не возвращаться же... Но Яша начал его упрашивать:

— Товарищ командир, разрешите, я один схожу. Ведь цельный мешок... Как же мы будем без курева-то?

Уговорил. Груз Морозова пришлось распределить на остальных.

— Выйдешь на кривую березу за Сазоновом. Помнишь?

— Знаю-знаю. Я там, конечно, раньше вас буду, — ответил Яша и скрылся в темноте.

Группа пошла дальше, но не напрямую, а вначале удаляясь от базы, забирая не к Кириллкову, а к Сазонову. Дождь становился все сильнее, и бойцы только бормотали:

— Давай, давай пуще...

Дождь был весьма кстати, так как смывал следы.

На одном из привалов в лесу с Толей Бриллиантовым произошел комичный эпизод. В последнюю тихую минуту в деревне он успел забежать к учителю и захватить две приготовленные для него бутылки с молоком. Теперь, отдыхая, он попросил Антонова:

— Миша, достань бутылочку...

Тот нащупал в темноте мешок, залез в него рукой, достал бутылку и подал ее Бриллиантову.

Толя поднес ее к губам и, запрокинув голову, сделал порядочный глоток. Тут же поперхнулся и спросил возмущенным шепотом:

— Что, что ты мне дал?

В воздухе расплылся острый запах дегтя.

— Братцы, — застонал от смеха Серафим Малыгин, — так это ж мы у Узольникова взяли для смазки сапог!

Приглушенный хохот охватил всю группу. Ребята кинулись отпаивать Толю молоком. Он долго отплеывался и отдувался.

Из района Сеглиц донеслась винтовочно-автоматная стрельба. Разведчики часто останавливались и прислушивались. Но звук стрельбы дальше не продвигался. Видимо, каратели старательно прочесывали тот район, где они оставили больше всего следов.

На рассвете, встретив Яшу с мешком махорки, вышли на линию Сазонова. Здесь применили старый партизанский прием, скрыли след. Вся цепочка сделала поворот по уставу «нале-во!», и они пошли к базе врассыпную. След цепочки оборвался, растворился.

Не доходя до базы километров двух, оборудовали тайник, куда сложили большую часть реквизированного у волостного старшины. Толя, Володя и Миша обули новые сапоги. Старые были заложены в тайник, про запас.

Когда добрались до базы, шумный дождь превратился в настоящий весенний ливень. Разожгли костер во «дворце», начали обсушиваться, поставили воду, чтобы приготовить кипяток. Пока грелась вода, закусили свиной с хлебом. Настроение у бойцов было отличное. А снаружи хлестал ливень, замывая в лесу все следы, какие они могли только оставить.

Севе показалось, что командир не очень доволен результатами операции, и он сказал:

— Все-таки хороший сапог, сухая нога — самое важное в нашем деле. Никуда от нас Узольников не уйдет!

Из темноты, с нар, его поддержал тенор Володи:

— Не уйдет! Это точно.

Между тем Александр Иванович был доволен результатами налета, хотя главная задача — захват волостного старшины — и не была выполнена.

Во-первых, удалось проверить под огнем новичков. Держались и действовали они отлично, умело, как опытные бойцы. Во-вторых, было захвачено оружие. Автоматом, который попал к «лужанам», вооружили Морозова. Огневая мощь группы, таким образом, повысилась. В-третьих, очень удачно прошла «подзаправка» продовольствием: они получили то, в чем больше всего нуждались, — мясо, жир, сахар, махорку.

Совершенно счастлив был Бриллиантов, сладкоежка по натуре. Когда он замечал, что на базе тают последние запасы сахара, то испытывал просто физическую муку. И вот теперь он насыпал сахарный песок на хлеб, запивал это кушанье богов чаем с медом и блаженствовал. Полному блаженству, правда, несколько мешала упорная икота и вкус дегтя во рту.

Деготь еще долгое время служил предметом розыгрыша Бриллиантова. Его невзначай окликали:

— Толя!

— Что? — спрашивал он.

— Как насчет стаканчика дегтя?..

ПЕРВОМАЙ

Весной на болоте, которое начиналось у самой базы разведчиков и тянулось на много километров в сторону шоссе, поселилась пара журавлей. Вначале птицы поднимались в воздух при каждом громком шепоте или слабом металлическом стуке и улетали куда-то за лес. Во «дворце» по этому поводу возник спор. Одни утверждали, что птицы приживутся, другие — что нет, не будут они жить на этом болоте.

Журавли долго беспокоились, но в конце концов прижились, привыкли к людям, которые двигались незаметно и почти бесшумно, а говорили только шепотом. Разведчики прозвали их «нашими бессменными часовыми». Птицы очень чутко реагировали на каждый новый, посторонний звук и, чуть что, с тихим курлыканьем поднимались с воды. Когда группа возвращалась с задания в полном составе, присутствие журавлей на болоте говорило о том, что в районе базы никого нет и засады можно не опасаться.

Последние дни апреля «лужане» посвятили подготовке к Первомаю — первому празднику, который они встречали во вражеском тылу.

По их заданию Яков Федорович Елисеев устроился на работу в ремонтную железнодорожную бригаду.

— Надо, дядя Яша, «послужить оккупантам»... — сказал ему Александр Иванович. — Опыт железнодорожника у тебя есть. Опять же ты — староста деревни. Так что подозрений у немцев не вызовешь.

— Раз родина требует — «послужим и оккупантам», — спокойно ответил Яков Федорович. — Заходить-то ко мне будете в деревню?

— Нет, лучше ребята будут тебя встречать недалеко от деревни, после работы.

Вслед за Елисеевым в ту же бригаду нанялись старые знакомые «лужан» — Владимир Шмидт и Николай Евдокимов из деревни Добрый Бор.

Если учесть, что по-прежнему со станции Карьер регулярно давал сводки Ярмистый, имевший много знакомых на линии, то станет очевидным, что разведчики в своей зоне действия держали дорогу под неослабным контролем. Все изменения в полосе отчуждения, произведенные оккупантами, становились им известными немедленно.

А изменения были. Как сообщали «лужанам» их помощники, обстановка среди охраны железной дороги была нервной. Часто наезжали важные инспектора из штаба немецкой армии, устраивали офицерам разносы, находя, видимо, немало упущений. Появилось на дороге много офицеров в форме войск СС. Можно было полагать, что уже не один офицер был разжалован и послан на фронт из-за диверсий и подрывов на стратегической железнодорожной линии.

Система охраны железнодорожного полотна беспрерывно менялась. За несколько дней до 1 Мая напряжение здесь стало нарастать. Немецкое командование нервничало и продолжало усиливать охрану. В конце концов патрули стали двигаться по полотну один за другим, в пределах прямой видимости. Вокруг были заложены новые минные поля. Там, где лес подходил близко к дороге, немцы оборудовали огневые позиции с широким углом обстрела, вырыли окопы полного профиля и установили сильные засады. Железная дорога превращалась в мощную линию обороны.

— А все-таки, Саша, эшелон к празднику надо уничтожить. Нельзя без первомайского подарка, — сказал командиру Подсекин, когда они остались однажды на базе вдвоем. — Главное для нас — разведка, это верно. Но вот лежишь в «секрете», считаешь вагоны, танки, машины, и такое зло берет, что взял бы и саданул по составу из автомата, пока патроны бы не кончились... Да и ребята стали киснуть. Привыкли они уже, освоились, им боевой работы хочется. Легкая, говорят, у нас жизнь: арифметикой занимаемся. И добавляют, что неплохо бы, дескать, иногда вместо сложения вычитание делать.

Иванов засмеялся, покосился на него.

— «Вычитание»?.. Агитируешь меня, значит?.. Ох, Володя, опять ты вперед командира лезешь! Помнишь

кинофильм «Чапаев»? «На все, что вы тут говорили, наплевать и забыть!..» Чугунок с картошкой, а? — Он помолчал, подумал. — Это хорошо, что наши ребята так рассуждают: «Легкая жизнь!» А насчет эшелона у меня план... Давай сейчас прикинем по карте, как действовать, время рассчитаем.

28 апреля «лужане» всей группой покинули базу. Разлившуюся Курею пересекли ночью по плотине мельницы. Таких небольших мельниц на реке было несколько. Затем группа двинулась к железной дороге.

Повсюду царило весеннее половодье. В ночи тихо звенела вода, стекая по склонам. Деревья стояли по пояс в воде, почва была вязкой и топкой. Если на Курее имелись переправы, то мелкие речушки, вроде Синюхи, и ручьи, которые летом воробью по колено, теперь доставляли разведчикам много хлопот. Разлились они в настоящие реки, а переправ никаких, естественно, не было.

Приходилось преодолевать их вброд. Все раздевались и входили в ледяную воду, держа над головой оружие, одежду и пачки с толом, которого захватили немало — 20 килограммов.

Длинный и худой Сева Леонардов шел первым. Бриллиантов по этому поводу очень сердился.

— Ну, опять пошел неизвестно куда, — ругался он шепотом, стуча зубами. — Ему тут по грудь, а меня с головкой скроет...

Хоть ночь была относительно тёплой, все промерзли. Когда встало солнце, решили не рисковать и залегли на дневку, выбрав для нее низкорослый кустарник правее деревни Посадница. Расчет состоял в том, что у самой деревни охранные части партизан искать не будут.

Но поди угадай, что случится в боевой обстановке. Чуть тут не нарвались на немцев. Из деревни вышла цепочка солдат с автоматами и двинула прямо через кустарничек, где лежали «лужане». Ребята начали было готовить гранаты, но Александр Иванович знаком велел лечь и затаиться.

Затаились. Цепочка немцев прошагала неподалеку от того места, где вжался в землю Миша Антонов. Неприятное было испытание.

Затем потянулись томительные часы ожидания. Во время дневки главное — не дать себя обнаружить. Так и лежали, грызли сухие стебельки прошлогодней травы. Думали, что весь день пройдет спокойно. Но тут поблизости ударила одна автоматная очередь, за ней другая. Стрельба поднялась со всех сторон.

Сначала это было непонятно. Потом разведчики по характеру стрельбы догадались, что оккупанты огнем прочесывают лес вблизи полотна. На фоне автоматных очередей выделялись нестройные залпы карабинов. Ага, значит, и каратели тут присутствуют...

Стрельба продолжалась до позднего вечера. Она то стихала, то разгоралась вновь. Наконец смолкли последние очереди. То ли охрана выполнила план по расходуванию боеприпасов, то ли немцам надоело палить в белый свет, как в копеечку... Разведчики неслышно поднялись и бесшумно стали продвигаться к железной дороге.

— Александр Иванович, я сегодня с подрывниками пойду. Можно? — прошептал на ухо Иванову Сева.

Командир помотал головой. Группа берегла радиста как только могла, и сейчас не было никакой необходимости подвергать его риску.

— Ну Александр Иванович... — жалобно зашептал Сева.

— К рельсам не пушу. Но за «удочку» можешь дернуть. И все. Молчи. Тихо!

Они выбрались к намеченной позиции, на краю леса, у дороги. Насыпь здесь была очень высокой. На некоторое время выглянула луна и залила все вокруг ослепительным белым светом. «Этого нам только не хватало», — с досадой подумал Иванов. Но вскоре по диску луны прошли тучи, а затем они совсем заволокли ее.

Наверху прошумели шаги патруля. Солдаты шли, пересмеиваясь, перекидываясь какими-то словами. Теплая весенняя ночь создавала, видимо, у них особое настроение.

Когда голоса немцев отдалились, шестеро подрывников с зарядами тола и автоматами в руках поползли к насыпи. Нужно было торопиться. Скоро должен был подойти следующий патруль. «Лужане», повторим, знали, что теперь патрули следуют друг за другом на расстоянии прямой видимости. Днем. А сейчас была ночь. На этом строился весь расчет операции.

Подрывники ползли медленно, стараясь, чтобы не хрустел валежник. Когда приблизился патруль, они вжались в землю, лицом вниз. «Только бы не луна...» — Командир сжал зубы и посмотрел на небо. Но лунный свет лишь слабо пробивался сквозь облака.

Почти сразу же с двух сторон послышался шум ходивших поездов. Они пронеслись мимо, наполнив ночь сильным гулом и звонким стуком колес. Александр Иванович и Сева из своего укрытия заметили, что их това-

рищи под этот шум перебежками приближаются к насыпи.

Скоро фигуры полностью растворились в ее густой тени. Тотчас на полотне появился еще один патруль — трое немцев, а с ними путевой обходчик. Солдаты вполголоса о чем-то спорили, один из них отрывисто засмеялся. Обходчик изредка привычно постукивал по рельсам молотком на длинной ручке.

Ушли и эти. Командир и радист, напрягая зрение, увидели, что ребята поднимаются на насыпь. Толя и Сима начали закладывать мину, остальные прикрывали их справа и слева.

Песок на насыпи оказался мягким. В считанные секунды мина была заложена под рельс, «удочка» вдавлена в песок. Володя, подобравшись сюда же, быстро провел несколько раз руками по балласту, восстанавливая узор, который был сделан на полосе граблями.

Рельсы загудели, и из тьмы, приближаясь, светились огненные глаза паровоза. Шестеро подрывников скатились с насыпи, начали отползать. Но поезд надвигался быстрее, чем отходили ребята. Они едва успели преодолеть половину вырубленного пространства, а к ориентиру уже подкатывалась платформа с балластом, которые были прицеплены впереди паровоза.

Эшелон приближался стремительно. У Севы взмокли руки, державшие «удочку». Взрывать или нет? Ведь ребята находятся на половине расстояния от него до мины. Осколки металла наверняка накроют их...

Тут он увидел впереди фигуру человека, который вскочил с земли. Это был Подсекин. Схватив проходивший рядом с ним белый шнур «удочки», Володя рванул его изо всех сил. Взрыв огромной силы потряс воздух и осветил все вокруг. Осколки металла с визгом пронеслись над головами подрывников.

Паровоз повалился набок, увлекая за собой одну из платформ. Первая покатила дальше по рельсам. Вслед за паровозом с насыпи полетели вагоны. Грохот, треск дерева, звон металла...

Справа и слева на насыпи беззвучно замелькали огоньки. Это на бегу вели огонь немецкие патрули.

Продираясь сквозь кустарник, разыскивая в ночной темноте друг друга, подрывники стремительно отходили в лес. Запыхавшийся Подсекин догнал радиста, хлопнул его по плечу.

— Надо было рвать, Севка. Неужели такой случай упускать, а?

Позади них нарастала беспорядочная стрельба. Охранники били из автоматов по лесу наугад. Отдельные пули посвистывали в темном небе, изредка цепочками искр пролетали трассирующие очереди.

— Давай, давай, фашист, — отдуваясь, на бегу бормотал Толя. — Лупи шибче, переводи патроны! Эшелончик-то прохлопал...

Всю ночь, меняя направление маршрута, они уходили от железной дороги. Рассвет застал группу в лесу еще на правом берегу Курей. Воспользоваться переправами при дневном свете, конечно, было невозможно, и командир увел бойцов на дневку в район между Курском и Лоховой. Здесь они перекусили всухомятку, подремали по очереди. Каратели на протяжении дня тут не появлялись, и время прошло спокойно.

Когда стемнело, группа снялась с дневки, вышла к Курее, переправилась через реку по Курскому мосту, на котором не было охраны, и снова углубилась в лес. Они шагали всю ночь, меняя направление движения, запутывая следы, и на рассвете были на месте.

Несмотря на усталость, сразу же принялись за подготовку праздничного обеда. Александр Иванович распорядился:

— Продуктов не жалеть!

И хотя в тайнике, который они заложили после налета на Узольникова, их оставалось не так уж много, обед получился на славу. Подняв кружку с березовым соком, командир провозгласил тост:

— За Родину! За Первомай! За Победу! За наших товарищей, которые воюют в фашистском тылу! За то, чтобы летели под откос немецкие эшелоны!

Потом они долго сидели у костра, рассуждали о том, как встречают Первомай на фронте, в Ленинграде, в Москве, вспоминали родных и знакомых, свою спецшколу.

Сева передал в Центр приветственную шифровку с отчетом о подрыве на железной дороге и получил в ответ радиogramму: «Поздравляем с праздником 1 Мая, желаем успехов в работе. Номерам 10 и 14 привет от их жен. «Сова» — при первой погоде». «10» и «14» обозначало: «Иванов» и «Леонардов». Фамилии в текстах шифровок для быстроты передачи и для конспирации всегда заменялись номерами.

Прочтя шифровку первым, Сева с особой остротой вспомнил Нину. Его жена, так же как и родные всех остальных, не знала, где он находится, что с ним, и не по-

лучала от него писем. Покидая спецшколу, Сева успел ей написать лишь короткую открытку: «Уезжаю в командировку далеко и надолго. Не сердись, что не буду писать. Поцелуй маму. Твой Сева». Открытку он передал товарищам, которые сопровождали группу до выброски. Теперь он понял, что Центр все-таки сообщает кое-что родным «лужан» об их деятельности. Во всяком случае, их не считают в семьях без вести пропавшими.

Потом они вместе прослушали по радиации сводку Совинформбюро: «В течение 30 апреля на фронтах существенных изменений не произошло... Наш корабль в Черном море потопил фашистский транспорт... 29 апреля частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено и повреждено...»

Бои местного значения шли на Кубани, на Западном фронте, южнее Балаклавы, западнее Ростова-на-Дону, на Волховском фронте. Сводка была обычной. К таким они привыкли на протяжении всего апреля.

Но и тут для «лужан» нашелся праздничный подарок. «Партизанский отряд, действующий в Ленинградской области,— сказал диктор,— ночью напал на немецкий гарнизон в одном населенном пункте. Советские патриоты истребили 60 гитлеровцев. Уничтожены склад продовольствия и склад боеприпасов. Захвачены у противника следующие трофеи: миномет, 8 пулеметов, 4 тысячи патронов, 68 лошадей и различное военное имущество...»

Может быть, для других людей это сообщение казалось заурядным, но бойцы группы слушали его особенно внимательно, не пропуская ни слова. Ведь это было в Ленинградской области, рядом с ними...

Александр Иванович думал о своем сыне, о Леше. Конечно, он уже давно заброшен со своей группой в немецкий тыл... Где он? Как живет? Как действует? Когда им удастся свидеться вновь?

Большим удовольствием праздничного дня стала баня, разумеется — на открытом воздухе. Миша Антонов принес из тайника узел со свежим бельем, ребята нагрели воды в немецких касках. Покрываясь гусиной кожей, они лили горячую воду друг другу на спины, довольно кричали, вместо мочалок растирались пучками сухой травы.

Володя, стасив с себя то, что было когда-то нижней рубахой, обратился к Александру Ивановичу:

— Саша, что с этим делать?

Рубаха истлела на теле, превратилась в лохмотья.

— Бросай в костер! Не молиться ж на нее... Думаю, все старое придется сжечь.

Вымывшись и переодевшись в чистое, опять отдыхали. Иванов, сидя у входа во «дворец», зашивал дыры на своем расползавшемся ватнике. Закончив работу, он с удовлетворением оглядел ватник и пошутил:

— Нынче у нас, ребята, праздник без вина. Но помяните мое слово: следующий — ноябрьский, — если будем еще в тылу, непременно встретим с вином.

Он действительно шутил: в группе строжайше соблюдался «сухой закон». Спиртное они могли достать: в деревнях варили самогон, у карателей водился даже немецкий эрзац-коньяк, желтоватая сивуха. Но командир категорически пресек попытки завести на базе самогон даже для «медицинских целей».

До войны Александр Иванович спиртного не чурался. Мужчина он был крепкий, лишнего не употреблял, но всегда был готов выпить для компании, для веселья, уговоривать его не надо было. Не отказывался он и от фронтовой нормы, когда ползал со взрывчаткой за передний край. Но, попав во вражеский тыл, он сразу понял: ни грамма! Не мог выпить разведчик даже рюмки, как не может выпить ее цирковой артист, работающий на проволоке под куполом цирка.

Сима Малыгин, который сидел погруженный в свои мысли, вдруг встрепнулся и переспросил:

— В ноябре? — Он медленно покачал головой. — Вино, пожалуй, тогда будет... Но вряд ли только кто-нибудь из нас останется в живых до ноября.

Эти слова не были проявлением страха или слабости. Серафим имел в виду весьма простое и объективное обстоятельство: вся их жизнь здесь, в лесу, все их боевые действия были беспрестанной и отчаянной игрой со смертью. Хоть и говорится, что смелого штык не берет, статистика — вещь упрямая. По мнению Симы, нельзя было рассчитывать на то, что на протяжении многих месяцев они будут только выигрывать.

Но ребята разом негромко зашумели:

— Ты что, Малыгин, не в себе? Не только до ноябрьских доживем, но и за победу над Гитлером выпьем!

Иванов смотрел на них с тайной гордостью. Вчерашние мальчишки стали опытными бойцами.

Жалел ли он их, семнадцатилетних? В привычном понимании — нет. Они голодали и замерзали в снегу, не спали ночами и не имели возможности сменить мокрую одежду. За это командир не жалел их. Не мог он себе по-

зволить такой роскоши. Подобная жалость неизбежно обернулась бы послаблением, а послабление — провалом. Но Александр Иванович никогда не дергал ребят без нужды, и любое его распоряжение было логичным и обоснованным, понятным самим бойцам.

Толя рассердился не на шутку:

— Ну и ляпнул же ты, Серафим! Пусть оккупанты, полицаи и прочая нечисть думают, как свои шкуры сбере-
речь. А мы будем жить и здравствовать им на страх. Бить будем эту сволочь беспощадно! Так что панихида отменяется... Эй, Володя, где шахматы? Давай сыграем.

Шахматы появились на базе недавно. Их, по просьбе Александра Ивановича, раздобыл и передал на базу через Толю нынешний ремонтный рабочий Шмидт из Доброго Бора. Иванов имел к шахматам личное пристрастие, очень любил умную игру. Но тут был у него и другой прицел: он хотел убереечь ребят от тяжелых размышлений и вялости в часы вынужденного бездействия, когда оперативная обстановка вынуждала их отсиживаться на базе. «Пусть лучше в шахматы играют», — решил он.

Живо расставив фигуры, Толя решительно двинул пешку вперед.

— Гроссмейстер сыграл «e2—e4»! Обещаю вам, Владимир Федорович, скорый разгром. Когда соберешься сдаваться — скажи.

Остальные подвинулись к нему и Подсекину, чтобы наблюдать за игрой.

Первомай продолжался.

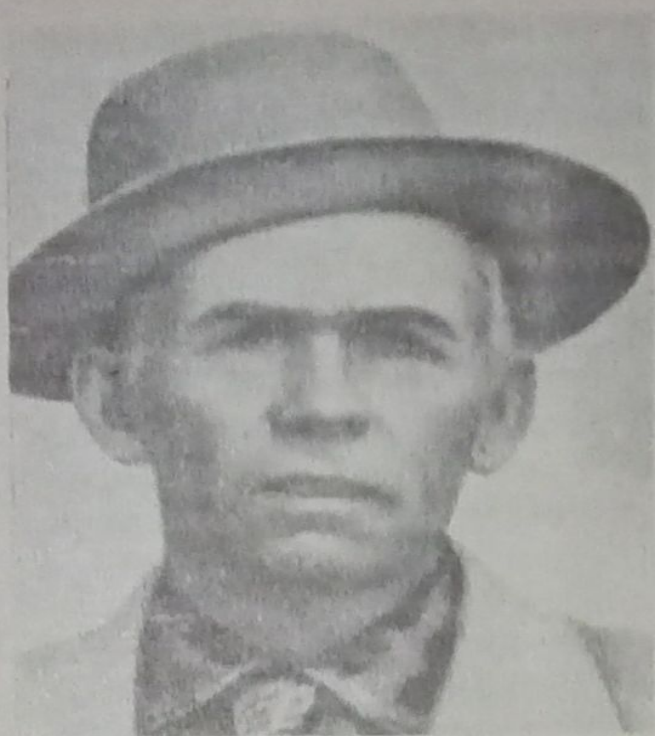
БЕЗ ХЛЕБА И БЕЗ СВЯЗИ

Хорошо начавшийся для группы май оказался очень трудным месяцем.

С самого начала работа шла нормально. Но 5 мая Толя, ходивший на связь с Петром Андреевичем Исаковым в деревню Сазоново, вернулся на базу и развел руками:

— Не войти. Гарнизон. Устроились там немцы так, как на фронте. Словно круговую оборону держат. Я едва на их «секрет» не нарвался. С обоих концов деревни — посты с пулеметами. Подождал у дороги. Думаю, выйдет кто из своих. Никого не было. А может, пока и не выпускают...

С Исаковым и его дочерьми Тоней и Зиной командир группы и его заместитель были знакомы еще с прошлого года. Постоянную связь с этой семьей теперь держал

Бриллиантов. В свою очередь Исаковы были связаны с Добрым Бором — со Шмидтом и с Сеглицами — с Андреевым. Семья наблюдала за передвижением полицейских частей, снабжала разведчиков продуктами. На этот раз речь шла именно об очередной «подзправке». Продовольствие в тайниках было на исходе.

— Принесла их нелегкая, — сердито сказал Александр Иванович. — Ладно,

Толя, не горюй. «Подзправимся» в другом месте.

Но в тот же день Малыгин, который должен был передать сводки Совинформбюро Елизавете Андреевне Ефимовой, учительнице из Горок, вернувшись на базу, сообщил, что и там в деревню не войти — немцы.

Дальше подобные сообщения последовали одно за другим из разных деревень. Обстановка в двух районах, где действовали «лужане», быстро менялась не в лучшую для них сторону.

Вышла в условленное место для встречи с разведчиками смелая Дина Куницына. Она рассказала, что к ней приходил староста деревни Голиков с полицейскими, которые устроили обыск. Ничего они не нашли, но староста пригрозил, что еще до нее доберется. Голиков в общем-то правильно предположил, что сообщения Совинформбюро, которые появляются в деревне, дело ее рук.

— Немцы что-то суетятся, — рассказала Дина. — К нам в Погорелово на постой дополнительно определили роту солдат, несколько колонн автомашин прошли мимо, через деревню...

Догадываясь что у «лужан» неважно с едой, Дина принесла краюху хлеба и картошки. Дар был дорогой, но что он для восьми взрослых человек?

Володе удалось пробраться в Лохову, к дому, который они называли «колхозным двором». Но тут о «подзправке» не могло быть и речи: переселенки жили в полной нищете.

Через несколько дней части фашистской армии заняли под построй почти все деревни в округе. Устраивались они тут основательно: дороги в целях безопасности войск были перекрыты патрулями и засадами. От деревни к деревне разъезжали связные на мотоциклах. Нередко, поднимая столбы пыли, проносились штабные машины.

Достать продовольствие и табак стало почти невозможно. Не было хлеба, консервов, крупы, сахара. Ничего не было. Связи с деревнями сохранялись через «почтовые ящики». Но ведь в дупло дерева на лесном кордоне можно было положить донесение, а ведро картошки туда не насыплешь...

Пришлось перейти на «подножный» корм. Ребята и ворчали, и посмеивались, собирая на опушках росточки кислицы для супа. Вываривали первые грибы — сморчки, съедали их без масла и соли.

Единственно, чего было вдоволь, — сладкого березового сока, который собирали в ведра, добытые при налете на дом волостного старшины. Его на базе пили кружками и даже квасили, в результате чего получался прекрасный освежающий напиток.

Толя, больше других страдавший от отсутствия сахара, поинтересовался однажды, какие еще деревья дают вкусный сок.

— Весьма хорош весной сок молодой осины, — сказал ему без тени улыбки Яша.

Приняв его слова за чистую монету, Толя оскоблил молодую осинку, попробовал и долго плевался. Горечь оказалась необычайной, причем отвратительный вкус хины во рту держался целый день.

— А ты говорил — вкусный сок... — упрекнул Толя Морозова.

— Наверное, не поспел еще, — лукаво объяснил ему Яша. — Надо подождать.

Другие ребята не могли удержаться от участия в этом розыгрыше. Время от времени на базе кто-нибудь со вздохом произносил нечто вроде:

— Да, сейчас нам туго приходится, но вот поспеет сок у осины... Тогда заживем.

Ваня Иванов дошел до такого нахальства, что заявил:

— У нас в деревне на осиновом соке затворяют праздничные пряники. Получается, как на меду...

Потерявший терпение Иванов спросил у него:

— А березовая каша бывала в вашей деревне?

— Бывала, — сказал Ваня. — Она очень полезна для детей.

Однако Толя не понял даже этого, кажется вполне ясного, намека. Он еще долго продолжал верить в основной сок и повторял, к общему удовольствию, свои эксперименты.

Положение было такое, что хоть зубы на полку клади. Но надвигалась беда еще более опасная. Начали выходить из строя батареи рации, да и передатчик закапризничал. Сева следил за этим с особым трепетом: потеря связи угрожала тем, что группа не сможет выполнять свою главную задачу.

Во время утреннего радиосеанса он записал шифровку из Центра. Передать же сообщение ему не удалось. «Вас не слышим... Вас не слышим... Вас не слышим...» — упорно и терпеливо твердил ленинградский радист. Сева лихорадочно проверил контакты на блоке питания, на рации, легонько ее потряс, но ничего не помогало — передатчик отказал.

С тяжелым сердцем радист доложил об этом командиру, и «лужане» собрались на совет.

— Потеря связи для нас равносильна провалу, — сказал Александр Иванович. — Рацию необходимо восстановить во что бы то ни стало. У нас в группе четыре радиста. Техническая сила большая. Справимся. Но думать об этом должны все. Подчеркиваю: все!

И хотя командир группы возложил ответственность на всех, у Севы кровь прилила к щекам. За четкую связь с Центром персональную ответственность нес именно он. Он — радист!

— Надо начать с блока питания, — прервал общее молчание Подсекин. — Если батареи скисли, то мы и рацию толком не проверим.

— Откуда ж их взять? Может, стоит какую-нибудь немецкую машину гробануть. Аккумулятор добудем, — предложил Ваня Иванов.

— Аккумулятор может и не подойти, с него нужные напряжения, пожалуй, не снять. Хотя от этого предложения сразу отказываться не будем... Но вот я слышал, что в Стругах Красных можно купить батарейки для карманного фонаря. С ними стоит попробовать...

— Кого же послать? — спросил Александр Иванович.

— Варфоломееву, — предложил после раздумья Миша Антонов.

— Из Букина? — Сима поморщился. — Ох там и гарнизон сильный! Пролезем ли?

— Чепуха! — сердито сказал Подсекин. — Если надо, мы куда хочешь пролезем. А тут — край как надо!

Мария Капитоновна Варфоломеева уже не раз выполняла их поручения в Стругах Красных. Это была простая и мужественная женщина, которой война принесла немало горя.

В первые дни оккупации ее муж и сестра были насильно угнаны на работу в Германию. Мария Капитоновна осталась одна с тремя детьми на руках — двумя маленькими дочками и сыном. Два ее старших сына — красноармейца были на фронте. Взрослая дочь перед самой войной вышла замуж за командира Красной Армии и уехала в Одессу. О судьбе старших детей она долго ничего не знала.

Потом, когда немцы уже были в деревне, пришел домовой сын Иван. Он был ранен в ногу, остался на оккупированной территории, уйти не смог. Кое-как мать оформила на него прописку, а потом вдруг (мужиков было немного) немцы назначили его старостой деревни.

Еще тогда мать просила разведчиков, чтобы они забрали сына в свою группу, «в партизаны». Этого они сделать, конечно, не могли. Однако в старостах Иван пробыл недолго. Был он норовист, упрям, на распоряжения комендатуры иной раз откровенно поплевывал и не выражал никакой симпатии германской власти. Дело кончилось тем, что в деревню нагрянули каратели, старосту публично и жестоко выпороли, объявили о его смещении. Приказом комендатуры был назначен новый староста — наставник староверов Фатеев.

Всю эту историю «лужане» знали в подробностях и не сомневались, что и Мария Капитоновна и Иван помогут всем, чем смогут. Да вот добратся до них было трудно. Мало того, что в деревне стоял крупный немецкий гарнизон, ошестинившийся постами. С незапамятных времен Букино было деревней староверской, и разведчики не без оснований подозревали, что немецкая контрразведка ловко использует давнюю обиду части крестьян «за веру».

Однако, как и утверждал Подсекин, все-таки «пролезли». Встретились с Марией Капитоновной и обо всем договорились. Она съездила в Струги Красные, привезла несколько батареек для карманного фонаря. С ними на базе Сева «колдовал» долго и безуспешно. Передатчик не работал.

Что делать? Они раскидывали умом так и этак, но ничего стоящего не находилось. А от радиации зависело все: есть радиация — есть группа, нет радиации — нет группы.

Но в один прекрасный момент Володя вдруг шлепнул себя ладонью по лбу:

— Кажется, есть!.. Саша, а если найти нашу прошлогоднюю рацию? Ведь она где-то недалеко закопана. Я помню, что мы закладывали ее в тайник под поваленным деревом. Стоит поискать.

Александр Иванович отчетливо помнил, как они закладывали две сумки. Но где? На этот вопрос он ответить не мог.

— Зима тогда была, снег. Теперь ориентиры все другие. Найти трудно...

— Найду! Я место приблизительно помню. Все ж радистом был.

Он ушел в лес, вооружившись саперной лопаткой, пропал там несколько часов, а потом почти бегом вернулся на базу с обросшими плесенью сумками в руках.

Сева с трепетом раскрыл сумки. В первый момент показалось, что рация совсем не пострадала, перезимовав в песке под снегом, но потом все отчетливо увидели следы разрушительной сырости на ее частях.

Содержимое обеих сумок осторожно и любовно просушили у костра. Батареи старой рации сохранили остатки энергии. Когда Сева подсоединил старые батареи к основному комплекту питания, рация заработала. У всех словно камень с души свалился. Подсекин ходил именинником.

Радость, однако, оказалась короткой. Через несколько дней рация закопризничала снова. Слышимость то появлялась, то исчезала, в наушниках раздавались хрипы и треск. Дело теперь было не в комплекте питания, а в самой рации. Сева заменял одну лампу за другой, но это не помогало. Рация требовала основательного ремонта.

Для Севы наступили черные дни. Возвращались ли ребята с задания, просыпались ли ночью во «дворце», видели они одну картину: горит очаг, на нем греются два небольших паяльника, а радист, согнувшись в три погибели, копается в переплетении конденсаторов и сопротивлений.

Положение у него было труднейшее. На курсах радистов его научили вести прием и работать на ключе. Он в общих чертах знал теорию радио и принципы работы отдельных частей рации. Те, кто готовил его, конечно, не предполагали, что Севе придется самому ее ремонтировать. Тут требовался квалифицированный радиотехник с набором приборов. У Леонардова не было ничего. Он искал неисправности в рации почти на ощупь, с ожесточением и упорством заменяя одну деталь другой, не имея возмож-

ности ни измерить сопротивления, ни определить их качество.

На вопросы Сева отвечал неохотно, и товарищи старались не досаждать ему. Во всяком случае, бестактно-го вопроса: «Когда будет связь?» — ему не задал никто.

Александр Иванович долго присматривался, как трудится Сева, а потом подсел к нему:

— Давай пробник сообразим...

— Из чего? — устало спросил Леонардов.

— Из вольтметра. Снимем вольтметр, напаяем два проводника, вот и готов пробник. Как-никак я все-таки электромонтер...

С пробником дело пошло лучше. Севе удалось найти и заменить несколько «пробитых» сопротивлений. Но перева было прескверное. Он злился на себя, на свое неумение, на упрямую рацию.

В придачу ему казалось, что многочисленные включения ее для пробы окончательно «посадили» блок питания. Радист был близок к отчаянию. В голову беспрестанно приходили мысли о мешке с батареями, который он не сумел сохранить при выброске, словно этот мешок и был причиной всех его нынешних несчастий.

Но он продолжал возиться с рацией, ибо ничего другого не оставалось. И вдруг настал момент, когда рация «задышала». По-настоящему «задышала»! Сева это понял сразу по ровному и чистому фону в наушниках.

На базе в это время он был один. Сева дрожащими руками быстро настроился на «вызывную» волну Центра. Ленинград ответил, как всегда: сразу же, громко и уверенно. Леонардов провел пробный сеанс. Передатчик работал слабее, чем раньше, но Центр слышал рацию № 205 достаточно хорошо.

Закончив сеанс, Сева выключил рацию и выскочил из «дворца». Радость и торжество распирали его грудь. Крикнуть бы во весь голос «ура!», да нельзя: вокруг базы полная тишина. Радист даже приплясывал от радости. Принять спокойный и степенный вид ему стоило немалого труда.

Командир и бойцы вернулись на базу вечером, усталые. Начинал сказываться голод. Поставили на очаг котелок с водой. Александр Иванович заметил, что у очага нет радиации. Он искоса, бегло взглянул на Леонардова, причем в его взгляде не светилась даже малейшая надежда.

Сева произнес нарочито небрежно:

— Александр Иванович, есть что передавать? А то ведь сеанс скоро...

Иванов посмотрел на него с изумлением, он ушам своим не поверил. Но на лице Севы сияла такая счастливая улыбка, что все было ясно без слов. Да и что он мог сказать, какие подобрать слова? Иванов сдержался, промолчал. Не было таких слов. Промолчали и ребята.

Присев на край нар, Иванов вытащил планшет и принялся писать текст радиogramмы. Когда он закончил ее и поднял голову, то увидел, что Сева лежит на нарах, уткнувшись лицом в сено. Радист спал мертвецким сном.

Иванов сложил приготовленный листок вдвое и сунул его в планшет.

— Не будите его. Пусть спит,— сказал он.— Передадим завтра.

— О Власове бы...— промолвил Малыгин.

Командир подумал и решительно повторил:

— Пусть спит. Завтра. Несколько часов тут ничего не изменят.

Утром Сева отстучал ключом большой разведывательный отчет. Работал он с подъемом, четко, уверенно. В шифровке говорилось о собраниях старост деревень, которые провели немцы, об эшелонах, автомашинах и технике, направлявшихся на фронт. Кроме отчета было передано сообщение, которое, как полагали «лужане», могло вызвать особый интерес в Центре. В нем шла речь о приезде в Струги Красные изменника Родины генерала Власова и о его выступлении перед другими предателями — карателями из вспомогательных отрядов немецкой контрразведки.

Перейдя на прием, Леонардов принял ответную радиogramму. Расшифровав ее, он немало удивился. Ответ Центра гласил: «Сообщите время вступления в комсомол Бриллиантова и Антонова». Он еще раз взглянул на шифровку. Да, именно «16» и «18». Центр интересовали эти номера.

— Чудеса!— сказал сам себе Сева и понес радиogramму командиру.

Тот прочел ее, не выказал никакого удивления и приказал Севе:

— Узнай у ребят и немедленно сообщи.

— А для чего это, Александр Иванович?— с недоумением любопытствовал Сева.

— Как знать... Возможно, ребят представляют к медалям «За боевые заслуги»?— пошутил Иванов.— Передай. Раз просят, значит, нужно.

Сам-то он хорошо понимал, в чем тут дело. Долгое молчание радики вызвало в Центре определенные подозрения. Там предположили, что группа захвачена немцами и что теперь вражеская контрразведка хочет вовлечь Центр в «радиоигру». Для этого оккупантам не было необходимости сохранять группу целиком. Они лишь временно оставили бы в живых командира и радиста. А те наверняка не могли помнить дату вступления в комсомол каждого из бойцов. Поэтому и был послан необычный запрос.

Александр Иванович ничуть не обижался на проверку. Смешно было бы. Без проверки в таких случаях нельзя. Но объяснять все эти подробности ребятам ему совсем не хотелось. Он встал и ушел на «командирскую тропу».

«Командирской» разведчики называли короткую тропу, которая проходила на лесном склоне метрах в семидесяти от «дворца». Она начиналась у старой развесистой сосны, покрытой потеками смолы, и кончалась метрах в двадцати — двадцати пяти от нее, у трухлявого и заросшего мхом пня.

Работа командира группы всегда была напряженной. Но в последнее время, когда оперативная обстановка ухудшилась, она потребовала от Иванова крайнего напряжения. Он без конца обдумывал какие-то новые операции, приемы работы, способы маскировки. Ошибиться он не имел права.

В эти минуты ему хотелось уединения, хотелось, чтобы его ничто не отвлекало. Он облюбовал лесной склон за «дворцом» и уходил туда подумать. Случалось, он часами неторопливо ходил от старой сосны к пню, а от пня — к старой сосне. И сапоги командира, давно требовавшие ремонта и скрепленные проволокой, в конце концов выбили на лесной почве самую настоящую тропинку.

Подсекин сказал ему как-то:

— Саша, ты нас демаскируешь своей тропой. Перебирался бы в другое место. В лесу везде думать можно. Или ходи петлями...

Александр Иванович в принципе с замечанием согласился, но когда становилось особенно трудно, все-таки уходил на «командирскую тропу». Подсекин на эту тему с ним больше не разговаривал. Что делать, если человек так привык...

Чертовски трудным оказался месяц май!

От бесконечных лесных переходов обувь буквально горела на ногах. Кончался и запас, захваченный у Узоль-

никова. Головки сапог развалились, подошвы приходилось приматывать парашютными стропами. У Вани Иванова и Малыгина обувь окончательно вышла из строя, хоть валенки надевай.

В радиограмме, направленной Ивановым в Центр, говорилось: «Нужных медикаментов нет. Люди больны чешоткой, переходящей в загнивание. Белья и обуви нет. Часть людей сидит на базе босиком. Рация неисправна, прием ненадежен. Прошу сбросить новую рацию». Они с Подсекиным начинали всерьез подумывать о такой обуви, как лапти. Но кто сумеет их сплести? Дело непростое.

Иногда Иванов возвращался с «командирской тропы» воодушевленным.

— Карту давайте, — говорил он. — Есть у меня один планчик. Посмотрите...

И начиналось обсуждение очередной операции.

Было очень трудно, но разведка шла. Шла и диверсионная работа. Последняя, правда, как выразился Малыгин, больше «по мелочи».

На линии Псков — Луга они вывели из строя закопанный глубоко в землю магистральный кабель немецкой связи. На шоссе Струги Красные — Новоселье подорвали десять телеграфных столбов. Расход тола по обычным нормам был тут великоват. Но решили его не пожалеть: тола было у них гораздо больше, чем хлеба.

Зато через несколько дней на том же шоссе они обошлись вообще без взрывчатки. Вырезали из многожильного освинцованного кабеля связи кусок длиной с километр, разрубили его на несколько частей, утащили в лес и разбросали в разных местах. Операция была необычная, в чем-то даже веселая, и ее вспоминали впоследствии с удовольствием.

Группой совершили ночной переход и вышли к шоссейной дороге между Комарином и Маяковым. Дорога была пустынной, «лужане» уже собрались пересечь ее, когда вдали показались притемненные маскировочными козырьками фары двух машин — легковой и грузовой. Подпустили их поближе и ударили из автоматов. Машины на большой скорости ушли, но разведчики успели заметить, что в кузове грузовика повалилось несколько солдат. «Полагаю, встанут далеко не все», — сказал по этому поводу Миша.

Место это бойцам понравилось, и было решено организовать тут дневную засаду. Вышли, залегли, долго ждали, но ничего подходящего не было. Машины с пехо-

той двигались редкими колоннами. Связываться с ними «служанам» было не по зубам.

Ждать совсем надоело. Но тут на шоссе появился трактор-тягач. Выстрелом из «бесшумки» сняли водителя. Потеряв управление, тяжелая машина развернулась, уткнулась носом в кювет, и мотор заглох. Оставалось вывести ее из строя, сунуть под капот гранату. Но когда Подсекин выскочил из-за кустарника, на шоссе, откуда ни возьмись, объявился патрульный броневик и, повернув башню, ударил по засаде из крупнокалиберного пулемета. Пришлось отходить несолоно хлебавши.

По-прежнему манила железная дорога — главный объект для диверсий. План подрыва обсуждали долго, раздумывая о том, как обмануть сильную охрану. Сначала вроде не клеилось, потом кое-что придумали.

Но и тут большой удачи не добились. Восемь килограммов тола были заложены успешно, и Сева уже сжимал в руках «удочку». Но на бровке, у полотна, оставили следы, на которые наткнулся патруль. Он поднял тревогу. Пришлось поднять патруль на воздух, разрушить линию. А подходивший эшелон остановился метрах в сорока от этого места.

— Результаты операции не оправдывают риска, — сказал Иванов. — Столько работы из-за трех фашистов и одного паршивого рельса! Рельс этот немцы минут за двадцать заменят. Научились... Не повезло!

Все они ждали «сову», готовились ее встретить. При каждом радиосеансе с Центром Леонардов повторял: «Квадрат «совы»—34», «Квадрат «совы»—34». Они прислушивались к воздуху. Но все было тихо. Не появлялись над Савиным бором ни наши самолеты, ни немецкие.

Как-то ночью их разбудил густой тягучий гул. Бойцы выскочили из «дворца» со свертками бумаги для факелов. Самолет, судя по звуку, разведчик Р-5, шел где-то восточнее. Они долго прислушивались к затухающему звуку мотора. Самолет не вернулся.

— Не к нам... — вздохнул Толя.

— Наверное, к партизанам полетел, — сказал Миша Антонов.

БРАТЯ ПО ОРУЖИЮ

Прекрасным было то майское утро. Солнце прогрело лес, и он наполнялся птичьим щебетанием. Свежая, зеленая трава радовала взор. На припеке, на склонах

стало совсем тепло, хоть загорай. Пахло вереском и смолой.

Александр Иванович с удовольствием брился у «дворца», пристроив обломок зеркала на ветке дерева. Володя, Миша и Яков собирались на «железку», подгоняли заплечные мешки, проверяли оружие.

Старательно подпирая языком щеку, Иванов промолвил:

— Володя... не забудь... сообщение Ярмистого.

Проведя еще раз бритвой по щеке, он принялся разглядывать себя в зеркале.

Подсекин поставил автомат на боевой взвод, потом на предохранитель, коротко ответил:

— Проверим... — Искомандовал: — Ребятки, пошли! Цепочка из трех разведчиков скрылась за деревьями.

Сообщение, о котором упомянул Иванов, было получено со станции Карьер, от Ярмистого, накануне. Оно вызвало на базе пристальный интерес. Ярмистый сообщал, что для охраны железнодорожной линии фашисты сгоняют местное население. Старосты всех деревень получили из комендатуры разнарядку, в которой указывалось, сколько человек они должны вывести на железную дорогу.

Эсэсовцы расставляли крестьян, женщин, девчонок вдоль насыпи, на небольшом расстоянии друг от друга, при опасности они должны были поднимать тревогу ударами по рельсу. Было объявлено, что в случае диверсии все люди, которые несли охрану участка, будут на месте расстреляны.

Оккупанты хотели прикрыть свои магистрали мирным населением. Этот иезуитский замысел требовал, по мнению «лужан», пристального изучения.

Трое разведчиков вышли на железную дорогу к девяти часам утра. Места засад и охранных постов были им хорошо известны и отмечены на карте-километровке, которая хранилась на базе. Поэтому они без труда уклонились от встречи с немцами.

Последнюю сотню метров к «секрету» разведчики преодолели совсем бесшумно, местами — ползком. Добравшись до цели первым, Володя обернулся назад и приложил палец к губам. Миша и Яков замерли.

Странное было дело: с полотна доносилась песня. Тихо, едва слышно над кустарником, над лесом проносилась знакомая мелодия счастливого довоенного времени:

Расцветали яблоны и грушы,
Поплылы туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

На мгновенье Подсекин вспомнил: танцевальная площадка в Красном Селе, вечер, играет духовой оркестр... Вслед за «Катюшей» тогда появился не менее популярный «Андрюша»: «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали, не прячь гармонь, играй на все лады...»

Он прополз вперед и выглянул из-за куста. Прямо перед ним на насыпи сидела деревенская девчонка. Машинно постукивая зажатым в руках железнодорожным костылем по гравию, она вторила подругам:

Пусть он вспомнит
Девушку простую...

Девичьи голоса вели мелодию медленно, с тайной горечью и грустью.

Подтянулись сзади ребята, залегли рядом с Володей, присматриваясь. Ветер играл концами темного платка, покрывавшего голову девчонки, трепал ее старую, ветхую юбку.

Ярмистый все сообщил верно. Вправо и влево на рельсах, убежавших вдаль, на полотне, насколько хватало глаз, виднелись человеческие фигуры. Почти сплошь это были женщины или девчонки.

— Как же теперь с подрывами будем? — прошептал на ухо Подсекину Миша. — Не рвануть — нельзя... А рванешь — немцы наших расстреляют. Вот что придумали, сволочи!

— Ничего, — тихо ответил Володя, упрямо тряхнув головой, — сообразим и мы что-нибудь.

Они провели в «секрете» несколько часов. И почти все это время женщины на полотне тихо пели. Пели наши, советские песни.

Время от времени мелодия сникала: по шпалам, громыживая кованными сапогами, проходил эсэсовский патруль — автоматчики. Потом она снова взлетала, как воспоминание о прошлом, о далеких мирных днях.

Когда приближался состав, люди сходили с рельсов на бровку полотна, и поезд двигался словно по человеческому коридору.

Немецкие эшелоны шли к фронту с небольшими подрывами. «Лужане» подсчитывали число вагонов, платформ, цистерн, на глаз определяя характер грузов. Враг продолжал гнать подкрепления к блокированному Ленинграду. Перевозки, правда, были обычными, ничто не го-

ворило о том, что фашисты готовятся к какой-то крупной стратегической операции.

Когда они покинули «секрет», день был на исходе, солнце клонилось к самому лесу. Разведчики преодолели вброд безымянный лесной ручей и вышли на болото. Влажный мох шипел под ногами, вода заливала рваные сапоги. Пахло лесной прелью, грибами, сыростью. Воздух был наполнен неумолкающим комариным звоном. Отмахиваясь от назойливых насекомых, они шли быстро, молча, сберегая дыхание.

Болото кончилось, и они выбрались на сухой, прогретый солнцем песчаный пригорок. Здесь Володя круто повернул на север.

— Зайдем в Лучкину, навестим «своих». Да и у Миши Селиверстова давненько не бывали.

Наступали предвечерние сумерки. Из леса они долго осматривали притихшую небольшую деревеньку. Ничего подозрительного не заметили. Деревянный шест у дома, где жили Миша Селиверстов, его мать и брат, говорил: «Карателей и полицаев в деревне нет».

— Без шума, ребята. Незаметнее... — коротко сказал Подсеккин, и они огородами стали подходить к дому.

Антонов легонько постучал прикладом по дощатой двери, и тотчас в сенях объявился Михаил, небольшой крепкий паренек в выдавшем виды зипуне. На лице его было написано необычайное волнение.

— Партизаны у нас в деревне! — радостно сообщил он и сунул каждому ладонь лодочкой. — Здравствуйте, здравствуйте...

Разведчики насторожились.

— Где они? — быстро спросил Володя.

— Вон в той избе сидят, на краю...

Ребята обменялись взглядами. Провокация? Опять каратели «работают» под партизан? Случаев таких им было известно предостаточно.

— Ты, Миша, не ошибся? — продолжал Володя. — Не фальшивые ли партизаны?

— Что ты! — возмутился тот. — Самые настоящие! Больше часу назад как пришли...

Он совсем понизил голос:

— Вроде разведчики. И сам отряд, видать, недалеко. Володя тихонько засвистал сквозь зубы. Нарываться на дешевую провокацию ему, опытному человеку, совсем не хотелось. Но делать было нечего. Он передвинул автомат на грудь, поправил в кармане гранату и обратился к Селиверстову:

— Веди!

Они пересекли улицу, из окон на них смотрела деревня. Миша шел первым, Володя с автоматом за ним. И всем было видно: опять появился в деревне неуловимый Рыжий и ведет под конвоем Мишку Селиверстова. А с Рыжим, как известно, шутки плохи...

Миша и Яков двигались на отдалении. В случае необходимости они должны были составить боевой заслон. У избы Подсекин вполголоса сказал:

— Войдешь — предупреди, кого привел. Держись сразу в сторонке, за стенкой. Я войду следом за тобой.

— Фома ты неверующий! — повернув голову, сердитым шепотом сказал Селиверстов. — Говорю тебе — настоящие партизаны!

Встав рядом с дверью, Володя шелкнул предохранителем автомата и прислушался. Однако за несколькими фразами, сказанными Селиверстовым, не последовало ни шума, ни топота, ни лязга оружия. Тогда Подсекин отворил дверь и ступил на порог.

Вокруг стола, на котором находились остатки несложной трапезы, сидели пятеро. Окинув всех присутствующих взглядом, Володя снял руки с автомата. Партизаны и верно были не опереточные. Обмануть в таком деле его, стреляного воробья, было невозможно.

— Володя-партизан, значит? Он же Рыжий? — спросил высокий, молодой еще человек в ватнике, вставая и протягивая ему руку.

Подсекин рассмеялся и ответил на рукопожатие.

— Слышали о вас. А мы от Константина Дионисьевича...

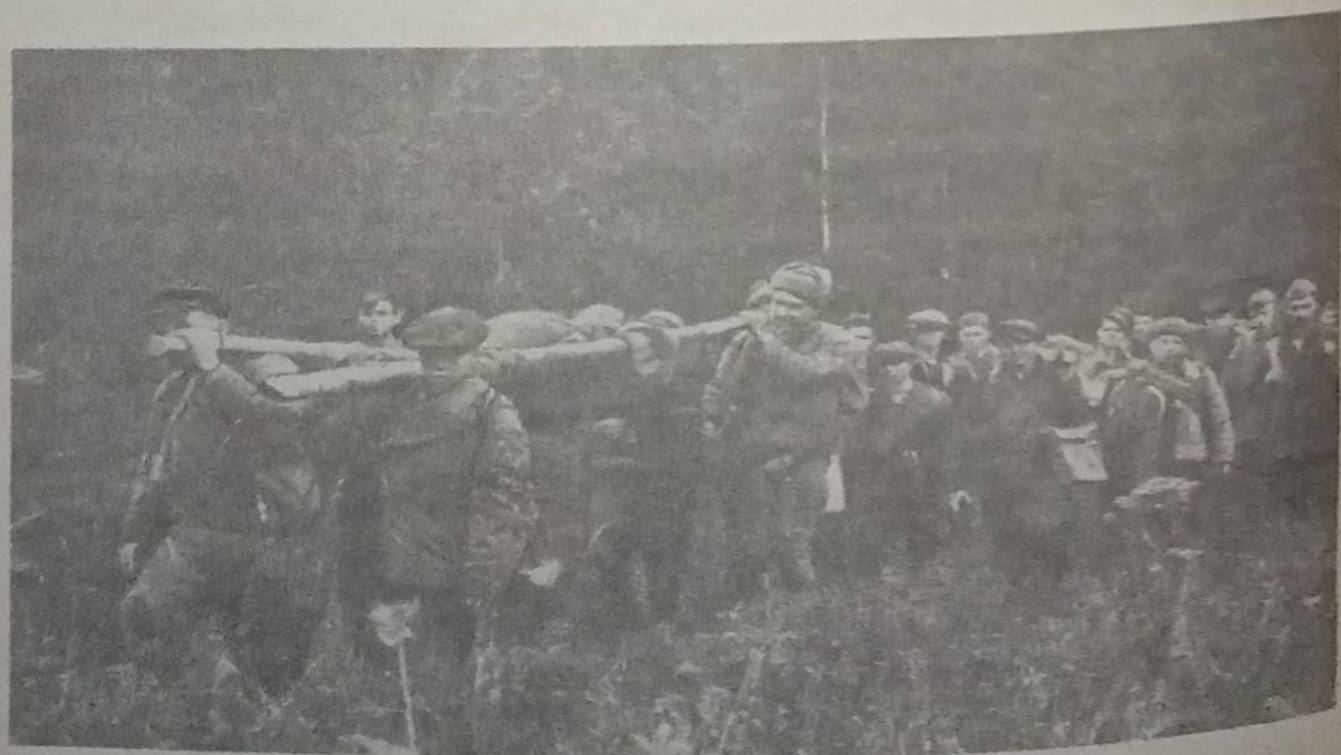
— Знаю Карицкого, — быстро соображая, ответил Володя.

Если бы их разговор слышал кто-нибудь посторонний, то он не нашел бы в нем ничего особенного. На самом же деле каждая фраза этого разговора была наполнена особым смыслом: «Давай проверим, что ты знаешь, кто ты есть на самом деле».

Имя Константина Дионисьевича Карицкого было широко известно за линией фронта. Володя и Александр Иванович знали его еще по 1942 году. Карицкий в начале войны был пограничником, а потом прошел все университеты народных мстителей. В составе разведывательно-диверсионной группы, подобной группе «Лужане», он ходил в лыжные рейды по немецкому тылу. Затем руководил группами и отрядами партизан. Когда фронт стабилизировался и выйти к своим не удалось, он дейст-

Константин Дионисьевич
Карицкий, командир 5-й
партизанской бригады.

Партизаны 5-й бригады на боевом переходе.

вовал в составе бригады Германа. Затем получил новое задание...

Спокойный и на первый взгляд неторопливый, он никогда не использовал окрик, грубость, но его бойцы даже в самое трудное время отличались высокой сознательностью и дисциплиной. Любое важное дело держится в конце концов на определенных людях. Партизанское движение в Ленинградской области держалось именно на таких, как Константин Дионисьевич Карицкий.

Разговор в избе развивался столь успешно, что Володя вдруг спохватился:

— Погодите, братцы... У меня тут еще двое ребят. Пока мы с вами беседуем, пошлю их на задание по деревне.

Он вышел на улицу и условным свистом позвал к себе Мишу и Якова.

— Все нормально, — сказал он им. — Верно — партизаны... Буду с ними договариваться о делах, а вы пока выполните что надо. Ты, Миша, давай к Елизавете Дмитриевне, а Яша — в Лохову, на «колхозный двор».

Елизавета Дмитриевна Петрова, давняя помощница разведчиков и их связная, доставлявшая на лесной кордон сводки Ярмистого, встретила Антонова с обычным радушием.

— Покушаешь? — спросила она. — Сейчас соберу быстро. Устал, наверное. Эх вы, бедолаги...

Миша чуть поморщился. Елизавета Дмитриевна никак не признавала в нем опытного бойца-разведчика, а разговаривала с ним так, словно он был мальчишкой.

Пока он кусал черствый хлеб, запивая его деревенской простоквашей, Елизавета Дмитриевна рассказывала:

— Есть один интересный человек. Фамилия его Иванов. Бывший агроном, сейчас работает в административно-хозяйственном управлении в Стругах Красных. Я знаю его давно, только в последнее время как-то из виду потеряла... И вот встретились мы в Стругах. У меня сомнений нет, что он немцам не слуга, ищет связи с партизанами. Хотя об этом открыто, конечно, не говорит. В то же время он в курсе всех распоряжений оккупационных властей...

— Верно, интересно, — подтвердил Миша.

Петрова строго посмотрела на него.

— Передай Ильину, что я рассказала. Пусть рассудит. Если надо — я сама с агрономом поговорю.

В это время в соседней деревне, в большом и уют-

ном, в прошлом заброшенном доме, Яша Морозов беседовал с его обитательницами — «колхозным двором». Военная судьба собрала в этом доме несколько разрозненных семей, женщин-переселенок. Жилось им крайне трудно, и спасались они тем, что образовали дружный коллектив, во всем приходили на помощь друг другу. За это разведчики и прозвали их шутливо «колхозным двором».

Пропитаться с тех жалких соток земли, которые им были выделены оккупационными властями, переселенки не могли и искали приработка. Шура Водяникова устроилась на работу в карьеры, где немцы добывали песок для ремонтных работ на дорогах. Вслед за ней пошли туда же работать Даша Сергеева и Нюра Советникова.

В карьеры немцы пригоняли на погрузку песка военнопленных из лагеря, расположенного неподалеку. Женщины из «колхозного двора» стали передавать им листовки и сводки, которые получали от «лужан». Постепенно к этой работе были привлечены и остальные обитательницы дома — Евдокия Ивановна и Валентина Федоровна Дмитриевы, Евдокия Федоровна Советникова, Александра Федоровна Салакина.

Затем членом этого маленького коллектива стала коренная жительница деревни, любившая заходить на «колхозный двор» в гости, Дуся Степанова. Она начала выставлять у своей избы условные сигналы для разведчиков.

— Так-то, бабоньки, — вздохнул Яша, выслушав отчет о местных событиях. — Нелегкая ваша доля. Но, погодите, еще одолеем фашиста... Что у военнопленных?

— То же. Мрут с голоду. Работа каторжная, а кормит их немец гнилой брюквой кормовой... Не мужики, а одно парение, кожа да кости.

— Со сводками не завалитесь?

— А у нас там небольшие тайнички образовались. Лежит в укромном месте листок, кто принес — неизвестно, а кто забрал — тоже неизвестно. Побег бы с карьера им устроить... к партизанам.

— Пока на это сил не хватит, — откровенно сказал Морозов. — А на будущее — посмотрим.

Когда Миша и Яков вернулись к избе, где находился Подсекин, там разговор уже заканчивался. Удовольствие было обоюдным. Причем выяснилось, что разведчикам и партизанам в одну сторону, и они ушли из деревни вместе.

Дорогой переговаривались, пересмеивались, курили злой «елисеевский» самосад.

— Братва, — воскликнул Подсекин, когда они переходили вброд опавшую после весеннего паводка говорливую Курею, — да не к нам ли на базу вы идете?!

— А вы где?

— Мы возле Савина бора. А вы?

— А мы в самом Савином бору.

Все рассмеялись. Партизаны, направляясь к себе в бригаду, и верно свернули в сторону лишь в километре от базы разведчиков. На прощанье договорились о встрече на следующий день и обменялись паролями.

Известие о том, что рядом обосновалась целая партизанская бригада, принесенное на базу Володей и его бойцами, доставило всем «лужанам» большую радость. Партизаны были для разведчиков не только единомышленниками, соратниками, но и кровными братьями по оружию. Самой возможностью работы в тылу разведывательно-диверсионные группы были обязаны партизанским подразделениям, на которые выпадала главная тяжесть боевой работы.

Что такое группа? Несколько человек в лесу. Будь она одна, гестапо выследило бы ее и разгромило. «Неуловимых» нет. Своим существованием она была обязана прежде всего тому обстоятельству, что немецкой контрразведке противостоял фронт народного сопротивления. И все части этого фронта, проходившего через оккупированную территорию, взаимодействовали друг с другом и друг от друга зависели.

Настроение во «дворце» разом поднялось. Сима, Яков и Иван в особенности радовались, что они были опять рядом со «своими». Нет, «лужане» для них чужими не были. Три партизана считали, что теперь действуют в составе отдельной разведывательной группы штаба партизанского движения (о том, что группа заброшена в тыл по заданию Ленинградского управления госбезопасности, Иванов не считал возможным им сообщить). Просто они привыкли воевать в составе большого отряда.

Володя, набивая патронами при свете очага обойму трофейного автомата, тихонько, но с удалью напевал:

Прошел отряд по просекам знакомым,
С тех пор могуч и грозен темный лес.
Сосновый бор, ты стал родимым домом
Под вечной крышей — куполом небес...

История партизанского движения в Ленинградской области, как и повсеместно, началась со специальной директивы, которую 29 июня 1941 года Центральный Комитет партии и Советское правительство направили

партийным и советским организациям прифронтовых областей. В ней говорилось о том, что в захваченных врагом районах надо создавать невыносимые для него условия. Ставились задачи формирования партизанских отрядов, разжигания партизанской войны, организации партийного подполья.

Уже в первой половине июля были сформированы в Ленинграде и брошены к Лужскому рубежу вместе с частями народного ополчения шесть истребительно-партизанских полков, которые должны были действовать как в составе наших соединений, так и за линией фронта. 18 июля Центральный Комитет партии вынес специальное решение «Об организации борьбы в тылу германских войск». Согласно этому решению партизанскую борьбу в Ленинградской области возглавил областной комитет партии.

Были заложены основы партийно-комсомольского подполья, сформированы новые партизанские отряды и подразделения. По неполным данным, в конце сентября во вражеском тылу действовало 117 отрядов — около 5 тысяч партизан. Стали выявляться и многие недостатки в организации подполья и партизанской войны. Ее участники еще не имели опыта.

В разных районах существовали различные мнения по поводу тактики, которой должны придерживаться партизаны. Группы и отряды действовали разобщенно. Желание причинить урон врагу было огромным, но боевых знаний не хватало. Первой военной зимой в партизанском движении произошел спад. Подполье несло тяжелые потери под ударами фашистских войск и контрразведки. К январю во вражеском тылу оставались лишь две бригады и около тридцати сильно ослабленных партизанских отрядов.

С весны 1942 года на оккупированной территории вновь начала разгораться широкая партизанская война. Ленинградский штаб сформировал 107 партизанских отрядов и 27 диверсионных групп, вместе они составляли около 3 тысяч человек. Еще 4 тысячи человек находились в резерве. Исключительно сложная обстановка была в это время на оккупированной территории, она требовала от людей большого мужества и стойкости. И партизаны проявили эти качества, сумев нанести врагу тяжелейший урон. Очень трудна была борьба с оккупантами в 1942 году, но она проходила значительно организованнее и эффективнее, чем в начале войны.

К лету 1943 года на оккупированной территории дей-

существовали 4400 народных мстителей, объединенных в пять бригад и отдельный полк. Кроме того, отдельные партизанские отряды и группы насчитывали в своем составе 1600 партизан. Каждый шестой из них был коммунистом. Тяжелые и кровавые бои вели они с регулярными частями германской армии, с карательными экспедициями весной и в начале лета. Но уничтожение партизан стало для врага уже недостижимой задачей.

28 мая «лужане» принимали гостей из 5-й партизанской бригады. На базу разведчиков пришли сам командир бригады Карицкий, командир одного из отрядов Сергей Чебыкин, начальник партизанской разведки и несколько бойцов. Это был редкий случай, когда в районе «дворца» слышались громкий говор, шутки, несдерживаемый смех.

Партизаны с любопытством присматривались к организации и охране базы, к строгому порядку, к отсутствию малейших следов на лесной почве вокруг. Карицкий похвалил маскировку «дворца», а забравшись внутрь, одобрительно заметил:

— Ладно устроились. С удобствами.

Кашеварил на базе в этот день Толя Бриллиантов, и к обеду было подано практически все, чем располагали разведчики, в том числе и продукты из тщательно оберегаемого НЗ.

Отставив котелки, собеседники приступили к делу. Иванов развернул боевую карту группы. Константин Дионисевич достал свою. Александр Иванович дал партизанам точную информацию о положении на железной и шоссейной дорогах, о расположении вражеских гарнизонов, о настроениях в деревнях.

Комбрига в особенности интересовали адреса людей, на которых может опираться партизанская разведка. Он их получил. Затем они вместе с Александром Ивановичем наметили деревни, где можно изъять продовольствие у старост и немецких пособников. Бригада, учитывая ее боевые силы, могла также организовывать налеты.

Потом Карицкий во «дворце» неторопливо беседовал с чекистами.

— День рождения нашей бригады — двенадцатое февраля. Основа ее — небольшие отряды и группы, которые были объединены. Стали, одним словом, серьезной боевой единицей. Сразу же приняли тяжелые бои с карателями...

Он говорил о партизанской борьбе как о трудной и необходимой работе, деловито.

— Оперативная обстановка остается пока тяжелой. Как ведь получается?.. Укусили мы немца крупно, а потом огрызаемся, уходим. Каратели у нас на пятках висят. Минируем обратный след...

Он задумался.

— ...Порядка еще должного нет, взаимодействие с другими отрядами недостаточно налажено... Вот недавно ни за что ни про что потерял двух хороших минеров. Поскольку они у нас в хвосте работали, были одеты в немецкую форму. Ну, на случай неожиданной встречи с карателями. Понимаете?.. Вдруг — пропали. Послал бойцов назад, узнать, что случилось. Подорваться — не могли. Докладывают: лежат оба на тропе убитые... Шла мимо какая-то чужая группа, увидела — «немцы». Сняла их из-за кустов из «бесшумок» и пошла себе дальше. Наверное, довольная, что двумя фашистами меньше... А ведь какие ребята были, золото!

И об этом он рассказывал так, словно самым тоном хотел сказать: «Надо работать четче, более умело. Наладим такую работу со временем».

— Трудно было «железку» перейти. Видно, гестаповская агентура работала: встречали нас каратели огнем по всей линии. Но мы их все-таки обманули, двинули туда, где нас совсем не ждали, под самый Псков. И перешли, что называется, без выстрела... А борок ваш — Савин Бор — мы по карте облюбовали. Показался подходящим, да и верно он неплох... Должны получить тут грузы с Большой земли, боеприпасы. Как получим, уйдем за шоссейку, в болота. Там действовать будет легче. Сейчас первая задача — хорошо шоссейку перейти. Разведка моя там уже работает.

— Народу у вас много, непривычно для нас, — сказал Володя.

— Пролезем, не в первый раз... — И Карицкий, словно подводя итог всему сказанному, добавил: — А ведь совсем не тот немец пошел, что был раньше. Ну, конечно, на болото он гоняет нашего брата... Но ведь не так, как прежде. Уверенности у него уже нет, наглость пропала. И сдастся мне, что мы его здесь, в тылу, переломим. Вот вот переломим.

— С таким народом да не переломить... — заметил Александр Иванович.

Карицкий улыбнулся:

— Мы, русские, раскачиваемся медленно. Но уж когда раскачаем, бьем насмерть, наповал. И хоть гоняют

нас сегодня каратели, я думаю: «Завтра мы вас так удари-
рим, так понесем, как вы еще не видали!»

— Торопитесь уходить из нашего бора? Или время
есть? — спросил Миша.

— Задерживаться нам тут не надо. Борок ваш кра-
сив на карте, да кто знал, что тут по деревьям столько
гарнизонов. Словно нас тут и поджидали. Давно у вас
так?

— Нет, только с начала мая. А не предполагаешь,
что немцы вас, верно, ждали? — спросил Александр Ива-
нович.

Комбриг помолчал, взвешивая серьезный вопрос.
— Нет, — решительно сказал он. — Такого не подозре-
ваю. Случайность. А потом, знаете, как у нас говорят:
«Блокада в тылу». На фронте сейчас тихо, вот они и от-
водят части.

На прощанье Карицкий сказал:

— А теперь — прощу к нам!

На следующий день «лужане» нанесли ответный ви-
зит. К месту партизанской стоянки их вывел Володя.
Партизан из боевого охранения проводил разведчиков к
лагерю, расположенному среди лесной чащобы.

В бору полукругом горели костры. Вокруг них сидели
и лежали вооруженные люди. Большинство составляла
молодежь, ребята от шестнадцати до восемнадцати лет.
В ведрах на огне варился ужин — тощая конина.

Бригада была невелика — всего около пятисот бой-
цов. Никто из тех, кто видел в этот вечер обычный пар-
тизанский лагерь, конечно, не мог и подозревать, что че-
рез считанные месяцы бригада разрастется до 7 тысяч
человек, станет дважды Краснознаменной, что ее коман-
диру будет присвоено звание Героя Советского Союза...

Константин Дионисьевич коротал этот вечер у одно-
го из костров. Он поднялся и пошел навстречу разведчи-
кам.

— Почему шалашики не построили? — поздоровав-
шись, спросил Александр Иванович. — Смогли бы лучше
отдохнуть.

— Никогда ничего не строю, — ответил Карицкий. —
И территорию никогда не удерживаю. Это должны де-
лать только регулярные войска. Некоторые товарищи
по этому поводу спорят со мной и бывают недоволь-
ны... — Он усмехнулся. — Но у меня тут свое твердое мне-
ние. Там, где чуть тепло, чуть уютно, человек начинает
расслабляться. Мои ночуют под любым кустом. Надо но-
ги не шадить, если хотим фашиста бить и уцелеть. Вот

поэтому я на привалах ничего не строю, и другим командирам не советую... Ну, пошли ко мне!

— Самолеты были у вас?

— Были. Сбросили боеприпасы и литературу.

— Литературой поделитесь? Очень нужна.

Карицкий оглянулся на Подсекина.

— Откомандируй Володю-партизана к моему начальнику штаба. И можешь быть спокоен. Рыжий что хочешь достанет.

Подсекин тут же исчез.

Иванов и Карицкий поговорили о насущных делах. Комбриг попросил выделить из группы людей, которые хорошо знают местность, для помощи в организации засады.

Любой из «лужан» счел бы это поручение почетным. Сева, когда услышал о намечавшихся засадах, был сам не свой.

— Долго я у рации сидеть буду?— спрашивал он у командира.— Скоро стрелять разучусь... Пошлите меня в засаду.

Но убеждать Александра Ивановича в таких делах было бесполезно. Сам он вместе с Толей, Симой и Иваном пошел с ротой Нечаева на шоссе. Подсекину, который вернулся от партизан с пачкой газет и листовок, была поручена организация второй засады, с ротой Никанорова. С ним отправились Миша и Яков.

На шоссе Иванов вывел партизан успешно. Они нанесли удар по колонне пехоты и быстро отошли. Подсекин вернулся на базу гораздо позже. Он выбрал самое подходящее место: поворот у проселочной дороги, ямы за ельником, из которых брали песок для ремонта. Это было далеко, но партизаны не потратили времени зря.

Володя протянул Александру Ивановичу записку. Карицкий быстрым, неровным почерком писал: «Спасибо Рыжему. Засада организована мастерски. За несколько минут разбиты и сожжены легковая и грузовая автомашины. Из двадцати гитлеровцев не ушел ни один. Во главе с двумя офицерами все отправлены «завоевывать мировое пространство». Захвачено оружие, багаж и документы».

Ребята еще не остыли от волнения боя, и Володя восторженно рассказывал:

— Вот это была работа! Не наш наскок, а засада по всем правилам! Народу было до роты, и у каждого свой сектор обстрела. Ямы там вырыты глубокие, сидишь,

как в окопе, а маскировка отличная. Как дали гадам с двух сторон, только перья от них полетели! Первая легковая машина — в сторону. В ней какой-то важный чин ехал. Так и выскочить не успел, повалился. Вторая машина с ящиками и солдатами — носом в яму. Эти посыпались из кузова да тут и легли, — деваться им было некуда. Машины мы, конечно, запалили...

— А что в ящиках-то было? — спросил Толя. — Харчи или патроны?

Подсекин на момент запнулся.

— Это были посылки в рейх, — сказал он, и лицо его помрачнело.

— Посылки... — иронически протянул Яков, откладывая в сторону карабин, который начал было чистить. — Видели бы вы эти посылки... Солдаты «великой Германии» отправляют домой награбленное. Ну и крохоборы!.. Все там есть — полотенца деревенские, холст, сало, детские рубашечки. Ведь вырвали у кого-то, гады... Вы не поверите: даже дамские лифчики отправляют.

И он обвел всех удивленными глазами.

В КОЛЬЦЕ

Ох уж эти комары! Густой тучей висят они над болотом, не дают ни есть, ни спать, ни дышать. Мало чесотки, которая не проходит, в придачу ребята ходят с опухшими от комариных укусов лицами.

— Это не комары, а фашистские пособники! — ругается Миша Антонов. — Перебить бы их всех!

Сима Малыгин смеется:

— Не видели вы комаров! У нас на севере хороший хозяин в это время собаку на двор не выпускает, — ослепят. А еще примета есть: до определенного дня комара нельзя бить, терпеть надо, потому что вместо одного убитого целое лукошко нарождается.

Хорошо Малыгину шутить, а лежишь в «секрете», проведешь ладонью по лицу — вся рука в крови. Пока собираешься съесть жидкую похлебку, в котелке плавают множество комаров. Совсем одолели.

Сева нервничает: во время радиосеанса комары впадают в руку, мешают работать на ключе, а у радиста движения должны быть легкими, точными. Во время сеансов с Центром рядом с Леонардовым приходится сажать бойца, который машет на него опахалом, как на шаха персидского... Точка, тире, точка, тире... Сева отби-

вает в Ленинград очередную шифровку: «Дороги перекрыты засадами. Лес обложен карателями. Противник подтягивает минометные части».

Опять было совсем плохо с продовольствием. Ели мучную болтушку с добавлением заячьей кислицы. «Подзаправиться» в деревнях стало невозможно.

После одного из сеансов связи Леонардов прибежал к Александру Ивановичу радостный:

— Читайте!

Шифровка гласила: «В квадрат 34 вам сброшен груз. Организуйте поиски».

Они обшарили всю округу. Каждый мечтал, что найдет грузовой парашют. Но ничего не было обнаружено.

— Не исключено, что на самолете был тот же штурман, что нас забрасывал. Тогда надо искать в центре Владимирских лагерей, — проворчал Александр Иванович.

Но нет худа без добра. Во время этих поисков на Малыгина выскочила лосиха, молодая телка. Сима вскинул автомат и свалил ее очередью в упор. Убитую лосиху перетащили на базу всем коллективом и освеживали. Мясо оказалось жестким, отдавало осиной, что всем напомнило весенние эксперименты Толи Бриллиантова. Однако и оно оказалось хорошим подспорьем. Хотелось распорядиться им по-хозяйски. Погода стояла теплая, и мясо неизбежно должно было скоро испортиться.

— Соли нет, — посетовал Иван. — А то запасли бы солонины. Александр Иванович, может быть, попросим кого-нибудь из своих привезти из Струг...

— Не та обстановка, Ваня, — возразил командир, — чтобы за солью ездить. Не будем из-за этого сейчас своими людьми рисковать. Надо распределить часть мяса между самыми нуждающимися переселенцами. Вот пойдешь на «колхозный двор» — подарок захватишь...

Так они и поступили. Мясо, которое осталось на базе, ели с грибами-сморчками. Получалось и вкусно и питательно. Яша сказал, что, когда пойдут белые грибы, надо бы у старост бараниной разжиться. Баранина с грибами — деликатес.

Они бдительно следили за тем, как складывается оперативная обстановка. Активность партизанской разведки, две засады, налеты на немецких пособников — все это привлекло внимание оккупантов к Валдаю.

Володя Подсекин вернулся однажды с задания очень гордый.

— Вы знаете, кого мы хлопнули, оказывается, во вре-

мя засады на ямах? Самого начальника новосельской комендатуры! Об этом сейчас толкуют полицаи во всех деревнях. Да и затылки себе чешут. Уж если самого коменданта, мол, так что же нам, маленьким сошкам, будет...

Александр Иванович направлял ребят одного за другим на разведку. Судя по всему, гитлеровцы организовали блокаду Савина бора. В деревни были подтянуты новые армейские части. На дорогах появились усиленные патрули, танкетки и бронемашины. Толя и Миша разведали, что еще в нескольких местах установлены минометные батареи.

А день спустя немецкая пехота начала перерезать все выходы из леса — дороги и тропы. Солдаты рыли окопы в полный профиль, оборудовали огневые позиции для пулеметов. Теперь уже не было сомнения, что немцы решили дать партизанской бригаде бой на уничтожение. Они лишь ждали, пока кольцо вокруг Савина бора замкнется окончательно.

7 июня на базу разведчиков еще раз пришел Карицкий с группой своих командиров. Вечером, когда накрапывал мелкий дождь и деревья гудели под напором ветра, во «дворце» состоялось важное совещание.

— Итак, уходим... — сказал, грея руки над огнем очага, Константин Дионисьевич. — Грузы с Большой земли приняты полностью. Если задержимся тут еще, каратели нас могут прихлопнуть. Теперь нам надо выскочить из «мешка» и уйти за шоссе. Разведка нащупала щель между гарнизонами южнее Николаева. Выходить будем ночью. Не получится без выстрела — дадим бой. Выскочим, не в первый раз... А у тебя какие планы, Ильин?

Александр Иванович молчал, думал. Существо дела состояло в том, что командование поручило группе «Лужане» определенный район. Его границы были точно обозначены на закодированной карте. Это был их боевой пост, покинуть который не позволяли ни совесть, ни дисциплина, ни интересы дела. Что бы ни случилось, чекисты не имели права уходить отсюда без специального приказа Центра.

Решение было принято, и командир разведчиков сейчас еще раз взвешивал его.

— Нет, — сказал он наконец. — Мы останемся: уходить нельзя. Как ты понимаешь, у нас задание работать здесь.

— Опасно. — Карицкий поднял голову и посмотрел на Александра Ивановича. — Проческа, я думаю, будет та-

кая, что и мышь не проскочит. Силы они сюда подвели немалые.

— А мы будем иголкой в сене. Каратели ищут целую бригаду, а нас всего несколько человек... Бригаду тут не спрячешь, а мы вполне можем укрыться. Расчет, как видишь, есть.

— Есть, — согласился Карицкий.

Несколько секунд во «дворце» стояла тишина. Было слышно, как дышит лес и ветер порывами хлещет дождем по крыше. С потолка на землю у очага падали редкие капли.

— А может, вы нам поможете? — неожиданно спросил комбриг.

— Чем? — удивился Александр Иванович.

— Да, понимаешь, мне сейчас одна мысль в голову пришла. Давай ее обсудим... Парень есть у меня раненый, Нил, отличный пулеметчик. Ранен он в ногу, передвигаться сам не может. Несем его на себе, на плечах... Трудно это, потому что один человек держит пятьсот. А выход у нас через шоссе, полагаю, будет нелегкий. Не исключено — с боем придется прорываться... Может быть, вы оставите у себя нашего парня, укроете его? Сохраните нам его, братцы, а?

Александр Иванович заколебался. Предложение оказалось для него совершенно неожиданным. Говорило оно о большом доверии, но командир «лужан» все хотел взвесить в этой ситуации.

— Ухаживать за раненым у меня некому, — сказал он. — Никого из бойцов я на это дело определить не могу. Все заняты. Давай уж тогда в придачу кого-нибудь из своих.

— Дам медсестру, — согласился Карицкий.

Иванов продолжал размышлять. Он прикидывал в голове различные варианты, позволявшие укрыть раненого, поворачивал их так и этак...

— Ладно, — кивнул он. — Присылай своего парня и медсестру. Постараемся сохранить обоих.

Они пожали друг другу руки, пожелали успехов в работе.

— Счастливо оставаться, — сказал Карицкий.

— Хорошего выхода, — промолвил Иванов.

Решение командира принять раненого не вызвало в группе никаких разговоров. Но Александр Иванович заметил, что ребята гордятся новым заданием.

На следующее утро шестеро партизан доставили на базу своего раненого товарища. Несли они его на само-

дельных носилках — двух стволах березок, обтянутых брезентом. Когда их осторожно опустили на землю, у раненого сквозь стиснутые зубы вырвался стон. Александр Иванович подсел к нему. Парнишка был совсем юный, лет семнадцати, чернобровый, с белым от боли лицом.

— Прибыл к нам на побывку, Нил? — весело спросил Иванов. — Не робей, попал в хорошие руки. С нами не пропадешь. Ведь мы главные хозяева этого леса.

Он встал и окликнул Антонова, который возился у очага во «дворце»:

— Эй, Миша, накорми раненого! Да не «болтушкой»! Тащи консервы из неприкосновенного.

Неприкосновенный запас был заложен в небольшом тайнике вскоре после приземления во вражеском тылу — несколько банок консервов и банка сахарного песка. Его не трогали даже в самые голодные недели. Все-таки была кислица, были сморчки... Большого, чем консервы из НЗ, командир группы раненому предложить не мог.

Партизанская медсестра Нюра, которую прислал с раненым Карицкий, была невысокой круглолицей женщиной лет тридцати, ловкой и расторопной.

— Знакомься с нашими, Нюра, — сказал Иванов. — Теперь будем все вместе.

Нюра рассказала «лужанам» о себе. Она получила извещение о смерти мужа в первые дни войны и вскоре ушла в партизаны. Была бойцом и видела в немецком тылу за эти месяцы всякое. Чтобы стать медсестрой, она прошла подготовку уже в отряде. А практики у партизан, как известно, медикам достаточно... Нюра была из тех женщин, руки которых никогда не знают покоя. Разведчикам она понравилась.

Когда партизаны ушли и на базе остались восемь бойцов, раненый и медсестра, Иванов приказал убрать из «дворца» все имущество и замаскировать его. Оставаться тут дольше было нельзя: к базе за последние дни оказались протоптанными несколько троп, за которые могли «зацепиться» каратели. Предстояло, как и весной, обходиться без постоянного убежища.

Для первой стоянки было выбрано место на самом краю болота, среди густой осоки. Чтобы успокоить раненого и медсестру, Александр Иванович тут же изложил план предстоящих действий.

— Видите кочку над водой? Ту, дальнюю?.. На нее мы положим Нила. Чтобы он не промок, оденем его в парашютный чехол. Ты, Нюра, ляжешь рядом. На всякий случай оставим тебе карабин... Вас мы замаскируем

так, чтобы даже в шаге ничего, кроме травы, не было видно.

Он обратился к бойцам:

— Остальные останутся здесь, на самом краешке. — Он указал на осоку. — От леса проглядываются здесь топь, вода, и карателям сюда идти нет нужды. Как только цепочка пройдет, сразу пойдем по ее следам, поиграем с карателями в кошки-мышки. Задача понятна?

— Так... — протянул Сева. — А если случится, что они на нас наткнутся?

— Цепь может задеть болото только своим краем. Значит, мы у них будем во фланге. Позиция выгодная. Если крайние каратели нас все-таки обнаружат, положим их на месте и начнем отходить по тропе через болото, в сторону от раненого.

— Ох, там топь... — вздохнул Ваня.

— Да, отход трудный, — согласился Иванов. — Но мы знаем тропы, а немцы нет. Тут мы от них оторвемся, хоть и придется самим намокнуть. Болото блокировать трудно. Отсидимся, а ночью выскочим между постами. Но это, понятно, крайний вариант.

Толя, слушая командира, грыз травинку. Серафим поправлял ремень автомата. Бойцы молчали, понимая, что «игра» предстоит сложная, рассчитанная лишь на боевую удачу.

— Не бойся, если нас долго не будет, — сказал Александр Иванович, обращаясь к Нилу. — Вернемся непременно, что бы ни случилось, понял? Ну, — он откашлялся, — если так получится, что не вернемся... Ведь все бывает на войне... Тогда, — он повернулся к Нюре, — раненый на твоей ответственности. Дадим тебе надежные адреса в деревнях. Переправишь Нила к нашим людям. Крестьяне укроют.

Они спали в эту ночь в осоке, на земле, не разжигая костра. Несколько мешал дождь, который то начинал моросить, то переставал. Но ночевка была в общем привычной. В половине второго все проснулись. Со стороны Новоселья донеслась стрельба. Разведчики долго прислушивались. Значит, бригаде не удалось перейти шоссе без выстрела. В ночи раздавались автоматные очереди, одиночные выстрелы из карабинов. Партизаны «оседлали» дорогу, и их боевые заслоны удерживали немцев, пока бригада переходила на другую сторону. Бой был не очень жарким, да и разрывы гранат не слышались. Минут через сорок звуки стрельбы стали стихать и пропали совсем. Значит, перешли...

Встали «лужане» еще до света, командир направил бойцов парами к Жупанову, Сеглицам, Сазонову.

— Надо сбить немцев с толку. Пусть думают, что основная масса партизан осталась в бору. Задача простая: дать карателям себя обнаружить, обстрелять их. В бой, конечно, не ввязываться, отходить, отстреливаясь. Чем больше будет шуму, тем лучше.

Пары разошлись.

Первыми вернулись к болоту Малыгин и Морозов. Чуть позже пришли Александр Иванович с Толей. Обстрелы карателей оказались успешными. Отступая, разведчики вели огонь, меняя места, чтобы создать впечатление действий большой группы. Немцы их особенно не преследовали, потому что считали: партизаны в «мешке» и все равно никуда не денутся.

Дело было сделано, патронов ушло много, и они принялись заново набивать обоймы автоматов.

Очень долго не возвращались Володя и Миша Антонов, которые были направлены командиром в Жупаново. Так долго, что это вызвало тревогу у остальных.

Между тем Подсекину и его напарнику в этот день действительно пришлось туго. На рассвете в тумане они подобрались к самой деревне, хотели даже войти в нее, но их остановил условный знак, выставленный Яковом Васильевым: «Осторожно, в деревне каратели».

Они долго лежали в «секрете», присматривались. Деревня еще спала. Постов, выставленных полицаями, им не было видно. Вероятнее всего, они были укрыты за домами.

Вставало солнце, туман рассеивался, и надо было отходить, потому что они подобрались к деревне слишком близко, а за спиной у них — открытый луг.

— Пошли назад, — шепотом скомандовал Володя.

Они начали отходить. Выпала густая роса, и на лугу разведчики оставляли за собой широкий темный след на траве. Оглянувшись назад, Володя подумал, что сейчас им это вовсе ни к чему.

Оба они добрались уже почти до самого леса, когда со стороны деревни раздалась первая автоматная очередь. Кто-то из карателей заметил две темные фигурки на лугу. Огонь с такой дистанции не представлял опасности для разведчиков. Подсекин остановился и послал в сторону деревни ответную очередь из автомата. Они увидели, как из домов выскакивают полицаи. Несколько человек пустились по лугу, по следу, который они оставили.

— Сматываемся! — сказал Подсекин, и они бегом углубились в залитый туманом лес. Но и тут лежала предательская роса. Оглядываясь назад, Володя видел, что след они оставляют почти такой же четкий, как на лугу. Каратели им «сели на хвост».

Сзади слышались автоматные очереди. Каратели преследовали их, словно гончие. В этот день они были храбры, участвовали в большой операции германских войск и хотели отличиться. Единственно, что их несколько удерживало, — опасность нарваться на засаду. Поэтому, преследуя «лужан», они не жалели патронов и били по каждому подозрительному кусту.

Промокшие выше пояса, Володя и Миша продолжали бежать. Кончился лес, началось заросшее ельничком болото. Тоже не легче: на моховом покрывале болота оставались четкие следы сапог. Наконец удалось добраться до сухого борка. Здесь, на засыпанной иглами почве, они резко изменили маршрут, запутали следы и наконец оторвались от карателей.

Путь к своим оставался еще немалым. По кривой они двигались дальше, забирая на север. Солнце поднялось, но в лесу еще стоял туман, и деревья были как в молоке.

Неподалеку от Савина бора, поднимаясь из лощины, поросшей кустарничком, Володя вдруг увидел в тумане, против солнца, цепочку людей, бредущих по лесу. Было их человек тридцать. Просматривались женские фигуры, в платках.

«Да это рота Нечаева! — подумал Володя, вспомнив о том, что в состав этой роты входили девушки-санитарки. — Вот так встреча! Но почему они не вышли из окружения?..»

Отдуваясь, они вылезли на край лощины, и Подсекин крикнул:

— Эй, девушки!

Цепь тут же развернулась на них. «Девушки» оказались немецкими солдатами в накомарниках. Однако они не стреляли: двум партизанам, которые очутились перед их автоматами, оставалось только сдаться в плен.

В долю секунды осознав свою ошибку, Володя командовал:

— За мной!

И оба словно провалились, покатались вниз, в лощину, в кустарник. Автоматный огонь у них за спиной был очень сильным. Их обсыпала сбитая пулями листва, кусочки коры. Однако по лощине им удалось уйти без царапины. Повезло...

Еще несколько часов скитались они по лесу, натываясь на цепочки солдат, на окопы. Вокруг слышалась стрельба. Каратели тщательно прочесывали леса вокруг деревень и окрестности Савина бора.

Наконец, мимо танкеток и полевых кухонь, им удалось проскользнуть в свой лес. Добравшись к своим, Володя облегченно выругался, оправдываясь:

— Совсем загоняли, дьяволы! Лезут в лес, как к себе домой...

Днем «лужане» прислушивались к стрельбе, которая шла по широкому кольцу. Ясно было, что немцы доберутся до них, до болота, только завтра. Вечером стрельба стала затихать и смолкла. Установив оцепление, каратели отошли на отдых, к полевым кухням.

Скоротав половину ночи, группа начала готовиться к предстоящему испытанию. Нила закутали в парашютный чехол и осторожно перенесли, шлепая по воде, на облюбованную кочку. Рядом расположилась Нюра, получившая карабин из запаса «лужан». На кочку положили открытую банку с консервами, кусок вареного мяса, сухари, поставили котелок с водой. Потом дружно принялись маскировать товарищей. Кочка чуть выпосреди болота... Можно было пройти совсем рядом и ничего не заметить.

Бойцы залегли в осоке. Время тянулось, как никогда, медленно. Но теперь оставалось только ждать.

ПРОЧЕСКА

Лес застыл в молчании. Замерли ели, березы, осинки... Он молчит еще с ночи, словно нет в нем ни зверей, ни птиц, ни людей. В неподвижности листья и трав — напряженность и тревога. Ни ветерка, ни птичьего щебетанья. Тихо. Только комары гудят над болотом...

С рассветом стрельба вспыхнула где-то на юге. Потом она донеслась с востока. Через какое-то время огненное кольцо сомкнулось, стрельба слышалась со всех сторон.

«Лужане» лежали в осоке молча, прислушиваясь, как приближаются каратели. Они словно видели, что происходит в лесу: цепи солдат «кропили» автоматными очередями каждый заметный куст, каждую подозрительную лошину или яму.

Справа опасность надвигалась все ближе, и Толя

Бриллиантов первым заметил ее: за деревьями сверкнуло под лучом утреннего солнца стекло компаса на офицерском ремне.

— Тс! — подал он тихий сигнал, как было условлено, и все вжалось в землю.

Через минуту из-за куста справа выскочил тощий, сутулый солдат с автоматом в руках. Они видели его лишь несколько секунд, но успели запомнить все: и полное охотничьего злого азарта лицо, и фляжку у пояса, обшитую сукном, и стоптанные сапоги с широкими голенищами, и свисающую с плеча на ремне длинную круглую металлическую кассету для запасных обойм.

Солдат окинул подозрительным взглядом осоку и болото. Но лезть туда, мочить ноги ему не хотелось, и он ограничился тем, что, резко повернувшись, пустил по болоту длинную очередь веером.

Каждый из бойцов сжал зубы: надо было удержаться от вскрика, если попадет шальная пуля.

Тут в лесу послышались крики и ожесточенная пальба. Раздались глухие взрывы ручных гранат. Видимо, каратели наткнулись на заброшенную лесную землянку или резервную базу разведчиков. Как обычно, они предварительно забрасывали ее гранатами.

Солдат обернулся на шум, потом, высоко поднимая ноги и придерживая правой рукой кассету с обоймами, побежал к своим. «Лужане» смотрели сквозь осоку, как он удаляется, и горячая волна отливала у них от сердца.

За первой цепью солдат шла вторая. Эти что-то горланили и, боясь поразить своих, стреляли по стволам и кронам деревьев. Никто из них к болоту не приблизился.

Когда цепь миновала их и гомон чужой речи вместе с выстрелами стал отдаляться, Александр Иванович обернулся в сторону болота:

— Нил, ты слышишь меня?.. Мы вернемся. Мы обязательно вернемся к тебе!.. Нюра, сюда! Пойдешь вместе с нами!

Он подождал, пока медсестра с карабином пересекла воду, и скомандовал всем:

— Вперед! Ориентироваться на меня и на Володю. Держаться чужих следов, своих, по возможности, не оставлять.

И они пошли пригнувшись, сжимая в руках оружие. Восемь разведчиков и медсестра двигались по следам немецкой цепи, с тем чтобы быть в тылу у карателей. В этом состоял расчет операции и ее главная боевая за-

дача. Они двигались то побыстрее, то помедленнее, по слуху устанавливая дистанцию до солдат.

К полудню таким образом они выбрались на берег Лудонки. И тут, словно самой природой подготовленное для тайника, нашлось место для дневки. Они залегли в кустах, кучей. Несколько раз проходили мимо цепи солдат. Они двигались так близко, что очередями из автоматов можно было бы уложить с десятков фашистов. И хотелось это сделать: настроение у разведчиков было злое. Но приходилось сдерживаться.

— Братва, — вдруг тихо прошептал Бриллиантов, — а ведь наш туалет они, наверное, тоже нашли...

В кустарнике раздались приглушенные смешки.

Чистота на базе группы «Лужане» соблюдалась очень строго. Все отходы, пищевые отбросы и мусор разрешалось выбрасывать лишь в единственную выгребную яму, которая была вырыта в стороне от «дворца». По установившейся партизанской традиции «заведение» было оформлено портретами вождей германского рейха. В центре стояла распространенная в огромных тиражах на оккупированной территории большая фоторепродукция: фюрер с улыбкой копает землю лопатой. По бокам — портреты Гимmlера, Геринга, Риббентропа, Геббельса. Эту «изопродукцию» партизаны и разведчики находили в изобилии у старост и в волостных управах. Портреты нацистских бонз располагались таким образом, что вся эта компания во главе с фюрером, казалось, трудилась над отхожим местом.

— Много разговариваешь сегодня, Толя... — тихо, с укоризной заметил Александр Иванович. — Побольше молчи.

— Я молчу, — ответил едва слышно Бриллиантов. — Но очень хотелось бы посмотреть на их рожи, когда они увидели своего фюрера.

Надвигались сумерки, а за ними — хмурый вечер. Тучи шли низко, над самым лесом. Опять принялся моросить мелкий дождик и заладил потом без перерыва. Стрельба еще продолжалась, иногда можно было услышать разрыв гранаты. Но теперь все это происходило без прежней методичности, беспорядочно. Видимо, каратели собирались заканчивать день и торопились к полевым кухням.

Ночи стояли белые, темноты в обычном смысле дожидаться не приходилось. Хорошо, еще тучи помогали, сгущали вечерний сумрак.

— Толя, Сева, давайте к тайнику с продовольствием, —

приказал Иванов.— Проверьте, цел ли... Если немцы его не нашли, принесите консервов на старое место, к раненому. А мы сейчас пойдем прямо туда с Малыгиным.

Под дождичком они разошлись. Добравшись к окраине болота, Александр Иванович с облегчением заметил, что к кочке с раненым пулеметчиком никто не приближался. Она так же торчала посреди воды. Иванов и Малыгин, проваливаясь ногами в мягкий торф под водой, в трясину, стали подходить к ней. На кочке не шевельнулась ни одна травинка.

— Свои, Нил,— негромко сказал Иванов.

Он осторожно развел руками осоку и осветил лицо пулеметчика карманным фонариком. Нил прищурился, Иванов заметил на его щеках сухие дорожки от слез. Очевидно, оставшись один, парнишка плакал от нервного напряжения и боли.

Невольным жестом Александр Иванович положил руку ему на голову.

— Ничего, Нил, держись! За битого двух небитых дают. Мы тебя еще за пулеметом увидим. Заставишь еще фашистскую сволочь в землю кланяться. Как нога?

Пулеметчик закрыл глаза.

— Ничего,— сказал он тихо, потом пошевелил губами и все-таки решился, спросил:— А остальные ваши... живы?

— Конечно!— бодро ответил Иванов.— А как же иначе. Толю и Севу я за консервами послал. Если тайник цел, еды принесут. Они уж скоро должны быть здесь. Все вместе и перекусим.

Из леса подошли Толя и Сева. Тайник оказался цел.

— Следов вокруг — видимо-невидимо!— доложил Бриллиантов, доставая консервы.— Всё каратели истоптали. Но тайника не нашли, маскировка выручила.

Тут же вместе с Нилом они принялись за еду. Сидели по краям на кочке, ноги были в воде, а сверху их поливал дождичек. Жевали консервы с сухарями, обменивались замечаниями о том, как прошел день, что предстоит завтра делать... Когда Александр Иванович нагнулся к раненому пулеметчику, то увидел, что он спит. Лицо у парнишки было совершенно спокойным.

Под утро от Лудонки Иванов направил к раненому Нюру и Яшу Морозова. Они удачно пробрались туда и обратно.

— Теперь все хорошо,— сказала Нюра командиру.— Нил уже не нервничает, понимает, что его не бросят

на болоте... Парнишка он зеленый, да еще попал к новым людям. Трудно ему вчера, конечно, было.

Рассвет приходил медленно, нехотя. Тучи посветлели, но дождь усилился. Капли барабанили по листве. Лица у ребят были серые, глаза покраснели от усталости, на каждом уже давно не было сухой нитки. Толя клацал зубами, а Нюра, тщетно пытаюсь согреться, обтягивала ноги мокрой юбкой.

«Лужане» начали различать запах гари. По лесу потянулся низовой белый дым от солдатских костров. Где-то каратели получали сейчас свой «фриштык». Вскоре сыпью, другая. Для карателей начинался новый «рабочий день».

Александр Иванович оглядывал бойцов при утреннем свете. Ребята заоченели так, что пальцы рук уже не действовали. Надо было двигаться, и командир сказал совсем негромко:

— Подъем! Направляемся вдоль Лудонки. Надо выйти на тот участок, который они основательно прочесали. Поэтому присматривайтесь к немецким следам.

Цепочка двигалась через прибрежный кустарник по направлению к Сеглицам. Прошли метров сто и остановились, услышав треск впереди. Прямо на разведчиков выскочил огромный красавец лось. На мгновение он замер как вкопанный, потом развернулся, легко перемахнул через куст и понесся размашистой рысью вдоль самого берега. Вероятно, его спугнули солдаты, потому что тотчас где-то недалеко раздалась стрельба.

Иванов быстро повернул группу по следам лося. Его чутье могло выручить разведчиков, помочь им скрыться от карателей. Применяя обычные приемы безопасности, бойцы шли по следам лося через болота и лощины, поднимались на пригорки, продирались сквозь кусты. В укромной ложбинке, где под толстым слоем мха был песок и вода не скапливалась, решили устроить дневку.

Стрельба в округе не прекращалась. Но Александр Иванович размышлял о том, что второй день прочески должен проходить гораздо легче, чем первый. Во-первых, бессмысленно прочесывать одно и то же место десять раз подряд. Во-вторых, каратели шли сейчас по тем тропам в лесу, которые сами успели пробить. Человек тут невольно выбирает не целину, а тропинку. В-третьих, Иванов был уверен, что ни одного партизана карателям задержать не удалось. Немецкое коман-

дование понимает, что его обвели вокруг пальца и партизанская бригада ушла. А раз так — они относятся к проческе как к пустой формальности и действуют спустя рукава.

У ложбины выставили сторожевое охранение из двух человек, остальные сбились в кучу потеснее. Смертельно хотелось спать, но нельзя было, и если кто-нибудь начинал дремать, его толкали в бок.

Сева и Толя, вечные спорщики, принялись сравнивать достоинства нашего автомата и немецкого. Потом их разговор сам собой перешел на мирные годы, школу, учителей.

— «Анну Каренину» кто читал? — спросил Иванов.

Выяснилось, что практически — никто. До романа Толстого ребята не успели дойти по школьной программе. У Севы «Анна Каренина» была дома, но он ее только просматривал. Иван сказал, что видел книжку у сестры, но прочесть так и не удосужился.

— Расскажите, Александр Иванович, — вступила в разговор Нюра.

— Рассказать?.. — задумался Иванов.

Тут следует упомянуть, что на длинных дневках, когда случалось подолгу где-нибудь укрываться, командир «лужан» имел обыкновение пересказывать бойцам своими словами литературные произведения, которые читал до войны. Надо было чем-то занять ребят и отвлечь их от нудного вынужденного бездействия. Огромным успехом, например, пользовалось длинное, как мы сказали бы сейчас, многосерийное повествование «Графа Монте-Кристо». Два растрепанных тома о Монте-Кристо Александр Иванович сам прочел очень давно и содержание их помнил лишь в самых общих чертах. Но он дополнял этот сюжет эпизодами из тоненьких выпусков о славном сыщике Нике Картере, которые попадались ему в ранней молодости, и получалось завлекательно. Ребята слушали его разинув рты и при первом же удобном случае требовали продолжения.

— Давай, Саша, — поддержал медсестру Подсекин. — А мы послушаем...

Командир тряхнул головой, вспоминая начало романа.

— Ладно... Все, значит, перемешалось в доме, где жили Облонские, — неторопливо начал он. — Разладилась их семейная жизнь...

Ребята зашевелились, устраиваясь поудобнее, и принялись слушать командира. Никто не перебивал его, никто не задавал вопросов. Только Яша один раз не выдер-

жал и сказал голосом, в котором слышалось почтительное удивление:

— Смотри, какая женщина, а?

Сменялись бойцы в охранении, звук стрельбы то приближался, то уходил подальше, а Александр Иванович все пересказывал и пересказывал бойцам роман Льва Николаевича Толстого. Конечно, не все в его рассказе было так, как писал классик. Каренин выглядел уж совсем ужасным человеком, Анна — героической женщиной, а Вронский напоминал провинциального донжуана. Но главное состояло не в точности передачи толстовского замысла. Главное было в том, что ребята отвлеклись от нечеловеческой напряженности, которая могла свести с ума.

До вечера «лужан» никто не потревожил. На закате Александр Иванович отправил Толю, Яшу и Нюру к раненому — накормить его, сменить повязку. Когда они вернулись и группа вновь оказалась в полном составе, он произнес:

— Надо выйти из Валдая, пошуметь где-нибудь рядом. Немцы заканчивают проческу, а мы их поторопим. Чтобы они быстрее освобождали нашу квартиру. Пойдем к Бородкину. Это далеко, но там надо старосту «тряхнуть». Санкция от Центра на него получена. Зажился, предатель, на свете, пора ему за все рассчитаться...

УДАЧИ И НЕУДАЧИ

Ночной переход к Бородкину был по своим масштабам вполне обычным, но измотал ребят здорово: сказались бессонные ночи. Александр Иванович большого темпа не задавал, но и на привалах не позволял долго расслаживаться, понимая, что бойцы могут заснуть.

С места дневки разведчики двинулись по направлению к деревне Николаево, а затем взяли в сторону Пашкова.

Им, чутким лесным людям, привыкшим замечать каждую новую примету, каждый новый след, каждую сломанную веточку на дереве, казалось, что окружающая местность буквально перепахана карателями. Повсюду пролегли тропинки от солдатских сапог, валялись окурки, гильзы, обрывки газет.

Неподалеку от Жупанова их путь пересекли свежерытые окопы. Володя быстро обследовал их и, когда вылез, сказал:

— Ушли часа три назад. Дождь еще следы не за-

мыл. Было их тут до двух отделений, с ручными пулеметами...

В воздухе пахло пороховым дымом, гарью, какой-то дрянью.

Разведчики оставили вправо от себя Коневницы, обогнули лесное озеро и взяли направление на Тухини.

К деревне подошли незадолго до света. У знакомой избушки были выставлены сигналы: «Все спокойно, немцев нет».

В этой избушке жил местный сапожник, переселенец «дядя Саша», с которым Александр Иванович и Володя завязали знакомство еще год назад. Это был человек не первой молодости, степенный, домовитый.

Он оказывал разведчикам самую разнообразную помощь. Если мог, помогал продовольствием, передавал им информацию о происшестввиях в районе, о расположении гарнизонов и полицейских подразделений.

В марте, когда командир группы еще только возобновлял прошлогодние связи и навестил ночью Тухини, сапожник огорошил его неожиданным сообщением:

— Приезжали ко мне из полиции и из гестапо. Нажимают на меня, хотят завербовать в полицай. Что теперь делать, а? Как спастись?

— А что предлагают? В отряд или на месте?

— По деревне...

— Оружие дадут?

— Обещали дать винтовку, но не сразу. А сначала, мол, надо побыть «тайником». Ну ее к черту, винтовку. Дадут, а потом в лес погонят — за вами охотиться.

Иванов засмеялся.

— Ну, дядя Саша, ты нас не заметишь. А если и заметишь, то промахнешься.

— Тебе хорошо смеяться, — заворчал сапожник. — Я-то промахнусь, да ребята твои не промахнутся. Нешто они будут разбираться, что это их дядя Саша с винтовкой в лес пришел? Да и перед людьми стыдно. Как они на меня смотреть будут?

— Противно это, конечно, слов нет, — согласился Александр Иванович. — Но раз предлагают в полицию — иди. Маскировка у тебя будет хорошая. Да и нам поможешь. Что в полиции делается, нас тоже интересует.

Уговорил Иванов сапожника, и тот записался в полицай. Разведчики так его и называли — «наш полицай». Это был единственный случай, когда слово «полицай» произносилось с симпатией.

Пробравшись к избушке «полицая», Александр Ива-

нович и Володя постучали в подслеповатое окно. Слышно было, как в сенях зазвенело ведро, потом стукнула щеколда, и из дверей высунулась лохматая голова. Увидев разведчиков, «дядя Саша» радостно раскрыл глаза.

— Живы?! — выдохнул он.

— Все живы, — ответил Александр Иванович.

— Так идите в избу, — засуетился хозяин. — А днем проходили каратели, шумели тут, что, мол, в Савином бору всех партизан под корень извели. Хвастались.

— Обычная фашистская брехня. Никого, как видишь, не извели. Руки у них короткие.

Проведя гостей в избу, где за занавеской спали его жена и дети, «полицай» шепотом рассказал обо всем, что интересовало разведчиков.

— Дальше Маякова немцев не было. Они всю силу бросили на Валдай. У нас, в Тухинях, прочесывали только первый день. Немцев не было, только полицаи да каратели из наших. Главное, — полигон прочесывали. Да не сплошную, а по выбору, участками. А теперь и они ушли.

— Хорошо, — сказал Иванов. — Вот тебе, дядя Саша, задание — выяснить всю обстановку в Логовищенской и Новосельской волостях. Где какие гарнизоны остались, куда теперь немцы собираются, кто из полицаев особенно отличился. Результаты сообщишь, как обычно.

— Ладно, — кивнул сапожник. — Покушать возьмите.

Командир «лужан» вздохнул.

— Трудно у тебя брать, дядя Саша, но на этот раз, спасибо, возьмем. Туговато сейчас у нас. При случае постараемся вернуть сторицей.

— Полно, полно считаться.

Они взяли хлеба и картошки, оставили «нашему полицая» газету, несколько листовок, полученных от партизан, и без шума ушли в лес.

Группа продолжала движение дальше на юго-восток. Рассвело, и командир решил остановиться на дневку неподалеку от Маякова — крупного села на шоссейной дороге. Погода разгулялась, начало припекать солнышко. Напряжения уже такого, как раньше, не было, и командир разрешил бойцам отдохнуть. Спали на теплой траве, по очереди. Так, на посту или во сне, провели день до вечера. Отдохнули хорошо, и когда группа отправилась в новый ночной переход, бойцы чувствовали себя бодро.

В ту же ночь подошли к деревне Бородкино. Перекрыли ее с обоих концов засадами. Володя, захватив листовки и

газеты, ушел на встречу со своими людьми в деревне. Александр Иванович с тремя бойцами постучался в дом, где жил староста.

Староста этот был махровым предателем, виновником смерти многих хороших людей из Бородкина и соседних деревень. «Лужане» повозились немало, собирая факты о его деятельности, и вот теперь Центр дал указание уничтожить предателя.

На стук в доме долго никто не отзывался, и Иванов постучал в дверь во второй раз. Тогда ответил женский голос:

— Кто и зачем пожаловал?

— Открывай быстро,— сказал Александр Иванович.— Сейчас всё объясним.

— Кто вы будете?

— Нам староста нужен. По важному делу.

— А кто вы?

— Партизаны пришли!— потеряв терпение, брякнул Яша Морозов.— Открывай, а то сейчас гранату в дом запущу.

— Ой, батюшки, горе,— испуганно пискнула женщина, но забряцали запоры, и дверь тут же открылась.

В избе при свете керосиновой лампы разведчики разглядели жену старосты. Была она уже немолодая, маленькая, в платке, накинутом на голову. Ноги ее были босы.

— Где староста?— строго спросил Иванов.

— Уехал. В волость. Немцы приехали и забрали,— пробормотала женщина.

— Что такое?— не понял Александр Иванович.— С каких пор немцы стали своих лучших старост забирать?

— Дорогу показать...

— А, проводником взяли?.. Тогда понятно. С карателями на партизан пошел? Так бы и говорила. А впрочем...— Иванов внимательно оглядел избу, вешалку у двери,— знаем мы его штучки!— И он приказал ребятам:— Все обыскать!

«Лужане» знали, что бородкинский староста крепко трусоват. Как только проносился слух, что у деревни появились партизаны, староста исчезал. Не могли его застать даже односельчане. Жена отвечала всем однообразно: нету, мол, уехал... Александр Иванович подозревал, что староста в подобные моменты никуда не уезжал, а просто прятался от греха где-нибудь на сеновале или в хлеве.

Ребята обыскали дом и двор, но никого не нашли.

— Ладно, — сердито сказал Иванов. — Придется старосте поделиться харчами с партизанами. Яша, выбери там барана пожирнее.

Ребята забили барана, освеживали тушку, разрубили ее на куски и положили в мешок. Захватили весь хлеб, набили один из вещмешков мукой, нашли масло и творог. Тут Александр Иванович вспомнил про Нила и подумал, что молочная пища ему особенно нужна.

Забившаяся в угол старостиha не произнесла ни слова. Когда сборы были закончены и груз упакован, командир «лужан» обратился к ней:

— Жаль, что не застали старосту. Но застанем в следующий раз. Никуда не денется, так ему и передай. Придем. Пусть ждет.

Они вышли на улицу. Тишину деревенской ночи прорезал условный свист. Группа откатилась к лесу, собралась вместе и, запутав следы, двинулась в обход озер по направлению к шоссе, где «лужане» собирались «шумнуть» из чисто тактических соображений.

Шоссе в этот час оказалось пустынным: ни транспорта, ни патрулей. Чередой белели вдоль дороги телеграфные столбы.

— Делать нечего, — вздохнул Подсекин, — придется «шумнуть» по связи.

Они подготовили взрывчатку, к шестнадцати столбам привязали толовые шашки, и Подсекин поджег бикфордов шнур.

Взрывы начали раздаваться очень быстро. Пробираясь по лесу, ребята считали их. Насчитали четырнадцать и заспорили: не сработали две шашки или три взрыва слились в один? По расходу тола такая операция у диверсантов считалась «бедноватой». В таких случаях вполне можно было обходиться двуручными пилами. Но тут «лужане» ставили главной целью не нарушить связь противника, а произвести «шумовой эффект» для немецкого командования. В ответ на взрывы на шоссе в Лудонях, Новоселье, Пашкове слышалась беспорядочная стрельба. Это поднятые по тревоге гарнизоны огнем прочесывали лес вокруг своих деревень.

Утром группа была уже в Савином бору. Здесь было тихо, спокойно. Каратели покинули лес, и он мирно шумел под ветром. Когда разведчики вышли на край болота, Сева выпрямился во весь рост и заметил:

— Вот мы и дома.

Потревоженные звуками человеческого голоса, с тихим курлыканьем поднялись с воды «бессменные часовые» —

журавли. Сделав полкруга над головами людей, они ушли куда-то в сторону. Но «лужане» знали, что они вернуться.

— К раненому! — сказал командир.

Нила пришлось будить, он мирно спал на своей кочке в непромокаемом мешке. С шутками его перенесли из болота на сухое место, положили на мягкий мох.

— Ну, как тут у нас шли дела? Каратели не беспокоили? — спросил Володя.

— Да уж сутки как тихо, — сказал пулеметчик. — А до этого немцы шумели много. Проходили они здесь раза четыре, со стрельбой.

— Миша, Сева, Яша! — позвал своих Александр Иванович. — Не разбредайтесь. Надо сразу базу оборудовать.

Весь день ушел на хозяйственные дела. Заново пришлось отстраивать «дворец». Из тайников, которые немцы так и не смогли обнаружить, принесли три палатки и установили их неподалеку от землянки. Одна из них сразу же получила название «госпитальная». В ней была приготовлена мягкая постель из еловых лап, покрытых белым парашютным шелком. Здесь должны были находиться Нил и сестра.

Заботы, в общем, были приятные, и ребята пребывали в отличнейшем настроении. Нюра взяла на себя все обязанности по приготовлению обеда, что ни у кого, разумеется, не вызвало возражений. Она приготовила тушеную баранину с картошкой. Нил съел принесенный ему творог, не удержался и попросил еще кусок баранины.

Потом командир загонял всех с маскировкой. Материал для нее не разрешалось добывать близко от базы, чтобы не было пеньков. Приходилось отправляться за километр, за полтора. И сколько ни таскали бойцы молодых деревьев, лапника, командиру все было мало.

— Ни к черту не годится, — говорил он, осматривая базу с новой точки. — Вон угол палатки торчит. Ну, ребята, для себя стараемся. Давайте еще...

В конце концов он добился того, что очертания «дворца» и палаток совсем растворились на фоне леса. Можно было пройти в десяти — пятнадцати метрах и не заметить их.

Весь день тринадцатого июня «лужане» провели на базе. Сева передал в Центр отчет о работе за минувшие дни и получил ответную шифровку: «Сообщайте о передвижении гарнизонов по районам. «Сова» готовится». Вечером радист еще раз включил рацию, и они ус-

лышали, что на предприятиях города началось вручение медалей «За оборону Ленинграда». Записали сводку и тут же начали ее размножать для тех, кто ночью должен был уйти на задание.

Три группы вышли в разных направлениях, чтобы уточнить оперативную обстановку практически во всем районе, где действовали разведчики.

Уже через несколько часов Александр Иванович отмечал на карте: по первому направлению заняты гарнизоны Курск, Добрый Бор, Погорелово, Ретени, Кирилково, Сеглицы, Гривцево, свободны — Сазоново, Воцкая, Бутырки. По второму направлению заняты Бубодны — Жупаново, Горки, Лохова, Лучкина. Неясной оставалась обстановка в Мызе, Ободах, Пашкове, Кошевицах, Николаеве.

Принесли информацию от Елисеева, поступила очередная сводка от Ярмистого. Из Тухиней от «нашего полицая» вернулся Володя Подсекин.

— Есть любопытные новости, — доложил он командиру. — Комендатура оповестила полицаяев, что под Комарино каким-то партизанским отрядом на протяжении полутора километров разрушена телефонная и телеграфная связь между Лугой и Псковом. Приказано искать там партизан.

— Хорошо, пусть там ищут, — кивнул Иванов.

— Дальше. Этот болван-староста донес в комендатуру, что, пока он помогал доблестным германским войскам, его ограбили партизаны. Староста уверил коменданта, что в районе бородкинских озер действует целый партизанский отряд. Комендатура двинула туда сейчас карательное подразделение. «Нашего полицая» тоже запрягли в работу, он получил указание искать партизан в направлении Маякова. Описал ему там нашу дневку, помнишь?..

— Помню.

— Я ему говорю: «Дядя Саша, сколько ты уже в полицаях, а все рядовой. Пора продвигаться по службе, — веселился Володя. — Выводи немцев на нашу дневку, и пусть они твое усердие оценят. Ведь не каждый полицай возьмется в одиночку партизан искать. Большую любовь надо к оккупантам иметь...»

— А он что?

— Пошел ты, говорит, Володя-партизан, к лешему! Они расхохотались.

— Ну все-таки договорились мы с ним, что немцев он

на дневку выведет, — более серьезно продолжал Подсекин. — Пусть они там по кустам постреляют.

Так доигрывалась операция «Иголка в сене». Прошла она успешно, бойцы заслужили отдых. Но поздно вечером, когда они собрались во «дворце» вокруг очага, Иванов промолвил:

— Надо на «железку» идти, на подрыв.

Разведчики переглянулись.

— Не рано ли на «железку», Александр Иванович? — удивленно спросил Сима. — Обстановочка-то вокруг еще весьма жжется...

— Правильно, жжется, — согласился командир. — Но затаиваться здесь нам сейчас не стоит. Натворив столько шуму, немцы рассчитывают, что надолго отбили у нас охоту к активным действиям. Надо им показать, что они ровным счетом ничего не добились и, конечно, не добьются... Сейчас они готовятся снимать гарнизоны в деревнях. Куда они отправят солдат? В рейх, в отпуск?

Он оглядел бойцов.

— Этими частями фашисты будут затыкать дыры на фронте, их они бросят на борьбу с партизанскими бригадами. Если мы задержим здесь гарнизоны хотя бы на неделю, это будет правильно... Теперь еще об одной задаче. Почему полицаи раззвонили по деревням, что партизаны на Валдае уничтожены? Просто потому, что им стыдно признаться, что они вытащили здесь пустой номер? Нет, не потому. Они хотят оклеветать партизанское движение, принизить его, напугать местных жителей. Если мы проведем удачный подрыв, наши люди в деревнях воспрянут духом и крестьяне поймут, что полицаи беспардонно врут. Операцию сейчас проводить труднее, опаснее. Я согласен. Но на железной дороге мы все-таки «шумнем».

Учитывая важность операции, на нее вышли в ночь всей группой. На базе остались только Нил и вооруженная карабином Нюра. За время, проведенное вместе, «лужане» оценили ее не только как трудолюбивую медсестру, но и как опытного партизанского бойца. Во всяком случае они оставляли ее с раненым без особых опасений. Нюра знала, как действовать в любой ситуации.

На рассвете группа перешла Курею между Сазоновом и Букином. И тут «лужане» еще раз отметили, сколько сил было привлечено карателями для прочески. Вдоль берега реки, сколько хватало глаз, тянулись пехотные окопчики.

— Ты смотри! — удивился Миша Антонов. — Прямо как на линии фронта!

Около одного из окопчиков Толя Бриллиантов заметил повешенный на ветке дерева лист бумаги. Подошли поближе. Оказалось, каратели, уходя, оставили письмо партизанам. Какой-то власовец или полицаи, зверски матерясь, предлагал партизанам немедленно сдаваться, угрожая в противном случае жестокой расправой после победы «великой Германии» над большевиками. Письмо писалось, надо полагать, во время отдыха, потому что тут же, под деревом, валялись пустые жестянки из-под немецких консервов.

— Предлагаю перекусить тоже... — весело предложил Володя.

Бойцы стали располагаться на привал.

— Нашу бы надо, — сказал Подсекин командиру.

Александр Иванович махнул рукой:

— Давайте.

Консервы из НЗ они крайне берегли, но по такому поводу грех было не израсходовать банку.

Миша тут же извлек ее из заплечного мешка, а Толя достал из кармана тетрадку и карандаш.

— Какие будут предложения по поводу ответа фашисту?

Раздался смех, и предложения посыпались со всех сторон.

— Как будем писать, в тех же выражениях? — серьезно спросил Бриллиантов.

— Покрепче надо!

— В рифму!

— Чтобы поняли, гады, с кем дело имеют!

— Эх, видел я партизанскую листовку «Ответ Гитлеру», — сказал Сима Малыгин. — Вот ее бы сюда.

— Тихо, товарищи! — Толя выглядел исключительно серьезным. — Прошу вас подбирать подходящие к случаю выражения.

Пока сочиняли и выясняли, что с чем рифмуется, веселились от души. Ответ повесили рядом с запиской карателей. Тут же — свежую сводку Совинформбюро и четыре партизанские листовки. Немецкие жестянки сложили пирамидой, а сверху на них поставили нашу консервную банку с крупной надписью: «Говядина тушеная».

На «железку» они предполагали выйти через деревню Лохова. Но тут их остановил знак у дома Дуни Степановой: «В деревне немцы».

— Вот тебе и раз! Вчера тут еще было свободно, —

сказал, присматриваясь к деревне, Александр Иванович.— Быстро меняется обстановка.

Однако делать нечего, пришлось идти в обход деревни лесом, давать немалый круг.

Небо над головой было ярким, солнце уже встало, но еще не поднялось над лесом. Деревья и кусты были в утреннем тумане.

Неподалеку от железной дороги «лужане» наткнулись на маленькую полянку, где им раньше бывать не доводилось. На другом ее конце стоял не то сарай, не то заброшенный домик, к которому тянулась дорожка, усыпанная редкими стеблями соломы. Осмотрев пустынную полянку, они пошли прямо к дому.

И тут на пригорке у домика в тумане возникли огромные тени, звякнуло оружие, и они услышали окрик:

— Хальт, алле ахт! Стойте все восемь!

— Влево!— коротко крикнул Иванов, и все бросились в лесной завал, громоздившийся на краю полянки. Тотчас ударили по ним очереди из автоматов.

— Не стрелять!— крикнул командир, указывая направление отхода.

Тут он услышал вскрик, потом голос Малыгина:

— Товарищи, я ранен!

— Раненого подобрать! Отходить! Быстро! Огня не открывать!

Они пробирались сквозь завал в свисте вражеских пуль. Пожалуй, под таким огнем они еще никогда не выходили. Они не отстреливались, чтобы не давать ориентира противнику. Группа соединилась метрах в двухстах от засады. Сева и Миша тащили раненого в ногу Малыгина. На колене у него расплывалось кровавое пятно.

Немцы непрерывно вели огонь. Скорее, скорее в лес! Ребята задыхались от бега. Малыгин, повиснув на плечах бойцов, отталкивался от земли здоровой ногой. Еще сто метров! Еще сто!

Они уходили не за завал, в сторону от него. Какое-то время немцы будут расстреливать завал, нарываться на ответный огонь им не захочется. Затем возьмут завал в «клещи». Когда обнаружат, что тут никого нет, бросятся преследовать группу по прямой линии за завалом. Именно туда должны бы уходить люди от смертельной опасности.

На все эти маневры у немцев уйдет время. Разведчики отходят в сторону. Еще двести метров! Еще триста!

— Скорее! Скорее!— подгоняет командир бойцов.

Наконец стрельба отдалается. Остановка. Дыхание у

всех с хрипом, бойцы захлебываются воздухом. Выслав прикрытие, командир склоняется над раненым.

Разрезав ткань брюк, Иванов осмотрел колено, нашел входное и выходное отверстие от пули. Он даже крикнул от досады: колено было прострелено насквозь. Сустав в колене один из самых сложных, и стало ясно, что нужна срочная операция. В лесу Малыгину от такой раны не оправиться.

Морозов быстро наложил ему на ногу жгут и стал осматривать рану. Фельдшер, он разбирался в ранениях. Яша довольно долго исследовал колено, ощупал коленную чашечку и вдруг сказал:

— А, ни черта! Не задета кость!

— Быть того не может... — поразился Александр Иванович.

— Точно говорю. Анатомию я знаю.

Морозов был прав. Видимо, нога в момент ранения была согнута, пуля прошла сквозь связки, не затронув кости.

— Заживет, как на собаке... — зло, но с удовлетворением сказал Малыгин. — Дайте пакет, перевяжу.

Иванов и Подсекин прикинули, где сейчас оккупанты попытаются поймать их. Пришлось выработать сложный маршрут возвращения на базу, осуществление которого заняло почти сутки. Малыгина несли по очереди, сменяясь через каждые полчаса.

Нерадостным было на этот раз возвращение во «дворец». Намеченный подрыв на «железке» сорвался, и вместо одного раненого на базе стало двое. Все считали, что им не повезло, но боевого пыла у ребят не убавилось.

— Так или иначе, а соли фашистам за шкуру мы должны насыпать, — сказал Володя.

Возник план диверсии на шоссе, решили взорвать машину «по железнодорожному способу» — на «удочку».

Выбрали на шоссе подходящее место, залегли с ночи в засаду, заложили мину. Ночью машин не было, — видимо, немцы не хотели рисковать, подставлять транспорт под партизанские пули.

Утром, когда у всех скулы сводила зевота, наконец послышался рокот мотора. Разведчики оживились, приготовили оружие, заняли огневые позиции.

Рокот не смолкал, а шоссе оставалось пустынным. Медленно он стал приближаться. Все всматривались. Танк? Тягач?.. Наконец Сева Леонардов выругался и сплюнул. По шоссе двигался каток, обыкновенный до-

рожный каток! Когда он неторопливо подъехал, скрежеща по гравию, «лужане» увидели, что управляет им единственный солдат, покуривающий сигаретку. Можно сказать, дьявольское наступило невезенье!

— Неужели рвать будем? — шепотом спросил у командира Володя.

— Нет, — поморщился тот. — Жалко мины. Пропустим.

Каток неторопливо приблизился к тому месту, где была заложена мина, проутюжил его своим огромным весом и так же неторопливо покатил дальше.

Володя поднял голову, осмотрел шоссе и осторожно потянул за «удочку».

— Вот оказия! — сказал он сердито. — Он, дьявол, затрамбовал «удочку» вместе с миной. Теперь чеку не выдернуть. Пойду раскопаю...

— погоди, — сказал Александр Иванович, глядя на шоссе.

— Но не дарить же им шесть кило тола из-за какого-то дурацкого катка! Я рискну.

Запасы взрывчатки у «лужан» были на исходе, и командир согласился.

— Давай... Ребята, прикроем Володю!

Бойцы передвинулись вправо и влево вдоль шоссе. Подсекин выбрался к мине и, ругаясь сквозь зубы, принялся раскапывать «удочку». Раскопал, проверил чеку и, обернувшись к командиру, сказал:

— Давай, Саша, попробуем ее по-новому поставить.

— Как?

— Протянем «удочку» до столба. Совсем светло сейчас. Одну машину подорвем, а от остальных можем и не уйти. А?

Не очень надеясь на успех, они протянули шнур поперек шоссе. Тотчас вдали послышалось гудение моторов, и Иванов дал приказ отходить. Они успели углубиться в лес примерно на километр, когда на шоссе раздался взрыв.

— Все-таки одной машиной меньше... — коротко сказал командиру Володя.

ЦЕНТР ПРИСЫЛАЕТ «СОВУ»

Рано утром Толя Бриллиантов сменился с поста неподалеку от базы и вернулся ко «дворцу». Трое ребят были дома, спали, остальные находились где-то на заданиях.

Очень тронуло всех, что одежда и обувь для каждого были подобраны по размеру. Получили свое и долговязый Сева, и Бриллиантов, которого в деревнях называли «Толя-розова и Вани Иванова. Одевшись в одинаковую со всеми форму, они окончательно почувствовали себя полноправными «лужанами».

— Лучше родная мама не собрала бы! — сказал Миша, с гордостью оглядывая себя. — Вот ведь как о нас помнят в Центре!

«Побольше бы нам таких хлопот!» — подумал Иванов, когда ребята начали растаскивать грузы по тайникам в летище, маскировать их. То, что боялось сырости, было тщательно завернуто в брезент от распакованных тюков. Из оснований грузовых парашютов вытащили вату и сделали из нее подушки для раненых.

Александр Иванович позвал Нюру.

— Возьми двух парней, — сказал он. — Готовьте праздничный ужин. Сегодня — без всякого ограничения. Каждый пусть ест и пьет сколько хочет.

У вечернего костра была доиграна последняя партия турнира на первенство Савина бора. Победителем вышел, как и предполагали, Толя Бриллиантов. Александр Иванович выдал ему новый приз — две банки мясных консервов и пачку рафинада. Толя был очень горд, приз принял, но тут же заявил:

— Прошу заменить консервы чем-нибудь сладким. Если нельзя конфетами, прошу — сахаром.

Раздался общий хохот.

— За хорошую игру и отличную работу предлагаю выделить ему пряников, конфет и печенья, — предложил Сева.

В тот же вечер в Центр, командованию, была послана радиogramма: «Груз получен полностью. Благодарим летчика за отличную выброску». По мнению «лужан», авиация себя полностью реабилитировала за прошлые ошибки. Ответ Центра гласил: «„Сова“ выбросила груз в квадрате 34. Организуйте поиски». Видимо, эта радиogramма была подготовлена и зашифрована заранее.

Не выключая рации, они прослушали сводку. Упорные бои в эти дни шли на юге, на Белгородском и Орловско-Курском направлениях. Общий тон сообщения и количество техники — самолетов и танков, — которое в нем называлось, свидетельствовали, что разворачивается большая операция.

Толя с наслаждением потянулся и сказал:

Нюра выглянула из «дворца» и, увидев подходившего Бриллиантова, заботливо сказала:

— Сейчас дам покушать, Толенька...

Она вынесла ему котелок, в который на треть был налит жидкий суп из баранины с картошкой, и кусочек черствого хлеба. Толя вежливо поблагодарил медсестру, сел прямо на траву, достал ложку, зачерпнул из котелка супу, поднес его ко рту, отвернул недовольно голову и фыркнул.

Баранина, захваченная в Бородкине, припахивала уже так сильно, что ели ее с трудом. Погода стояла очень теплой, и мясо быстро портилось, несмотря на засолку. А крохих буханок черствого хлеба у «лужан» ничего не было, если не считать сильно уменьшившегося НЗ.

Голод не тетка. Бриллиантов покрутил носом над котелком и принялся есть, откусывая хлеб понемножку, чтобы хватило.

— Кончается уже баранина, — сказала наблюдавшая за ним Нюра. — Завтра болтушку из муки варить буду.

Толя очистил котелок, с сожалением заглянул в него, облизал ложку и сунул ее за голенище. Есть хотелось так же, как и раньше.

На «подзаправку» в деревнях не приходилось рассчитывать. Оккупанты пока не снимали гарнизоны. Обстановка была неясной. Если в одной деревне гарнизон исчезал, то он тут же появлялся в другой. Шла лишь их перетасовка. Преследовали при этом гитлеровцы определенные тактические цели или действовали в силу каких-то случайных причин, «лужане» не знали.

Оставалась еще некоторая надежда на связи Миши Антонова. Но и он, вернувшись из разведки, доложил Александру Ивановичу:

— В деревни не пройти. Перекрыто все, даже тропинки. Куда ни пытались сунуться — или патруль, или засада. Охрана гарнизонов усилена.

— Уверен, что не пройти?

— Точно. Разве под утро как-нибудь попробовать. Но это опасно.

— Да, ребятки, — заметил командир, — если «совы» не будет — подтягивай пояса потуже.

Запасы тола кончились. Подходили к концу патроны. И еще одна беда настигала «лужан»: на глазах разваливались сапоги, которые не выдерживали многокилометровых переходов. Их снова обматывали парашютными стропами, скрепляли кусками проволоки. Но далеко ли уйдешь в таких?

Сообщая в Центр данные разведки, Сева повторял на каждом радиосеансе: «Квадрат «совы» — 34... Квадрат «совы» — 34...» Он твердил это особенно настойчиво, потому что не был уверен, что Ленинград его слышит. Рация капризничала, батареи уже совсем сели.

На базе вернулись к старой идее — подбить из засады автомашину, снять с нее аккумулятор и приспособить его в качестве блока питания. Устроили несколько засад на шоссе, однако успеха не добились. Машин проходило немало, но колоннами, одиночных не было.

Теперь ребята были вынуждены проводить на базе гораздо больше времени. Из-за невольного бездействия возобновились вечерние рассказы у костра. По общей просьбе Александр Иванович принялся за новую серию «Графа Монте-Кристо».

Хорошая идея возникла у Малыгина. Наблюдая за тем, как, усевшись под кустом, Сева и Толя сражаются в шахматы, он предложил:

— Давайте, ребята, устроим шахматный турнир!

Сева мгновенно откликнулся, оторвавшись от партии:

— На звание чемпиона Савина бора!

Идея сразу нашла поддержку:

— На первенство разведгруппы!

— Партизанский турнир!

— Толя все равно выиграет... — заметил кто-то.

— А приз будет? Без приза неинтересно!

Они взяли в оборот командира. Александр Иванович удивился и заворчал:

— Какой сейчас приз? Кружку кислицы и три сыроежки...

Бойцы наседали на него. Иванов крепился, но не выдержал и сделал широкий жест:

— Объявляю приз: полкружки сахарного песку из НЗ!

Турнир затянулся. Доска была одна, а играли семеро. Не участвовали в турнире только Александр Иванович и Нюра. В придачу партии неизбежно прерывались выходами на задания. Особое удовольствие от шахмат получали раненые. Когда с базы уходили все, Нил и Сима в своей палатке сражались друг с другом — «не в счет».

В одну из ночей над «дворцом», над палатками раздался уверенный гул самолетных моторов. Все проснулись, привстали со своих мест. Накануне Сева работал с Центром, но слышимость была отвратительной, и шифровку он принял лишь частично. Однако он был совершенно уверен, что в ней не упоминалось о «сове». Между тем о приемке груза их должны были предупредить обязательно.

Самолет прошел неподалеку от базы. Гул удалился, затем вернулся вновь. Он звучал с неба для «лужан» призывно, настойчиво.

— Самолет наш... — сказал Сева, решительно тряхнув головой.

Остальные согласились: да, по звуку — наш.

Они продолжали прислушиваться. Тут командир соскочил с нар и словно подстегнул своих бойцов:

— Да ведь это «сова»! Готовь, ребята, факелы! Будем принимать.

Торопясь, они собрали куски разной бумаги и выбежали на болото. Самолет заходил на базу с запада. Когда он приблизился, на земле вспыхнул треугольник из огней. Ребята поднимали вверх пылающие бумажные факелы.

Самолет тенью с ревом мелькнул над деревьями, ребята заметили, как в воздухе раскрылись и начали опускаться два темных купола грузовых парашютов, а потом у самолета мелькнули две или три черные черточки — грузовые мешки, которые были сброшены без парашютов.

Развернувшись, транспортный самолет еще раз прошел над болотом. Широко размахивая факелами из стороны в сторону, бойцы показали, что груз принят. Самолет чуть качнул крыльями и, постепенно набирая высоту, ушел на восток.

В темноте они организовали проческу болота. Шли развернутой цепочкой, внимательно приглядываясь к каждой кочке. Вскоре нашли два грузовых оранжевых парашюта с прицепленными к ним тяжелыми, многократно перетянутыми стропами мешками и два грузовых места, которые врезались в мягкую почву. Грузы без парашютов не пострадали, на ощупь они были мягкими.

Мешки оказались тяжеленными, но бойцы перетащили их ко «дворцу» за считанные минуты. Миша, присев на корточки, стал раздувать пламя притухшего очага. В огонь бросили несколько сухих поленьев, они затрещали, и пламя осветило возбужденные, радостные лица ребят. По стенам «дворца» заметались тени.

Александр Иванович вскрыл мешки грузовых парашютов, и глазам присутствующих представились неслыханные богатства: винтовочные и автоматные патроны — простые, для «бесшумок», зажигательные и трассирующие, желтые кирпичи тола, мины в деревянных ящиках, коробки с капсюлями-детонаторами, гранаты всех видов — ручные, «лимонки» и противотанковые, консервы, сахар, конфеты, пряники, печенье, несколько окороков, носки, портянки,

запасные батареи для рации, карманные фонарики, финские ножи, кружки и еще множество всякого добра.

Общий восторг был неописуем.

Затем настал черед двух грузовых мест — тюков. В них оказались восемь пар ватных костюмов, восемь гимнастерок, четыре пары сапог, большой запас теплого белья, шапки и пилюли, огромное количество литературы — свежих газет и брошюр. Каждый новый предмет вызывал ликование. Но Толя вдруг всех огорошил:

— А сапог-то, братцы, всего четыре пары. И галифе нет... Не могли нам так сбросить. Может, все это добро не нам было адресовано?

Во «дворце» разом стало тихо. Получить чужую «посылку» считалось среди партизан тяжелейшим преступлением.

— Думаю, что все-таки нам... — сказал командир. — «Сова» вышла точно на нашу базу. А партизан поблизости, в бору, нет. Они за шоссеиной дорогой. А почему сапог четыре пары, сам удивляюсь.

— Да ведь тюков было три! — горячо сказал Сева. — Честное слово, я заметил... Три! Надо идти еще один искать.

Ребята были готовы сорваться с места, но Иванов остановил их:

— Потерпим до утра. Чего в темноте по болоту ползать? Только следов лишних наделаем. Если был третий тук, то при свете найдем его легко. А сейчас — спать!..

Утром действительно нашелся третий мешок. Он застрял в густом кусте ольховника, торчавшего из болота. В тюке оказались четыре пары сапог, восемь галифе, белье и большое количество литературы. Все сомнения, что получена не своя «посылка», у «лужан» отпали.

Александр Иванович объявил день отдыха. Устроили «баню». Как обычно, нагрели болотной воды в обгоревших немецких касках. Теперь, в теплый день, мытье под открытым небом было наслаждением. Ребята подливали и подливали в каски воды, терли друг другу спины пучками душистой травы. В стороне, прячась от ребят за кустами, вымылась и переоделась Нюра. С немалыми трудами, очень осторожно вымыли раненых.

Иванов, который помылся раньше других, сидел у «дворца», сметывал из кусков парашютного шелка майки и трусы для бойцов и, наблюдая, как они переодеваются в новое, шутил:

— Ну, прямо орлы! Бойцы регулярной армии, да и только!

— Ноги сами просятся на задание! Александр Иванович, давайте тряхнем немцев, а?

— Хочется в деревнях показаться, а? — улыбнулся Иванов.

— И это есть, — чистосердечно признался Бриллиантов. — Ведь когда нас в таком виде увидят, ахнут!

— Ладно, — сказал командир, — если хочешь на задание, то иди помоги ребятам сообщения Информбюро переписывать.

Он имел в виду сообщение «Два года Отечественной войны Советского Союза». В литературе, сброшенной «совой», было около десятка газет с этим сообщением, а «лужанам» требовалось гораздо больше. Сообщение было объемистым, и «лужане» разделили его на несколько частей, придумав к ним свои заголовки: «Общие итоги двух лет войны», «Планы германских империалистов провалились», «Германия переживает кризис», «Союз фашистских государств на грани развала», «Красная Армия крепнет», «Международное положение нашей Родины». Получилось нечто вроде отдельных листовок, но каждая страничка была пронумерована, и тот, кто ее находил, понимал, что следует искать и другие листки.

Группа накапливала запас пропагандистских материалов для операции, которую Александр Иванович и Володя задумали провести сразу в двух районах. Между собой они условно называли ее «психологической».

Неудача на железной дороге, ранение Малыгина заставили их готовить новую диверсию с особой тщательностью. Четыре дня ушло на предварительную разведку. Бойцы передвигались очень осторожно, скрытно, стараясь ни в коем случае не нарваться на засаду.

После прочески немцы сняли в дневное время гражданское население с охраны дороги. Заставить крестьян находиться на полотне круглосуточно было нереальным делом. Днем дорогу охраняли постоянные посты и эсэсовские патрули, а с девяти часов вечера старосты по разнарядке выгоняли сюда крестьян, которые вместе с усиленной немецкой охраной должны были нести дежурство до утра.

Поэтому диверсию назначили на необычное, дневное время, когда на дороге еще не было гражданского населения. Наблюдения за патрулями подсказали: надо проводить подрыв в семь часов, когда происходит смена эсэсовской охраны. И наконец, место было выбрано тоже необычное — у сторожки на полотне, куда заходили эсэсовцы. Тут они имели обыкновение задерживаться, покуривая и

обмениваясь новостями. «Лужане» считали, что тут, у сторожки, они наименее бдительны.

Когда разведчики в последний раз обсудили план операции, командир, вздохнув, сказал:

— Нет, не может быть осечки! Кажется, все предусмотрено.

И действительно, операция проходила как по нотам. Среди бела дня под гул голосов, раздававшихся в сторожке, Володя и Толя быстро заложили мину, замаскировали «удочку».

Дергать за нее должен был Сева. Эта почетная обязанность досталась ему как награда за отличную связь с Центром.

Сева держал конец шнура в руках, остальные ребята находились справа и слева от него в охране. Эсэсовцы продолжали о чем-то разговаривать в сторожке. Все складывалось отлично.

Тихонько, а потом громче и громче запели рельсы. Один из охранников вышел из сторожки, посмотрел на приближающийся состав и вернулся обратно.

Было совсем светло, и машинист, не опасаясь, гнал эшелон с большой скоростью. Первые платформы занимали автомашины. На некоторых из них сидели, свесив ноги, солдаты в мундирах или голые по пояс. Дальше чередой бежали цистерны с топливом. В хвосте эшелона — снова платформы с автомашинами.

Сева, лежавший в кустах ивняка рядом с Ивановым, сгорал от нетерпения. Едва паровоз накатился на ориентир — кривоватую сосну на другой стороне от полотна, Сева рванул «удочку» и, привстав на колено, начал сматывать ее на руку.

Взрыв получился большой силы, тола не пожалели, заложили почти 20 килограммов. Тотчас ударили автоматные очереди разведчиков. Слева — по сторожке с эсэсовцами, справа — по эшелону. Паровоз, нелепо вздрогнув, машиной повалился с насыпи. За ним под откос сползли пять или шесть платформ с автомашинами.

Грохот ломавшихся платформ и машин, лязг цистерн, яростная стрельба охранников и солдат, которые сумели спрыгнуть с эшелона на насыпь, отдавались в ушах «лужан» победной музыкой, когда они отходили в глубину леса.

Как всегда, марш был быстрым и все молчали, но на первом же привале Миша торжествующе заметил:

— А все-таки наша взяла!
Группа отходила от железной дороги по большой дуге,

минуя деревни и места, удобные для фашистских засад. Отгорел закат над деревьями, похолодало, и в пути они встретили ночь.

Надо было пересекать шоссейную дорогу Струги Красные — Новоселье. Взглянув на телеграфные столбы вдоль нее, Миша Антонов предложил:

— Рванем?

Они быстро подвязали к столбам толовые шашки, прикрепили к зарядам куски бикфордова шнура. Когда группа пересекла дорогу, столбы начали слетать один за другим словно под ударами гигантского топора. Только звенели и рвались провода...

Пройдя с километр вдоль дороги, не выдержали и повторили заход. Еще восемь столбов слетели как подрубленные.

Но тут Александр Иванович рассердился.

— Хватит! — решительно сказал он. — Разгулялись... Сколькo тола израсходовали! Его на более серьезные дела беречь надо.

Ребята были охвачены азартом, радостью, волнением. Никто не чувствовал ни малейшей усталости, боевой пыл бойцов требовал удовлетворения.

— Давайте навестим карьер, лагерь для военнопленных, — предложил командиру Сима. — Может, удастся взять фашистов на бога. Тогда наших ребят отобьем.

Предложение показалось заманчивым, и Иванов согласился. Ребятами он был вполне доволен, сдерживать их сегодня ему не хотелось.

К концу ночи они вышли к лагерю. Уже ложился утренний туман. С заросшего ельником бугра «лужане» долго рассматривали лагерь — большой квадрат, обнесенный несколькими рядами колючей проволоки. В центре его стояли бараки для военнопленных и казарма, в которой жила охрана. На четырех углах стояли высокие деревянные вышки с тяжелыми пулеметами.

— Вот тебе и взяли на бога, — иронически сказал Подсекин. — Эх, маловато нас для такого дела! А жаль. Саша, сколько здесь охраны?

— Шура Водяникова говорила, что больше роты. Эсэсовцы, эстонцы-националисты и наши полицейские.

— Будь бы нас побольше... — опять вздохнул Володя. — Часовых можно было бы снять, казарму блокировать, отсечь огнем, а ворота рвануть. Хочется выручить наших... Но — не по зубам.

— Давайте пугнем охрану, — зашептал Яша Моро-

зов.— Рванем у них мост. Наши по крайней мере духом воспрянут, поймут, что партизаны недалеко.

— Умница!— восхитился Володя.— Как, Саша?.. Командир осматривал деревянный мост, который находился рядом с одной из вышек. По нему оккупанты вывозили песок для ремонта дорог. Место, где находился мост, было пересечено удобными ложбинами, подходы к нему имелись, и командир согласился.

Володя с двумя бойцами бесшумно пополз к лагерю. Стояла полная тишина, и часовые дремали на вышках.

Сверху, с бугра, было видно, как бойцы подбираются к мосту и скрываются под ним. Володя заложил мину и от правил ребят обратно. Подождал, пока они вернутся на бугор, поджег шнур и стал выбираться к своим сам.

Он уже вернулся в ельник, а взрыва не было.

— На сколько шнур?— спросил Александр Иванович.

— Большой... Но сейчас она рванет.

Они залегли. Хотелось увидеть эффект взрыва собственными глазами. Секунда шла за секундой.

Ночную тишину прорезал оглушающий грохот. Бревна моста взлетели над вышкой, за ними поднялся столб песка и камней.

Тотчас с вышек по лесу ударили пулеметы. В лагере началась суэта. Из казармы через окна выпрыгивали охранники в одном белье, с автоматами, открывали огонь. Из барачков выскакивали заключенные. С громкими хлопками в воздухе повисли белые, осветительные ракеты.

— На базу!— скомандовал Иванов, и все скатились за холм.

Бойцы спешили домой, прислушиваясь к устроенному ими «концерту».

— Ах, хорошо!— повторял Сева.— Хорошо мы сегодня фашистам шкуру подпалили.

«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ»

В июле Александру Ивановичу Иванову стали приходить довольно странные мысли о том, в чем заключается работа группы и его ответственность как командира. До сих пор он справедливо считал, что задача группы состоит в получении разведывательных данных, а он должен был организовать ее работу так, чтобы исключить возможность провала. Обязанности группы «Лужане» были четко определены в боевом задании, которое они подписывали в Ленинграде. Центр получал регулярные сообщения от рации

№ 205, боевая, диверсионная работа шла неплохо, и, казалось, деятельность «лужан» этим должна была ограничиваться.

Но в действительности все получалось сложнее. Широкие связи с населением двух районов, с живыми людьми, каждый из которых делился с «лужанами» весьма редкими и скромными в то время радостями, своими большими бедами, зачастую — горем, просил совета и поддержки, рождали заботы, которые они, в общем, предусмотреть не могли.

Как-то командир и его заместитель встретились в условленном месте в лесу, чтобы вместе возвращаться на базу. Они обменялись итогами своих местных рейдов, а потом Володя сказал:

— Слушай, Саша, опять есть жалоба на грабеж.

— Те же?

— Те же самые. Троица. Ночью ворвались в дом, на хозяина — карабин, забрали харчи, которые были, да еще пригрозили мужику, что если не будет помогать им, партизанам, то они его выведут в расход.

— Ах черт! Описал тебе их хозяин?

— Да. Приметы совпадают.

Командир еще раз от души выругался.

— Придется, Володя, этих мерзавцев каким-то способом доставать.

Суть дела состояла в том, что на территории, контролируемой группой «Лужане», появились три неизвестных человека, которые, выдавая себя за партизан, занимались мародерством. Где они скрывались, разведчики не знали. Вероятнее всего, в лесу... Но лес велик, а убежище может быть хорошо замаскировано. Попробуй отыщи его на площади в 1400 квадратных километров.

С деятельностью этих неизвестных впервые они столкнулись несколько недель назад, услышав в одной из деревень, что «были партизаны, все забрали». Тогда они насторожились. Партизанских отрядов и групп рядом не было. Это могли сделать переодетые каратели. Расспросили у крестьян, как было дело, пришли к выводу: нет, не каратели... Решили, что отбившиеся от отряда и изголодавшиеся партизаны пробираются к своим. Связей нет, кто друг, кто враг — неизвестно, взяли хлеб силой. Что ж, такое могло быть... Но вскоре известие о тех же «партизанах» пришло из другой деревни, потом еще из одной. «Партизаны» никуда не пробирались, они мародерствовали.

— Как же их нам достать? — спросил командир. — У тебя, Володя, никакого плана нет?

— Настоящего плана нет, но есть одна мысль, из которой не знаю, что получится... Понимаешь, если прикинуть по карте, те деревни, куда они заглядывали, составляют круг с центром из двух деревень — Лохова и Букино. Первый предварительный вывод — их убежище где-то здесь. Второй — они местные жители. В Лохове и Букине грабежей не было. Видимо, боятся, что тут их узнают в лицо... Но это пока так, больше философия...

— Отчего ж! — откликнулся Александр Иванович. — Философия, мне сдается, правильная. Во всяком случае, ты поговори и с букинскими, и с лоховскими. Может, они их по приметам узнают.

— Ладно, сделаю, — согласился Володя.

Какое, казалось бы, отношение имела вся эта история к разведывательной работе? Даже нелепо: за тобой по двум районам гестапо гоняется, а ты по тем же районам ищешь трех мародеров. Пусть бы этим старосты и полиция занимались, это их прямая обязанность... Но Александр Иванович знал, что мимо этой истории пройти нельзя: три человека позорили звание партизана, подрывали авторитет партизанского движения. А это — общему делу ущерб.

На юге Красная Армия вела большие бои, за которыми «служане» следили по сообщениям Совинформбюро. Сева, который как-то был на базе один и не смог записать передачу, с восторгом пересказывал ребятам сообщение: «Наступление немцев в районе Курска и жулики из ставки Гитлера». Разведчики понимали, что планы немцев сорваны и теперь наши войска переходят в контрнаступление. Сводки ежедневно рассказывали, как в тяжелых боях Красная Армия перемалывает пехотные и бронетанковые фашистские дивизии. Ровный и уверенный тон сообщений позволял надеяться, что этот успех будет развит.

Как всегда, успех на фронте, где бы он ни достигался, склонял стрелку весов на оккупированной территории в пользу партизан и разведчиков. Кончалось то явление, которое на партизанском языке называлось «блокадой в тылу», становилось легче жить и работать. Кажется, далеко до Курска... Но и здесь, в Стругокрасненском и Плюсском районах, немецкое командование вынуждено снимать с поста военные гарнизоны. А нет гарнизона — нет власти у старосты, и он осторожно начинает посматривать в лес. Не стоит ли туда поклониться?

Командир «лужан» неизбежно приходил к выводу, что его группа представляет собой не только разведывательную и диверсионную боевую единицу, но и власть, дей-

ствующую по суровым и необходимым военным законам. Действительно, когда Рыжий, или Миша-беленький, или Толя-маленький заходили в деревню, другой власти тут не существовало и существовать не могло. Главной заботой старосты и тайных полицаев было в этом случае спрятаться куда-нибудь подальше. Власть осуществлял советский человек с автоматом в руках, и Александр Иванович очень жалел, что людей у него крайне мало. Восемь человек на два района, попробуй тут со всем справиться...

Дело, впрочем, даже не в столь простых примерах. Группа «Лужане» обладала влиянием в более широком смысле. Это Александр Иванович с Володей и хотели продемонстрировать операцией, которая получила название «психологической».

За несколько дней во всех деревнях, в том числе и тех, где стояли постоянные гарнизоны, у связных, у надежных людей был накоплен запас листовок, полученных «лужанами» из Ленинграда, и свежих сводок, переписанных от руки разведчиками. Особую помощь оказали группе, как всегда, сельские учителя — Ефимова, Курышева, Иванова, Федорова, Андреева, Рейх, Куницына, Морозова. Сводки, листовки распространяли и они, и созданные ими молодежные группы. Наиболее активных и смелых школьников, таких, как Миша Селиверстов, Николай Дементьев, Федя Салтыков, «лужане» знали и сами.

Участники «психологической операции» в деревнях получили одну и ту же инструкцию. Вот как излагал ее Миша Антонов Елизавете Дмитриевне Петровой:

— Листовки и сводки надо распространить в ночь на шестнадцатое число... Только ночью и только на шестнадцатое, ни раньше, ни позже. Не обязательно развешивать их на улице, можно часть разбросать у риг, сеновалов, бань. Осторожность — полнейшая! У немцев должно сложиться впечатление, что литература заброшена в деревню партизанами. Листовки и сводки, кстати, самые свежие. У населения таких нет. Что делать там, где немцы стоят в деревне? Ничего, мы в эту ночь постараемся их отвлечь...

Днем 15 июля Александр Иванович еще раз инструктировал на базе своих бойцов:

— Повторяю боевую задачу. Каждая пара отвечает за свой сектор. Надо приблизиться к деревне, где стоит гарнизон, обстрелять охрану, патрулей. Можно — штаб, казарму... Результаты огня значения не имеют. Ухлопал

ты фашиста или нет — в данном случае не так важно. В панике и неразберихе, которые возникнут в гарнизоне, наши люди разбрасывают листовки. Вам же надо быстро организовать такие же «побудки» в других гарнизонах. Обстрелы начинаем ровно в час тридцать минут. Кому далеко идти — собирайтесь...

В первом часу ночи Володя и Сева уже лежали в кустах на краю оврага, подходившего к Кириллкову. Деревня им была видна как на ладони. Виден был и пост охраны: два автоматчика скучали, привалившись спиной к плетню.

Володя поглядывал на часы. Когда до половины второго оставалось две минуты, он уловил отдаленный стук пальбы.

— Поторопился кто-то, — проворчал Подсекин и махнул радисту: — Ладно. Давай.

Сева приложился к автомату и дал очередь по охранникам. Один из них свалился, другой кинулся за угол избы и, поднимая тревогу, пустил прямо в небо очередь трассирующими пулями. Тогда Сева дал еще одну очередь — в направлении казармы.

Раздались лязг железа, звон разбиваемого стекла, гул голосов, крики офицеров. Десятки солдат выскакивали на улицу в полной растерянности, в страхе. Никто не знал, где находится противник, и ответный огонь они вели наугад, вслепую.

Тем временем в овраге Володя торопил радиста, который на ходу менял обойму автомата:

— Давай быстрее! А то к Сеглицам не успеем.

Стрельба разгорелась в разных концах района и не смолкала всю ночь. «Лужане» хорошо знали, что немцы при малейшей опасности начинают прочесывать лес огнем, и на этом в значительной степени строили замысел операции. Гарнизоны были расположены недалеко один от другого. И даже когда разведчиков след простыл, они продолжали будоражить стрельбой друг друга. В воздухе повисли десятки осветительных ракет, заливавших местность вокруг деревень мертвенным белым светом.

Лишь к утру оккупанты уgomонились. По дорогам начали снова усиленные группы солдат, машины и мотоциклы. Обочинами пробирались цепочки испуганных карателей, которых немцы выгнали на поиски партизан.

Со всех концов в комендатуру спешили деревенские старосты и полиция с образцами листовок и сводок, обнаруженных утром. И было им очень невесело: ночью партизаны побывали во всех деревнях. Это была сила.

«Наш полицай» из Тухиней так рассказывал Толе и Мише о дальнейшем ходе событий:

— Комендант в это утро был как оглашенный и орал так, что стены тряслись. А мы, значит, скромно стояли с листовками в руках. Тут он к нам подскочил, начал листовки вырывать и бросать на пол, к печке...

— Погоди, дядя Саша, ты ведь у себя сам и распространял... Как ты это делал? Гарнизона-то у вас нет. Тухини мы не беспокоили.

— Известно как, — сказал сапожник. — Пошел ночью в обход по деревне. И первым делом стал сам от себя листовки прятать, класть так, чтобы были не на виду. Пошел обратно — никаких листовок не вижу. Ну, а две штуки я оставил, повалял в пыли и утром понес...

— Ну, давай дальше про коменданта.

— Подпрыгивал он от злости, как бешеный пес. Молотит кулаком по столу: «Запорю, мерзавцы! Бандитов испугались!» Вишь ты, виноватых нашел — старост да полицаяев... Но тут староста один, Черный, вы его знаете, аккуратненько так говорит: «Господин комендант, мы не виноваты. Партизаны разбросали листовки даже в тех деревнях, где стоят доблестные немецкие солдаты. А уж коли германская армия не управляется с партизанами, так что с нас требовать». На эту речь коменданту ответить было нечего. Он только зашипел и выгнал нас к чертовой матери.

«Психологическая операция» прошла блестяще. Во-первых, своим размахом она произвела именно то впечатление, которого добивались «лужане». Во-вторых, оккупанты понесли потери убитыми и ранеными как от огня разведчиков, так и от своей наспех организованной «обороны». В-третьих, на базу группы поступило неплохое подкрепление в виде трофейного оружия, которое местные жители похитили у солдат, пользуясь паникой в гарнизонах.

Особенно отличился Иван Варфоломеев в Букине, бывший староста. В ночь, когда началась «психологическая операция», солдаты, находившиеся в его доме на постое, метались словно на пожаре. Они забежали в сени, где стояли ящики с патронами, набивали магазины и, вновь выскочив на улицу, оглашали окрестности стрельбой. В момент общей неразберихи Иван утащил из сеней больше тысячи автоматных патронов, восемьсот винтовочных и несколько заряженных автоматных «рожков».

Все это богатство он вывез из деревни в лес, спрятав его под сеном в телеге. Вместе с ним ехала жена — Зоя,

та самая Зоя, которая часто появлялась на лесном кордоне, где в старом дуплистом дереве находился «почтовый ящик» для сообщений из Букина.

Когда Варфоломеевы вручили свой подарок Александру Ивановичу, тот был готов целовать от радости обоих.

— Ну, Иван,— сказал он,— рассчитался ты с немцами за порку.

— Нет,— покачал головой Варфоломеев.— Еще не рассчитался. Но посчитаюсь с ними обязательно.

Услугу группе Иван оказал действительно неоценимую. Патронов для трофейного оружия «лужанам» систематически не хватало, их брали только в бою. И нередко бойцам, вооруженным немецкими автоматами и карабинами, приходилось возвращаться после засады на базу с пустыми подсумками и магазинами.

Выслушав слова благодарности, Иван сказал командиру «лужан»:

— Есть у меня к тебе, Александр Иванович, просьба. Брат мой, Николай, хочет в лес уйти, ищет встречи с вами.

— А кто он?

Иван секунду помялся, но ответил твердо:

— У генерала Власова солдат...

Александр Иванович с изумлением взглянул на него:

— И ты еще просишь?

Варфоломеев глядел Иванову прямо в глаза:

— Русский он. Поверь. Такой же, как и я. Не было у него выхода другого. Либо — в могилу, либо — во владимирцы. Ждет первой возможности уйти в партизаны. Посмотри на него, а потом суди.

Командир «лужан» покачал головой:

— Знаем мы нескольких Варфоломеевых, посмотрим и на Николая. Как к тебе зайдет — сообщи. Хотя обещать ничего не могу... Матери от меня поклонись, Марии Капитоновне.

ГРУППА РАСТЕТ

В июле группа «Лужане» начала быстро расти.

Александр Иванович не планировал этого роста, хотя бойцы были очень нужны,— все получалось само собой. Так складывались обстоятельства, что приходилось принимать к себе все новых и новых людей.

Как-то зайдя в Жупаново вместе с Мишей Антоновым, Володя Подсекин услышал от «дяди Миши» Изотова, что к нему в деревню заглядывает ночной гость, который недавно бежал от немцев, скрывается в лесу и разыскивает партизан, чтобы к ним присоединиться.

— Кто таков?

— Михаил Герасимов. Хоть он и ленинградец, я до войны его немного знал. Он родня Тоне и Зине Герасимовым, которые расстреляны. Он, собственно, через них и хотел до партизан добраться... Ну, в деревне узнал, что случилось. Зашел ночью ко мне. Дал я ему хлеба и отправил в лес. Договорились, что встретимся с ним в условленном месте.

Порасспросив еще «дядю Мишу», Володя отправил Антонова на базу, а сам пошел с Изотовым в лес, на свидание с неожиданным гостем.

Михаил Герасимов, сухощавый, высокий, лет тридцати двух, рассказал ему свою историю. Он начал войну рядовым морской пехоты. Под Ораниенбаумом был контужен, взят немцами в плен. Прошел два лагеря военнопленных, чудом остался жив. Ему, как и другим, немцы несколько раз предлагали службу в полицейских подразделениях. Он отказывался. Второй лагерь был неподалеку от железной дороги, и когда немцы приехали вербовать людей в охранные войска, он согласился.

— Тут я так сообразил...— рассказывал Герасимов.— Раз охрана — получу оружие. А раз железная дорога — значит, партизаны близко. Удобнее побега было не представить. Пробыл я у них два дня. В первый день обмундировали. Думаю: «Подожду». А у них людей на железной дороге не хватает, и на второй день дали оружие. Заборчик там невысокий, без колючек. Я и был таков. Рассчитывал очень на Тоню и Зину. Но вот нет их. Расстреляны...

Помолчав, он попросил Подсекина:

— Возьмите в отряд. Очень хочется за все с фашистами поквитаться.— Он потряс немецким автоматом.— Не возьмете — один на них пойду. Пусть убьют, но и своих они кое-кого недосчитаются.

Разных людей видел Володя в немецком тылу и разбирался, кому можно верить, а кому нет. Герасимову он поверил.

— Ладно, — сказал он. — Сиди пока здесь, в лесу. И сиди осторожно: тебя ведь не только немцы, но и наши могут хлопнуть. Увидят охранника и без шума отправят на тот свет... Сам я тебя взять сейчас не могу, надо с товарищами посоветоваться. Коли согласятся — я тебя найду.

Вечером он обсудил этот вопрос с Александром Ивановичем.

— Надо его взять, — говорил Володя. — Мужик боевой, морская пехота. Опять же, Малыгина необходимо кем-то заменить, а то работа страдает.

— Значит, ты уверен, что гестапо в его побеге не замешано?

— Абсолютно уверен. Наш это человек. А теперь рассуди: куда ему деваться? До партизан далеко. Один он ничего не сделает. И получится так, что мы его под немецкие пули толкнули.

— Да, брат, деваться тут некуда. Ни ему, ни нам...

После этого разговора Подсекин привел Михаила Герасимова на базу.

— Берем тебя к себе как равного, — сказал ему Александр Иванович. — И опасность, и радости — все пополам. Работать начнешь с нашим опытным бойцом. Вопросы есть?

— Дайте какую-нибудь гимнастерку старенькую, а то жжет меня эта шкура, — попросил Герасимов, показывая на свою форму. — Спасибо, что приняли. Докажу, что не зря.

Забегая вперед, можно сказать, что «лужане» никогда не раскаивались в том, что взяли к себе бывшего морского пехотинца. Дрался он с оккупантами отчаянно.

Оправдалась и работа, которую «лужане» с помощью «колхозного двора» вели в лагере военнопленных. Листовки, сводки, взрыв моста вызвали у них надежду на освобождение. Шестеро военнопленных, которые под охраной двух полицейских грузили в карьере песок, убили своих охранников, закопали тут же их трупы и, захватив два карабина, бежали.

Оккупанты подняли тревогу и отправили несколько машин с карателями проводить обыски по деревням. «Лужане» немедленно узнали об этой операции, хотя причина, по которой всполошились немцы, оставалась для них неясной.

В Лохову машины подошли в три часа дня. Часть автоматчиков окружила деревню, остальные начали по-вальный обыск. Проверяли всё — погреба, бани, сеновалы. Каратели истоптали все огороды. Искали как будто бы партизан. Но когда обыск не дал никаких результатов, гестаповский офицер, возглавлявший карателей, сказал старосте, что из лагеря у станции Карьер бежали заключенные вместе с полицаями и что надлежит принять все меры к их немедленной поимке.

Погрузившись на машины, каратели поехали проводить обыск в Букино, хотя там постоянно находился крупный гарнизон.

Между тем пленные в это время отсиживались в лесу. К Лохове, к «колхозному двору», они вышли лишь поздно вечером. Больше деваться было некуда, ибо женщины с «колхозного двора» были их единственными знакомыми из местных жителей.

Шура Водяникова, Даша Сергеева и Нюра Советникова приняли беглецов и стали советоваться, где их укрыть, хотя бы временно. Решили, что лучше всего это сделать на сеновале Дуни Степановой, который стоял неподалеку от леса. Шура сбегала к соседке, и ночью шестеро солдат были по одному переправлены на сеновал. Женщины хотели немедленно сообщить о бежавших военнопленных «лужанам». Но как это сделать?.. А медлить было нельзя — каратели могли в любой момент вернуться в деревню.

Однако все обошлось как нельзя лучше. Ночью в Лохову зашел Миша Антонов. Навестил он деревню, собственно, с единственной целью — захватить банку с молоком для Севы. Командир не отпускал радиста с базы, и ребята старались утешить его тем, что приносили ему из деревень всякие лакомые куски — «сдобу», ватрушку с картошкой или драчену. Больше всего радист любил молоко.

Услышав о беглецах, Миша тут же прошел с Шурой к сеновалу, разбудил их и увел в лес. Возвращаться на базу ему пришлось медленно, с частыми привалами. Пленные были не только сильно истощены, но и отвыкли от ходьбы на дальние расстояния. В квадрат 34 они добрались только к утру.

Знакомясь с прибывшим пополнением, Александр Иванович скептически покачал головой. Изможденные дистрофики, кожа да кости, лица словно пепельные... «Не бойцы, — подумал он. — Их ветром свалит. Надо сначала подкормить...»

Участницы группы, которую
разведчики в шутку прозвали
«колхозным двором»:
Нюра Советникова,
Евгения Федоровна Советникова,
Евдокия Ивановна Дмитриева,
Александра Федоровна Салакина,
Валя Дмитриева.

Но один из бежавших, высокий, худой, в разодранной гимнастерке, в ботинках с обмотками, тут же сказал Иванову:

— Дай нам оружие, командир! Винтовок мы принесли две, а нас шестеро. Души мы из фашистской сволочи вынимать будем! На сердце столько накопилось, что до конца жизни хватит. Ох, дождусь я первого боя! Патроны кончатся — зубами им горло перегрызу.

— Ты военный? — спросил Иванов.

— А как же? Солдат...

— Служил на действительной до войны?

— Нет. Я технолог хлебозавода. Но только я уж забыл, как хлеб пекут...

— Понятно, — сказал командир. — Идите вначале поешьте. Нюра вас накормит. Немного обживетесь у нас, и за боевой работой дело не станет.

Вскоре произошел еще один побег из лагеря. Пятеро военнопленных, которых вывели на ремонт шоссе Псков — Луга, убили лопатами конвоира и бежали в лес. Услышав об этом происшествии, Иванов приказал разыскать эту пятерку, чтобы она не нарвалась на карателей. Беглецов нашли, но тут едва не произошла стычка: военнопленные приняли «лужан» за переодетых карателей.

Вооружены они были единственным автоматом, снятым с охранника, и, укрывшись в лесном логоу, никого к себе не подпускали. Собирались, видимо, драться насмерть. Володя долго вел с ними дипломатические переговоры на расстоянии метров в пятьдесят, а потом махнул рукой и велел позвать с базы одного из ранее прибывших военнопленных. Тут переговоры пошли успешнее, солдаты вышли из логоа. Когда они убедились, что находятся среди своих, по лицам бывших узников лагеря потекли слезы.

Один из этой пятерки, лейтенант Красной Армии, калининский паренек Виктор Климов, сидя на базе у костра и жадно глотая горячую похлебку, рассказывал:

— После того как мост взорвали, все только и думают о побеге. Говорят об этом, конечно, осторожно, только со своими, — провокаторов в лагере хватает. Но сейчас у всех такой настрой — бежать при первой возможности... Теперь очень трудно. С тех пор как пронали два полица...

— Так мы же их ухлопали и закопали там же, в карьере, — сказал бывший хлебопек. — Неужели немцы их не нашли?

— Не нашли. Они думают, что полицаи тоже сбежали к партизанам. Так вот, теперь в лагере новый режим. Полицаев с охраны всех сняли, заменили эсэсовцами. На работу выводят большими группами, под сильной охраной. Не побежишь... Нам просто подвезло. Колдобина на шоссе попалась небольшая, заделать ее — плевое дело. Ну, нас и отправили туда с одним охранником...

Усиливалась тяга «в партизаны» по деревням. Там жило немало людей, которые хотели уйти в лес, драться с оккупантами. Всем бойцам приходилось выслушивать просьбы: «Возьмите с собой...» А как взять? Возьмешь — каратели расстреляют всю семью, да и деревню подвергнут репрессиям «за связь с партизанами».

Поэтому «лужане» не рассчитывали на пополнение из деревень. Но пришлось принимать и его, — жизнь заставила. А выход разведчики все-таки нашли. И началось это в деревне Бутырки, где жил связной «лужан» Григорьев, снабжавший их информацией о железной дороге.

У Григорьева было три сына. Двое, красноармейцы, воевали на фронте с гитлеровцами. Третий, младший — Михаил, — жил с отцом, нередко помогая ему в сборе и передаче разведчикам сведений о «железке».

И вот ночью в Бутырках в избе Григорьева у Толи Бриллиантова состоялся разговор с хозяином и его сыном.

— Что делать — ума не приложу, — говорил отец. — Пристала комендатура как с ножом к горлу: пусть идет служить. Годочки-то у него подошли. Видал, как вымахал...

Сын, повесив голову, сидел на лавке — плечистый и здоровый парень.

— Не пойду в полицаи... — решительно проворчал он.

— А ты молчи! — прикрикнул на Михаила отец. — Не пойдешь, так поведут. С гестапо хочешь познакомиться?

— Я в лес удеру.

— Что же ты там голыми руками сделаешь? — спросил Бриллиантов.

Михаил промолчал. Ответил его отец:

— Так ведь у него, как у всех парней, где-нибудь в лесу винтовка спрятана. Понабрали они оружия еще с той поры, когда тут фронт проходил.

— Есть у тебя винтовка? — спросил Толя.

— Конечно, есть, — застенчиво ответил парень.

— Ну да... Он — в лес, а нас с матерью каратели на

воротах повесят. Ты, Толя, скажи там Рыжему: так, мол, и так, Григорьев из Бутырок не знает, что делать.

Толя доложил об этом разговоре командиру, и «лужане» крепко задумались.

— Давайте разыграем спектакль...— вдруг оживился Подсекин.

— Какой спектакль?— удивился Сева.

Володя изложил план «спектакля», и после всестороннего обсуждения все с ним согласились.

В один прекрасный день Володя, Миша и Толя совершили налет на Бутырки. Проводился он с нарочитой лихостью, с руганью и угрозами применить оружие. Первым делом подверглось разгрому хозяйство местного старосты, у которого разведчики забрали овцу и весь выпеченный хлеб.

Потом, тыкая в спину старосте ствол автомата, Володя повел его по деревне.

— Ну, говори, собачий сын, где тут у вас живут немецкие пособники?

С трудом передвигая ватные ноги, староста лишь лепетал, что он ни в чем не виноват, что он никого не знает.

Поравнявшись с избой Григорьевых, Володя с иронией спросил:

— И тут ты никого не знаешь?

Он стукнул ногой в дверь и приказал:

— Григорьев-младший, выходи!

На пороге избы появились Мишка и его отец.

— Этот сопляк записался в полицию, а староста понятия не имеет,— продолжал издеваться Подсекин и пригрозил Мишке:— Сейчас мы тебе покажем, как фашисту служить!

Обернувшись к Мише и Толе, он коротко бросил:

— Арестовать его!

Мишкин отец упал на колени как подрубленный:

— Не трогайте его, пожалуйста! Он невиноватый. Сам господин комендант приказал. Нешто мог он ослушаться.

— Молчать!— заорал на него Подсекин, грозя автоматом.

Захватив Мишку, вместе со старостой они пошли дальше по деревне и «арестовали» еще двух нужных им парней призывного возраста. Все получалось очень натурально. Отцы ребят сжимали кулаки, матери выли в голос.

На прощание Подсекин крикнул на всю деревню:

Михаил Селиверстов, один из деревенских парней, пополнивших группу путем «насильственного увода».

— Всех найдем, кто согласится служить немцу! Не ходите в полицию, плохо будет!

И трое разведчиков под стволами автоматов погнали «арестованных» к лесу. Когда деревня скрылась из виду, «лужане» забросили автоматы за плечо и пошли вместе с парнями, гурьбой.

Взобрались на лесной пригорочек. Тут Володя при-

сел на траву и, взглянув на часы, сказал:

— Идите к своим тайникам, забирайте винтовки. Даю вам на это двадцать пять минут. Мы пока вас тут подождем, отдохнем.

Этот прием, впервые примененный в Бутырках, получил у разведчиков название «насильственного увода». Такие же сцены были разыграны в Воцкой и Добром Бору. В результате группа увеличилась еще на десять человек, причем каждый из них пришел к разведчикам со своим оружием.

Слезные и вполне искренние жалобы старост на «грабителей» и «бандитов» произвели в комендатуре нужное впечатление. И хоть по каждому случаю «увода» было проведено следствие, виновных комендатура не нашла. Репрессий к семьям и жителям деревень не последовало. Лишь отцу Михаила Герасимова и матери Павла Данилова из Доброго Бора комендант приказал «дать» по двадцать пять розог за то, что их сыновья «своевременно», как указывало немецкое командование, не пошли служить в полицию.

Оказался на базе «лужан» и их старый знакомый Миша Селиверстов из Лучкиной. Он возвращался в деревню вместе с другими крестьянами утром, отбив дежурство по охране железнодорожного полотна. Внезапно на тропинке появились два партизана. Это были Подсекин и Бриллиантов.

— Проходите по одному! — приказал Рыжий, зорко вглядываясь в лица людей.

Когда очередь дошла до Михаила, Подсекин воскликнул:

— Ах вот ты где!— и, схватив парня за шиворот, швырнул его в кусты.

Толя, подскочив, второпях так сунул ему в бок прикладом карабина, что Селиверстов чуть не взвыл. Потом все трое скрылись в чаще леса.

В то время как крестьяне докладывали старосте, что «Мишку партизаны арестовали», он на базе «лужан» жаловался Иванову:

— Александр Иванович, Толя-маленький сильно дрался... Посмотрите, какой синяк поставил. Не мог потише, что ли?

Мишка был известен разведчикам как парнишка сметливый и не без хитрецы. Поэтому Иванов только рассмеялся.

— Подумаешь — синяк! У нас вон раненые не плачут. У тебя документы есть?

Покопавшись в карманах, Селиверстов достал потертый паспорт.

— Бросай в костер,— сказал командир.— Все мы — люди без документов и без фамилий.

Самой любопытной и колоритной фигурой из тех, кто пополнил в июле группу разведчиков, был «Ваня цап-царап», юный светловолосый латыш с нежной, словно у девушки, кожей.

С ним произошла такая история.

Поздно вечером в дом того же «дяди Миши» Изотова постучал немецкий солдат, вооруженный автоматом и пистолетом, и попросил поесть.

Михаил Никонович нехотя впустил его в избу, заметив, что в доме, кажется, ничего нет.

Солдат был юный, худенький и уставший. Жалея его молодость, жена Изотова, Прасковья Григорьевна, дала ему несколько вареных картофелин. Ночной гость принялся их жадно есть, а Михаил Никонович тем временем размышлял: «Странно... Немец, один, ходит ночью по деревням. Что же это за храбрец?»

— Где есть партизан? Здесь, в твоя деревня, есть? — спросил вдруг солдат на ломаном русском языке.

«Дядя Миша» очень удивился и ответил, что партизан у них в деревне нет, а если они придут, староста сразу доложит господину коменданту.

Тут он увидел, что от его речей солдат так расстроился, что даже перестал жевать картошку. На глазах у него выступили слезы.

Изотов исподволь принялся его расспрашивать. Продолжая жевать со слезами картошку, солдат с грехом пополам, как на духу, изложил ему свою историю. Оказалось, что он не немец, а латыш, насильно мобилизованный в германскую армию и определенный в денщики офицеру. Служить немцам латыш не хотел и мечтал убежать к партизанам. После того как «лужане» устроили «побудку» с «психологической операцией», он решил, что партизан в окрестных лесах полным-полно и время побега настало.

Ночью он стащил у своего офицера автомат и пистолет и ушел в лес. Он бродил там несколько дней, но, к своему удивлению, никаких партизан не встретил. Есть было нечего, латыш питался ягодами и сырыми грибами. В конце концов голод выгнал его из леса к избе «дяди Миши».

Выслушав сбивчивый и чистосердечный рассказ латыша, Михаил Никонович достал для него горбушку хлеба и сказал:

— Спрятаться тебе надо, а? Ведь если твой офицер тебя найдет, ай-ай как плохо будет.

— Ай-ай, плохо,— согласился солдат.

Тогда Изотов указал ему дорогу на сенокосную пустошь Кацапы, которая находилась километрах в трех от деревни. Там стоял полуразрушенный сарай с остатками старого сена.

— Спрячься, милоч,— напутствовал его Михаил Никонович.— Уж если какой партизан зайдет, непременно о тебе скажу.

С горбушкой хлеба латыш отправился к сараю. Тотчас начал собираться в дорогу и «дядя Миша».

— Ты куда это, в ночь-то?— спросила удивленно Прасковья Григорьевна.

— Рыжего надо оповестить,— ответил жене «дядя Миша».— Что нам с этим солдатом дальше делать? Ведь попадетсЯ он карателям...

К слову сказать, Рыжего, то есть Володю Подсекина, в деревнях упорно считали «командиром всех партизан в Валдайском лесу». В этом качестве он был широко известен и славен.

Утром Толя Бриллиантов и Яша Морозов уже подходили к пустоши, где должен был скрываться солдат-латыш. Продвигались они вперед осторожно, опасаясь возможной засады.

Никаких признаков готовящейся провокации они не заметили. Подобравшись к сеновалу вплотную, Толя

заглянул внутрь и увидел юношу в немецкой форме. Он безмятежно спал на охапках старого сена. В головах у него лежал тяжелый «шмайссер» — автомат.

Войдя в сарай, Толя ткнул юношу стволом карабина:
— А ну вставай!

Тот, в испуге, мгновенно вскочил. Но, разглядев Толю, заулыбался.

— Партизан! Партизан! — повторял он.

Дальше произошла сцена, ошеломившая обоих разведчиков.

Солдат бросился к Толе и, прежде чем тот успел что-нибудь сообразить, поцеловал у него руку. Потом он снял с себя пояс с тяжелой кобурой и протянул его лужанам.

— Ты что? — заворчал Бриллиантов, краснея от стыда как рак. — Чего целуешься? Богородица я тебе, что ли? Давай пошли!

На базу они привели латыша безоружным. Тут его накормили похлебкой и объяснили, что командира сейчас нет.

— Вот придет командир, он и решит, что с тобой делать, — твердил ему Толя. — Понял, немчура?

— Понял, понял, — отвечал солдат. — Я не есть немчура. Я латыш.

После еды измученный несколькими бессонными ночами парнишка заснул, и Александр Иванович, вернувшись на базу, застал его спящим. Иванов велел не будить гостя.

Тот спал до вечера. Потом его привели к командиру, и Толя распорядился:

— Ну, давай рассказывай свою историю!

Латыш смотрел на Иванова, виновато и понимающе улыбался, но молчал. Ребята ничего не могли понять.

— Вы сказали — командир... — уклончиво сказал парнишка.

— Да вот он, командир, перед тобой — товарищ Ильин, — рассердился Толя. — В чем дело? — И он для убедительности добавил: — Вас ист дас?

Латыш понимающе улыбнулся, показав, что он оценил Толину шутку. Он никак не мог согласиться с тем, что видит перед собой командира. Иванов внешне ничем не отличался от рядового бойца — тот же выдавший виды ватник, те же бумажные галифе, те же разбитые сапоги.

Когда же латыша убедили, что перед ним действительно командир, его изумлению не было предела. Но он начал наконец свой рассказ, доставивший всем, кто

был на базе, большое удовольствие. Говорил он по-русски плохо. Когда излагал ту часть истории, в которой шла речь о похищении оружия у офицера, он долго мучился в поисках нужного слова, а потом вытянул руку, сжал пальцы и воскликнул:

— Цап-царап!

Вокруг раздался дружный смех, и за латышом Яном накрепко утвердилось прозвище «Ваня цап-царап».

Он был хорошим парнишкой, хотя некоторые странности, обусловленные тем, как он жил до сих пор, у него имелись. Он с удивлением следил за командиром, который был похож на бойца, но все распоряжения которого выполнялись беспрекословно. При каждом появлении Александра Ивановича «Ваня цап-царап» вскакивал и вытягивался в струнку, что на базе «лужан» выглядело нелепо. Разведчики немало повозились с латышом, прежде чем отучили его от этой привычки. Иванов был уверен, что из него все-таки получится неплохой боец. Похитить оружие и в немецкой форме уйти в лес — одно это уже значило немало...

Все новички, прибывавшие на базу, тотчас включались в учебу. Первое, что от них требовалось, — научиться соблюдать принятый на базе «лужан» порядок. Шалаши, построенные для вновь прибывших в группу, были так же тщательно замаскированы, как «дворец» и палатки. По территории базы запрещалось передвигаться без дела. Нельзя было громко говорить, беседовать разрешалось только шепотом. Новички привыкали к тому, чтобы ни на базе, ни вокруг нее не оставлять никаких следов. «Цепочка», возвращающаяся с задания, должна была рассредоточиться, подходить к базе россыпью, чтобы невзначай не пробить на почве тропу.

Вторым требованием командира была безусловная, железная дисциплина. Тут возникали некоторые сложности с бывшими военнопленными, которые полагали, что партизанская группа представляет собой «вольницу», каждый участник которой может действовать самостоятельно, по своим способностям и личной храбрости. Они стремились подстрелить любого немца или полицая, случайно оказавшегося в их поле зрения, отнюдь не задумываясь над тем, к чему это приведет. «Лужанам» приходилось терпеливо беседовать с каждым из них, разъяснять тактику борьбы с оккупантами, ее цели, задачи и методы. Со временем бывшие пленные подтянулись и уже не выделялись своим «анархизмом» на фоне других бойцов.

Деревенские парни, появившиеся на базе после «насильственных угонов», некоторое время совсем не привлекались к работе. Командир и его заместитель по долгу просиживали с ребятами, знакомясь с кругом их родных, расспрашивая об их знакомых в других деревнях, в Стругах Красных, на железнодорожных станциях. Это было необходимо для того, чтобы определить районы их будущих действий. Деревенских парней можно было посылать с заданием лишь туда, где их не узнают в лицо. Действовать иначе — значило поставить под угрозу уничтожения их семьи в деревнях.

Новички начинали с участия в охране базы, с простых разведывательных операций. Вся зона действий «лужан» была разбита на восемь секторов. Ответственность за работу в каждом таком секторе нес опытный разведчик, руководивший группой новых бойцов. Большую нагрузку несли Толя, Миша и Сева, обучавшие новичков подрывному делу, организации засад и проведению других больших операций.

Соблюдалась в группе и внутренняя конспирация. Явки и связи в деревнях знали только восемь человек. Только им были известны тайники, где хранилось оружие и продовольствие.

Рост группы, по мнению Александра Ивановича, отвечал задачам, которые были поставлены Центром перед разведчиками. Появилась возможность значительно расширить работу во всех направлениях, ибо оперативная обстановка в тылу развивалась не в пользу оккупантов и немецкой контрразведки.

На юге страны продолжалось успешное наступление войск Красной Армии. В середине июля в результате крупных операций севернее и восточнее Орла наши части значительно продвинулись вперед, захватив только за три дня в плен более 2 тысяч немецких солдат и офицеров. Через неделю было полностью приостановлено контрнаступление фашистских войск из районов южнее Орла и севернее Белгорода.

Ленинградский областной комитет партии неустанно заботился об укреплении и развитии подпольного и партизанского движения в области. Развернул широкую работу Псковский межрайонный подпольный центр, создавший на оккупированной территории более 20 подпольных партийных и комсомольских организаций. Псковские подпольщики провели более 2 тысяч собраний и бесед, выпустили 58 номеров газет, много листовок, вовлекли в партизанские отряды более 2 тысяч человек. Успешно

действовали Порховский, Дедовичский, Островский, Гдовский и другие центры.

Широкую поддержку из Ленинграда получали партизанские бригады, отряды, группы. С помощью транспортной авиации с Большой земли им только за пять месяцев забросили более 2000 винтовок, 645 пулеметов, 15 минометов, 2200 мин, 6200 гранат, 7500 килограммов тола, 36 тонн продовольствия, 1400 комплектов белья, 2250 пар обуви и много другого имущества.

В сражениях партизан с оккупантами наступил перелом. Ленинградский штаб партизанского движения докладывал Центральному штабу:

«К середине июля обстановка изменилась. Надо считать, что в основном противник карательную экспедицию прекратил, не достигнув намеченной цели, то есть уничтожения партизан. Все партизанские бригады и полки с честью выдержали тяжелые испытания. В ожесточенных боях нанесли противнику большой урон в живой силе и технике, а сами, понеся некоторые потери, сохранили личный состав и... вышли еще более закаленными, боеспособными и продолжают вести беспощадную борьбу с немецко-фашистскими разбойниками».

Партизаны отвлекали на себя десятки тысяч немецких солдат, и фашистское командование было вынуждено для борьбы с ними снимать постоянные гарнизоны во многих районах, ослабляя тем самым свой тыл.

Все это очень хорошо чувствовали «лужане», получившие возможность для нанесения быстрых и неожиданных ударов по врагу. В Плюсском и Стругокрасненском районах оккупанты оставили гарнизоны лишь в главных, узловых населенных пунктах, бросив основные силы на охрану железной и шоссейной дорог. Карательные экспедиции проводились теперь не так методично, а в расчете на неожиданность, на боевую удачу, на то, что партизан удастся застать врасплох.

Колоссальный размах получило в те дни распространение листовок и сводок Совинформбюро. Переписчиков на базе было много, запасы бумаги таяли с катастрофической быстротой. Разведчики снова и снова обращались к своим верным помощникам — учителям с просьбой помочь чем можно. Тетрадок уже не было. Иван Яковлевич Андреев, Конкордия Куницына и другие подбирали для разведчиков последние блокноты, отдельные листки бумаги. От них же были получены несколько неполных кусков обоев, которые тоже пошли в дело.

События развивались так, что во многих местах двух районов «лужане» чувствовали себя словно на отвоеванной территории. Кое-куда немцы уже боялись соваться или высылать одиночные патрули. Теперь они не рисковали передвигаться по дорогам маленькими группами.

Немалое удивление на базе «лужан» вызвал такой случай.

Возвращаясь из разведки на шоссе, Яша Морозов и Михаил Герасимов случайно наткнулись в лесу на эсэсовского офицера и двух солдат, которые мирно отдыхали у небольшого костерка. Рядом к дереву было прислонено охотничье ружье.

Морозов и Герасимов решили в первый момент, что это какая-то особо хитрая провокация карателей. Они дали круг по лесу и, не найдя противника, вновь вернулись к костру... На базу два бойца принесли их документы, автомат, винтовку, шестизарядное автоматическое охотничье ружье и двух тетеревов.

Рассказ Яши и Михаила о незадачливых охотниках вызвал много толков.

— Это какой-то псих! — сказал боец из бывших военнопленных, смуглый, худой, получивший в группе прозвище Коля-черный. — Разве нормальный немец тут полезет в лес? Да еще на охоту...

— Наверное, какой-нибудь новичок, — высказал предположение Миша Антонов. — Служил во Франции или в Голландии... Перевели в Россию, решил с двумя солдатами прогуляться.

— Зря вы их бросили в болото, — сказал Якову и Михаилу Толя Бриллиантов. — Надо их было оставить там, у костра, и записку приколоть: «Наказаны за охоту в советском лесу во внеурочное время, за браконьерство».

Бесследное исчезновение офицера с двумя солдатами вызвало тревогу в гарнизонах. Вечером со стороны Николаева послышалась стрельба — там прочесывали лес. На следующий день подняли тревогу «бессменные часовые» — журавли. Метрах в ста пятидесяти от базы прошла цепочка из тридцати — сорока карателей. Ее разведчики могли бы тут же уничтожить, но Александр Иванович приказал пропустить группу. Такие мелкие группы они пропускали мимо себя неоднократно, — не хотелось выдавать противнику расположение базы.

Командир «лужан» долго рассматривал прекрасный охотничий автомат, размышляя, что с ним делать. Для боя это оружие, конечно, не годилось. А вот подарок неплохой...

В лесу у Букина Иванов передал охотничье ружье Ивану Варфоломееву:

— Держи, Ваня. Недаром ты нас патронами выручил.

— Богатое ружье, — сказал Варфоломеев. — Сколько мне немцы за него дадут? Высшую меру?

— Да, пока от такого подарка тебе радости немного, — засмеялся Александр Иванович. — Но ничего, смажь его да закопай в землю. Зато после победы поохотишься с ним вволю.

— Дуня, братова жена, ездила к Николаю. Вчера вернулась, — сказал Иван. — Просит, как и раньше, мой братан с вами встречи.

— Мы ж договорились, — пожал плечами Иванов. — Устрой нам встречу. Побеседуем и с власовцем... Когда все готово будет, сообщи через Степанову из Лоховы, я приду.

Новички в группе «лужан» продолжали учиться. Текущей работы было много, но командир группы подумывал о том, что пора уже проверить новых бойцов и на боевой. Ибо только в бою можно было по-настоящему узнать личные качества каждого.

Вместе с Володей, Толей, Мишей и Севой они долго размышляли над тем, какой должна быть первая боевая операция для новичков. Объект был ясен — железная дорога. Но ее плотно охранялось теперь так, что спуск эшелона путем подрыва на «удочку» был делом весьма рискованным и опасным. Между тем «лужане» хотели, чтобы операция имела максимальные шансы на успех. Это должно было подбодрить бойцов, заставить их почувствовать свою силу. В конце концов они остановились на методе боевых налетов, а саму операцию окрестили «пробной».

Рано утром бойцы скрытно вышли к железнодорожной линии и замаскировались в кустарнике. Каждый из них знал свое место и свою роль в операции, ход которой был рассчитан по секундам. Были выделены группа нападения, группа подрыва и группа прикрытия.

День был жарким, небо над головой — синим, безоблачным. По полотну проходили патрули в расстегнутых мундирах. Солдаты, небрежно держа автоматы, курили, болтали друг с другом. Видимо, все окружающее не вызывало у них никаких опасений.

Убедившись, что бойцы готовы к операции, Александр Иванович подождал, пока подойдет очередная пара автоматчиков, и громко скомандовал:

— Огонь!

Из кустов ударил залп, и оба эсэсовца свалились как подкошенные. Тут же на полотно вырвалась группа подрывников с толовыми шашками в руках, а справа и слева от нее выдвинулись группы, которые завязали бой с немецкими автоматчиками и заставили их залечь.

В считанные секунды к рельсам были привязаны шашки тола, подожжены короткие бикфордовы шнуры. Ребята скатились с насыпи и бегом преодолели пространство до леса. Вслед за подрывниками по сигналу командира отошли группы прикрытия. Бойцы были очень возбуждены. Еще бы, первая боевая операция! Собравшись в цепочку, они стали быстро удаляться от линии под аккомпанемент взрывов на полотне.

Через час, дав большой круг по лесу, группа снова вышла к железнодорожному полотну. Еще один быстрый бросок к линии, и диверсия прошла так же успешно, как и первая. На привале в лесу Александр Иванович подвел общий результат: убиты четыре немца, захвачены три автомата и карабин, рельсы перебиты в 28 местах, тем самым движение эшелонов по линии задержано на 8—10 часов. «Лужане» обошлись без потерь, ни один из бойцов не был ранен.

Со стороны дороги слышалась беспорядочная стрельба. Это оккупанты, стянув к местам диверсий части местных гарнизонов, начали проческу леса у железной дороги.

Командир поставил группе новое задание, преподав урок партизанской тактики:

— Чтобы они не увлекались на проческе, мы их отвлечем — «шумнем» у Букина. Пусть побегают с места на место.

Поздно вечером на базе, когда Александр Иванович, присев у костра, составлял для Центра отчет о «пробной» операции, к нему подошел один из организаторов побега военнопленных Николай Рогов, он же Коля-черный.

— Спасибо тебе, командир, что повел нас в бой, — сказал он от души. — Наконец-то мы почувствовали себя людьми.

Иванов улыбнулся.

— Иди отдыхай, Коля. Работа у нас будет каждый день.

Теперь, когда в группе насчитывалось много бойцов, Александр Иванович стремился приглядеться к каждому. Все были разными — по способностям, по характерам. И командир обязан был это учитывать. Если человек не

может подорвать эшелон — не надо его посылать... Но по своим силам должен сражаться каждый.

В общем, командир был доволен новичками, под огнем все держались неплохо. Из общей массы стали выделяться своего рода таланты. Симпатией многих пользовался Михаил Герасимов. Он обладал драгоценным качеством шутить без тени улыбки, с совершенно серьезным видом. Поэтому вокруг него вечно собирались бойцы, и всегда тут слышался смех. Отлично проявил себя Коля-черный — человек смелый, инициативный, организованный. Явными способностями к разведке обладал Витя Климов, бывший лейтенант.

Все было бы хорошо, да не хватало оружия. Леонардов передал в Центр такую шифровку командира: «В связи с ростом группы испытываю острый недостаток оружия, патронов, боеприпасов. Часть людей полностью безоружна».

Однако они не рассчитывали лишь на помощь из Ленинграда.

— Оружие сейчас нужно всем. Партизанские бригады вон как растут. На всех оружия не напасешься. Поможет Центр — хорошо. Но ждать, что оружие упадет с неба на парашютах, не будем, — сказал Иванов на одном из совещаний ребятам, — надо брать оружие у оккупантов, так, как мы его взяли на «железке». Надо организовать хорошую засаду.

— Александр Иванович, разрешите идти мне, — тут же встрепенулся Сева. — Сколько же мне на базе сидеть?

— Столько, сколько потребуется, — ответил командир. — Хватит разговоров на эту тему. Понимаешь, что значит для нас остаться без радиста, без связи!.. Раз понимаешь — будешь сидеть на базе. Тут и есть твой главный боевой пост.

Леонардов лишь с сожалением вздохнул.

Организация засады была поручена Володе Подсекину, наиболее опытному в подобных делах. В состав его группы были включены четырнадцать лучших бойцов, вооруженных десятью автоматами и четырьмя карабинами. Это был своего рода ударный кулак «лужан». Все они во главе с Володей покинули базу ночью.

Александр Иванович с двумя бойцами ушел на рассвете в другую сторону, надо было навестить связных в деревнях. Вернувшись на базу после пяти часов, он ждал группу Подсекина. Ее не было очень долго. Только в половине восьмого вечера часовые доложили, что в лесу замечена цепочка, продвигающаяся к базе.

Сгорая от нетерпения, Александр Иванович пошел навстречу бойцам. Когда цепочка приблизилась, у него сжалось сердце от тревожного предчувствия. Возвращались только десять человек. Не было Володи, Миши Антонова, Яши Морозова, Миши Григорьева. Но тут Александр Иванович заметил, что у Бриллиантова, который шагал первым, лицо просто сияющее.

Остановив бойцов, Толя отрапортовал командиру:

— Группа с задания вернулась. Потерь нет.

— Где Попов?

— Пошел с тремя бойцами на новое задание.

Иванов оглядел цепочку. Захваченного оружия в руках ни у кого не было, но лица светились радостью. «В чем дело?» — думал командир.

— Бойцам — отдыхать! — скомандовал он и обратился к Бриллиантову: — Рассказывай, Толя... Сделали засаду?

— Сделали! Да еще какую!

Перейдя с официального тона на неофициальный, Толя разгорячился и в первую минуту ничего, кроме восторгов, которые меньше всего интересовали командира, изложить не мог. В его рассказе путались взрыв гранаты, какой-то мальчишка и власовцы на автомашинах.

— Послушай, Толя, давай быстрее... — серьезно заметил ему Александр Иванович. — Ты дело говори!

Успокоившись, Бриллиантов рассказал о проведенной операции уже более связно.

...Удобное место для засады долго не могли подобрать. Потом Подсекин остановился на одном из поворотов шоссе Струги Красные — Новоселье, где редколесье подходило к самой дороге.

У полотна шоссе оставили Николая Рогова, вооруженного противотанковой гранатой, и Толю Бриллиантова, который должен был вести наблюдение. Обоих тщательно замаскировали. Остальные бойцы отошли назад метров на пятьдесят — шестьдесят. Подсекин строил расчет на том, что разглядеть с автомашины между мелькающими стволами деревьев цепь бойцов, которая начнет приближаться к дороге, будет трудно.

В «секрете» время всегда тянется страшно медленно. День был жаркий. Толя изнывал от жары, по лицу у него стекали капли пота, под рубашкой ползали по телу муравьи и лесные жуки. Но он не шевелился.

На шоссе показались три девушки, которые с узелками в руках шли в Струги Красные. Решив отдохнуть, они свернули с дороги прямо к тому месту, где лежал в «сек-

рете» замаскированный Толя. Одна из них едва не задела ногой его карабин, спрятанный в траве. Усевшись рядом с Бриллиантовым, девушки затеяли разговор, явно не предназначенный для мужских ушей. Толя краснел, готов был лопнуть от бешенства, но не шевелился.

Поболтав минут десять, девушки поднялись и пошли дальше. Солнце припекало все сильнее, и Толя ругал себя последними словами за то, что согласился залечь в «секрете». Шоссе оставалось пустынным, и ему уже казалось, что засада не будет удачной.

Около трех часов дня наконец раздалось гудение автомобильных моторов. Бриллиантов пригляделся к шоссе и увидел, что колонна большая. Впереди шел легковой «мерседес» с откинутым тентом, за ним — грузовики с открытыми кузовами. Тотчас Толя подал условный сигнал, и двенадцать человек позади него приготовились.

Когда шум моторов приблизился, Подсекинскомандовал:

— Пошли!

Цепь поднялась, быстрым шагом двинулась вперед. Тут же Володя увидел прямо перед собой, у шоссе, неизвестно откуда взявшегося деревенского мальчишку с лукошком в руке. Увидев, что лес ожил, мальчишка заметался. Справа были немцы, слева — партизаны, и он оказывался в центре боя.

— Беги, чертенок! — закричал ему Володя, надеясь, что немцы не услышат его голоса из-за шума моторов. — Ложись!

Но парнишка продолжал метаться. Немцы обратили на него внимание и тут же заметили приближающуюся цепь бойцов. «Мерседес» резко затормозил, но Коля-черный в то же мгновение метнул в него противотанковую гранату. Раздался сильнейший взрыв, и в воздух взлетел столб песка и пыли.

Первая грузовая машина свернула в кювет. Ее кузов, открытый сзади, оказался под огнем разведчиков. Такая же судьба постигла и вторую машину, развернувшуюся поперек шоссе.

Под автоматным огнем эсэсовцы пытались выскочить из машин, залечь. Но это удалось лишь немногим. Власовцы, которые ехали в хвосте колонны, в панике открыли огонь и принялись бросать гранаты. Однако они не долетали до атакующих и рвались среди эсэсовцев.

На дороге творилось нечто не поддающееся описанию.

— Вперед! Добивай гадов! — с тем чтобы его слышали на шоссе, громовым голосом закричал Подсекин.

Эти слова, по договоренности, означали сигнал отхода. Цепь начала выходить из-под беспорядочного огня противника.

Когда они уже быстро шагали лесом, заметили, как на отдаленном взгорке мелькнула серая рубашка парнишки, едва не сорвавшего им операцию. Бросив лукошко, он со всех ног удирал к своей деревне.

В лесу «лужане» разделились. Володя с тремя бойцами ушел на новое задание и поручил вести на базу остальных Бриллиантову.

Толя был весь под впечатлением удачного боя, кипел, жестикулировал:

— Ей-богу, Александр Иванович, не жаль, что оружия не взяли! Ей-богу! Зато погром устроили гадам по первому разряду!

Результаты «погрома» они узнали чуть позднее. Агроном Иванов из административно-хозяйственного управления в Стругах Красных, который начал передавать разведчикам через Елену Дмитриевну Петрову весьма ценную информацию, сообщил, что немцы понесли в этом бою тяжелые потери. Оставшимся в живых эсэсовцам крепко нагорело от начальства, а с сопровождавших их отборных власовцев были сняты ефрейторские нашивки «за неорганизованность и плохую помощь германским войскам».

БУНТ НА СТАНЦИИ ДИВЕНСКАЯ

С тяжелым сердцем отправлялся Александр Иванович в Букино, на условленное свидание с братом Ивана Варфоломеева Николаем. Дуся Степанова сообщила «лужанам», что немцы отпустили Николая домой, на побывку, и что он ждет с нетерпением кого-нибудь из разведчиков.

Весьма противоречивые мысли одолевали командира «лужан» в этот момент. Если бы речь шла только о его личном мнении, то Александр Иванович считал бы необходимым разговаривать с власовцами только на языке оружия. Он разделял ту смертельную ненависть, которой ненавидел так называемую «Русскую освободительную армию» весь народ. Ни для кого не было секретом, что немцы вербовали в нее махровых изменников, преступников и садистов. Власовцы были жестокими карателями. Переодевая «под партизан», гестапо использовало их для

самых разнообразных провокаций. На оккупированной территории к ним прочно прилепилась кличка, данная крестьянами, — «бандюги».

Иванов думал о том, что жизнь загадывает порой очень странные загадки. Семью Варфоломеевых он знал еще с трудного сорок второго года. Это была семья советских патриотов, которая при любых обстоятельствах готова была оказать разведчикам любую помощь. Все тут рисковали жизнью. Мария Капитоновна по поручению «лужан» совершала дальние поездки, вплоть до Плюссы, собирая сведения, устанавливая новые связи, добывая для разведчиков керосин, соль, спички, батарейки, бумагу. Ее сын Иван стал одним из активнейших связных чекистов. А вот сын Николай носит форму РОА...

Однако какие бы мысли ни одолевали командира группы «Лужане», он был обязан действовать так, как от него требовали инструкции Центра. А эти инструкции недвусмысленно и определенно заставляли его подробно разбираться в каждом отдельном случае предательства. Центр требовал, чтобы те люди, которые случайно оступились, неумышленно встали на путь пособничества оккупантам, могли получить возможность исправить ошибку, кровью искупить свою вину перед Родиной. Боевое задание обязывало также командира группы вести подрывную деятельность во вражеских гарнизонах, разлагать части противника и его вспомогательные подразделения. А это было невозможно без прямых контактов с ними. Александр Иванович привык иметь дело со старостами, «тайниками», карателями. Но РОА... Тут у него в душе все кипело.

Иванов вошел в Букино совершенно открыто: он знал, что весь немецкий гарнизон, занимавший обычно эту староверскую деревню, направлен комендатурой на несколько дней на проческу лесов у железной дороги. Поэтому он спокойно шагал по деревенской улице, где обычно не мог появиться никто из «лужан», и не спеша повернул к избе Варфоломеевых.

Поправив автомат на груди, он переступил через порог. В большой кухне с русской печью были трое — Мария Капитоновна, Иван и худощавый белобрысый парень во власовской форме, без ремня сидевший за столом, — Николай.

Александр Иванович молчал, разглядывая его. Молчал и Иван, глядя на автомат на груди командира «лужан». Что ни говорите, а встреча чекиста с власовцем во вражеском тылу была событием драматическим.

Тишину нарушила Мария Капитоновна. Прислонясь к печке, она тонко заплакала и запричитала:

— Не по своей воле он туда пошел!

Иван стоял у дверей, всем своим видом показывая, что не будет ни обвинять, ни защищать родного брата.

Александр Иванович вздохнул:

— Не по своей воле? Может, его туда кто силком тащил?

Лицо у Николая передернулось и побледнело. Он встал из-за стола, приблизился к Иванову.

— Кто тащил? А это ты видел, начальник?

Дрожащими пальцами он раздвинул губы и показал остатки зубов. Потом, повернувшись к Александру Ивановичу спиной, задрал мундир и рубаху. На спине его четкими полосами выделялись шрамы от плетей.

— Это ты видел? Думаешь, раз власовец — так, значит, фашист? Я к немцам пошел, чтобы от смерти уйти. Оставалось только в землю ложиться... Подумал: «Пожи-ву еще, вывернусь, да еще с ними и посчитаюсь». Эх, да что говорить!

Он с отчаянием махнул рукой.

— Кончай базар, — сказал Иванов. — Многое я видел. Ничем меня не удивишь.

Он неторопливо снял автомат, положил его на лавку, присел к столу. Вернулся на свое место и Николай.

— Рассказывай, как попал к Власову.

— На фронте, во время операции, был ранен, попал в плен, в лагерь... Лагеря у немцев для военнопленных разные. В одних просто голодом морят. В других заставляют работать и бьют, как собак. Я попал туда, где бьют. Еще, на счастье, рана поджила... Работал на лесоповале. И не знаю, как жив остался. Забивали там людей до смерти. Приехал в лагерь власовский вербовщик. А мы слышали, что нас должны перегонять глубже в тыл. Как немцы перегоняют военнопленных, всем известно: дойдет до лагеря треть, четверть, остальных по дороге расстреляют. А от того лагеря до следующего опять четверть дойдет... Дело было ясное — хана! Ну, мы с ребятами и записались...

— Где стоит часть?

— В Дивенской.

— Отдельный батальон?

— Да.

— Что делаете?

— Охраняем станцию, склады, эшелоны, которые приходят.

— Немцев в батальоне сколько?
— Двадцать.
— Живете вместе?
— Территория одна, а живут немцы в отдельной казарме.

— Какие отношения с немцами?

— Никаких. Они считают: раз служишь — значит, служи. В душу же они к нам не влезут. Да они над этим и не задумываются.

— А настроенные какое у власовцев?

— Да никакого настроения нету... Всем кисло. У нас собрались «добровольцы» липовые, настоящих нет.

— Есть такие, кто принимал участие в казнях, в расстрелах мирного населения?

— Человек пять... Они этим не хвастаются, но мы знаем.

— Многие, говоришь, хотят уйти в партизаны?

— Очень многие.

— А уйдут?

— Уйдут. Меня, если хочешь, сейчас возьми с собой. Александр Иванович задумался.

— Нет, не возьму. Один ты нам не нужен.

Командир «лужан» был по натуре человеком очень честным, а в особо трудных случаях прямою полагал лучшей политикой.

— Видишь ли, попадись ты мне со своими соратниками в лесу, в бою, я бы вас прямым ходом отправил на тот свет. И рука бы у меня не дрогнула, — продолжал он. — Если мы сейчас с тобой говорим, то не потому, что я, Ильин, человек добрый. Не во мне тут дело. Родина дает тебе возможность искупить свою вину... Вольная или невольная была измена, в этом мы потом разберемся. А пока договоримся так. Один ты нам не нужен. Дешево хочешь отделаться. Если твои приятели захотят смыть позор, выступить против немцев, тогда другое дело. Сможешь поднять весь батальон?

Николай смотрел на него горящими глазами.

— Смогу!

— Получишь от нас листовки, распространишь среди власовцев. Когда все будет готово, поднимешь батальон. Опасайся провокаторов, гестапо... Строй все дело на своих, надежных людях. Немцев уничтожьте. Карателей, у кого кровь на руках, тоже ликвидируйте сами... Придешь к нам вместе с другими, обязательно — с оружием. Рисковать своими людьми, чтобы добыть вам оружие, я не

буду. Еще не известно, какой прок от вас получится. Сколько времени тебе надо?

— Недели две.

— Так и будем считать: две недели. Поднимешь батальон, с немцами придется воевать. А это дело, как знаешь, нелегкое. Немец воевать умеет. Не прихлопнули бы они вас сразу...

— У нас — человек двадцать бывшего комсостава. От немцев они это, конечно, скрыли, выдали себя за рядовых. Но я командиров знаю.

— Это лучше. В бою будете действовать грамотно... Значит, договорились обо всем. Связь с тобой будем поддерживать через твою родню.

Мария Капитоновна и Дуня, жена Николая, по пропускам комендатуры несколько раз ездили в Дивенскую, отвозили туда листовки, полученные от «лужан». Возвращаясь, они рассказывали, что дела у Николая идут хорошо, что ему удалось привлечь к предстоящему выступлению большую часть солдат.

К сожалению, Варфоломееву не удалось предупредить «лужан» о дне, когда это произойдет. Батальон взбунтовался почти стихийно, неожиданно. Перебив немецких офицеров и охранников, он покинул станцию.

И тут восставшие допустили крупную ошибку. Им надо было бы, прикрываясь засадами, уходить глубже в лес, в болота. Но их новые командиры не имели опыта партизанских действий. Батальон в полном составе стал продвигаться вдоль железнодорожного полотна, а затем вдоль шоссе. Это позволило оккупантам быстро стянуть силы, окружить его и дать бой. В неравном бою многие бывшие власовцы погибли, а те, кому удалось вырваться из кольца, разбились на мелкие группы и ушли в леса искать партизан.

Известие о восстании власовцев принес вернувшийся из разведки на базу Миша Антонов.

— Дуня Степанова просила передать, что Колька Варфоломеев здесь, нас ищет.

— А где он?

— В лесу у Лоховы.

Наступал вечер. Александр Иванович позвал Подсекина и сказал ему:

— Придется идти туда прямо сейчас. Возьми Мишу, Толю и еще нескольких бойцов.

— Зачем так много, Саша?

— Береженого, Володя, бог бережет. Боюсь, не было бы тут провокации. Не нарвитесь на засаду.

Группа к ночи вышла к уже спящей Лохове. «Лужане» блокировали деревню, выставив с обеих ее сторон на дороге посты.

— Никого не выпускать, — сказал Володя. — Если кто попробует выйти — задержать до моего прихода. Я с ним поговорю, выясню, куда он по ночам бегает, вместо того чтобы спать.

Рядом с Лоховой, в Букине, опять стоял крупный гарнизон, и Подсекин принимал в данном случае элементарные меры безопасности. Если какой-нибудь «тайник» захочет оповестить немцев, то будет задержан.

Обеспечив таким образом порядок в тылу, Володя подошел к дому Степановой и осторожно постучался. Через минуту Дуня открыла дверь.

— Володя-партизан? — узнала она Подсекина. — Коляка в лесу, километрах в трех от деревни. Их двенадцать человек, пулемет один, остальные — автоматы.

— Направление покажи, — попросил Подсекин. — Там?.. Понятно.

Вместе с бойцами заместитель командира группы начал пробираться по лесу. Сам он шел впереди, ребята двигались за ним метрах в семидесяти, держа оружие на боевом взводе. Еще издали он заметил в лесу огни догоравших костров. Неслышно подобравшись поближе, увидел, что на маленькой полянке у костров спят двенадцать человек. Часового они не выставили. Оружие лежало на земле под елью. Тут же стоял тяжелый танковый пулемет на треноге.

— Вояки! — с сердцем прошептал Подсекин. — Разлеглись тут, как дома. Бери их голыми руками...

Он жестом показал бойцам, чтобы они отрезали спящих от оружия. Секунду помедлив, он озорно рявкнул:

— Встать!.. Клади оружие!

Бывшие власовцы суматошно вскочили, бросились к своим автоматам. Но тут их встретили стволы оружия «лужан». Пришлось им отпрянуть.

Николай Варфоломеев увидел Володю и кинулся к нему.

— Рыжий, так это вы! — сказал он с облегчением и добавил: — Видишь, сделал все, как обещал. Десять дней к вам пробиваемся.

— Сделал ты, Коля, неплохо, — ответил Подсекин. — Но кто же так в лесу спит, без охранения, без часового?.. А если немцы?

— Так ведь уж и драться нечем, — вздохнул Варфоломеев, — патроны на исходе.

— Забирайте оружие, — разрешил Володя, делая знак своим, и затем скомандовал: — Становись!

Он подошел к шеренге из двенадцати человек.

— Фамилии называйте. Знакомиться будем.

— Замятин... Горбунов... Лукомский... — прозвучали отрывистые голоса.

Заместитель командира группы окинул всех взглядом:

— Будете жить в лесу вместе с нами, ходить на задания под командой нашего человека. Вину свою перед Родиной искупите кровью, в бою... Направо!.. Цепочкой, скрытно, за направляющим — марш!

Через несколько дней к группе «лужан» прибились еще семеро бывших власовцев. Остальные солдаты восставшего батальона, уцелевшие после боя с немцами, вышли в расположение 2, 5 и 6-й партизанских бригад.

В ВОЛЧЬЕМ ЛОГОВЕ

— Слушай, Саша, а ниточка к трем мародерам, кажется, все-таки нашлась, — сказал однажды Володя командиру. — По всем приметам один из трех — Сергей Абрамов, который до войны жил в Лохове.

— А кто из родни у него там?

— Отец и мать.

— Думаешь, знают?

— Уверен. Ведь столько времени сын рядом скрывается. С родителями у него наверняка связь есть.

Александр Иванович задумался.

— Придется начинать с родителей... Давай, Володя, договоримся так. Мне завтра все равно надо быть в Лохове. Я зайду к Абрамовым, поговорю с ними. А потом мы сообразим, как поступить.

Отец Сергея Абрамова, немолодой, но крепкий бородатый мужчина, принял Александра Ивановича ночью в своем доме без тени страха или смущения. Командир «лужан» извинился перед ним и его женой, что поднял их в такое время.

— Дело меня привело к вам, — сказал Александр Иванович. — И немаловажное.

— Будьте гостем, товарищ Ильин, — сказал крестьянин. — Усаживайтесь.

— Спасибо на добром слове. Постою, некогда... Зашел я узнать, где находится ваш сын Сергей.

Крестьянин пожал плечами.

— Откуда знать? Был на фронте.

— В пехоте?

— Да.

— Рядовой?

— Лейтенант.

— Командир, значит,— сказал Александр Иванович.— А у меня есть сведения, что Сергей вместе с двумя людьми скрывается в лесу под Лоховой.

— Ничего об этом не слышал,— угрюмо сказал крестьянин.

— Не слышал — не надо. Настаивать не буду. Но меня выслушай, отец, внимательно. Троица эта хочет отсидеться в лесу до конца войны, когда весь народ с немцами воюет. Это дезертиры. В придачу они, выдавая себя за партизан, грабят крестьян. Это мародерство. За оба эти преступления во время войны полагается одно наказание — расстрел. Я отдал приказ своим бойцам ликвидировать всех троих при первой же встрече... погоди, не перебивай меня. Я уже слышал, что ты ничего не знаешь... Хочет твой сын спасти свою жизнь — пусть является вместе со своими приятелями к нам с повинной. Не явится — пусть пеняет на себя. Возьмем мы его все равно — не сегодня, так завтра. Тогда пощады ему не будет. А слово наше, как ты знаешь, твердое.

Собеседник Александра Ивановича молча глядел в пол.

— ...Поразмысли об этом. Через несколько дней к тебе заглянет Рыжий. Скажешь ему, что вы надумали. Будь здоров!

Авторитет группы и каждого ее участника был так велик у крестьян, что отец Абрамова не сомневался ни в одном слове Александра Ивановича. Он знал, что как тот сказал, так и будет. Поэтому Александр Иванович на базе лишь коротко сообщил Подсекину:

— Думает отец Абрамова, хоть придумывать ему особенно нечего. Когда, днями, будешь в Лохове, загляни к нему и веди всю троицу «партизан» сюда. Посмотрим тут, что с ними делать.

И вот, возвращаясь из обычного рейда, Подсекин вместе с Мишей Антоновым, Яшей Морозовым и Мишей Григорьевым зашли в деревню за очередными сводками от Елисеева и Ярмистого. Получив сводки, разведчики прошли к дому Абрамовых. Отец лейтенанта встретил «лужан» на пороге, и не успели они еще войти в избу, как он сказал:

— Сергей просил передать, что хочет уйти в ваш отряд.

— А двое, которые с ним?

— Тоже.

— Кто они?

— Один — Петров. У него тут живут отец и мать.

Другой — Виктор. У него — мать и жена.

— Все лоховские? — спросил Подсекин.

— Да, наши.

— Как договорились о встрече с нами?

— Сергей просил привести вас в лес, к логову.

Подсекин подумал секунду и решительно сказал:

— Пошли!

Было часов одиннадцать вечера, совсем уже стемнело, лес был влажным после вечерней росы. Володя и Абрамов шли впереди, трое бойцов, в отдалении, сзади. Все дальше углублялись они в лесную чащобу. Пройдя километра четыре, Абрамов остановился и постучал палкой по стволу дерева.

Никто не отзывался. Он постучал еще раз. Ответом было молчание. Абрамов стучал по дереву еще раз пять, прислушиваясь, прежде чем Володя разглядел между деревьями темный силуэт, который тотчас метнулся в сторону.

— Сергей, — позвал Абрамов, — за тобой пришли. Это те люди, о которых я говорил.

Из-за деревьев к ним нерешительно приблизился парень.

— Здравствуйте, — сказал он негромко.

— А где еще двое?

— Они в логове, уже спят.

— Ну, Сергей, веди меня, показывай ваше жилище.

«Жилище» представляло собой небольшой бугор в чащобе, с дырой, похожей на волчий лаз. Когда Володя присмотрелся, он понял, что бугор искусственный, сложенный из небольших бревен, покрытых сросшимся дерном. Он нагнулся к дыре, от которой на него пахнуло гнилой соломой и отбросами, и сказал:

— Ну-ка вылезайте. Гости к вам пришли.

Из логова можно было выбраться только ползком. Поэтому вначале показались приклад винтовки и ноги человека, затем его туловище. Вылез первый — молодой парень. За ним второй. Этому было уже за тридцать. Володя заметил, что все трое страшно грязны, лица у них были опухшие и заросшие. «Ну и фрукты!» — подумал он с удивлением.

— Побудьте на месте, — приказал Володя и быстро обследовал место вокруг логовища.

Все было загажено, завалено отбросами. Вонь била в нос. В темноте светились пеньки деревьев, срубленных на топливо.

— Да, — заявил, вернувшись, Подсекин, — дорогой ценой спасали вы свою шкуру. Не позавидуешь. Пошли!

Рано утром Александр Иванович увидел, как в группе бойцов ко «дворцу» подходят три незнакомых человека в рваной одежде.

— Вот, Саша, — сказал Подсекин, — могу тебе представить тройку неуловимых «партизан», которые действовали длительное время в Плюсском районе.

Иванов осмотрел пришедших.

— Винтовки оставьте здесь, — распорядился он. — Сейчас вас накормят и укажут, где вам можно отдохнуть. Потом вас вызовут. До опроса каждого, который я произведу, между собой ни о чем не разговаривать. Такой порядок для всех, поступающих впервые на нашу базу.

Через час «отважных партизан» по одному начали вызывать во «дворец», где находились Иванов, Толя, Миша Антонов и Сева.

Первым был Петров. Он сильно нервничал.

— Рассказывай свою историю, — приказал Иванов.

— В начале войны я попал в плен под Лугой, бежал и задумал пробраться в Лохову. В одиночку идти к линии фронта не решился. Так и остался здесь.

— Ты — боец Красной Армии. Почему отсиживался, а не ушел в партизаны? Тут проходил отряд Грозного и другие, неоднократно бывали подрывники. Почему ты решил спрятаться?

— До осени сорок второго года у меня не было встреч с партизанами. А осенью я добровольно ушел в отряд товарища Чебыкина. Но не повезло. Нас с Викторовым послали на задание, а когда мы вернулись, отряда на месте уже не было. Пришлось снова прятаться в лесу.

— Тут недавно проходила пятая партизанская бригада. Почему не присоединились к ней?

Чувствовалось, ответ у Петрова был заготовлен заранее:

— Мы в это время уходили к Пскову искать партизан. Не нашли. А когда вернулись, бригады уже не было. Слышали только, что она ушла за шоссе.

— Почему к нам сразу не присоединились?

— Мы о вас не знали.

— Что, в Лохове мы неизвестны?

— В свою деревню мы не заходили. Боялись, что про-

даст немцам староста. Боялись, что арестуют и расстреляют. Продукты приходилось добывать на стороне.

— О том, как вы добывали продовольствие, мне хорошо известно, — сказал Александр Иванович. — И если хоть один из вас впредь самовольно, без разрешения, возьмет кусок хлеба или крынку молока — расстреляю на месте.

Петров дернулся и умолк.

— Винтовку мы тебе вернем. Но без патронов, — продолжал Иванов. — Оружие держи в порядке. Заслужишь — получишь и патроны. Задания пока будешь получать только по базе. Иди!

Вторым вызвали высокого, рыжеватого.

— Виктор, интендант Красной Армии, — представился он.

Этот, успев заметить, что Петров вышел из «дворца» с винтовкой, держался увереннее, наглее. Он развил ту же версию, которой придерживался Петров: отстали от отряда Чебыкина случайно, ходили под Псков... Александр Иванович спросил, куда именно они ходили, Виктор начал путаться. Но Иванов не стал ничего уточнять, и бывший интендант снова приободрился.

— Очень жалею, что отстали от своих. Думаю, что сейчас я командовал бы в бригаде отрядом. Ведь опытных командных кадров в партизанских соединениях очень не хватает.

— Виктор, — «ласково» спросил Иванов, — а совесть у тебя есть?

— Какая совесть?

— Обыкновенная. Люди жизни своей не жалеют, сражаются с фашистами, а ты только мародерством занимался.

— Мы без дела не сидели! — возмутился Виктор. — Под моим руководством наша группа вела наблюдение за железной дорогой и за шоссе. Я все записывал...

— А зачем? Вы что, передавали кому-нибудь сведения? Связь у вас была?

Виктор молчал.

— Наверное, он вел записи для музея, который собирался открыть в Лохове после войны, — сказал Подсекин.

— Здорово! — засмеялся Бриллиантов. — Музей героя-интенданта Викторова, спасавшего свою шкуру в дни войны в волчьем логове!

Миша Антонов сплюнул и заметил:

— Ну и подлец!

Тишина настала во «дворце». Ее прервал командир группы:

— Оружия мы тебе не вернем. Но и арестовывать не будем. Станешь заниматься хозяйственными делами. За пределы базы без команды выход тебе запрещен. Попробуешь выйти — часовые пристрелят. А пока — иди!

Затем вошел Абрамов, парень небольшого роста, со следами военной выправки.

— Какое училище кончал? — спросил Иванов.

— Курсы комсостава.

— Как попал в логово?

— Был ранен под Псковом, бежал из плена с группой красноармейцев. Вместе добрались до нашей деревни. Здесь мне стало хуже, крови много потерял. Ребята пошли пробиваться к своим, а мне пришлось остаться.

— Когда рана поджила, мог уйти к партизанам?

Абрамов потупил голову.

— Мог...

— А вместо этого занялся мародерством?

— Было такое, — совсем тихо ответил Абрамов.

— А почему? Ты же красный командир. Как ты забыл все, чему тебя учили, свой долг перед Родиной?

— Не так просто. — Бывший лейтенант говорил с большим трудом. — В первое время я думал только о том, чтобы бороться с немцами... Потом встретился с Викторовым и Петровым. Держаться кого-то мне ведь надо было... Прожил с ними несколько месяцев и стал таким же, как они... Могли мы уйти в партизаны. Не пошли. И у крестьян воровали... Правду говорю. Делайте со мной, что хотите.

— Но как ты мог связаться с этой трусливой шантрапой!

Абрамов молчал, потом поднял голову.

— Товарищ командир, если можно, сохраните мне жизнь, разрешите искупить вину перед Родиной. Дайте самое опасное задание, я вас не подведу. Хочется снова стать человеком.

Иванов посмотрел на своих товарищей. Те глядели на бывшего лейтенанта с осуждением, но молчали.

— Мы вернем тебе винтовку, Сергей, — сказал Александр Иванович. — С патронами. Будешь ходить с нашими бойцами на задания. Если где-нибудь струсишь, заколеблешься — получишь пулю от своих же. Отличишься в бою — будешь равный со всеми. Понял?

Так и остались эти три человека в группе «лужан». Один с винтовкой, но без патронов. Другой вовсе безо-

ружный. И только третий, Сергей, стал выходить с разведчиками на задания. Александру Ивановичу говорили, что действует он неплохо.

ПОП И СТАРОСТА

С некоторых пор большой популярностью у крестьян стали пользоваться проповеди священника погореловской церкви отца Василия. Очень актуально, как бы мы сейчас сказали, выступал батюшка.

«Горе и скорбь царят на русской земле. Долго терзал ее злой враг. Наступило время испытаний нашего духа и нашей веры,— возглашал с амвона отец Василий.— Придет настоящий хозяин и спросит: «Чем ты мне помог в суровую пору?» И грозен будет голос хозяина, если тебе нечего будет ответить, если в трудное время ты отвернулся от него...»

Присутствовали на проповедях погореловского священника, конечно, и старосты деревень, и полицан. Станные мысли вызывали у них эти проповеди. Что подразумевал в них отец Василий? Кто такой «злой враг», который терзал русскую землю? Это вроде большевики. А кто такой «настоящий хозяин»? Это, конечно, германская армия. Все, кажется, правильно, но все-таки что-то еще есть... Что же? Неужто наоборот? Нет, страшно подумать... Да такого и быть не может!

Отец Василий появился в Погорелове в самые первые дни оккупации. Немцы привезли его откуда-то из Западной Белоруссии. Тогда, учитывая «исконную тягу русского народа к православному веру», они повсюду открывали небольшие церквушки. Были оборудованы даже колокольни, на которых висели маленькие колокола, «эрзац-колокола», как их метко называли крестьяне.

В Погорелове отец Василий прижился. Службы он отправлял регулярно, со знанием дела, был прост, сам пахал, сам косил и не чуждался крестьянского самогона. Крестьяне отмечали про себя, что новый поп не очень охоч провозглашать победу германскому оружию, хотя в Погорелове постоянно стоял крупный немецкий гарнизон и солдаты нередко заглядывали из любопытства в церковь, наблюдая «варварский обряд из Византии».

Что же касается проповедей, создавших отцу Василию столь широкую популярность, то их появлению предшествовали события, о которых следует рассказать.

Как-то ночью Володя и Толя пробрались в Погорело-

во, чтобы передать свежие сообщения Совинформбюро местной учительнице — Дине Куницыной. Все прошло нормально, и надо уже было уходить, потому что торчать в центре немецкого гарнизона — занятие не из приятных, как вдруг Подсекина осенила идея:

— Давай заглянем к попу...

— Зачем? — изумился Толя. — На кой он нам сдался?

Володя был личностью отчаянной, да и озорства в нем хватало. Бриллиантову, как человеку положительному, не хотелось «заводиться» и идти в данном случае у товарища на поводу.

— Как зачем? — объяснил ему Володя. — Поп в деревенской жизни это фигура. Вот и надо посмотреть, чем он дышит.

— «Чем дышит...» — передразнил его шепотом Толя. — Да он такой шухер поднимет, что мы с тобой и пятки не успеем смазать... А тут кругом немцы.

— Я ему подниму шухер! — сурово сказал Володя. — Давай, Толя, все-таки к нему заглянем. Неужели два боевых разведчика попа испугались?

Подобного упрека Бриллиантов перенести не мог и согласился.

Очень осторожно, огородами, они пробрались к избе попа, и Володя едва слышно постучал. Через несколько секунд, как они заметили по окну, в избе затеплилась свечка. Открыла им попадья, которая, увидев двух вооруженных людей, потеряла от страха дар речи и попятилась. Следом за ней через холодные сени Володя и Толя вошли в избу.

Поп, который спал тут на двух сдвинутых деревянных лавках, уже сидел на своей постели. Грузный, осанистый, бородатый, он молча смотрел на вошедших.

Попадья со свечкой в руках только шептала:

— Свят, свят...

— Окна плотно завесь! — вдруг сказал ей поп, опуская ноги из-под ватного одеяла на пол.

Поставив свечу в стакан на столе, попадья дрожащими руками стала занавешивать окна.

— Чего испугалась? — прикрикнул на нее отец Василий. — Это же свои, русские. Они Россию любят больше, чем мы с тобой. Не страшиться их надо, а помочь им по мере возможности.

Такой встречи разведчики, надо сказать, никак не ожидали.

— Чем полезен могу быть? — басом спросил поп, и по

тону его речи чувствовалось, что человек он не из пугливых.

— Познакомиться зашли,— сказал Володя.— Не бывали у вас никогда, вот и заглянули...

Он чуть не добавил — «на огонек», но вовремя прикусил язык.

— Собери на стол, матушка,— приказал отец Василий, и попадья начала хлопотать у печи. На столе быстро появилось угощение.

На улице стояла полная тишина. То, что к попу могут посреди ночи нагрянуть немцы с обыском, казалось совсем невероятным, и бойцы присели к столу. Наблюдая за тем, как они едят, поп заметил:

— Видать, бедствуете...

— Бывает, что и бедствуем,— серьезно ответил Толя.— Нельзя сказать, что питаемся регулярно. Может, вы нам поможете?

— Отчего же нет, поможем,— деловито ответил поп.— Сумы ваши давайте.

А с продуктами в его доме было не бедно. С помощью попадья отец Василий туго набил оба вещевых мешка разведчиков. Потом сунулся в деревянный шкафчик, достал оттуда две пары белья и запихал их в мешки. А уж об этом они его не просили...

Когда ночью они пробирались по лесу к себе на базу, Володя укорял Толю:

— А ты говорил: «шухер поднимет». Это же не просто поп. Это поп — первый класс. Люкс!

Рассказывая Александру Ивановичу о ночном визите в Погорелово, Подсекин очень нахваливал отца Василия:

— Добрый поп, толковый. Вполне может пригодиться для наших дел. Во всяком случае, попробовать стоит.

— Да ну тебя, Володя! — махнул рукой Иванов.— Попа еще придумал на нашу голову. «Отец благочинный продал ножик перочинный...» Поп есть служитель культа, а религия — опиум для народа. И все дела.

К священникам, раввинам, муллам и прочим лицам духовных профессий Александр Иванович относился без всякой симпатии. Немало повоевал он с ними в свои молодые годы, не раз, бывало, пел: «Долой, долой священников, долой, долой попов...»

Однако командир группы никогда не выпускал из памяти ни одной детали оккупационной жизни на территории, где действовали разведчики. Когда стало совсем неважно с продовольствием и было решено для «подзаправки» потряхнуть погореловского старосту Голикова,

Александр Иванович вспомнил разговор с Подсекиным и стал думать голову над тем, нельзя ли извлечь из ночного знакомства какой-нибудь прок. Подумав, он захватил с собой экземпляр газеты, в которой было опубликовано обращение митрополита Алексия ко всем верующим и священнослужителям.

Из Погорелова, как знали разведчики, местный гарнизон был полностью вывезен на какую-то из очередных операций. «Лужане» блокировали деревню, выставили посты охранения. Боевая группа направилась к дому старосты. Ребята дело свое знали. Александр Иванович с ними не пошел, а направился к учительнице Куницыной. Дину он знал давно, очень уважал ее за помощь, которую она оказывала группе, и за личную храбрость.

Посидев у нее несколько минут, поблагодарив за помощь и передав ей самое последнее сообщение Совинформбюро, Александр Иванович откланялся и направился к дому отца Василия.

Поп жил в обычной, ничем не отличавшейся от других, крестьянской избе. На стук он открыл сам.

Перед Александром Ивановичем стоял полный, крупный человек лет пятидесяти, с густой бородой. Он был в белой рубахе навыпуск, подпоясанной тонким ремешком, в широких домотканых штанах, какие носили крестьяне, и в шлепанцах на босу ногу. Ворот рубахи был расстегнут, и в вырезе виднелась пухлая грудь, покрытая седыми волосами.

Лицо священника было спокойно, в глубоко посаженных глазах светилась хитринка.

— Прошу, прошу, — баском сказал он, поняв, кого видит перед собой.

Александр Иванович прошел в избу, тут ему поклонилась попадья, невысокая и сухая, с худым морщинистым лицом.

— Вы, видать, партизанский начальник, — то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал поп.

— Ну не самый главный начальник, — схитрил Александр Иванович. — Командир группы. Фамилия моя Ильин.

— Знаю, знаю... А крестьяне вас называют Длинным. Так?

— Бывает, — улыбнулся командир «лужан».

— А еще есть у вас Рыжий. Этот у меня был. Бойкий молодой человек, ох бойкий... Да что ж мы стоим?

Поп захлопотал было об угощении, но Александр Иванович остановил его:

— Сначала поговорим.

Они присели к столу. Александр Иванович задал несколько вопросов о приходе, о том, многие ли ходят в церковь, о настроениях крестьян, о взаимоотношениях священника с немцами и оккупационными властями. Поп отвечал с достоинством, без заискивающей торопливости, и — по всем признакам — правдиво.

— Приход небольшой, однако прокормиться можно. Народ разный. Кто нынче зажиточный, вам известно. А то все сплошь бедняки. В церковь народ идет, хотя многие от этого отвыкли и, к слову сказать, не знают даже, как себя во время службы надлежит вести. Церковь дает людям и надежду и утешение... Потом, думаю, многие приходят русское слово услышать, немецкое-то карканье надоело. Все «кар!» да «кар!». Господин комендант вызывает часто, спрашивает, какие, мол, настроения у пасты. Я своему народу не Каин, никаких сообщений не даю... Люди наши угнетены, бедствуют. Особо — переселенцы. Те прямо с голоду мрут, прокормиться им нечем. Тяжело русскому человеку глядеть на эту скорбь. А вспомоществование церковь оказать не может, лишь утешение... Доброхотные подаяния, весь церковный сбор комендатура забирает до копейки.

— А зачем его отдавать? — спросил Александр Иванович. — Сбор, батюшка, можем забирать мы. Вы получите расписку, честь по чести, предъявите ее комендатуре. А мы распределим деньги среди наиболее нуждающихся переселенцев. Нам ли не знать, кто нужду терпит?

Отец Василий вытаращил на него глаза, потом ухмыльнулся в бороду, кинулся за печь и принес металлическую банку из-под кофе, набитую оккупационными марками. Деньги эти имели цену невысокую, но все-таки на них можно было купить керосин, соль, эрзац-табак, завозимые в мизерных количествах хозяевами «нового порядка».

Поп вытряхнул марки на стол, и они вместе тщательно их пересчитали. Александр Иванович сунул деньги в карман. Затем он составил расписку в том, что церковный сбор у священника погореловской церкви принят полностью, проставил сумму и четко расписался: «Ильин». Отец Василий бережно принял у него листок.

— Зело... — одобрительно проговорил он, складывая листок пополам. — Полагаю, однако, что господин комендант будет недоволен.

— Так вот ведь... — Иванов постучал пальцами по стволу автомата.

— Понимаю, понимаю... Взяли, значит, силой оружия. Только не премините упомянуть о том господину коменданту, если он будет спрашивать.— Отец Василий рассмеялся собственной шутке.— Еще чем могу быть полезен?

— Если хотите помочь, батюшка, святому делу освобождения Родины, то, когда поедете в комендатуру, узнайте кое-что в Плюссе. Где стоят охранные части, сколько их. Где у них теперь гестапо...

— Узнаю,— согласился поп и кашлянул.— Хоть и не полагается служителю божьему заниматься подобными делами.

— Бог простит,— сказал командир «лужан».— Теперь хотел я с вами посоветоваться по поводу переселенцев.

— Великие страдальцы, муки их неисчислимы...

— Как вы посмотрите, если я вытряхну сейчас у старосты, у Голикова, все продовольствие и раздам его переселенцам?

Отец Василий задумался.

— Доброе дело. Однако,— он прищурился,— надо так сделать, чтобы староста не знал, кому дадите.

«Хитер ты, батюшка!— с удовольствием подумал Александр Иванович.— Конспирации тебя учить не нужно».

Попадья тем временем накрыла на стол, и дружеская беседа продолжалась за обедом. Иванов передал отцу Василию газету с обращением митрополита, в котором говорилось, что московская епархия жертвует в фонд обороны страны полмиллиона рублей. Поп принял газету с таким трепетом и почтением, что Александр Иванович подумал про себя: «Эге, а дисциплинка-то у вас, пожалуй, покрепче нашей!»

Когда отец Василий прочел обращение митрополита, терпеливо ждавший Иванов спросил:

— Чем лично поможете, батюшка, патриотам? Какую надежду подадите населению?

Поп не ответил, увлеченный какой-то мыслью, но тут же достал лист бумаги, карандаш и принялся сочинять проповедь. Он шевелил губами, насупленно глядел в потолок и писал фразу за фразой: «Дракон, налетевший на нас, терзает и губит тысячи человеческих жизней. Но уже поднимается грозное копьё Георгия Победоносца, которое пронзит сердце дракона, освободит землю русскую...»

Бросив писать, он достал из стенного шкафчика бу-

тылку коньяка и предложил выпить по стаканчику — за Родину. От такого тоста командир «лужан» никак не мог отказаться.

Поднимая стакан, отец Василий торжественно произнес:

— За Россию! Пошла она от Великого Киева и будет пребывать во веки веков!

Выпив, поп понюхал корочку, задумался, потер рукой лоб.

— Чегой-то у нас вчера было?.. — проговорил он будто невзначай. — Ах да. Немцы, когда уезжали, забыли в школе ящик с патронами. Так его себе староста забрал, он сегодня как раз собирался в Плюссу ехать, вести поборы с крестьян.

Александр Иванович не выдержал и рассмеялся.

— Ловко вы, батюшка, выполняете десять заповедей. «Не убий» — а вы даете мне патроны. «Не лги» — я дал вам расписку, что насильно отобрал церковный сбор, хотя вы сами мне его отдали. «Не укради», или, как там у вас говорят, — «не пожелай ни осла, ни вола ближнего своего», а я, с вашего одобрения, вымету у старосты все сусеки.

Сказано это было, наверное, грубо, но Александр Иванович характер имел прямой и камня за пазухой никогда не держал.

Священник хмыкнул и насупился:

— Не след мне с тобой, безбожником, такие разговоры вести. Да и тебе они ни к чему... Оба мы люди русские, одна у нас теперь с тобой боль и забота. А вот одолеем ворога, тогда и о вере можно потолковать.

— Справедливо, — чистосердечно согласился Иванов.

Подсекин оказался прав — поп действительно был толковый. И весьма довольный состоявшимся свиданием, командир «лужан» пошел к дому старосты.

Там дело уже шло к концу. Староста сидел в центре избы на табурете, под охраной Коли-черного, и тупо наблюдал, как рушится его хозяйство.

Голиков был мужичком среднего роста, с бесцветным, невыразительным лицом. Александр Иванович хорошо знал историю его жизни и предательства, знал о преступлениях, совершенных им. Служил староста оккупантам яро, не за страх, а за совесть, как верный пес. А ведь до войны он ничем не выделялся среди жителей деревни, был обыкновенным, рядовым колхозником. «Где раньше таилась твоя гниль? — подумал Александр Иванович. — Что толкнуло тебя, подлеца, в немецкие пособники?»

Над подобными вопросами он задумывался нередко. Работа беспрестанно сталкивала его с десятками людей — глупых и умных, смелых и трусливых, плохих и хороших, упрямых, отчаянных, озлобленных. Одни были готовы на подвиг, другие склонны к предательству. Каждого из новых знакомых надо было понять, оценить по достоинству. Жизнь в жестоких условиях фашистской оккупации иной раз так поворачивала человеческую натуру, что оставалось только удивляться. Иногда «лужане» получали неожиданную помощь, но бывало и так, что предательство скрывалось там, где его не ждали. Как в Погорелове: поп, привезенный оккупантами неведомо откуда, — настоящий патриот, а бывший колхозник — активный пособник немцев.

Александр Иванович подошел к старосте:

— Где патроны?

— Какие патроны? — Голиков заерзал на табуретке. — Не знаю. Вот те крест!

— Ладно, — не повышая голоса, сказал командир «лужан». — Но если найду ящик — вместе с патронами отберу и жизнь.

— А, из школы?.. — сразу вспомнил староста и торпливо махнул рукой. — Там, в кладовке, под половиком.

В сенях бойцы нашли неприметную кладовочку. Там лежали ящик с патронами, большая корзина яиц и здоровый кусок масла. Когда все это внесли в избу, у командира мелькнула мысль: «А не обязать ли старост сдавать продовольственные налоги не комендатуре, а нам... Под расписку. Как церковный сбор».

Александр Иванович посмотрел на яйца, на масло, перевел взгляд на старосту и с удивлением спросил его:

— Голиков, ты что? Нового порядка не знаешь? Теперь весь сбор надо сдавать не в комендатуру, а партизанам. На законном основании, под расписку.

— Попадет мне, — заныл староста. — Выпорют...

— Ничего, от таких-то хозяев тебе розги за ласку покажутся. А расписку я сейчас напишу.

Староста взмолился:

— Хоть знак какой оставьте, что не сам отдал, а по принуждению.

— Это можно. Тем более — просишь, — улыбнулся Александр Иванович. — Коля, дай ему разок...

Коля-черный мгновенно выполнил команду, и староста вместе с табуретом с грохотом отлетел в угол.

Когда он поднялся, глаз у него начал быстро опухать.

Но, получив просимое, староста оживился и даже попытался подсобить одному из бойцов вскинуть мешок на спину.

— А немолотую-то рожь зачем берете?

— На кашу, — огрызнулся боец.

— Спасибо, что масла собрал на заправку, — добавил другой.

— А ну, не суетись! Сядь на табурет, — приказал старосте Александр Иванович и громко спросил: — Подвода нагружена?

— Так точно, товарищ командир! — донеслось с улицы.

— Тогда — трогай!

Подвода существовала только в воображении разведчиков. Не было ни подводы, ни лошади. Разговор этот проводился специально для старосты. Он не должен был знать, что большая часть продовольствия, реквизированного у него, в том числе и немолотая рожь, осталась в Погорелове, в подвалах домов, где жили переселенцы и неимущие крестьяне.

Бойцы продолжали «трясти» хозяйство старосты, чтобы найти обувь и одежду. В одном из шкафов они обнаружили две винтовки-трехлинейки.

— Откуда? — изумился Александр Иванович.

Моргая подбитым, слезящимся глазом, староста начал путано объяснять:

— Когда фронт проходил... подобрал их... хотел отдать...

— Наверное, партизанам?

— Партизанам... — упавшим голосом подтвердил Голиков.

— Силен же ты врать, негодяй! Жаль, что торопимся, а то собрали бы народ и судили тебя. Нелегальное хранение оружия в военное время! Но придется просто забрать. Коля, поставь ему «расписку» под другой глаз.

И староста вторично с грохотом полетел в угол.

Группа, снимая свои сторожевые посты, перешла через реку Плюссу по мосту между Погореловом и Ретениями. Кажется, они здорово напугали старосту... Но как только разведчики исчезли, Голиков кинулся за помощью в соседний гарнизон, поднял там тревогу. И еще долго каратели ползали по кустам на берегах Плюссы, оглашая окрестности беспорядочной стрельбой.

Что же касается отца Василия, то с ним была установлена надежная связь. Не вызывая благодаря своему сану никаких подозрений у оккупантов, он регулярно общал «лужанам» о дислокации немецких частей в

Плюссе. Эти сообщения, как было принято у разведчиков, сверялись с данными, которые доставляли другие люди, и всегда оказывались точными.

Проповеди священника стали пользоваться огромной популярностью. Их эзопов язык понимали все, кому было нужно. Народ в церковь валом валил. И все были довольны. Крестьяне — тем, что слышали в церкви. Комендант в Плюссе — ростом числа верующих. Не были в обиде и «лужане».

Некоторые проповеди отца Василия записывались и переписывались от руки. Володя Подсекин однажды принес такую запись на базу и был от нее в восторге.

— Смотри, Саша, это же настоящая листовка! — говорил он командиру. — А что в ней написано? Слушай: «Помогайте птицам лесным в осень дождливую, в зиму морозную, во все дни и ночи не имеющим крова над головой. Ведь эти птицы охраняют ваши поля и луга от нечисти...» Это ж про нас! Это мы — «птицы лесные»!

— Прямо не поп, а поэт. Молодец, батюшка Василий! — заметил Александр Иванович и добавил: — Когда будешь в Погорелове, предупреди его все-таки об осторожности в проповедях. Не то гестапо возьмет батюшку за рясу. А мы несем за него ответственность.

БИТВА НА РЕЛЬСАХ

«Усиливайте диверсионную деятельность на железной дороге, — гласило очередное указание Центра. — Радируйте необходимость получения взрывчатки, боеприпасов, продовольствия». Александр Иванович немедленно составил ответную шифровку: «Испытываем нужду в толе, детонаторах, автоматных патронах. Продовольствием обеспечиваемся на месте. Просим организовать «посылку» литературы. 10».

После этого обмена радиограммами в одну из ближайших ночей точно на базу «лужан» вышла «сова» и сбросила два грузовых парашюта. В их мешках были упакованы тол, мины, капсюли-детонаторы, патроны, листовки и белье.

«Лужане» продолжали усиленную разведку железнодорожной линии, устанавливали возможность подхода к ней как в ночное, так и в дневное время. Ночью закладка мины для подрыва эшелона оказалась практически невозможной: оккупанты прикрывали линию усиленными патрулями и цепочками гражданского населения.

Решили действовать в семь-восемь часов вечера. Три первых подхода не дали результата: все мины были обнаружены эсэсовской охраной. Каждый раз приходилось поднимать патруль на воздух и уходить. Четвертый подход оказался почти совсем удачным благодаря тщательной маскировке мины, но эшелон шел с такой черепашьей скоростью, что с полотна не удалось сбросить даже паровоз. После подрыва он сошел с рельсов и остался на насыпи, удержанный вагонами и двумя платформами с балластом. Поставили мину без «удочки», она должна была сработать от прогиба рельса. Однако вместо эшелона подошла мотодрезина с охраной. Подброшенная могучим взрывом, она рассыпалась в воздухе, но совсем не за ней охотились «лужане».

— «Гармошку» надо, «гармошку», — повторял Миша Антонов. — Только тол переводим...

Но «гармошка», то есть завал на насыпи из паровоза и вагонов, упорно не получалась. Александр Иванович в целях экономии взрывчатки запретил использование тола при нарушении линий связи противника. На шоссейные дороги Псков — Луга, Плюсса — Милутино, Струги Красные — Новоселье бойцы выходили теперь вооруженные двуручными пилами.

В августе разросшаяся группа разведчиков действовала с четкостью хорошо выверенного и налаженного механизма. Днем и ночью на базе бесшумно появлялись бойцы, ели, отдыхали, уходили на новые задания. Лесной лагерь был тщательно замаскирован. Любая группа, которая возвращалась сюда, приносила с собой издалека свежий маскировочный материал, сушняк для кухни — шалаша, окруженного зеленым заслоном.

Тишина, царившая здесь, действовала радисту на нервы.

— Эх, кончится война... — мечтал Сева. — Первое, что я сделаю, — пойду в лес. Буду орать там во весь голос, песни петь.

Сима Малыгин и пулеметчик Нил уже бродили по лагерю, опираясь на палки. Они с завистью выслушивали рассказы бойцов, которые возвращались с заданий. У них самих работы было немного — только помощь Юре по кухне, и в свободные часы они без усталости «резались» в шахматы. Пулеметчик от такой жизни даже потолстел.

Разведчики продолжали расширять связи в двух районах. Здесь им очень помогла учительница из Сазонова Антонина Рейх, которая, выполняя поручения «лужан»,

Учительница из Сазонова Антонина Рейх и ее отец, деревенский кузнец Артур Арнольдovich Рейх.

отличалась особой дерзостью. И то, что она сделала теперь, было действительно крайне дерзко. Тоня, будучи вызванной в плюсскую комендатуру, похитила там одну из печатей, которыми заверяли справки и пропуска для поездок по оккупированной территории.

«Лужане» получили поистине бесценный дар. Передвижение жителей деревень было сильно ограничено. В случае необходимости выезда за пределы района, в Плюссу, в Лугу, в Псков, крестьянину приходилось обращаться к старосте, который выписывал ему справку о том, что такой-то следует туда-то по такой-то надобности. Справки эти выдавались нечасто и только тем людям, к которым староста питал доверие. Кроме того, справки в обязательном порядке заверялись подписью коменданта и печатью.

Теперь все необходимые документы можно было изготовлять на базе. У Саши Лукомского, бывшего лейтенанта Красной Армии, который пришел в группу вместе с Николаем Варфоломеевым, обнаружился настоящий талант по части подделки почерков и подписей. Он справлялся с этим делом просто лихо. Когда Александр Иванович познакомился с образцами его «продукции», он лишь руками развел:

— Мастер! Где комендант писал, а где Саша — не отличить.

Связные «лужан» из деревень, снабженные надежными документами, получили возможность совершать поездки вплоть до Пскова. Антонина Степановна Целикова установила связь с группой военнопленных врачей, которые работали в плюсском военном госпитале и в больнице, находившейся в Курее. Через нее разведчики стали получать бинты, вату, йод, черемуховую настойку, которая использовалась для промывки ран. Антонина Степановна рассказывала, что хирург, бывший подполковник Красной Армии Андрей Иванович Сокол, создал в госпитале подпольную патриотическую группу и просил ее связать их с партизанами для организации побега.

Сумели разведчики проникнуть и в бывший совхоз «Ретени», который оккупанты превратили в так называемое «государственное имение», снабжавшее продовольствием немецкую армию. Иван Иванович Витковский, бывший директор совхоза, возглавивший теперь по приказу комендатуры «имение», сказал Володе Подсекину при первой же ночной встрече:

— Думаете, легко кормить собственным трудом эту грабьярмию? Помогу вам чем только смогу.

Одним из важнейших событий в те дни была новая встреча с партизанами. В Савин бор для приемки грузов с Большой земли из 5-й бригады пришел отряд Сергея Чебыкина. Снова начались взаимные дружеские визиты.

Эта встреча была особенно важной потому, что приближался Всесоюзный день железнодорожника. По военной традиции в этот день все силы партизан отдавались диверсиям на железных дорогах в фашистском тылу. Уничтожалось все, что только можно было уничтожить, — полотно, рельсы, стрелки, линии связи. Возможности группы в этом смысле, конечно, не шли в сравнение с партизанскими. Бригады ежемесячно спускали под откос десятки вражеских эшелонов, подрывали такое число рельсов, что оно измерялось многими километрами, громили фашистские гарнизоны на железнодорожных станциях. Но «лужане» как боевая единица тоже хотели достойно отметить День железнодорожника.

Появление отряда Сергея Чебыкина на Валдае дало возможность договориться с партизанами о совместных действиях в этот день на «железке». Александр Иванович узнал, что решено обрушиться мощным кулаком на линии Плюсса — Струги Красные. Вместе с партизанским командиром они наметили участок полотна, где должны будут действовать «лужане».

Сергей Чебыкин был молодым, но очень опытным командиром, прошедшим суровую школу партизанской борьбы во вражеском тылу. Несмотря на все испытания, он был энергичен, непосредствен и отличался бурным темпераментом.

Выходя с Александром Ивановичем из «дворца», он вдруг остановился и воскликнул:

— Глазам своим не верю! Эй, «орлы», идите-ка сюда!

Чебыкин имел в виду Викторова и Петрова, которые несли к кухне ведра с водой. Оба нерешительно приблизились к командиру партизан. Видно было, что неожиданная встреча не доставила им удовольствия. Они стояли опустив головы, переминаясь с ноги на ногу.

— Саша, неужто это твои люди?

— Мои и не мои, — пожал плечами Иванов. — Держу их на базе, заданий не даю. Они у нас вроде подкидышей.

— «Орлы!» — повторил Чебыкин, обходя обоих «отважных партизан» и оглядывая их с ног до головы. — Так ведь это же мои... Викторов, Петров! А мы-то вас ждали и не дождались... Думали, может, вы на немцев нарвались. А вы-то живы-здоровы!

Викторов и Петров молчали, отводя глаза.

— Где вы их взяли, Саша?

— Пойманы на воровстве у населения. Отсиживаются в лесу, в логове.

— Ага, — сказал Чебыкин, покачиваясь на широко расставленных ногах. — А ведь они партизанскую клятву принимали. Как она звучала, «орлы»?.. «Я клянусь, что умру в жестоком бою с врагом, но не отдам тебя, родной Ленинград, на поругание фашизму... Если же по своему малодушию, трусости или злему умыслу я нарушу эту свою клятву и предам интересы трудящихся города Ленина и моей Отчизны, да будет мне тогда возмездием проклятие моих родных и позорная смерть от руки товарищей». Так?.. Уже забыли? Что молчите?

Петров потянул горестно носом. На щеках у Викторова заиграли желваки.

— Слушай, Ильин, я у тебя этих молодцов заберу.

— Забирай, — ответил Александр Иванович.

— Наш особый отдел с ними разберется.

Он выдержал паузу и скомандовал «орлам»:

— Ну-ка, марш к нашим бойцам! Передайте им, что вы оба арестованы.

Вместе с отрядом Чебыкина возвращались в свою

бригаду Нил и Нюра. Пулеметчик еще не мог совершать долгие переходы, и по приказанию командира «лужане» угнали для него лошадь из «государственного имения». Провожая Нила, Толя Бриллиантов сказал:

— Если тебя, не дай бог, еще где-нибудь зацепит, приезжай к нам подлечиваться. Воздух у нас тут хороший, кругом сосны, песок.

Пулеметчик только рассмеялся и показал Толе кулак. Нюра, возбужденная, радостная, с мешком за плечами, пришла попрощаться во «дворец».

— До свиданья, товарищи. До свиданья, Саша. Извините, если что сделала у вас не так...

— Тебе, Нюра, за все спасибо,— сказал Александр Иванович.— Если еще удастся встретиться, будешь у нас дорогой гостьей.

С медсестрой «лужане» расставались с большим сожалением. Была Нюра человеком работающим, боевым, хорошим товарищем. Да и пережито вместе было немало. Но, как ни суди, у «лужан» она себя чувствовала словно в гостях, а там, в 5-й бригаде, был ее дом.

Всесоюзный день железнодорожника, вся страна праздновала в воскресенье, а для «лужан» праздник начался еще в субботу, когда вечером группы бойцов начали по заранее разведанным маршрутам выходить к линии железной дороги. К одиннадцати часам все уже находилось на исходных позициях.

Александр Иванович, лежа в кустарнике вместе с Толей Бриллиантовым, поглядывал на часы. Минутная стрелка ползла едва-едва. Между тем железная дорога жила своей обычной жизнью. Проносились мимо эшелоны и дрезины с эсэсовской охраной, грохотали по шпалам сапогами патрули. По обеим сторонам насыпи сидели крестьяне, которым вышла очередь стеречь дорогу.

Без нескольких минут двенадцать Александр Иванович передал по цепи:

— Приготовиться!

Он посматривал на стрелки часов и вглядывался в ночное небо. Когда стрелки сошлись, командир «лужан» увидел условный сигнал — далеко за лесом красной искрой прочертила небо ракета.

— Вперед!!!— в полный голос скомандовал Иванов. Тотчас автоматные очереди ударили по ближайшему патрулю. Женщины, девчонки побежали с насыпи вниз.

Когда Толя Бриллиантов с зарядом взрывчатки в руках выскочил на линию, он увидел рядом с собой дере-

венского старика с палкой, совершенно растерявшегося от неожиданной пальбы.

— Беги, дед. В лес удирай! — крикнул ему Толя. — С праздником тебя, с Днем железнодорожника! — И он подтолкнул его, показывая на ближайшие кусты.

Стрельба из автоматов и винтовок раздавалась вдоль всей линии на протяжении многих километров.

Под рельсы в считанные секунды были подложены толстые шашки.

— Отходим! Назад! — крикнул Иванов, и его команду повторили командиры групп.

Справа и слева дрогнуло небо, осветившееся яркими вспышками. Это вели боевую работу подрывники 2, 5 и 6-й партизанских бригад. Тотчас огнем разорвало темноту над насыпью, где поработали «лужане». Со свистом понеслись по воздуху куски рельсов, камни, куски шпал.

— Володя, к будке! Рваните ее со второго захода! — крикнул Александр Иванович, отводя свою группу в лес.

Тут только треск стоял в кустарнике — бежали с линии крестьяне, пробирались к своим деревням.

Короткий бросок по ночному лесу, и группа снова вышла к линии. Еще одна ракета в небе — и подрыв повторяется.

Взрывы и стрельба на железной дороге гремели всю ночь. Немцы не ожидали такого размаха операции. Патрули и охранные посты были уничтожены или бежали. К утру полотно дороги оказалось разрушенным на протяжении двадцати пяти километров. Попутно было уничтожено все железнодорожное хозяйство — семафоры, стрелки, путевые будки, акведуки.

«Лужане» были в восторге от совместной работы с партизанами.

— Это — силища! — восторженно рассказывал на базе Миша Антонов радисту. — Как начали рвать кругом, ну прямо тебе фронт! Настоящий фронт!

Участок Плюсса — Струги Красные на важнейшей, магистральной прифронтной линии полностью вышел из строя. С понедельника здесь начали накапливаться воинские эшелоны.

Получив об этом известие, Александр Иванович тут же составил радиограмму, которую Сева передал в Центр по «вызывной» волне: «Квадрат 6, крупное скопление железнодорожных составов. 10». Утром, выйдя на сеанс связи по расписанию, Леонардов передал еще одну, более настойчивую шифровку: «Линия забита вагонами. Прошу дать авиацию. 10».

— Дадут, а? — спросил он у командира.

— Может, и не дадут. У фронтовой авиации дел много, — вздохнув, сказал Иванов. — Но надо, чтобы дали. Ох как надо, Севуня!

В три часа дня над лесом прозвучал густой рев моторов. В стороне от базы, вдоль шоссе, пронеслись в сторону Струг штурмовики с красными звездами на крыльях.

Бойцы высыпали из шалашей. Кто-то швырнул от восторга в небо шапку. Кто-то, не выдержав и нарушая правила, принятые на базе, гаркнул: «Ура!» Самолеты, звено за звеном, ушли в сторону железной дороги, и оттуда донеслись звуки тяжелых взрывов, стук самолетных пушек и яростная пальба. Потом звуки штурмовки перенеслись в сторону Новоселья, — это самолеты «утюжили» железнодорожные составы, остановившиеся на полотне.

Когда опустился вечер, было отчетливо видно огромное зарево от горевших вагонов и цистерн. Чем больше сгущались сумерки, тем ярче оно светилось на краю неба.

«Лужане» торжествовали безмерно. Но оказалось, что это еще не все. В ночном небе раздался ровный гул бомбардировщиков. Несмотря на сильный зенитный огонь немцев, они обрушили на горящую станцию и пути бомбовые удары, буквально перемешав с землей часть составов и военные склады. Зарево разгорелось еще сильнее, у самого горизонта оно было белым, раскаленным. Пожар бушевал долго и стих лишь к утру, на фоне светлеющего неба стал заметен гигантский шлейф дыма от горевшей нефти.

Володя Подсекин, который уходил для встречи со связными, чтобы выяснить результаты бомбежки, вернулся чрезвычайно воодушевленным.

— Ну, Саша, такого фашисты у нас еще не видали! — сказал он Иванову. — Станция практически уничтожена. То, что не разнесло бомбами, сгорело. Насыпь на несколько километров забита разбитыми вагонами. Вместо рельсов — лапша. Немцы в полной панике. Подход к станции гражданскому населению пока воспрещен. Хотя агроном сообщает, что комендатура уже готовит приказ о «трудовой мобилизации» для ремонта дороги. Пока там немцы сами копаются. Ну а те, что остались живы, запомнят, какого числа в нашей стране День железнодорожника.

Дорога не работала около пяти суток, несмотря на то что на ее ремонт были брошены специальные саперные

подразделения, а затем и согнано население из окрестных деревень.

Бомбежка была одним из самых крупных событий в жизни разведчиков, и к разговорам о ней они возвращались часто.

Весь август «лужане» провели под знаком Дня железнодорожника. В этом месяце они в общей сложности сорок четыре раза взрывали полотно дороги.

При одном из таких подрывов они чуть не потеряли свою верную помощницу Тоню Рейх, похитившую печать из комендатуры. Хотя прямого отношения к диверсии она не имела.

Вот как это произошло. Рано утром в дом Рейхов вошла дочь сазоновского старосты Екатерина Воронцова и, протянув Тоне заклеенный конверт из грубой бумаги, приказала:

— Доставишь коменданту.

Екатерину в деревне боялись больше, чем старосты. Крестьяне говорили, что она крутит отцом, как хочет, и что главное зло — от нее.

Спорить со старостовой дочкой не приходилось, и Тоня ответила:

— Хорошо, отнесу.

Она споро собралась, получила от старосты справку, что идет по его поручению в Струги Красные, и тронулась в путь.

Путь предстоял немалый, а Тоне, естественно, хотелось знать, о чем староста доносит в комендатуру. Присев у дороги, она покрутила конверт в руках. Заклеен он был неряшливо; наспех, и вскоре учительница извлекла из него донесение.

Староста сообщал «гражданскому коменданту» Струг Красных, что у акведука на железной дороге замечена партизанская разведка, и просил усилить в этом месте охрану.

Тоня задумалась: что же ей теперь делать? Потом она встала и решительно сказала самой себе:

— Подождут!

На пути была деревня Горки, а тут у Тони жила подруга Нина Тихонова. Учительницу в Горках — Елизавету Андреевну Ефимову — Тоня тоже знала хорошо и могла во всем на нее положиться. Дела складывались, одним словом, как нельзя лучше. У подруги Тоня провела два дня и лишь на третий добралась до Струг Красных.

Когда «гражданский комендант» Быков прочел донесение сазоновского старосты, он схватился руками за го-

лову и несколько секунд не шевелился. Его поведение станет понятным, если учесть, что акведук, о котором говорилось в донесении, был взорван за сутки с лишним до этого. Комендант посмотрел на Тоню. Глаза у него были как два бурава.

— Когда вы получили пакет?

— Кажется, третьего дня.

— А почему не доставили срочно?

— Мне никто не говорил о срочности,— капризно сказала Тоня.— Я была у своей подруги в Горках. Ну, загостилась немного...

— А вы знаете, что совершили преступление?

— Какое, господин комендант?

— Из-за вашей медлительности не удалось предотвратить крупную диверсию, совершенную бандитами.

— Господи, «диверсия», «бандиты»... Мне никто не говорил, что в пакете что-то важное! Староста у нас дурак! Мог бы предупредить. Я знаю, что важные бумаги он или сам отвозит, или поручает их полицейским. Тут я просто решила оказать ему любезность, и пожалуйста...

Быков внимательно изучал ее лицо. Оно было спокойным и наивным. Тогда «гражданский комендант», наклонив голову набок, стал о чем-то размышлять. Потом снова резко вскинул на нее глаза.

— Я арестую вас. Вынести решение по этому случаю должен господин немецкий комендант.

Тоня лишь возмущенно пожала плечами.

— Иван!— крикнул Быков.

Дверь приоткрылась, и в щели показалась небритая физиономия полицая.

— Посади ее в камеру.

В камере Тоня провела двое суток, ее никуда не вызывали. Соседкой ее оказалась немолодая бойкая бабенка, очевидно воровка, которая называла Тоню «золотко» и проявляла подозрительное любопытство. Учительница вначале нехотя отвечала, а потом стала брезгливо отворачиваться.

На третий день солдат с карабином отвел Тоню к немецкому коменданту. В его кабинете находился и Быков. Учительница догадалась, что он все уже доложил немцу.

Комендант вышел из-за стола.

— Антонина Рейх... Рейх — прекрасная фамилия,— сказал он с иронией.

Тоня молчала.

— Где ты шлялась столько времени с важным пакетом?— взорвался немец.

— Я уже рассказывала об этом господину гражданскому коменданту.

— Но теперь я у тебя об этом спрашиваю! Ты мне будешь отвечать, русская свинья?!

— Я не «русская свинья»! — возмущенно крикнула Тоня.

От такой дерзости комендант даже подался назад.

— Я — эстонка! — гордо продолжала учительница. — Эстония является союзницей Великой Германии в борьбе против большевизма. Не забывайте об этом, господин комендант!

Немец удивленно поднял голову, а Тоня, не давая ему опомниться, громко продолжала:

— В школе я учу детей, что германская армия является примером и образцом справедливости. Мне хотелось бы получить доказательство этого, а не выслушивать оскорбительные подозрения. Из-за болвана-старосты, который даже не намекнул мне на важность пакета, я двое суток провела в тюрьме, в компании с какой-то грязной женщиной. Я возмущена, господин комендант!

Немец вопросительно посмотрел на «гражданского коменданта». Быков, едва заметно пожав плечами, сказал:

— Я уже докладывал вам, господин комендант, что считаю необходимым наказание старосты. Нельзя прощать такую безалаберность. Надо поддерживать порядок.

Очутившись за воротами комендатуры, учительница вздохнула, сказав себе: «Пронесло...»

И она направилась обратно в Сазоново, мельком подумав о том, что старосте, видно, достанется на орехи.

На железнодорожном полотне оккупанты между тем вели ремонт, и ремонтные работы привлекли внимание «лужан» к объекту, которым им до сих пор заниматься не приходилось, — бывшему леспромхозу «Маяково». Немцы восстановили здесь узкоколейку и на четырех составах, доставленных из Германии, вывозили к железной дороге строевой лес и пиломатериалы.

«Разработку» этого объекта Александр Иванович полностью поручил Мише Антонову. В состав группы вошли Толя Бриллиантов, два Михаила — Герасимов и Селиверстов — и десять бойцов из бывших военнопленных.

Антонов показал, что стал зрелым командиром. По его плану разведчики вначале установили связи с лесорубами и заручились их поддержкой. Трудились там под конвоем полицаев местные жители, мобилизованные оккупантами.

Успешно прошел и сам налет. В коротком бою полицейские были перебиты. Разведчики взорвали два узкоколейных паровоза, мост через Курею, небольшими зарядами तोла повредили колесные пары у большей части платформ. Лесорубы сняли с полотна и утопили в болоте несколько прогонов рельсов.

Антонов с гордостью доложил Иванову, что лесоразработки полностью выведены из строя. Группа его работала основательно: немцы тут не смогли возобновить заготовку леса до самого конца оккупации.

Боевым месяцем был август, и группа «Лужане» работала четко. Произошло лишь одно ЧП, но такое, что заставило всех поволноваться.

После утреннего сеанса связи с Центром Леонардов прибежал к командиру, сунул ему в руки листок с расшифрованной радиограммой и сказал:

— Читайте.

Александр Иванович прочел: «П. казнен как изменник Родины. В. бежал. Может предать. Смените базу. Берегите рацию».

— Упустили негодяя! — выругался он. — Ладно, Сева, будем думать...

Во время вечернего сеанса пришла еще одна шифровка: «Повторяем: В. предатель. Будьте осторожны». Александр Иванович собрал своих товарищей на совет.

— Викторов сбежал от партизан. Центр рекомендует сменить базу. Но нам тут самим виднее... База у нас удачная, все на ней отлажено — защита, подходы, маскировка. Давайте рассудим, чем нам опасен Викторов и в какой степени.

— То, что он нас выдаст, ясно, — подумав, сказал Подсекин. — Чтобы спастись от нас, у него один выход — навести карателей.

— Что ж, он прямо к ним и побежит?

— Нет, — быстро ответил Володя.

— Конечно, нет, — подтвердил Миша. — Идти прямо к немцам он побоится. Ему надо отсидеться где-нибудь, отдышаться. Затем — войти в доверие к старосте или к полицейским. Через них он будет действовать.

— Значит, искать его надо опять в районе Лоховы. Так? Но в старое логово он не пойдет, понимая, что мы его там быстро накроем.

— Не пойдет он на старое место. Но искать надо у Лоховы, — подтвердил Толя. — Больше Викторову сейчас деваться некуда.

— Тогда давайте действовать так... — предложил

Александр Иванович. — Охрану базы мы усилим. Своих людей в деревнях попросим тщательнее последить за перемещениями карателей. Это на тот случай, если наши сегодняшние рассуждения неверны... А сами постараемся перехватить Викторова на подходах к деревне. Дело это сложное, нужны опытные люди. Давайте-ка вы втроем — Володя, Миша и Толя...

Трое разведчиков отсутствовали четыре дня. Викторова им удалось задержать в лесу у Лоховы. Предатель был доставлен под конвоем на базу, судим и приговорен к расстрелу. Бриллиантов привел приговор в исполнение.

ВЛАСТЬ ИЗ ЛЕСА

В Сазонове, в доме деревенского кузнеца Артура Арнольдовича Рейха, где вместе с ним жили его дочь учительница Антонина и шестнадцатилетний сын Николай, состоялось необычное и многолюдное совещание. Председательствовал на нем заместитель командира группы «Лужане» Володя Подсекин.

Володя сидел за длинным дощатым столом и весело смотрел на собравшихся. В этот день он, как говорят, был в ударе.

Во-первых, тема собрания, которое ему поручила провести группа, являлась увлекательной. Во-вторых, что скрывать, Володя всегда оставался неравнодушен к прекрасной половине человечества, а именно она, эта половина, и была широко представлена в доме Рейхов. Через связных сюда созвали учителей со всего района.

Почти всех Володя знал лично: учителя были первыми помощниками разведчиков. Но конспирация есть конспирация, и Подсекин делал вид, что впервые видит Надежду и Марию Петровых, Нину Иванову, Екатерину Ефимову, Надежду Курышеву и многих других.

Учителя здоровались друг с другом, делились деревенскими новостями, сетовали, что приходится встречаться не так часто, как хотелось бы, и с интересом посматривали на Володю, ожидая от него объяснений.

Володя постучал ладонью по столу:

— Тише, товарищи! Прошу внимания.

Все лица обратились к нему.

— Я собрал вас затем, чтобы обсудить вопрос о подготовке к новому учебному году...

Учителя смотрели на него с удивлением, недоумением,

Надежда Васильевна Курышева.

Екатерина Петровна Ефимова.

любопытством. Володя сделал паузу, и в тишине кто-то из женщин произнес:

— Господи, как до войны...

— Не скрою, товарищи, что сельская школа является сейчас отстающим участком,— продолжал Подсекин.— Давайте разберемся: что происходит? Из партизанских сводок, из сообщений Совинформбюро вы знаете, что на южных фронтах Красная Армия гонит фашистов в хвост и в гриву. Противник в панике отступает, теряя сотни танков, самолетов, пушек и автомашин. Здесь, в немецком тылу, с захватчиками героически бьются наши партизаны, нанося врагу немалый ущерб. Час освобождения недалек. Это знаем не только мы с вами, но и наши враги — немецкие пособники и полицаи. Сейчас они поджали хвост, ибо у их хозяев уже нет сил, чтобы удерживать рабский «новый порядок» на временно оккупированной земле. Это земля советская, и порядки на ней будут советские!

Володя говорил чрезвычайно горячо.

— А как школа реагирует на все эти изменения жизни? Слабо, товарищи, очень слабо! Что мы здесь видим? Со стен учебных помещений на наших ребятишек смотрят мерзкие рожи фашистских руководителей и даже самого фюрера!

Раздался смех. Учителя оживились, задвигались. Они с интересом ждали продолжения.

— Нехорошо, товарищи, — укорил учителей Володя. — От имени своего командования я вношу предложение выкинуть из школ эти поганые портреты! Не место им в классах.

— Верно! — не выдержал Иван Яковлевич Андреев и стукнул себя кулаком по колену.

— ...А вместе с портретами выбросить ко всем чертям и фашистские программы. Хватит забивать головы ребят всякой чепухой. Надо учить их по нашим старым, довоенным программам и учебникам. Их, конечно, не столько, сколько надо бы, но я учителей знаю, они хорошие книжки никогда не выбросят. Ведь есть учебники, товарищи?

— Есть... есть... — слышались голоса. — Конечно, храним.

— Если на всех не хватит, программы можно переписать, а учебниками обменяться. Начать новый учебный год по-нашему, по-советски — такова сейчас главная задача!

За столом началось деловое обсуждение. Учителя спорили, советовались. Слово попросила пожилая женщина — учительница из Плюссы.

— Предложение, которое высказал товарищ Попов, безусловно, правильное, — сказала она тихим голосом. — И учебники, конечно, найдутся. Да разве мы детей по фашистским программам учим? Мы ведь только делаем вид. Что тут, среди своих, скрывать?.. Но вот, предположим, выбросил учитель и портреты и программы. Пришли немцы... Что будет? Только то, что останутся ребята без учителя.

— Все равно выкинем! — вскинулась Антонина Рейх.

— А ты, Тоня, не спеши, — остановила ее пожилая женщина. — Надо сделать все правильно. Я думаю, что в этом вопросе партизаны нам должны помочь.

— Поможем! — откликнулся Подсекин. — Вы говорили совершенно правильно. Учителя ставить под удар нельзя. Портреты мы у вас реквизируем. Если надо — сильно отберем. Может быть, учителям даже следует обратиться с жалобой к оккупационным властям на это бесчинство.

За столом опять засмеялись.

— Я серьезно говорю. Пусть господин комендант еще раз поскрипит зубами и покажет свое бессилие. Сделать-то он все равно ничего не сможет... Значит, договоримся так: наши бойцы побывают во всех школах и заберут эту нечисть. Только вы, пожалуйста, не задерживайте ребят, подготовьте все заранее.

Некоторое время спустя «лужане» собрали во всех школах фашистские учебные пособия, программы и портреты. Книги и программы были сожжены, а портреты, по партизанской традиции, пошли на «украшение» уборных и выгребных ям.

Собрание, которое провел Володя в Сазонове, казалось бы, опять-таки не имело отношения к прямым обязанностям разведывательно-диверсионной группы. Но возникла неотложная необходимость заниматься подобными делами, ибо оперативная обстановка продолжала изменяться не в пользу оккупантов. Большинство гарнизонов фашистское командование было вынуждено снять для борьбы с партизанскими бригадами.

Действия крупных партизанских соединений продолжали оставаться для фашистов проблемой номер один. «Лужане» знали, что в район действия бригад оккупанты перебрасывают даже части с фронта. В деревнях Стругокрасненского и Плюсского районов вместо регулярных частей немецкой армии появлялись подразделения эстонских и польских националистов, которые не проявляли особенной прыти в поисках партизан. В полном составе оставались лишь эсэсовцы, или, как их называли, «черношинельники». Их число, пожалуй, даже несколько увеличилось.

Факт оставался фактом: «новый порядок», основанный на насилии, разбое и терроре, начинал трещать по всем швам. Комендатура и оккупационные органы теряли власть в деревнях. И на смену приходила другая власть — из леса.

Мысль Александра Ивановича об изменении порядка сбора продовольственного налога была претворена в жизнь. Как-то ночью Миша Антонов в Тухинях втолковывал местному старосте:

— Так вот, батя, отныне все продовольственные налоги будешь сдавать не в комендатуру, а партизанам. В пятницу привезти собранный налог к шести вечера к Пустому логу и оставить его у трех берез. Наши заберут.

Староста в Тухинях был ледащий, ни рыба ни мясо, готовый служить кому прикажут. Он только вздохнул:

— А в комендатуре я что скажу?

— Так и скажи: вышел, мол, новый приказ от партизанского командования. Или ты хочешь с партизанами воевать?

— Да бог с тобой. Скажешь тоже... — замахал на Мишу руками староста.

— Тогда договорились. Приказ этот строгий. За нарушение будем карать по законам военного времени. Уходя, Миша услышал, как староста со вздохом сказал своей жене:

— Обрато, мать, власть меняется...

«Строгий приказ партизанского командования» был доведен до сведения всех старост. Те поскребли в затылках и согласились. Они-то очень хорошо чувствовали, что власть в районе наступает уже не та... Они ездили на пустых телегах в Струги Красные, плакались коменданту, божились, что «опять партизаны все отобрали». Комендант был в бешенстве, держал старост в «холодной», всыпал им розог. А те, несмотря на все это, исправно доставляли продукты, собранные в виде налогов, в лес, в места, указанные «лужанами». Исключение составляли только те деревни, где продолжали находиться фашистские гарнизоны.

Из многочисленных приказов, распоряжений и предписаний комендатуры неукоснительно выполнялось только одно — выход гражданского населения на охрану железной дороги. За нарушение этого приказа полагался расстрел на месте. Каждый вечер старосты по разнарядке направляли группы крестьян к железнодорожному полотну, где они поступали в распоряжение эсэсовцев.

После некоторых размышлений «лужане» начали наводить свой порядок и здесь. На тропинках, которые вели к железнодорожному полотну, стали появляться группы вооруженных бойцов. Тут у них происходили с крестьянами такие разговоры:

— Стой! Куда идете?

— Известно куда, родимые, — отвечал обычно кто-нибудь из стариков, — железную дорогу сторожить. Староста приказал.

— Идите обратно. Нечего вам на дороге делать. Немцы без вас обойдутся.

— А старосте что сказать?

— Скажите, что партизаны охрану отменили.

Группа поворачивала назад.

Старосты, которым грозил расстрел, в панике кинулись за помощью к коменданту. Некоторое время крестьян стали отправлять на дорогу под эсэсовским конвоем. Получалось так, что местные жители сторожили дорогу, а эсэсовцы — местных жителей. Долго так продолжаться не могло. Когда комендатура пыталась прикрыть выходы на дорогу лишь полицаями, пошли в ход «бесшумки» и появление тут полицаи означало немедленное его унич-

тожение. Одновременно «лужане» пригрозили старостам суровой расправой, если они будут слишком суетиться и часто бегать к коменданту. Поэтому теперь иногда случалось так, что группа крестьян, не дойдя до полотна дороги двух-трех километров и не встретив никого из «лужан», сама поворачивала обратно и докладывала старосте, что «партизаны опять не пускают». Полностью предотвратить вывод гражданского населения на железную дорогу «лужане» пока не могли, но дело к тому шло.

Толя Бриллиантов явился однажды к Иванову с радостным сообщением:

— Наши-то крестьяне отправили своих ходоков на ту сторону «железки». Просят соседей их не подводить. Дескать, мы не выходим на железную дорогу, и вы не выходите.

— Кто-нибудь из наших подсказал?

— Сами! В том-то и дело, что сами. Ведь это же здорово!

Александр Иванович в эти дни много размышлял над возможностью операции, которая, подобно ранее проведенной «психологической», показала бы крестьянам шаткость оккупационной власти. Операция требовалась звонкая и шумная, такая, которая получила бы широкий резонанс. Он перебирал вариант за вариантом, но ничего существенного в голову не приходило, пока Володя не предложил:

— Надо ударить по самым верхам, по комендатуре.

— Комендатуру нам не взять, об этом и думать нечего. А немец сидит в Стругах безвылазно, его нигде не подловить, — заметил Миша Антонов.

— Не сможем ликвидировать немца — шлепнем «гражданского коменданта».

— Быкова?

— Быкова!

— Это идея!

Операция казалась крайне заманчивой. Ликвидация самого «гражданского коменданта» была бы сильнейшим ударом по всей системе оккупационного управления, по всем старостам, полицаям и другим немецким наемникам.

«Лужане» слышали, что Быков иногда выезжал из Струг Красных в деревеньку, где живут его знакомые. Группа направила на разведку своего самого опытного «боевика» Володю Подсекина. Вернувшись, он привез вдохновляющие известия:

— Быков выезжает из Струг раз в неделю. Ездит

он на дрожках с кучером, без охраны. Делает вид, что никого не боится.

— А в деревне?

— Посидит там, выпьет самогону, побалакает о том о сем... По деревне ходит свободно. Со стариками любит поговорить. Словно он крестьянам не главный немецкий ставленник, а отец родной.

— Ночует?

— Очень редко. Как правило, на дрожках уезжает поздно вечером обратно в Струги.

Складывалось все отлично.

— На ловца и зверь бежит,— горячо говорил Володя.— Я даже не думал, что так просто будет. Мы его ликвидируем без труда. А шум будет великий! Запрашивай, Саша, санкцию у Центра.

Но с шифровкой в Центр Александру Ивановичу пришлось повозиться. Сколько он ни описывал в ней фигуру Быкова, получалось все как-то расплывчато и неубедительно. Одни общие слова: «предатель», «немецкий ставленник»... Вечером во «дворце» он сказал своим товарищам:

— Центру нужны факты, а не рассуждения. Давайте вспоминать. Надо установить его личное участие в карательных акциях, расстрелах, арестах патриотов.

Ребята задумались. Таких фактов у них в памяти не нашлось.

— Плохо работаем!— рассердился Иванов.— Одна из главных фигур в нашей зоне действия, а мы ни черта о ней не знаем.

— Этот Быков — хитрая штука!— задумчиво произнес Толя Бриллиантов.— Тоня Рейх рассказывала, что у нее сложилось впечатление, будто Быков чем-то помог ей, прикрыл ее от немца.

— Чует кошка, чье мясо съела,— засмеялся Миша.— Теперь они все хотят добренькими показаться. Потому что за шкуру свою дрожат. Такое время...

— А что тут сложного? — возмутился Володя.— «Гражданский комендант» — не староста, до него нам добраться трудно. Но он несет ответственность за все, что творится в районе. Так и сообщи Центру. Поймут.

Довод был резонным, и Александр Иванович отправил шифровку в Ленинград. Ответ был получен на следующем же сеансе: «Операцию против Б. категорически запрещаем. Всякую подготовку к ней прекратить. Подтвердите получение приказа. Верните в Центр полный текст полученной радиограммы».

Александр Иванович нашел глазами радиста.

— Пиши, Сева. «Подготовка операции против Б. согласно вашему приказу прекращена. Возвращаем текст полученной радиограммы...» Ну, дальше передашь то, что они прислали.

Диктовал Александр Иванович ответную радиограмму, можно сказать, с сожалением.

Операция не состоялась. «Гражданский комендант» Быков продолжал наезжать изредка к своим знакомым в деревню, не подозревая, что некоторое время назад он подвергался смертельной опасности.

ГЕСТАПО ИЩЕТ ХОД

На окраине Савина бора группа Миши Герасимова наткнулась на странного человека, который спал на земле, забившись под куст. Он был одет лишь в грязное нижнее белье, на одной ноге — опорок, на другой — лапоть.

Когда Миша толкнул его, незнакомец вскочил, пытался бежать, но споткнулся и упал. Сидя на земле, он начал оглядывать обступивших его разведчиков и вдруг тихо сказал:

— Товарищи, свои... А я думал — полицан.

— Кто таков? Откуда? — спросил его Миша.

— Военнопленный. Бежал от немцев из Струг.

Группа привела его на базу. Александра Ивановича не было, и заниматься беглецом пришлось Севе. Он коротко опросил его. Выяснилось, что военнопленный — бывший лейтенант, по гражданской профессии — инженер. Бежал с немецкого строительного поезда, направленного на ремонт железнодорожного полотна.

Человек был так жалок и измучен, что радист решил с ним долго не заниматься и сказал:

— Прежде всего поешьте и отдохните.

Он провел беглеца к кухне, где за зеленым заслоном пылал бездымный костер, и приказал дежурному бойцу накормить его.

В это время вернулся из рейда Александр Иванович с группой разведчиков. Рейд был тяжелым, трехдневным, и все очень устали. Командир приказал бойцам привести в порядок оружие и ложиться спать. Его самого так и бросало в сон. Александр Иванович направился ко «дворцу», представляя, как сейчас он вытянется на нарах, покрытых сеном.

Но тут его остановило веселое восклицание Леонардова:

— Товарищ командир, а у нас гость!

— Какой гость? — удивился Иванов. «Не из бригады ли кто пришел?» — промелькнуло у него в голове.

— Военнопленный. Сбежал от немцев.

Иванов вздохнул:

— Где он?

— На кухне, его супом кормят. Отощал совсем.

— Ладно, Сева, пойдем посмотрим.

Бывший военнопленный сидел на кочке у кухни и, жадно чавкая, хлебал суп из котелка. Иванов подошел к нему поближе. Лицо человека заросло щетиной, было изможденным, пепельным от усталости. Он ел, и на щеках его двигались желваки, а на шее вздувались толстые жилы.

Почувствовав на себе взгляд, человек оторвался от котелка, поднял голову и увидел Иванова. Он тут же попытался подняться, но Александр Иванович остановил его:

— Сидите, ешьте. Поговорим потом.

Они ушли ко «дворцу». Спать Александру Ивановичу хотелось смертельно, скулы сводило зевотой. Подождав, пока беглец покончит с супом, командир «лужан» велел позвать его к себе.

По установленному в группе правилу при первом опросе новичка присутствовали все разведчики, являющиеся сотрудниками Управления госбезопасности, которые находились в этот момент на базе. В данном случае помимо командира здесь были Сева и Миша Антонов.

Человек в белье вошел во «дворец», и Александр Иванович указал ему на деревянный чурбан у очага.

— Как вас зовут?

— Косоруков Семен Николаевич.

— Кем были в армии?

— Лейтенант в пехоте, Ванька взводный.

— Где попали в плен?

— На Волховском фронте, под Мясным Бором.

— Вторая ударная?..

— Да.

Чем-то этот человек не нравился Александру Ивановичу, и он думал: «Чем? Белье? Обыкновенное грязное белье, немного не по размеру... Вымазан он сильно? Да. Но у него такой вид, словно его специально валяли по земле и терли пемзой... И обувь... Опорок и лапоть. Немного напоминает маскарад». Впрочем, командир «лу-

жан» прекрасно знал, каким обманчивым бывает первое впечатление. Он искал факты.

— Где находились в плену?

— Прошел два лагеря. Из второго бежал. Поймали и отправили со строительным поездом для использования на самых тяжелых работах. Бежал вторично. Если бы поймали — расстрел на месте.

— Почему бежали в одном белье?

— Так ведь ночью... Пошел вроде бы по нужде и воспользовался тем, что часовой зазевался.

Стоп! Александр Иванович сделал в уме первую отметку. Военнопленные бежали обычно с места работы. Убежать из-под охраны ночью... это что-то новое.

— Где обувь такую достали? — улыбнулся Иванов.

— Да нашел где-то у деревни. Сначала лапоть, потом остатки сапога. Босиком идти было трудно.

Сколько ни ходил командир «лужан» по здешним местам, ни разу не видел он ни брошенного лаптя, ни опорка. Но, может быть, беглец забрался на чей-нибудь двор и теперь не хочет в этом признаться?

— Где жили до войны?

— В Минске.

— Полный адрес?

Человек назвал улицу, номер дома, квартиру.

— Родственники на нашей стороне есть?

— Конечно. Сестра — в Москве, дядя — в Ленинграде.

— Расскажите, кто они, где живут.

Беглец начал рассказывать, запнулся на адресе.

— Извините, товарищи, — сказал он. — Столько я за это время натерпелся, что и мать родную позабудешь.

— Понятно, — кивнул командир. — К заданиям вас несколько дней привлекать не будем. Миша, дай товарищу чехол от грузового парашюта, в нем спать удобно. Можете отдыхать, товарищ Косоруков.

Когда Миша и беглец вышли, Александр Иванович спросил у Севы:

— Все запомнил?

— Конечно.

— Запроси сегодня Центр. Пусть проверят адреса в Минске, Москве и Ленинграде.

Последние слова Иванов произнес, уже вытягиваясь на нарах и погружаясь в блаженный сон.

Утром Леонардов получил ответ Ленинграда: «По указанным адресам К. и его родственники не проживают и не проживали. Будьте осторожны. Возможно, К. — вражеский агент».

Во «дворце» по этому поводу состоялось короткое совещание.

— Глаз с него не спускать, — приказал Иванов. — Подождем. Бойцам пока ничего не говорите.

— А все-таки не ценит гестапо своих агентов, — заметил Сева. — Что ж они ему такую легенду липовую дали? Могли бы воспользоваться настоящими данными кого-нибудь из военнопленных.

— А может, Косоруков — вполне реальное лицо, — возразил Толя. — Но, когда немцы начали его подробно выспрашивать, понял, что это им для чего-то нужно, и специально напутал.

— Возможно, хотя и маловероятно, — сказал Александр Иванович.

— В божеский вид бы его привести, — предложил Володя. — Пусть побреется. Форму ему дадим немецкую, скажем, что другой пока нет.

Предложение все признали дельным. Толя отнес «Косорукову» комплект немецкого обмундирования и извинился, что ничего лучшего партизаны предложить ему не могут.

— Да, да, понимаю, — закивал головой тот. — Плохо с одеждой.

Вернувшись к своим товарищам, Толя сказал:

— Переодевается, будет как картинка... Надо бы его «расколоть», а как это сделать?

Однако вся история с «Косоруковым» разрешилась совершенно неожиданно сама собой вечером.

Привычную, строго соблюдаемую тишину базы вдруг разорвали громкая брань, крики, ругань. Сбежавшиеся со всех сторон бойцы увидели такую картину: «Косоруков» в немецкой форме валялся на спине, а верхом на нем сидел Сеня Беленький, боец из военнопленных, бежавших с шоссе.

Сеня вцепился в провокатора как клещ. Он бил его головой о землю и кричал, перемежая слова площадной бранью:

— В партизаны захотел, сукин сын, полицейская шкура?

Тот молча отбивался.

Александр Иванович, прибежавший к месту происшествия от «дворца», громко приказал:

— Беленький, отставить!

Боец бросил «Косорукова» и кинулся к командиру.

— Это же полицай, Кирьяк из новосельской комендатуры! Он из нас, заключенных, сука, кровь пил!

— Потише кричи. Мы на базе,— заметил командир и обратился к провокатору:— Ну, что теперь скажете?

— Попутал он меня с кем-то, товарищ командир,— дрожащим от напряжения голосом ответил тот.— Какой же я полицейай...

— В Минске, «Семен Николаевич», вы никогда не проживали. Здесь не детский сад, а разведка,— сказал Александр Иванович и неожиданно повысил голос:— Будешь говорить, негодяй?!

Бойцы, стоявшие кругом, задвигались, раздался металлический стук оружия, который словно кнутом хлестнул провокатора.

— Все скажу,— забормотал он белыми губами,— ничего не утаю...

— Имя?

— Кирьяк Илья.

— Где служил?

— Отдельный вспомогательный отряд «Гехаймфельд-полицай» при стругокрасненской комендатуре.

— Чин?

— Адъютант командира отряда.

— Кто направлял к нам?

— Гестаповский офицер, фамилию не знаю.

— Какая задача?

— Найти ход в группу, а затем вывести на нее ближайший гарнизон.

— Как в гестапо нас называют?

— «Странные партизаны».

— Известно, кто командир группы?

— Да. Рыжий.— И полицейай едва заметно кивнул на Володю.

Александр Иванович видел, что Сеню Беленького, который стоял теперь среди других бойцов, словно бьет в лихорадке.

— Сеня, что ты скажешь?

— Это не человек, а зверь, товарищ командир! Он был у нас в лагере охранником. Избивал людей, измывался над ними, пальцы топтал, ребра сапогами ломал. Глумился, гад, над нами. В лагере он и ефрейторские лычки заработал. А потом его забрали в Струги... Товарищ командир, разрешите я сам его расстреляю!

Полицай упал на колени.

— Не по своей воле, братцы.— Он прополз на коленях несколько шагов.— Пощадите...

— Что будем делать с провокатором?— не обращая на него внимания, спросил Александр Иванович.— Подсекин?

- Расстрелять!
- Антонов?
- Расстрел!
- Бриллиантов?
- Расстрел!
- Леонардов?
- Расстрел!

Мерно падали в тишину одинаковые ответы, и командир «лужан» произнес:

— Именем народа предатель и провокатор полицай Кирьяк приговаривается к смертной казни — расстрелу. Он посмотрел на Сеню Беленького, потом перевел взгляд на других бойцов:

- Семенов!
- Я.— Вперед шагнул немолодой боец с «бесшумкой» за плечом.

Командир махнул рукой в сторону болота:

- Приведите приговор в исполнение.

УРОЖАЙНАЯ ОСЕНЬ

С Иваном Ивановичем Витковским командир группы «Лужане» познакомился в Ретенях. Тут разведчики расстреляли двух вооруженных бандитов, двух мародеров, которые, выдавая себя за партизан, занимались грабежами. Расстрелу предшествовал суд, на котором присутствовали все взрослые жители Ретеней, в том числе и потерпевшие. Мнение крестьян по поводу того, что делать с мародерами, оказалось единодушным.

Когда все было кончено, к Александру Ивановичу неторопливо подошел невысокий лысоватый человек, одетый по-городскому.

— Витковский моя фамилия. Бывший директор совхоза... — он чуть усмехнулся, — а ныне управляющий «государственным имением». Так немцы приказали, ничего не поделаешь.

Он придвинулся к Иванову еще ближе и так, чтобы не особенно было слышно окружающим, произнес:

— Хотел вам сказать, что вы поступаете совершенно правильно, когда не даете позорить звание партизана... А у меня, между прочим, два сына — красные командиры. Один в пехоте воюет, другой — на флоте.

— Я знаю вас, — улыбнулся Александр Иванович. — Мои ребята ведь у вас были. Володя Попов, его еще Рыжим называют...

— Так это ваши? — удивился и обрадовался Витковский. — Было у меня такое знакомство, продукты брали. А потом, гляжу, новых знакомых нет и нет. Я уж думал, они в другой район ушли.

— Нет, мы никуда не уходили. Просто еще время не наступило.

— Как не наступило? — покачал головой управляющий. — Год нынче урожайный. К сожалению. И хлеба удалось на славу, давно уж таких не было. Но как подумаешь, куда все это добро пойдет, сердце кровью обливается.

— Да, может, еще и не уйдет, — пошутил Иванов. — Уборочная только начинается. А мы хотим принять в ней участие. Так что обязательно зайдем посоветоваться.

И в одну из августовских ночей Иванов, Подсекин, Бриллиантов и Антонов нанесли визит управляющему «государственным имением». Окна в квартире Витковского были плотно занавешены. Обсуждение носило чисто деловой характер. Совхозный директор намечал план уничтожения хозяйства, которым он руководил много лет. В первую очередь было решено уничтожить перед обмолотом хлеб, предназначавшийся для плюсской комендатуры.

— Лучше всего, удобнее всего нагряться в канун обмолота, — морща лоб, рассуждал управляющий. — Тут я могу собрать в одном месте все, что нужно, — хлеб, тракторы, молотилки, горючее. И со всем можно покончить одним ударом. Если начать раньше — сжечь, скажем, тракторы или молотилки, — немцы встrepенутся. Сейчас от меня полицаев забрали на железную дорогу. Охраны практически нет. Будь немцы умнее, к обмолоту они вернули бы охрану, но они не догадаются, а сам я их об этом, конечно, просить не буду.

— Жаль, наверное, жечь то, что растили своими руками? — спросил Толя.

Витковский пристально посмотрел на него.

— Нет, молодой человек! — решительно сказал он. — Вы, наверное, этого не понимаете... Для крестьянина нет ничего дороже, чем урожай. Урожайная осень для деревни — великий праздник. Так было у наших дедов, так будет у наших внуков. Но пройдитесь-ка сейчас по совхозу, не увидите ни одного радостного лица. Люди прекрасно понимают, чей урожай созрел на полях. Растили его мы, а урожай — немецкий! Вы думаете, приятно русскому человеку кормить фашистскую армию! Ничего нет горше этого. И если мы сможем сжечь хлеб, легче станет на

душе. Я тогда не буду виноват ни перед Родиной, ни перед своими сыновьями.

— Значит, будем жечь на току, — сказал командир группы.

— Как мне вам сообщить? — спросил Витковский.

— Как? — Александр Иванович огляделся. — Вот эти две гераньки поставьте на окно в правый угол, вот сюда... Это будет знак: «Все готово. Жду». Кому надо, тот этот знак увидит.

От управляющего разведчики ушли в лес с вещевыми мешками, наполненными огурцами и помидорами.

«Лужане» действительно активно готовились к проведению уборочной кампании. Директива, полученная из Ленинграда, гласила: «Уничтожайте урожай. Не допускайте вывоза хлеба немецкой армией. Вам готовится специальный груз. Встречайте „сову“».

Время приемки самолета было уточнено дополнительно по радио. Когда «сова» вышла к базе, на земле вспыхнули три костра, разложенные треугольником. Грузовые парашюты и мешки были сброшены точно и не пострадали. В них оказались тол, термитные шашки разных видов — «сюрпризные» и обыкновенные, патроны, табак, сахар, листовки, белье.

С термитными шашками большинство бойцов никогда не имело дела. Шашка величиной с папиросную коробку совсем не выглядела сколько-нибудь грозным оружием. Пришлось на базе проводить специальные занятия, учить бойцов, как правильно применять шашки.

Огромное значение в это время имела информация, которую «лужане» получали от агронома Иванова из административно-хозяйственного управления в Стругах Красных. Иванов сообщил им об общих задачах уборки урожая, поставленных немецким командованием: «Хлеб будет вывезен полностью, реквизирован у крестьян и отдан под так называемые охранные расписки. Немецкие части получили указание помогать гражданской администрации при изъятии и транспортировке хлеба. Обмолот приказано вести крупными партиями, на токах». Разведчики попросили Иванова держать их в курсе всех мероприятий, которые проводили немцы для уборки урожая.

Почин группа собиралась сделать в Ретенях, где была проведена полная подготовка операции. Но агроном сообщил, что раньше состоится обмолот хлеба для новосельской комендатуры. Пришлось срочно менять адрес. Через связных в деревнях разведчики узнали, что комен-

датура приказала выгнать на обмолот в воскресенье жителей Жупанова, Коневец и Пашкова.

Снопы были свезены в огромный сарай. То, что не вошло в него, уложили тут же в скирды. На току установили молотилку и трактор.

Медлить было нельзя, и на базе тотчас была составлена боевая группа для поджога. Поскольку диверсия оказывалась совершенно новой, необычной, в группу вошли пятеро чекистов и трое бывших партизанских разведчиков. Иванов решил, что первый поджог они произведут вместе, а затем уже будут руководить на таких же операциях группами бойцов.

Остальные группы получили задание попроще — поджечь восемь огромных стогов сена, заготовленных стругокрасненской комендатурой и расположенных в разных концах полигона, а затем свалить несколько телеграфных столбов на шоссе Струги Красные — Новоселье.

Александр Иванович чувствовал, что группа идет на задание с большим подъемом. Все «старые» разведчики уже давно сами были командирами, руководили многими бойцами и проводили операции самостоятельно. А собравшись вместе, они представляли собой грозную силу.

Восьмерка быстро добралась до Жупанова, и Александр Иванович постучал в избу, где жил человек, который, как хорошо было известно «лужанам», являлся тайным агентом гестапо. Приоткрыв дверь, он вначале не понял, кто пришел, и спросил:

— Чего надо?

— Выходи, — сказал Александр Иванович. — Возьмем тебя проводником.

— Сейчас, — испуганно сказал человек. — Только оденусь.

Прием этот был старый, и разведчики использовали его часто. «Тайник», который вывел их на диверсию, вел себя впоследствии тише воды, ниже травы. Он думал уже не о том, как угодить немцам, а о том, как самому убежать.

Быстро выйдя из дома и негромко притворив дверь, мужичок спросил:

— Куда?

— На ток.

Дорогу «лужане» знали отлично, и, шагая за «проводником», Александр Иванович убеждался, что тот ведет их правильно, кратчайшим путем.

В кустарнике «проводник» остановился и показал на большое поле.

— Вот...

Ток находился в самом центре поля, на котором как на грех не росло ни единого кустика. К сараю, глыбой возвышавшемуся на току, вела полевая, хорошо наезженная дорога. А ночь была лунная: хоть иголки соберай. Разведчики отчетливо видели охранников-солдат, которые медленно прогуливались вокруг сарая.

— Иди домой, — сказал «проводнику» Иванов. — И чтобы все было тихо...

Они залегли в кустах и начали совещаться. Близок докоть, да не укусишь... Дать настоящий бой охранникам — те залягут в сарае и могут отстреливаться из него хоть до утра, позиция у них выгодная. А на лугу — ни ложбинки, ни кусточка, ни камня.

— Давайте по-нахальному, — предложил в конце концов Володя. — Двинем по дороге строем, с папиросками. Наверняка нас примут за полицаев. Партизаны ж не сумасшедшие, они так на немцев не пойдут.

Построившись в колонну по два, «лужане» зашагали по дороге, которая вела мимо сарая. Звездочками вспыхивали огоньки сигарок, искры падали на землю.

Появление группы вооруженных людей, строем двигавшихся со стороны комендатуры по белой от лунного света дороге, не вызвало у охранников никаких подозрений. «Лужане» подходили все ближе, а они все так же спокойно прогуливались вокруг сарая.

Когда разведчики подошли к сараю вплотную, солдаты лишь мельком взглянули на них и свернули за его угол. Все получилось идеально. Выйдя из-за угла с другой стороны, охранники попали под прицел автоматов, наставленных на них в упор. Ошеломленные солдаты метнулись в сарай, а вслед им полетели термитные шашки. Раздалось короткое шипение, и вспыхнул ослепительно белый свет горящего термита. Мгновенно занялись огнем снопы.

Отбегая к кустарнику, «лужане» на ходу бросали термитные шашки в скирды. И хоть вся операция заняла считанные десятки секунд, отходить им пришлось по полю, на котором стало светло, как днем. Пламя горячей соломы, взметнувшееся вверх на несколько метров, трещало и выло в ночном воздухе.

Обходя стороной Пашково, восемь разведчиков заметили, как в стороне поднялось еще одно зарево, а затем еще и еще... Девять огненных столбов запылали в ночи. Все группы выполнили свои задания.

В канун обмолота поставил две гераньки в углу ок-

на своего дома Иван Иванович Витковский. Операция в Ретенях была поручена Мише Антонову с группой бойцов. И он выполнил ее очень основательно.

Подойдя к огромному совхозному току, Миша выставил боевое охранение. Остальные бойцы занялись поджогом. Термитные шашки уже были наготове, как вдруг Антонов заявил:

— Шашки беречь! Тут сорок бочек бензина. Его и надо использовать.

Опрокинув несколько бочек, бойцы облили бензином два трактора, молотилки, землю вокруг огромных скирд. Шашек ушло не более десятка, а в огне был уничтожен практически весь урожай «государственного имения».

Толе Бриллиантову и его бойцам достался любопытный объект — «Мыза», которой владела «барыня» Тамара Александровна. Ее фашисты привезли неведомо откуда в самые первые дни оккупации, еще тогда, когда немецкие специалисты по «загадочной русской душе» считали, что русское крестьянство ни о чем так не мечтает, как о возвращении батюшки-царя и власти помещиков. Свою ошибку оккупанты быстро поняли и стали делать ставку на «новых людей» — власовцев, мелких предпринимателей и полицаев. Однако «барыня» осталась полновластной владелицей «Мызы». Говорили, что ее семейству до революции принадлежали в здешних местах обширные и богатые поместья.

«Сивая», как называли ее крестьяне, казалась человеком из прошлого века. Вела она себя так, как будто вернулись времена крепостного права. В доме был заведен особый, «барский» порядок. После завтрака Сивая садилась в коляску и объезжала поля, наблюдая за работой «своих» крестьян. Оккупация рождала много страшных, диких и неведомых явлений, но и на этом фоне «барыня» выглядела совершенно нелепо.

Проводя инструктаж своих бойцов перед операцией, Толя Бриллиантов закончил его такой фразой:

— Нам поручено, товарищи, привести эту феодалку к знаменателю!

Операция замышлялась «тихая», рассчитанная главным образом на применение «сюрпризных» термитных шашек. Но получилось все по-иному. И виной тому были цинковые ведра, стоявшие на крыльце дома, в котором жила команда полицаев. Снятый из «бесшумки» часовой рухнул прямо на них, ведра со звоном и грохотом покатались с крыльца. Полуодетые полицаи выскочили из дома на улицу и открыли огонь.

Бойцы разъярились. Им навязывали бой, и остановить их было невозможно. Стреляя на ходу, они ворвались в имение. Полицаи были перебиты или бежали в лес. Бойцы забили свиней и овец, забрали муку, горох, крупу. Затем были подожжены скирды хлеба и все хозяйственные постройки.

Это происходило неподалеку от Струг Красных, и в любой момент можно было ожидать нападения немецких частей и карателей. Тем не менее при свете пожараща в лес ушел целый обоз. В лесу продовольствие было запрятано во временные тайники.

Огни ночных пожаров вспыхивали в августе во всех концах двух районов. Иногда поджоги сопровождались налетами, иногда разведчики действовали совершенно бесшумно с помощью «сюрпризных» термитных коробок, которые воспламенялись через сорок минут после установки. Был сожжен весь подготовленный к обмолоту хлеб в Гривцеве, Курее, Андромере и даже на окраине Плюссы.

— Ну что это за диверсия! — смеялся Володя Подсекин. — Берешь коробку, суешь в стог... Фррр! — и остается один пепел.

Чтобы спасти хоть часть урожая, оккупанты стали выгонять население для обмолота хлеба прямо на полях. Но агроном Иванов с помощью Елизаветы Дмитриевны Петровой указывал «лужанам» места, где они собираются это делать. Поэтому и на полях горели скирды, молотилки, тракторы. Когда через три недели Центр повторил свое указание, передававшееся, видимо, всем группам: «Уничтожайте урожай. Не допускайте вывоза хлеба немецкой армией», — рация № 205 лаконично ответила: «Жечь больше нечего, сожжено все».

Группа Миши Антонова после диверсии на шоссе (был вырезан большой кусок магистрального кабеля связи) зашла ночью в Гривцево, где находилась конюшня немецкой кавалерийской части. Бойцы сняли часового, вывели из конюшни двадцать шесть лошадей, оседлали их и уехали. Лошади были немецкие, строевые, очень крупные. И в связи с этим произошел смешной эпизод. После того как лошадей раздали по крестьянским дворам, к Александру Ивановичу обратился с жалобой один из местных стариков.

— Нехорошо получается, товарищ командир, — сказал он. — Матвею дали хорошую лошадь, а мне высокую. Она ведь даже во двор под калитку не проходит.

Вот теперь и думай, что делать. То ли калитку прорубать, то ли пушай она во двор на коленках вползает. Вы уж сделайте милость, замените мне, по возможности, лошадку.

— Не надо прорубать калитку, отец, — засмеялся Иванов. — Постараемся помочь твоей беде. Если нужна маленькая лошада — найдем и маленькую.

Александр Иванович запомнил этого старика. Когда из «государственного имения» в Ретенях были угнаны еще двенадцать лошадей, командир приказал выбрать из них самую низкорослую и отправить ее в Сазоново.

Заключительным аккордом «сельскохозяйственной кампании» была операция на речке Курее, на шести мельницах и крупорушке. Иванов из Струг сообщил, что здесь скопился так называемый «гарнцевый сбор» с помола. «Лужане» провели разведку, оказалось, что этот сбор составляли ни много ни мало — восемьсот пудов муки и шестьдесят пудов крупы — ячневой и овсянки.

— Да, в рюкзаке не унесешь, — вздохнул Бриллиантов.

— А уничтожать нельзя, — сказал Володя. — Голод кругом. Надо найти какой-нибудь способ забрать это богатство.

В результате обсуждения сложился план операции.

— Значит, командиры групп обеспечивают транспорт. Крестьян выбирайте самых надежных. Телеги надо подогнать заранее и хорошо укрыть в лесу, — говорил Александр Иванович. — Как только захватим мельницы, сразу начнем погрузку и развезем муку по деревням. Операцию завершить ночью, до рассвета.

Так в одну из ночей были захвачены вся мука и вся крупа, скрытно развезены по деревням и надежно спрятаны. Мельники получили одинаковые расписки: «Гарнцевый сбор принят полностью. Ильин».

Когда «лужане» вернулись к себе, в Савин бор, Александр Иванович отдал новый приказ:

— Старостам тех деревень, в которые завезена мука, — обеспечить выпечку хлеба для группы. Пусть привозят его в установленные для них места. Одновременно составьте списки переселенцев, беднейших, неимущих крестьян. Старосты должны выпекать хлеб и для них.

Разумеется, старосты не могли ослушаться «приказа из леса». Таким образом, группа «Лужане» стала регулярно получать свежесвыпеченный хлеб, и было облегчено положение тех людей в деревнях, которые больше других страдали от голода. График, составленный разведчиками, ни разу не был нарушен, старосты аккуратно осуществляли подвоз хлеба в указанные места.

ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОГРАММА

«Приготовьтесь принять груз и одного человека. Фамилия — Монахов. Пароль: „Привет от Бориса Владимировича“». Эта радиограмма из Ленинграда была по-своему исключительной, стояла особняком среди других указаний и директив, которые посылал Центр группе «Лужане». Прочтя шифровку, Александр Иванович подумал: «Наверное, одиночка, пойдет через нас со специальным заданием». Ему было приятно, что в Центре решили проводить операцию через его группу. Очень хотелось, конечно, и просто увидеть человека из Ленинграда, расспросить его, как живет город. Еще раз прочитав текст, командир подумал: «Время прибытия скоро уточнят...»

Но на следующее утро Сева пришел к нему взволнованный:

— Ленинград нас не слышит.

— Почему?

— Не знаю. Я работаю с ними, а мне все время твердят: «„Лужане“, вас не слышим. Почему не отвечаете? Почему не отвечаете? Вас не слышим...» Передатчик, видимо, отказал.

— Все проверил?

— Конечно. Думал, обрыв на клеммах питания или случайное повреждение в схеме. Но всё на месте.

— Как прием?

— Уверенный, слышно хорошо.

— Еще раз все проверь, Сева, и попробуй связаться с Центром на «вызывной».

Эта попытка успеха не принесла, и для радиста вновь наступили тяжелые дни. Он долго возился с рацией у костра, на котором грелись два паяльника. Потом ему по очереди стали помогать Володя, Миша и Толя. Они бесконечно перепайвали конденсаторы и сопротивления. Через «тетю Маню» Варфоломееву и других надежных людей вновь закупили в Стругах Красных много батареек для карманных фонарей, усилили питание рации. Однако все было напрасно: приемник работал, передатчик — нет.

«Лужане» так и не услышали пароль «Привет от Бориса Владимировича» и не увидели неизвестного им товарища Монахова. Центр на протяжении трех дней еще вызывал «лужан», а потом позывные рации № 205 смолкли и больше не появлялись в эфире.

Потеря связи — самое тяжелое, что угрожало группе, — стала свершившимся фактом.

— Разведчик без связи — не разведчик. Наша группа перестала выполнять свою главную боевую задачу, — сказал Александр Иванович. — Сразу же у нас возникнут трудности с обеспечением. Тола осталось совсем немного, патронов для советского оружия у немцев не добудешь. Давайте обсудим, что делать.

Совещались разведчики пятеркой, во «дворце», где неподалеку от очага стояла и злополучная рация.

— Возможных вариантов может быть три, — продолжал Иванов. — Первый — бросить все и двинуться к своим, переходить линию фронта. Второй — уйти в другой район, туда, где действуют партизаны, вести разведывательную работу и передавать данные, используя их рацию. Третий — оставаться на месте. Из всех боевых задач практически сохранится одна: установление предателей и немецких пособников. Но диверсии мы сможем продолжать, сохраним связи с населением... Будем работать и искать партизан, чтобы через них связаться с командованием. Так на чем остановимся?

— Уходить на Большую землю никак нельзя, — решительно сказал Володя. — Нельзя, и все! Надо бить немцев так, как сможем.

С Подсекиным все согласились. Первый вариант был отвергнут. По поводу второго возник спор. Работать рядом с партизанами показалось заманчивым, но потом все поддержали точку зрения, которую высказал Миша Антонов:

— Менять район не следует. Нас сюда забросили не случайно. Сейчас группа имеет налаженные связи — в деревнях, в административно-хозяйственном управлении, в госпитале. Мы завоевали тут определенные позиции, покидать их нельзя. А уйдем, на кого бросим своих людей, крестьян?

Когда высказались все, командир подытожил:

— Понятно. Значит, — третий вариант. Давайте наметим, кто пойдет искать партизан.

На поиски бригад отправились две группы бойцов. Одна под командованием Симы Малыгина стала продвигаться по лесам вдоль линии железной дороги в расчете на встречу с отрядом, который выходит на диверсию. Другая, которую возглавил Подсекин, ушла в сторону Луги.

Пока они отсутствовали, Иванов, чтобы не расхолаживать остальных бойцов ожиданием, приказал провести несколько диверсий. Словно в отместку за потерю собственной связи, «лужане» обрушились на связь противни-

ка: они спилили десятки телеграфных столбов на дорогах, на линии Псков — Луга вновь вырезали и уничтожили большой кусок свинцового многожильного кабеля.

Пока обходились без взрывчатки — тол берегли, его оставалось совсем немного. Через связных по всем деревням передали просьбу крестьянам — разыскивать неразорвавшиеся снаряды, мины, авиабомбы. Их разведчики собирались использовать для подрывов вместе с толовыми шашками, которые должны были исполнять роль детонаторов.

Но еще до того как из деревень пришли первые известия о находках, «лужане» получили совершенно неожиданный подарок. Толя Бриллиантов, возвращавшийся с бойцами со стороны Сазонова по тропинке, которой они обычно не пользовались, заметил в стороне зацепившийся за дерево грузовой парашют. Тотчас разведчики обыскали все вокруг (грузовые парашюты обычно сбрасывали по 3—4 штуки), но больше ничего не нашли. В грузовом мешке оказались 100 килограммов тола, банки с консервами, белье и табак.

Чья это «посылка»? Кому сброшена? «Лужане» долго ломали голову. Кто-то высказал предположение, что парашют — от первой заброски Центра, той самой, когда разведчики ничего не смогли найти. Но это не походило на правду: участок леса, где был обнаружен парашют, неоднократно прочесывался карателями. В конце концов разведчики, без особых угрызений совести, забрали «посылку» себе. Если бы ее оставили на месте, она неминуемо попала бы в руки немцев.

Из дальней разведки первой вернулась группа Малыгина. Рейд вдоль железной дороги окончился безрезультатно, кого-нибудь из 5-й бригады встретить не посчастливилось. Ребятам дали отдохнуть, а затем перебросили их на другую сторону «железки» с заданием найти 2-ю или 6-ю бригаду.

Ни группа Малыгина, ни группа Подсекина, вернувшаяся из-под Луги, партизан не встретили. «Лужане» не знали, что в это время их братья по оружию вели очень тяжелые бои.

План гитлеровского командования по превращению тыловых областей немецкой армии в «мертвую зону», лишённую населения, оккупанты уже пытались осуществлять. Главным препятствием были партизанские бригады, и фашисты решили уничтожить их во что бы то ни стало. На борьбу с партизанами были брошены не только

карательные и специальные подразделения, но и фронтовые части.

Только против 3-й бригады в Новоржевском районе противник сосредоточил 14 тысяч солдат и офицеров. Две недели партизаны бились в окружении, смертью героя погиб комбриг Александр Викторович Герман. Затем им удалось прорвать вражеское кольцо. Тяжелейшие бои вели партизаны и под Уторгошем, и 5-я бригада была вынуждена укрыться в труднопроходимых Дертинских болотах.

Обо всем этом «лужане» узнали гораздо позднее. Теперь же им надо было принять решение, рассчитывая только на собственные силы.

— Остается! — сказал Александр Иванович. — Придется на время превратиться в отдельную диверсионную группу. Уверен, рано или поздно мы встретимся с партизанами и сможем связаться со своим командованием. А пока будем действовать на свой страх и риск. Ответственность за это решение полностью лежит на мне как на командире группы. Но хочу знать и ваше мнение. Все согласны?

— Конечно, — ответил за всех Володя. — А партизан, Саша, мы найдем. Наверняка найдем!

— Александр Иванович, раз связи нет, радисту незачем на базе сидеть, — сказал Саша Леонардов. — Разрешите мне тоже ходить на задания!

— Будешь ходить... — подумав, ответил командир. — Но прием сводок полностью на твоей ответственности.

Поскольку приемник рации продолжал работать, «лужане» не прекращали приема и размножения для деревень сводок Совинформбюро. Особо радостное сообщение поступило 23 августа. «Сегодня, — сказал диктор, — наши войска в результате ожесточенных боев сломали сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков! Советские дивизии ворвались в Харьков с запада, с севера и востока. Завязались ожесточенные уличные бои. Наши штурмовые отряды выбивали немцев из укрепленных домов и оборонительных сооружений. Сегодня днем советские войска разгромили немецкий гарнизон, оборонявший Харьков, и полностью завладели городом! Противник понес огромные потери и отступает под ударами наших войск. Захвачено много трофеев...»

От таких сообщений силы каждого, казалось, удесятелялись. Радио Большой земли было «лужанам» огромной поддержкой. Не жалея блока питания рации, они подробно записали содержание постановления Совнаркома

Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В нем шла речь о помощи колхозам семенами для озимого сева, о строительстве жилищ, о возвращении эвакуированного скота и увеличении его поголовья. И здесь, на оккупированной территории, интерес крестьян к постановлению был огромен. Люди надеялись на скорое освобождение и задумывались над тем, что будет завтра.

КОНЕЦ ГАРНИЗОНА

В начале сентября в Букине погиб один из лучших разведчиков группы, смелый калининский паренек, бывший лейтенант Красной Армии Виктор Климов. Возвращаясь с задания, он решил пренебречь предупреждением товарищей и среди бела дня пробраться в деревню, где находился эсэсовский гарнизон. Виктор участвовал во многих разведывательных операциях и убедил себя в том, что и на этот раз все обойдется.

Огородами ему удалось проникнуть в самую середину деревни, к дому, в котором, как он знал, эсэсовцев на постое не было. Только разведчик начал осматривать деревенскую улицу, как дверь в доме чуть приоткрылась и кто-то негромко позвал его:

— Эй, парень, сюда!..

Оглянувшись, Виктор шагнул по направлению к дому. Из дверей по нему хлестнула автоматная очередь. В доме оказалась группа полицаев. Крестьяне рассказывали потом «лужанам», что в избу они затащили разведчика еще живым.

Через час каратели вывезли его изуродованное тело на телеге далеко за околицу и бросили в придорожные кусты. Полицаи отрезали ему нос, уши, губы, выкололи глаза. Изувечено было и все тело, на спине финкой вырезаны «ремни», а на груди — пятиконечные звезды. Крестьяне получили приказ не хоронить убитого и не приближаться к нему. Такова была обычная полицейская «акция устрашения».

«Лужане» ночью унесли тело погибшего товарища, а утром, обернув в брезент, похоронили на сухом песчаном холме. Не было на этих похоронах ни речей, ни клятв. Мешала ненависть, жгучая, всепоглощающая ненависть к фашистам. И с того момента, как на песчаном холме возник могильный бугорок с деревянной дощечкой, на которой химическим карандашом нарисовали звездочку

и написали «Климов», дни эсэсовского гарнизона в Букине практически были сочтены. Это понимали все — и командир группы Иванов, и каждый рядовой боец.

Староверское Букино, как прежде Кириллково, относилось к числу «нелюбимых» деревень, несмотря на то что и здесь у «лужан» были надежные помощники и связанные во главе с семьей Варфоломеевых.

— Это Букино как бельмо на глазу, — сердился Володя, которому чаще других приходилось действовать в направлении «железки». — Давно надо прихлопнуть гарнизон, чтобы не портил нам погоду.

Староверская деревня была расположена таким образом, что перекрывала наиболее выгодные для разведчиков подходы к железной дороге. Эсэсовцы разбрасывали вокруг деревни засады, на которые неоднократно натывались «лужане», контролировали тропы. Каждая диверсия на железнодорожном полотне, как правило, была связана с вопросом — каким путем обойти Букино.

Однако разведчики понимали, что «прихлопнуть» гарнизон из двухсот отлично вооруженных и вымуштрованных эсэсовцев дело не простое. Эмоции Володи Подсекина долгое время оставались без последствий. Но после гибели Виктора Климова вопрос, можно или нельзя уничтожить гарнизон, уже не ставился. Гарнизон следовало уничтожить. Спрашивалось лишь — как, каким образом?

Александр Иванович знал, что многие бойцы были сторонниками внезапного ночного налета. Их вдохновляли сообщения о штурме, который вела в эти дни Красная Армия. 30 августа гитлеровцы сдали Таганрог, 2 сентября — Сумы. 4 сентября «лужане» услышали сводку о начале наступления в Донбассе: «Вчера наши войска освободили от немецких захватчиков свыше четырехсот населенных пунктов...» Через пять дней освобождение Донецкого бассейна было полностью завершено.

Иванов приказал провести тщательную разведку Букина. Итоги ее оказались неутешительными. Скрытых подходов к этой деревне не было. Со стороны леса подступы к ней представляли собой голое поле протяженностью километра в полтора. С другой стороны Букино прикрывала река. Вокруг деревни — в поле и по берегам реки — были вырыты окопы, оборудованы огневые точки в полном соответствии с требованиями военной науки. На позиции эсэсовцы могли выйти в считанные десятки секунд. Наблюдение и охрана велись тщательно и круглосуточно. Одним словом, Букино представляло собой не-

большую крепость на реке, и даже ночной налет на нее был бы для «лужан» равносителен самоубийству.

— Не взять... — со вздохом промолвил Александр Иванович. — А если нельзя взять, надо разбить гарнизон по частям.

Разведка продолжалась, «лужане» тщательно наблюдали за передвижением эсэсовцев вокруг гарнизона и внутри его. Выяснилось, что каждую пятницу из Букина в Струги Красные направляется обоз из трех-четырех подвод, который доставляет оттуда продовольствие на неделю. Сопровождали его обычно от двенадцати до пятнадцати солдат.

— «Гробанем» обоз из засады, — предложил командиру Подсекин. — Оставим их без продовольствия. Свалим пятнадцать эсэсовцев — тоже неплохо.

Начали обдумывать план засады, выбирать место. Поскольку операция замышлялась «шумная», командир решил принять меры безопасности. В расчете на возможные ответные действия оккупантов он приказал сменить базу, к которой, по его мнению, было пробито слишком много тропок. Бойцы переходили за речку Курейку, где среди болот возвышался песчаный бугор, покрытый ельником. Туда же должна была вернуться боевая группа после проведения операции.

Руководить засадой поручили Володе Подсекину.

— Пожелайте ни пуха ни пера, — сказал он тем, кто оставался на базе. — Сегодня, я думаю, мы частично за Витю рассчитаемся.

Ночью Володя вывел своих бойцов за деревню Логовище. Здесь близко к проселочной дороге на Струги Красные подходил покатый, покрытый лесом склон. На нем Подсекин и расположил бойцов. В центре цепи находился Николай Варфоломеев с пулеметом на треноге.

— Как следует замаскироваться, и — ни звука! — приказал Подсекин. — И чтобы я никакого шевеления не слышал.

На рассвете бойцов начало донимать проклятое комарье, которое ребята называли «лесными палачами». Казалось, воздух вокруг звенит.

Обоза ждали с нетерпением, и все почувствовали облегчение, когда он показался — три пустые подводы на спаренных лошадях. Охранников на этот раз было больше — восемнадцать. Вероятно, кто-то из эсэсовцев отпросился у офицера в Струги по своим делам.

Володя шепотом скомандовал по цепи:

— Пропустить!..

Конечно, бить по обозу следовало на обратном пути, когда телеги будут нагружены. И эсэсовцы прямо под прицелом автоматов не спеша прошагали мимо.

Ждать пришлось долго, весь день. Когда солнце поднялось выше деревьев, комаров стало меньше. Зато появились оводы и слепни, злые как собаки. День был жаркий, душный. Пот заливал лица, затекли руки и ноги, заболели от постоянного напряжения глаза. Лежать столько времени в «секрете» — невыносимая мука.

Солнце уже клонилось к закату, когда из Букина по дороге проскакали два всадника, направленные, видимо, для встречи обоза. Усталость с бойцов как рукой сняло, все насторожились, приготовились.

И тут, словно на смех, из подлеска на луг вышло стадо, погоняемое пастухом в лаптях и драной телогрейке, с длинным кнутом, волочившимся по земле. Коровы двигались медленно, пощипывая траву. Остановив стадо прямо напротив засады, пастух улегся под небольшой кустик.

Володя тихонько сплюнул от злости:

— Вот принес его черт...

И он едва слышно позвал Бриллиантова:

— Толя! Иди передвинь стадо в левый угол. Но только чтоб пастух был на глазах!

Толе пришлось подняться и перейти через дорогу. Увидев человека с автоматом в руках, пастух вскочил. А Бриллиантов, как всегда, не мог обойтись без шуточек.

— Уважаемый товарищ, — вежливо сказал он, — ваши коровы расположились как раз там, где намечена встреча между советскими партизанами и доблестными немецкими войсками...

Пастух, ничего не понимая, испуганно хлопал глазами.

— Отгони-ка стадо туда, — переменяя тон, приказал Толя. — Быстро! Но сам никуда пока не уходи. Побежишь — пуля догонит. Вот когда услышишь стрельбу, тогда тикай что есть духу. Понял?

Перепуганный пастух отогнал коров подальше, как велел ему Бриллиантов. Он больше не ложился, бродил вокруг стада, поглядывая в сторону склона, где лежали разведчики.

Послышался стук копыт, и показался наконец обоз — впереди двое ехали верхом, за ними — тяжело нагруженные телеги. Эсэсовцы шли легко, бодро.

Успех любой засады, как говорил опыт «лужан», за-

висит от того, как близко сможешь подпустить противника. Чем ближе, тем лучше. Чем короче дистанция, тем страшнее ошеломляющий огонь. Поэтому Подсекин продолжал выжидать. Коля Варфоломеев чуть вел ствол пулемета, направляя его на группу охранников. Он знал, что всадников, которые могут ускакать и поднять тревогу, срежут первыми же очередями автоматчики.

Когда обоз поравнялся с засадой, Володя громко и резко скомандовал:

— Огонь!

И по обозу ударила лавина очередей. Бой из засады быстротечен. Через несколько минут двадцать три эсэсовца валялись на земле. Трое видимо, присоединились к обозу в Стругах. Бойцы, выскочив из-за кустарника, быстро подобрали трофеи. Их немало — около двадцати винтовок и автоматов, четыре пистолета. В ящиках на телегах — патроны для автоматов и винтовок, масло, консервы, сахар, коньяк, шнапс.

С собой «лужане» могли захватить лишь небольшую часть добычи, и Подсекин махнул рукой в сторону подлеска.

— В несколько заходов перенести все туда и разбросать. Заберем потом.

К месту новой базы за Курейкой боевая группа подошла в половине третьего ночи, сгибаясь под тяжестью захваченных трофеев. Над Логовищем в это время в воздухе сияли огни осветительных ракет. Эсэсовцы осматривали место засады и собирали убитых.

Володя доложил Александру Ивановичу о результатах операции, и командир сказал:

— Интересно, какими силами они будут вести проческу? Если не слишком большой группой, хорошо бы букинских «черношинельников» еще раз засадой накрыть.

Прочески они ждали несколько дней, но она так и не состоялась. На крупную операцию у оккупантов, видимо, не хватало сил. Тогда «лужане» полностью блокировали Букино, началась с помощью «бесшумок» охота буквально за каждым эсэсовцем, который рисковал выйти за околицу. За две недели букинский гарнизон потерял сорок человек. Это и решило его судьбу. Комендатура была вынуждена снять гарнизон в Букине и одновременно — гарнизоны в Погорелове и Сеглицах.

— Ну, насчет Погорелова и Сеглиц мы с ними вовсе не договаривались, — смеялся по этому поводу Толя Бриллиантов.

Успех букинской операции и других, более скромных, которые последовали за ней, вызвал среди «лужан» такой подъем духа, что многие ребята считали себя заговоренными от вражеских пуль. Это очень тревожило командира. «Детства еще много, слишком много детства!» — думал он.

Александр Иванович не переставал учить молодежь осторожности, повторял:

— Берегите себя, ребята! Смелого, конечно, и штык не берет, но не стоит по-глупому, без пользы свою жизнь отдавать.

Времена переменялись. Теперь группы часто выходили на диверсии не в пешем строю, а выезжали на телегах, отстреливаясь в случае необходимости от эсэсовских патрулей.

Командир требовал осторожности, но происшествя, которые он квалифицировал словом «детство», все-таки случались.

Володя Подсекин с напарником были посланы на «железку» произвести очередной подрыв полотна. Операция прошла успешно, и, оторвавшись от вражеских патрулей, они возвращались на базу. К концу дня вышли к деревне.

— Хватит пешком топтать, попросим лошадь, — предложил Володя.

Напарник согласился. Они навестили одного из своих связных в деревне, крестьянин быстро запряг подводу.

— У тебя гармошка есть, — сказал Володя. — Дай нам, чтоб не скучно было ехать. А вернем вместе с лошадью. Или я сам приеду на днях, или ребята тебе передадут...

— Да забирайте, — сказал крестьянин. — Вам я доверяю.

Оба бросились в повозку. Напарник Подсекина легонько похлестывал лошадь вожжами, телега мягко катилась по пыльной дороге, а Володя раздувал мехи гармошки.

«...Откуда ты, отчаянный?» —
Он ласково спросил...

Знали в деревнях, что Рыжий любит эту песню. Весь он был в ней, с его удалью и смелостью.

И с беспредельной гордостью
Ответил баянист:
«С Васильевского острова,
С завода „Металлист“».

Впереди показалась маленькая деревушка. Они подъехали с песней поближе. Возница вдруг заметил, что ворота околицы открывает человек, у которого из-за плеча торчит винтовочный ствол. «„Самооборонец“, наверное,— подумал он.— Дежурит. Боятся, что немцы проверят... Интересно, знакомый или нет?»

Володя, обернувшись, увидел, что ворота околицы открывает немецкий солдат. Он смотрел на разведчиков с любопытством, видимо принимая их за переодетых карателей, за «липовых партизан».

— Гони!— крикнул Володя, вскакивая в телеге на ноги и поднимая автомат.

Лошадь пустилась вскачь. Стоя на телеге, Володя короткими очередями бил по солдатам, выбегавшим из домов. Началась отчаянная стрельба. К счастью, деревня протянулась всего на несколько домов. На выезде из нее стоял пулемет, и солдат растерянно пытался развернуть его в сторону мчащейся на него лошади. Володя очередью срезал пулеметчика, лошадь с разбегу ударила в жерди ворот околицы, проломила их и упала, пораженная сразу несколькими пулями. Володя подхватил гармошку и вместе с напарником метнулся в придорожные кусты.

Уходили они так, что кругом только сучки трещали. Сзади слышались крики, стрельба. Пули посвистывали кругом. Ребята на огонь, конечно, не отвечали.

Уже в лесу, продираясь сквозь елочки и отдуваясь, Подсекин заметил напарнику:

— Смотри, как вышло... Ведь могли бы нас с тобой ухлопать, а?

— Могли...

Шум сзади стал сникать, и они пошли потише.

— Вот еще морока,— сказал Володя,— теперь где-то надо лошадь добывать. А где? Конюшни-то мы сами все очистили.

— У полицаю можно реквизируют, у старосты...

— Верно. Хорошо еще, гармошку унес.— И Володя ласково провел по мехам.— Потерял бы — не оправдаться.

— Да,— согласился напарник.— Гармошка — не лошадь. Гармошку ты не достал бы.

Когда они пришли на базу, Володя, как положено, отрапортовал Иванову:

— Товарищ командир, задание выполнено. Путь подорван.— И, немного покривив душой, добавил:— Происшествий не было...

Сидевший неподалеку Миша Антонов, тот самый Миша, который умудрялся любые неожиданные и опасные задания выполнять без «приключений», без ЧП, уловил таки в голосе Подсекина необычную нотку и укоризненно покачал головой.

Володя держал гармонь под мышкой, и Александр Иванович тут же сказал ему:

— Ладно, давай рассказывай, что там у вас вышло. Неспроста же ты с гармошкой явился.

Володин напарник не выдержал и улыбнулся. Пришлось рассказывать. Но, излагая то, что с ними произошло, Подсекин не подчеркивал авантюрные, смешные или героические стороны дела. Он был выше этого. Володя говорил о боевом эпизоде, урок которого был прост: надо действовать осторожнее, осмотрительнее.

РАЗГОРАЕТСЯ ПЛАМЯ ВОССТАНИЯ

В сентябре 1943 года в оккупированных районах Ленинградской области начало разгораться пламя народного восстания. На борьбу с гитлеровскими поработителями поднялись уже не только десятки партизанских соединений, сотни патриотических групп, но и крестьяне тысяч деревень. 24 сентября Ленинградский областной комитет партии направил воззвание к рабочим, крестьянам, интеллигенции оккупированных сел и городов.

«Наступает время вашего освобождения из-под страшного, кровавого ига немецко-фашистских захватчиков, — говорилось в этом обращении. — Героическая Красная Армия, победоносно развивая наступление, беспощадно громит врага, область за областью очищая от фашистской мрази... Ваша священная обязанность и долг советских граждан — помочь Красной Армии... Смело ударяйте с тыла по фашистским бандитам. Действуйте беспощадно! Мстите за все... Свяжитесь с народными мстителями — партизанами, объединяйтесь в новые партизанские отряды, множьте их число. Выходите на борьбу все от мала до велика!»

Непосредственным поводом к восстанию послужили новые мероприятия фашистского командования по плану превращения районов области в «зону пустыни». О них разведчики узнали незамедлительно. Как обычно, через Елизавету Дмитриевну Петрову агроном Иванов прислал из Струг записку: «Волостным старшинам дано предписание выявить всю работоспособную молодежь для от-

правки в Германию. Старшины должны представить списки в комендатуру. По спискам люди будут изъяты войсками германской армии».

Сигнал был крайне тревожным, и пятерка чекистов подробно обсудила его.

— Списки. Главное — списки, — говорил Толя Бриллиантов. — Пока их нет, ничего не сделаешь. Этот документ надо людям показать. Тогда дело пойдет.

— Для волостных списки составить — работа не на день и не на два. Пока всех старост соберут, пока старосты им сведения представят... Несколько дней у нас в запасе есть, — заметил Миша.

— Волостных старшин голыми руками не возьмешь и не припугнешь, — высказал свою мысль Володя. — Эти люди так замараны, такие сволочи, что им только одна дорога — с фашистами. Одной веревочкой они связаны. И старшины это понимают. Добром они нам списки не отдадут. Надо сразу подумать, как брать их силой.

Когда однажды ночью разведчики возвращались с железнодорожной операции со станции Карьер, Володя вдруг сказал командиру:

— Давай, Саша, проверим логовищенского старшину, нет ли у него списков.

Подсекин нередко предлагал операции экспромтом, и довольно удачные. Александр Иванович задумался:

— А сколько у него полицейских?

— Да человек пятнадцать — двадцать. Вояки известные — удерут по первому выстрелу, как «валдайские кенгуру».

— Как «кенгуру»?.. — усмехнулся Иванов. — Ну что ж, давайте попробуем. Все равно мимо Логовища идти.

Место им было хорошо известно. Напротив деревни Логовище, по другую сторону реки, стояла небольшая деревушка Церковная. В ней в здании бывшего сельсовета помещалось управление волостью.

Под покровом ночи разведчики без помех прошли через Логовище. От реки было видно, что на втором этаже волостного управления в комнате горит керосиновая лампа. Слабо светило и одно окошко внизу.

Подойдя поближе, «лужане» дали по дому несколько очередей из автоматов. Вокруг дома заметались тени, слышались и смолкли хлопки ответных выстрелов. Затем два-три винтовочных выстрела раздались с огородов. Как и предполагал Подсекин, полицейские не оказали сопротивле-

ния, а бегом подались в Струги, чтобы оказаться под охраной тамошнего немецкого гарнизона.

Преследовать их «лужане» не стали. На ходу отдав указание о заслонах и охране, командир с несколькими бойцами ворвался в дом. В первом этаже было темно и пусто. Трех бойцов Александр Иванович оставил здесь, а с остальными избежал по скрипучей лестнице на второй этаж.

В комнате, освещенной желтым светом большой керосиновой лампы, он увидел волостного старшину. Тот стоял к нему спиной и торопливо закидывал в черный ученический портфель пачку бумаг, которые перед этим были, видимо, разложены на столе.

— Стой! — сказал Александр Иванович и вошел в комнату.

Логовищенский старшина был высоким худощавым человеком с седеющей бородкой и крупным носом. Услышав оклик, он замер.

Иванов подошел к столу, взял портфель из рук старшины и, вытащив пачку бумаг, начал их просматривать.

Это были те самые списки, о которых сообщал агроном Иванов, длинные перечни трудоспособных крестьян. Писали старосты — бумаги и почерки были разными. Некоторые списки были составлены почти совсем безграмотно. Александр Иванович с удивлением отметил, что в них внесены фамилии не только парней, но и девушек. До этого момента «лужане» предполагали, что речь идет об угоне в немецкое рабство только парней и молодых мужчин.

Командир поднял тяжелый взгляд на старшину:

— Советскими людьми торгуешь, сволочь?

Тот только дернулся, в горле у него что-то пискнуло. Он знал, с кем имеет дело, и готовился распрощаться с жизнью.

В пачке бумаг, среди списков, Александр Иванович заметил листок из тетради в клеточку, исписанный красивым и уверенным писарским почерком. Тут тоже были фамилии — жителей волости, завербованных гестапо в качестве тайных агентов. Многие ему были известны, но нашлись и неизвестные. Вот это находка! Он стал перебирать бумаги листок за листком и обнаружил несколько донесений гестаповских агентов.

— Когда собирался доставить? — спросил Иванов.

— Завтра, — тихо ответил тот.

В глазах бойцов, сгрудившихся у стола, Александр Иванович прочел немой вопрос.

— Бричка у тебя есть? — спросил он волостного.

— Есть, — прошептал старшина.

— Ведите его вниз, пусть запрягает, — приказал командир.

Когда Александр Иванович вышел из дома, запряженная бричка уже стояла у ворот, окруженная бойцами. Сжавшийся от ужаса старшина держал лошадь под уздцы.

— Садись на козлы! — приказал ему Иванов и сказал своим: — Поехали, ребята.

Старшина взгромоздился на козлы и начал разбирать вожжи. Руки у него дрожали. Александр Иванович ткнул его в спину стволом автомата.

— Гони, старшина, гони! Время не ждет. Давай прямо через Логовище к Горкам...

Командир очень торопился. Сейчас ему нужны были все наличные бойцы, и он спешил в лес, где в условленном месте, на правом берегу Курей, его должна была поджидать группа разведчиков после проведения операции у станции Карьер.

Не доезжая Горок, Иванов приказал старшине остановиться, оставил его под охраной двух бойцов, а с остальными поспешил в лес. Здесь, на склоне заросшего оврага, его уже ждала большая часть группы «Лужане».

— Все нормально?

— Нормально. Потерь нет.

О подробностях командир спрашивать не стал.

— Товарищи, — сказал он, вытаскивая пачку бумаг, — в Логовищенской волости мы захватили списки, по которым немцы будут угонять наших людей в Германию, в фашистское рабство. Мы обязаны сорвать эту операцию гитлеровцев.

Он обвел глазами всех своих бойцов.

— В нашем распоряжении только эта ночь. Утром, когда в комендатуре узнают, что списки у нас, будет уже поздно. Сима, Миша Герасимов, вы здесь?

— Здесь!

— Возьмите две группы бойцов и этой же ночью изымите списки у волостных старшин в Курске и Погорелове. Старшин захватите с собой... Остальных бойцов сейчас разобьем на пять групп. Задача — за ночь объехать все деревни, обнаружить списки. Пусть молодежь спасается, уходит в лес...

Он перевел дыхание и заговорил спокойнее:

— Очень опасны сейчас гестаповские агенты и убежденные нацистские пособники. Они постараются поме-

шать нам, предупредить комендатуру... Если они приведут карателей по нашим следам к родственникам ушедших в лес, репрессиям подвергнется весь район, фашисты устроят кровавую вакханалию. Поэтому прямо на собраниях арестовывайте ярых предателей, судите их. Потребует народ смертного приговора — расстреливайте без пощады! Действуйте по обстоятельствам. Будет необходимо — инсценируйте насильственный увод молодежи в лес. Людей надо спасать во что бы то ни стало!

При неверном свете спички Александр Иванович, Володя, Сева, Миша и Толя поделили списки между собой.

— Добывайте лошадей, ребята. Пешком не успеть, — сказал командир. — Шире привлекайте наших людей в деревнях, связных. В Букине передайте списки прямо Екатерине Петровне Ефимовой. Она с помощью своих питомцев сама все сделает. Договоритесь только, где встретить букинскую молодежь в лесу.

Вернувшись с бойцами на дорогу, где на козлах брички сидел арестованный волостной, Александр Иванович прыгнул в повозку и крикнул:

— Гони теперь, старшина, в Обода-Буянщину! Да побыстрее, время не ждет.

Застучали копыта, повозка покатила по лесной дороге.

Когда они ворвались в спящую деревню, ребята выпрыгнули на ходу из брички и кинулись стучать в окна, в двери.

— Выходи на сходку! — кричали они. — Буди соседей!

Деревня быстро оживала. Послышался стук дверей. Где-то затеплился огонек коптилки. В ночном воздухе раздавался гул голосов.

Стоя на крыльце пятистенной избы, Александр Иванович следил за тем, как сходится народ. Рядом с ним на деревянном бруске мерцала под ветром керосиновая «летучая мышь», и лиц людей, собиравшихся на сходку, он разглядеть не мог. Тремя ступеньками ниже командира «лужан» на крыльце неподвижно стоял волостной старшина.

Толпа глухо гудела и переговаривалась. Крестьяне с любопытством разглядывали лицо Александра Ивановича. О «товарище Ильине» с Валдая слышали все, а многие видели его и раньше. Народ смущало только присутствие волостного старшины. Зачем он? Может быть, суд будет над изменником? Почему ночью?

— Крестьяне! Товарищи! — громко сказал Иванов, и разом вокруг стало тихо. — Страшную судьбу готовят

вам фашистские негодяи: всю молодежь вашей деревни, да и других деревень, они хотят угнать в Германию, в рабство.

Он потряс зажатым в руке листком бумаги.

— В моих руках подлинный список парней и девушек Обода-Буянщины, которые должны быть угнаны в фашистскую неволю, оторваны от своей земли, от своих родителей, братьев и сестер... Этот список захватили мои бойцы в волости. Я сейчас прочту его. Откликайтесь, кто здесь есть...

Он начал выкликать людей по списку, и из толпы отвечали голоса, басовитые и тонкие, мужские и женские, но одинаково сдавленные и испуганные:

— Тут...

— Здесь я...

— Я!..

Тихо плакали женщины.

— Я привез к вам волостного старшину, который подтвердит справедливость моих слов.

Старшина затряс бородой:

— Правда, истинная правда...

— Почему так тихо, волостной? — сказал Александр Иванович. — Громче говори! Чтобы весь народ слышал.

— Это правда, — громче повторил старшина.

— Готовят немцы угон народа в неволю?

— Да.

— Когда ты должен был отдать им список?

— Завтра.

— Кто должен забрать молодежь?

— Солдаты...

Командир «лужан» крикнул в толпу:

— Не подчиняйтесь немецким приказам! Уходите в лес. Есть оружие — берите с собой. Нет хуже горя, чем фашистская каторга! Партизаны помогут вам. Угоняйте в лес скот, прячьте имущество в ямах. Пусть ничего не достанется фашистской сволочи!

Толпа у крыльца шумела уже громко, грозно.

— Вы не одни. Сейчас мы поедem предупредить крестьян в другие деревни. Если поднимется весь народ — ничего с ним не сделать оккупантам!

Бойцы тем временем подогнули бричку. Иванов показал волостному старшине на козлы. Когда он туда взобрался, Александр Иванович крикнул:

— Гони дальше, старшина! Быстрее!

Группам Малыгина и Герасимова удалось захватить списки двух остальных волостей. Старшин, как и приказывал командир, они увели с собой.

В общей сложности двое суток продолжалась бешеная скачка по деревням. Повсюду обнародовались списки. Кое-где разведчики прямо договаривались о встрече в лесу, просили захватить с собой оружие. Старосты получили строгое указание оправдываться тем, что молодежь забрал проходивший мимо партизанский отряд.

Чтобы уберечь население от предательства и репрессий, «лужане» провели несколько открытых судов над гестаповскими агентами и старостами, которые выслушивались перед оккупантами. На каждом таком суде присутвовали все жители деревни. Разведчики зачитывали доносы агентов (тут пригодились и документы, только что захваченные в Логовище), напоминали предателям все их преступления с самого начала оккупации. Приговор выносили сами крестьяне: «Расстрелять!»

— Время наступает очень трудное, — говорили разведчики людям. — Враг еще будет лютовать, бросать по деревням карательные отряды, убивать ни в чем не повинных жителей. Спаситься от смерти, от угона в рабство сможет только тот, кто помогает партизанам, прислушивается к их советам. Мы, партизаны, и вы, крестьяне, должны действовать сейчас вместе, чтобы сорвать замыслы врагов, задуманные им преступления.

Двое суток «лужане» не спали и почти не ели. Логовищенский старшина, ездивший с Ивановым, уже валился с козел. Когда они покинули последнюю деревню на долгом пути и оказались на лесной дороге, Александр Иванович сказал ему:

— Останови лошадей... Слезай...

Волостной с трудом, неловко слез с козел и встал на обочине, опустив голову. Он ждал выстрела.

Иванов смотрел на него с повозки. Старшина не представлял теперь никакой опасности ни для группы, ни для крестьян.

— Ну что ж, волостной, — сказал командир, — потрудились ты на славу... Можешь рассказать теперь об этом своим хозяевам. Получишь медаль «За усердие».

Он хлестнул лошадей вожжами, бричка покатила вперед, а старшина остался стоять один у пыльной дороги.

По пути в Савин бор Александр Иванович встретил первую группу молодежи из Стругокрасненского района, которая шла к ним, — человек шестьдесят. Вели их от условленного места сбора в лесу к себе на базу Толя и Сева.

Поздоровавшись со своими, командир остановил группу и невольно покачал головой. Многие ребята были одеты

по-летнему, у парней на ногах — ботиночки или тапки, у девушек — туфли.

— Чего ж ты так легко оделся? — спросил он одного из парней.

Тот только развел руками. А робкий голос спросил из строя:

— А разве мы форму не получим? Партизаны ж в форме...

Александр Иванович засмеялся:

— Ну где нам тут в лесу столько формы взять? Сами подумайте. Вон вас сколько! Тут целый склад нужен. Винтовок в группе насчитывалось более десятка.

— Покажи, — попросил командир парнишку в большой, сползающей на уши кепке. Тот с гордостью протянул ему оружие.

Винтовка была покрыта слоем ржавчины. Неудивительно: хранилась в земле. Нажав на спусковой крючок, Александр Иванович с трудом вытащил затвор и, подняв винтовку, посмотрел в ствол. Канал ствола едва проглядывался. «Из такой винтовки первым выстрелом себя убьешь», — подумал он и вернул ее парнишке:

— На, держи пока.

Еще раз оглядев группу, он сказал:

— Делать нечего, ребята, пошли устраиваться.

В первый же день пришло еще более семидесяти человек из Плюсского района, половина — девушки. База разведчиков уже превратилась в большой табор, но движение к ней не прекращалось, парни и девушки шли и шли.

Как ком снега, падая с горы, обрастает и превращается в лавину, так появление деревенской молодежи на базе «лужан» вызвало множество проблем и вопросов, которые раньше не возникали. У командира голова шла кругом. Но дело надо было делать, и он начал с простых, необходимых вещей.

Последовало его первое указание:

— Всех пришедших обучить твердым правилам поведения на базе — тишине, скрытности, маскировке.

Как накормить молодежь? Александр Иванович дал задание пятерым своим бойцам:

— Идите по деревням. Надо выломать два-три котла из бань. Кашу будем в них варить. Попросите у крестьян любую посудину покрупнее...

Чем вооружить новичков? Командиры групп начали опрашивать бойцов, кто знаком со слесарным делом. Слесари нашлись среди бывших военнопленных. Под деревьями была создана «оружейная мастерская». Слеса-

рей засадили за проверку и ремонт винтовок, принесенных ребятами из деревень. Все негодное, представляющее опасность для самого стрелка оружие было тут же утоплено в болоте.

«Лужане» ждали ответных действий эсэсовцев и карателей, сильнейшей прочески. Охрану лагеря, дальнюю разведку, заботу о безопасности родителей ребят Александр Иванович возложил на Подсекина. Тот направил на задания нескольких бойцов.

Понемногу жизнь начала налаживаться. Молодежь разбили на группы, которыми командовали опытные разведчики. Построили шалаши. Бойцы, ходившие за котлами, притащили три огромных эмалированных чугуна, выломав их из каменок бань, и два молочных бидона. В них заложили варить крупу, добытую в свое время на крупорушке. Когда каша поспела, встала новая проблема: нет... ложек!

Толя Бриллиантов, много занимавшийся организацией лагеря, дал приказ:

— Пускай ребята пока едят в очередь. У кого с собой нож, может вырезать ложку из деревянной чурочки.

Отношение к парням и девушкам со стороны бойцов не было ровным. Пятерке командиров приходилось заниматься и этим.

— Набрали сосунков, возись теперь с ними, — пожаловался Александру Ивановичу Сима Малыгин. — Отослать их домой, пусть сами укрываются. Мы их предупредили — и хватит.

Иванов гневно взглянул на него:

— Глупости говоришь, Серафим! Мы отошлем, а немцы заберут и отправят в Германию. Тебе же спасибо скажут. А мы тут для того, чтобы защитить людей от гитлеровцев. Скажи: сам ты у крестьян от карателей укрывался? Ну вот... Так чем же ты им отплатить хочешь? Стыдись!

Потом Александру Ивановичу пришлось осадить бойца, который поинтересовался:

— Что мы будем делать с этими детьми?

— С детьми? — удивился командир. — Это такие же «дети», как твои командиры — Сева, Миша и Толя. Им тоже по семнадцать лет. Может быть, у тебя и к ним есть претензии? Ах нет... Так вот, чтобы я на эту тему разговоров больше не слышал!

Однако надо было принимать и очень серьезные решения. Когда лагерь уже заснул под защитой усиленных постов охранения, пятерка «лужан» продолжала во

«дворце» важный разговор. Все сидели серые от бессонницы, с желваками на осунувшихся лицах. Но было не до сна.

— Мы не сможем принять даже всех тех, кто уже пришел к нам,— говорил Иванов.— Оружие возьмем с бою, воевать — научим. Прокормим, в конце концов. Не в том дело, что желающих много... Одежды и обуви у нас нет, и взять их негде. А зима уже на носу. Наверное, даже сегодня ребята мерзнут. А дальше что будет? Когда снег выпадет.

— Болеть начнут, худо будет,— проговорил Миша.

— А все-таки отказывать ребятам нельзя,— подал голос Володя.— Они в партизаны шли, а получится, что партизаны их от себя прогнали.

— Надо договориться так,— предложил Толя.— Кто придет к нам в годной одежде и обуви, а особо — с оружием, тех мы примем. Им отказывать не будем. Остальные должны понять, что им следует скрываться, не теряя связи с деревнями, с семьями. Убеждать придется ребят.

— Убедим,— сказал с оптимизмом Володя.— Сегодня они поспят в шалашиках под пиджачками и поймут, что условия мы ставим правильные.

— Хорошо, берем на тех условиях, как сказал Толя,— решил Иванов.— Но надо остальных не потерять. Ребята должны убедить свои семьи перебираться в лес. Ведь только там люди могут спастись. Давайте говорить с ними завтра об этом.

На следующий день командиры долго беседовали с крестьянской молодежью. Разговор был предельно прост и откровенен. «Лужане» рассказывали им о трудностях предстоящей работы, о том, как придется голодать, мерзнуть в «секретах», совершать долгие переходы. Пришлось им, естественно, говорить об обстановке в районе, на фронтах, знакомить ребят с последними сообщениями Совинформбюро.

— Кажется, понимают...— доложил Толя командирю.— Говорил, аж язык заболел. Но дошли до точки.

Начался отбор. Тех, кто мог остаться на базе, оказалось пока пятьдесят человек. Они были торжественно приняты в партизанский отряд. Всем было вручено оружие — захваченное под Букином или принесенное молодежью и проверенное слесарями.

Молодые бойцы стояли в строю. Текста партизанской клятвы у «лужан» не было, пришлось сочинять его самим. Тут больше других отличился Сева Леонардов, неплохо владевший словом.

— «...Клянусь, что только смерть вырвет это оружие из моих рук! Клянусь, не щадя жизни, уничтожить фашистскую нечисть!» — торжественно и приглушенно раздавалось под соснами Савина бора.

За церемонией следили те, кто еще не удостоился чести стать партизанским бойцом. Многие из этих ребят направлялись в свои деревни только затем, чтобы взять одежду. И хоть им предстояло вернуться к «лужанам» очень скоро, за приемом в отряд первых счастливицев они следили с завистью.

Всех, кто должен был уйти в деревни, собрали на лесной полянке, покрытой начавшей опадать листвой. Говорил с ребятами Александр Иванович:

— Только лес сейчас укроет крестьянина от фашистского разбоя. Скажите об этом своим родителям, родным и соседям. Вы знаете, что многие захоронили свое добро, урожай в лесу. Надо скрываться там и самим. И строить следует не какую-нибудь нору, где можно пересидеть день-другой, а основательную зимнюю землянку, которую ни мороз, ни дождь не прошибут. Надо соорудить навесы для скота и завезти в лес корм. Лес не выдаст русского человека!.. Мы очень надеемся на вас, ребята. Надеемся, что вы укажете путь для спасения от врагов всему крестьянству.

Через два дня на базу «лужан» вернулись те, кто ходил домой за одеждой. В Савином бору стало очень многолюдно. Парни были распределены в боевые группы под командованием Бриллиантова, Антонова, Леонардова, Морозова, Герасимова и Николая Рогова. Девушек объединили в женскую роту, которой поручалось дежурство по лагерю, приготовление пищи, стирка и ремонт одежды.

В лесном лагере с утра до вечера шла учеба. Командиры демонстрировали парням элементарные, с их точки зрения, вещи: как ползти по-пластунски, как маскироваться. Когда молодежь освоила азы разведки, перешли к задачам более сложным. «Лужане» показывали, как надо обращаться со взрывчаткой, владеть оружием, отрабатывали тактику засад и налетов. Многие парни ходили в учебные атаки с палками в руках: автоматов и винтовок не хватало.

Проблему оружия «лужане» решали организацией мелких засад. Они применяли их и раньше. Александр Иванович, когда не намечалось крупной операции, отпускал бывших власовцев, бывших военнопленных, которые рвались в бой, хотели мстить фашистам, на так на-

зываемую «свободную охоту». Группа из двух-трех бойцов подкарауливала в засаде эсэсовский патруль или какого-нибудь полицаю, одиночную машину, открывала огонь, забирала у убитых фашистов оружие и документы, скрывалась в лесу. Теперь на захват оружия были направлены пять боевых групп.

— Не брезгуйте и «мелочью», — напутствовал их командир. — У немцев есть поговорка: «Мелкий скот тоже дает навоз». Так что поучимся немецкой бережливости...

После этого на дорогах района стали бесследно исчезать патрули эсэсовцев и полицаев, а также различные охотники до «яйка, курка, млеко». Дело дошло до того, что комендатура перестала высылать солдат-связистов на восстановление второстепенных линий связи, разрушенных «лужанами», потому что эти солдаты тоже не возвращались в свой гарнизон.

— Трудно стало фрицев выманывать, — жаловался Миша Антонов. — Раньше свалил телеграфный столб, и пятерка с винтовками тут как тут. А теперь ждешь не дождешься. А если и дождешься, так броневика с пулеметом...

Тем не менее через две недели все новые бойцы «лужан» были вооружены. Получили оружие — карабины и пистолеты — даже девушки, которые участвовали в охране лагеря.

«Лужане» потерпели при этом тоже некоторый урон. При одной из засад, которая была проведена не очень грамотно (огонь был открыт с большой дистанции, эсэсовцы залегли и организовали оборону), был ранен в ногу Сергей Абрамов. «Лужане» уж и забыли о том, как вытаскивали его из «волчьего логова». Сергей сдержал слово, данное в первый же день разведчикам. Он участвовал во многих боевых операциях, показал себя с наилучшей стороны и считался опытным «лужанином». Рана Сергея была легкой. Вскоре после того как ее обработал и перевязал Яша Морозов, Сергей начал ковылять по лагерю с палочкой.

Второй большой проблемой этих дней было питание бойцов. Как добродушно шутил по поводу новичков Володя, «на диверсию еще ходить нельзя, а кашу есть уже можно в полную силу». Ежедневно на базе в котлах из бань и в молочных бидонах варили кашу для двухсот человек. Старостам в деревнях был дан приказ увеличить выпечку хлеба. Но питание бойцов оставалось скудным, да и запасы группы были не так уж велики. Во всяком случае — для двухсот человек.

— Товарищ командир, крестьяне рассказывают, что Узольников снова жирком оброс, — доложил Иванову Толя Бриллиантов. — Неплохо было бы его тряхнуть...

Узольников, к которому «лужане» ходили «за сапогами», держал с разрешения оккупантов торговлю, устраивал, пользуясь знакомствами в комендатуре, выгодные сделки и после налета разведчиков довольно быстро поправил свое хозяйство.

— «Как насчет стаканчика дегтя?» — улыбнулся Александр Иванович. — А раз он снова зажирел — обязательно надо тряхнуть.

Ночи стали темнее, налет был подготовлен по всем правилам партизанского искусства. На этот раз «лужане» не только не отстреливались от полицаев, но сами дали им бой и вымели их из деревни. В хозяйстве предателя забрали две подводы с лошадьми, хлеб, несколько мешков соли, две бочки керосина, полтора десятка мешков табака, угнали весь скот — быка, корову, телят, овец.

Володю Подсекина результаты налета все-таки не удовлетворили. Возвращаясь в Савин бор, он долго удивлялся:

— Счастливый человек Узольников. Ну до чего же удачливый! Опять смылся. Долго мы еще за ним гоняться будем?

Миша Антонов прервал его:

— Володя, ты сам говорил, что Узольников от нас не уйдет. И не уйдет! Куда ж он денется?..

Налет был неплохим, но что значило продовольствие, захваченное у Узольникова, для отряда в двести бойцов? Очень немного. Поэтому «лужане» обрадовались, получив известие от агронома Иванова: «На мельницах у Плюсы — большое количество зерна и муки». Разведчики хорошо знали две эти мельницы: там шел помол для немецких войск.

— Вот это задача! — обрадовался командир. — Вернемся к тому, что было на Курее. Давайте опять готовить крестьянский транспорт.

«Лужане» отдавали себе отчет в сложности задуманной операции. На этот раз они покушались непосредственно на имущество германской армии. Это должно было вызвать ярость фашистов. Но тем не менее операция была разработана и проведена.

В ней «лужане» выступали в трех качествах. На первом этапе они были участниками внезапного боевого налета. Полицаи, охранявшие мельницы, в коротком бою были перебиты. Затем бойцам пришлось превратиться в

грузчиков, которые быстро наваливали в подъезжавшие крестьянские телеги тяжелые кули. Потрудиться пришлось основательно: были захвачены сотни пудов муки и зерна. На последнем этапе бойцы боевыми заслонами прикрывали крестьянские обозы, которые уходили в ночь под проливным дождем.

Уцелевшие полицаи добрались до Плюссы и подняли там тревогу. Гарнизон немедленно двинул к мельницам карателей и воинские части. Но преследовать растекавшиеся по лесным дорогам обозы оккупанты ночью не решились. Они опасались нарваться на засады, подобившей той, которую «лужане» провели в Букине. Дождь, на дорогах. За его густой кисеей исчезли, растаяли сотни мешков с мукой и зерном. Они были доставлены к тайным укрытиям в целости, и проблему продовольствия для отряда «лужане» считали в основном решенной.

ЕЩЕ ЧП

Случай на войне, как и вообще в жизни, играет немалую роль. Об этом командир «лужан» знал из многомесячного опыта деятельности группы в тылу врага. Он привык спокойно относиться ко всякого рода неожиданностям и был настроен так, что они не лишали его душевного равновесия.

Но одно тяжелое происшествие в конце сентября, нелепое и досадное, едва не выбило его из колеи. Когда он возвратился из рейда в окрестности Плюссы, на базе его встретил встревоженный Морозов.

— С Ваней Ивановым плохо. Очень плохо.

— Что случилось? — быстро спросил командир.

Морозов объяснил. Ваня Иванов утром проверял трофейный парабеллум. Он привык к немецкому оружию, разбирался в нем отлично. И уверенность в себе в этот день подвела его. Ваня не заметил, что не сработал выбрасыватель и в патроннике пистолета остался патрон. Решив щелкнуть курком, он нажал на спуск. На звук выстрела (а парабеллумы отличались очень громким боем) сбежались бойцы. Ваня лежал на траве и грыз от боли зубами землю. Пуля прошла через ногу и раздробила кость.

— Тяжелая рана? — спросил Александр Иванович.

— Очень.

Они пошли к шалашу, где лежал Ваня. Боец, поте-

Антонина Степановна Целикова.

рявший много крови, был белым как мел. Рана, видимо, доставляла ему огромные мучения. Он только с трудом сказал командиру:

— Вот так получилось... Неудача...

— Поможем, Ваня. Лежи спокойно.

Командир сжал зубы. Нелепейший, досаднейший случай! Выбыл из строя опытный разведчик. Что будет дальше, сказать трудно. От такой раны в полевых усло-

виях ему, возможно, не оправиться. И все это случилось в момент, когда они ждали прочески, окружения. Теперь разведчики были привязаны к базе. Раненого не бросишь.

— Нетранспортабелен? — спросил командир Яшу.

— Нет, — ответил Морозов. — С такой раной на себе его нести нельзя.

— Плохо...

Словно угадывая мысли командира, Яша сказал:

— Сима в колено пулю получил, и хоть бы что. А тут...

— Постарайся его как-нибудь вытащить, — промолвил Александр Иванович. — А мы все будем думать.

Но сколько ни бился с раненым фельдшер, состояние Вани не улучшалось. Нога почернела, по всем признакам начиналась гангрена.

— Спасать надо парня, — печально сказал Яша товарищам. — Пропадет... Без операции ему не выжить.

— Будем к Целиковой обращаться. Надо организовать побег из Плюссы. Володя, займись этим, — приказал командир.

Антонина Степановна Целикова из деревни Воцкая была надежной помощницей разведчиков еще с 1942 года. Через нее шли связи в села, где стояли немецкие гарнизоны, в Курею, Гривцево, Добрый Бор. Через нее тянулась цепочка в Бутырки.

«Лужане» знали, что муж Целиковой работал раньше в Стругах на кожевенном заводе. Он с тремя товарища-

ми организовал поджог завода, работавшего на немецкую армию, и после этого ушел воевать в 6-ю партизанскую бригаду. Антонина Степановна была человеком смелым и самоотверженным. Именно ей удалось установить связь с военнопленными врачами в плюссском госпитале, благодаря которой «лужане» получали медикаменты.

Встретившись с Целиковой, Подсекин объяснил ей ситуацию.

— Выручай, Антонина Степановна. Надо вытаскивать хирурга из Плюсссы. А то пропадет наш парень. Поезжай, договорись.

— Документ есть?

— Конечно... — Володя передал ей блестяще изготовленную Сашей Лукомским и заверенную печатью справку о том, что жительнице деревни Воцкая А. С. Целиковой разрешается поездка в Плюсссу к родственникам.

Родственников у Антонины Степановны там на самом деле не было, а была добрая, заслуживающая доверия знакомая, которая в свою очередь поддерживала дружеские отношения с медсестрами из госпиталя. По этой цепочке было недалеко до хирурга Андрея Ивановича Сокола. И когда, приехав в Плюсссу, Антонина Степановна попросила передать ему, что ждет его, врач тотчас пришел в домик на окраине.

Андрей Иванович был человеком не первой молодости, очень собранным и отличался удивительным спокойствием.

— Сводки привезли? — поздоровавшись, деловито осведомился он.

— На этот раз — нет, — ответила Целикова и изложила хирургу просьбу разведчиков.

— Хорошо... — вздохнул, выслушав ее, Андрей Иванович.

— Что же тут хорошего!

— Да я так, своим мыслям... Дело в том, что у нас тут обстановка складывается очень тревожная. Госпиталь скоро будет закрыт, а нас, видимо, угонят в Германию. Надо срочно уходить. Так что, как видите, все совпало... Хотя несколько дней еще есть: раненые продолжают поступать.

— Как это вы фашистов лечите? — не выдержала Антонина Степановна.

— А раненые для меня — не фашисты. Просто — раненые. Понятно?

— Нет.

— Так рассуждают настоящие медики в любой стра-

не. Кроме, разумеется, фашистских. Эти лечат только своих, «арийцев», а остальных стараются побыстрее отправить на тот свет.

— Теперь понятнее...

— Слава богу. Когда можно бежать?

— Послезавтра. Сколько вас будет?

— Я, еще один врач-терапевт и три медицинские сестры. Как будем поступать, если полицаи задержат?

— Приеду с надежными документами на всех. Вы, — Целикова посмотрела на врача, — по справке будете учителем сельской школы. Устроит?

— Вполне. Нам надо захватить инструменты, да и медикаментов следует взять побольше...

— Я приеду с повозкой. Спрячем под сеном.

Через день побег из госпиталя прошел успешно. Документы у них проверили только один раз — полицаи на выезде из Плюссы. Справки, снабженные всеми необходимыми подписями и печатями, не вызвали у охраны никаких сомнений.

Володя Подсекин с тройкой бойцов встретил бежавших на лесной дороге под Воцкой. Два врача и сестры сумели вынести из госпиталя большой набор хирургических инструментов, бинты и лекарства. Распределив груз между собой, восемь человек ушли в лес, а Антонина Степановна покатила на повозке в свою деревню.

Появившись на базе, Андрей Иванович первым делом спросил:

— Где раненый?

Его провели к шалашу, где лежал Иван. Осмотрев его потемневшую ногу, хирург сказал:

— Будем готовить к операции.

Кто-то из разведчиков начал расспрашивать его, как прошел побег, но Андрей Иванович отмахнулся:

— Потом, потом... Вскипятите побольше воды.

Палатку-«госпиталь» застелили чистым парашютным шелком, перенесли в нее раненого, и хирург с двумя сестрами приступил к делу.

Он не отходил от Ивана двое суток. Даже спал рядом с ним в палатке. Сюда бойцы приносили ему еду. Поскольку хирург часто требовал кипятку, Александр Иванович приказал установить неподалеку от палатки небольшой зеленый заслон и разжечь там костер. На нем постоянно кипел чугунок с водой.

Отвлекся Андрей Иванович только один раз, чтобы осмотреть подживающую рану Сергея Абрамова. Сказал,

что все идет у него нормально, и похвалил Яшу за грамотную обработку огнестрельной раны.

На третьи сутки хирург разыскал командира «лужан» и сказал, глядя на него своими мягкими, добрыми глазами:

— Останется парень с ногой... А было трудно. Сначала я сомневался в том, удастся ли ему жизнь сохранить.

Кризис у Вани миновал, и Сокол получил возможность познакомиться с базой. Лагерь разведчиков вызывал у него немалое любопытство. Днем и ночью появлялись тут группы вооруженных людей, в полной тишине отдыхали, получали новые задания и исчезали.

Присмотревшись к ритму работы разведчиков, хирург спросил:

— Сколько вы спите в среднем в сутки?

— Сколько?— задумался Александр Иванович.— Да, наверное, часа четыре... Иногда, правда, совсем не спим сутками, но зато на дневке можно прихватить несколько часиков.

— Так нельзя. Надо отдохнуть. Скоро вас ветром свалит.

— Не свалит!— засмеялся Иванов.— Ваш терапевт по моей просьбе осмотрел бойцов. Говорит, что все практически здоровы, даже простуды ни у кого нет.

— А все-таки отдыхать надо,— упорствовал Сокол.— Хотите, дам пару таблеток? Поспите несколько часов и встанете здоровым человеком.

— Очень некогда сейчас,— ответил командир.— Вот разберемся с самыми срочными делами, тогда поспим досыта.

Хирурга он считал очень ценным человеком для группы. Специалист Сокол был отличный и характер имел исключительно деловой. Вскоре Александр Иванович заметил, что хирург испытывает неловкость из-за того, что все вокруг заняты напряженной работой, а он как будто бы находится на простое. Однажды Андрей Иванович затеял с командиром такой разговор:

— Я, между прочим, стрелок неплохой. На соревнованиях классные места занимал.

— На операцию я вас не возьму,— отрезал Иванов.

— Жаль... С пулеметом обращаюсь, наверное, лучше, чем ваши бойцы. Армейская практика.

— Андрей Иванович, вы же кадровый военный, подполковник,— укорил его командир.— Так рассудите сами. Любого стрелка, пулеметчика, разведчика мне есть кем заменить. Можно заменить командира группы. В

конце концов, меня заменят, — есть кому. А вы у нас единственный. Что случится — кто поможет? Мы же не в беспроигрышную лотерею играем. Прошу на меня не обижаться.

— Как же мне без дела сидеть?

— А вы займитесь с нашими девчатами, поднатаскайте их по части перевязок. Бои, я думаю, предстоят еще немалые, а медицинских знаний у них нет. Научите их — большое дело сделаете.

И Сокол начал проводить занятия с девушками.

Еще Андрей Иванович никак не мог поверить тому, что безусые мальчишки — Толя, Сева и Миша — являются опытными командирами. Когда Иванов и Подсекин уходили в рейды на несколько дней, вся тяжесть организации боевой и разведывательной работы ложилась на плечи молодых. Им на базе все подчинялись беспрекословно. Пришлось также подчиняться ребятам и подполковнику медицинской службы.

ДЕРЕВНИ В ЛЕСУ

На протяжении веков лес укрывал русского крестьянина при вражеских нашествиях, был его лучшим другом и спасителем. Так было и во время Великой Отечественной войны. Лес давал приют не только партизанам, но и всем, кто бежал от «нового порядка». Оккупанты боялись леса. Немецкие соединения предпочитали обходить лесные массивы, где они действовать не умели, и жизнь развивалась тут по своим законам.

Еще при отступлении наших войск и в первое время оккупации крестьяне укрывали свое имущество, часть урожая от «грабьармии» в ямах, вырытых в глухих лесных чащобах. И чем беспросветнее становилась оккупационная ночь, тем сильнее зрело убеждение у крестьян: надо в лесу спасать не только имущество, но и спасаться самим. Так было и в Стругокрасненском и в Плюсском районах Ленинградской области.

Процесс перехода крестьян в лес «лужане» наблюдали с самого начала. А начинался он со скромных маленьких землянок, вырытых неизвестно кем в самых отдаленных и неприметных лесных уголках. Появлялась угроза угона скота — в лесу можно было увидеть большие шалаши, навесы, где укрывали лошадей, коров. Попадались небольшие копенки сена, тщательно укрытые от дождя и замаскированные от постороннего глаза.

Любимая игра детворы из «лесных городков» — «в партизаны».

Кто все это делал — оставалось неизвестным. И даже когда «лужане» спрашивали у кого-нибудь из крестьян: «Ну, а тайник-то у тебя в лесу есть?» — в ответ человек лишь пожимал плечами: «Да пока нет. Зарыл от немца кое-что. А понадобится — землянку вырою».

Процесс этот развивался стихийно. Жители отдельных деревень держались друг друга. Поэтому Иванов рыл свою землянку неподалеку от Петрова, а вслед за ним начинал оборудовать свое жилище Сидоров. Получалось так, что жители одной деревни «отстраивались» в лесу вместе.

Со временем образовались настоящие тайные поселения, получившие названия лесных городков. Они именовались по названиям деревень — Логовищенские, Погореловские, Сазоновские...

Со временем «лужане» отметили их на боевой карте. Александр Иванович потребовал от командиров групп:

— Маршруты прокладывать в обход городков, тропы к ним не пробивать. Надо беречь эти места от карателей. Скажите всем бойцам, чтобы не пользовались землянками для ночлега. Это крестьянский дом в лесу, и надо относиться к нему с уважением.

Разведчики хорошо понимали важность начатого крестьянами дела. Они знали, что, несмотря на нехватку

сил для отпора партизанам, оккупационные органы, гарнизоны не примирятся с потерей власти, что зреет широкая расправа с мирным населением.

Группа «Лужане» развернула агитацию за лесные городки. Разведчики и их связные убеждали крестьян подготовиться к наступлению карателей, выстроить землянки в лесу, спрятать скот, запасти корм для него, захоронить домашнюю утварь. В особенности быстро пошло дело после собраний в деревнях, когда «лужане» спасали молодежь от угона в Германию. Юноши и девушки, пришедшие в группу, встречались во время выходов на задания со своими родителями, братьями, сестрами. Они были самыми лучшими агитаторами.

В деревнях люди действовали по-разному. Одни, обиженные старостами и карателями, ушли в лес совсем. Другие семьи жили «на два дома»: в лесу скрывались те, кому угрожала участь быть угнанным в Германию. Третьи оставались на старых местах и тем не менее отстраивали капитальные, зимние землянки, чтобы иметь возможность спастись от немцев в любой момент.

В лесной чащобе налаживался своеобразный быт. Происходило тут перераспределение авторитетов. Если, например, в староверском Букине крестьяне с наиболее важными вопросами обращались к старосте попу-наставнику Фатееву, то в Букинских городках уважаемым человеком был Иван Варфоломеев, к нему шли с самыми разнообразными делами. Причем влияние Ивана распространялось широко — на Дубровские, Лоховские, Посадницкие и Сеглицкие городки.

В лесных поселениях «лужане» надежно опирались на десятки своих помощников, деревенских связных, которые в новых условиях приобретали большой авторитет и могли работать гораздо шире. Здесь начинали действовать старые, довоенные правила, обычаи, нравы. Курышева, Целикова, Андреева, Изотовы, весь «колхозный двор», многие другие знакомые и помощники «лужан» составляли актив городков.

В деревнях тем временем происходило довольно ясное размежевание сил. Патриоты тяготели к лесу, немецкие пособники — к гарнизонам в Стругах Красных, в Плюссе, в Новоселье. Кое-где старосты и тайные агенты гестапо стали исчезать, бежали под немецкую охрану, кое-как устраиваясь в гарнизонах у родственников, поступая на службу в полицию.

После «молодежной кампании», проведенной разведчиками, активизировало свою работу гестапо. Начались аресты в Стругах Красных, в административно-хозяйственном управлении, в военной и гражданской комендатурах. Агроному Иванову был дан сигнал уходить, одновременно надежные люди вывезли из Струг его семью — жену, двоих детей, сестру с ребенком. Иванов стал бойцом группы, а семья его была спрятана за Букинскими лагерями, на лесном кордоне в домике лесника. Ни имущества, ни продуктов питания у них в этот момент не оказалось, и Александр Иванович распорядился взять семью Иванова на довольствие.

Гестаповцам удалось нащупать кое-кого из помощников «лужан» в деревнях. Арест угрожал букинским учительницам Екатерине Петровне Ефимовой и Марии Федоровне Петровой. Обе были укрыты в городках. Вместе с семьей — женой и детьми — скрылся от ареста учитель из Сеглиц Иван Яковлевич Андреев. Впоследствии он вел широкую работу в Сазоновских, Сеглицких, Погореловских, Кирилловских и Воцких городках.

Деревня в лесу была новым и сложным явлением. Лесные городки стали в дальнейшем надежными опорными пунктами разведчиков, где они действовали рука об руку с крестьянами. И еще тогда, когда они сооружались, «лужане» проявляли о них заботу. Тут было над чем подумать.

— Замаскировать городки так, как мы свою базу, народ не сумеет. Пробьют тропы, а по ним каратели смогут подобраться. Надо бы как-то отвлечь немцев, подзапутать их, — сказал Володя Подсекин.

В результате этого предложения Александр Иванович отдал всем бойцам странный на первый взгляд приказ: беречь... мусор. На базе «лужан» его не было. Любой обрывок бумаги или веревки немедленно попадал в яму, специально вырытую для этого, а затем сжигался в кухонном костре.

Мусор был дефицитом. А он очень понадобился, когда большая группа бойцов пришла в пустой лес между Посадницей и Добрым Бором. Это была веселая операция. Со смехом, с шуточками ребята строили шалаши, пробивали на лесной почве тропы, разбрасывали обрывки бумаги, тряпки, винтовочные и автоматные гильзы. Когда место приобрело достаточно обжитой вид, зажгли большие костры. В них бросали мокрый валежник, трухлявые пни, мох, дающие много дыма.

В тихое утро столбы дыма были ясно видны в утрен-

нем тумане. Они привлекли внимание оккупантов. А поскольку каратели не раз получали в лесу отпор, то комендатура готовилась к операции очень тщательно. Она стянула воинские части, полицейские подразделения со всего района, и началась проческа. За действиями карателей следили наблюдатели «лужан». Они доложили командиру, что один «фальшивый городок» обеспечил все наличные силы комендатуры работой на целый день. Проческа велась со стрельбой, с метанием ручных гранат. Разведчики начали строить «фальшивые городки» в пустых лесах регулярно. Так они заставили оккупантов совершать «карательные экспедиции» на полигон, в леса между Кириллковым и Сеглицами, между Добрым Бором и Посадницей. Они приучали оккупационные власти к тому, что наиболее опасные для них зоны находятся именно здесь.

После каждой такой «экспедиции» в оккупационной газетенке появлялась информация об очередном разгроме «лесного лагеря бандитов и партизан». В группе «Лужане» над этими сообщениями хохотали от души.

В ЛЕНИНГРАД ЧЕРЕЗ БРИГАДУ

Неслышно накатывалась глубокая осень, с багрянцем облетающих лесов, с густыми туманами, с частыми дождями. Уже редко проглядывало теперь уходящее бабье лето. Чаше было холодно и пасмурно.

В один из таких холодных дней произошла долгожданная встреча с партизанами 5-й бригады. Поехастливилось группе Миши Антонова, которая продвигалась на разведку к Стругам Красным. Случайно Миша услышал в лесу голос кукушки. Никто из бойцов не обратил на него внимания. Но Миша остановился и прислушался. «Цепочка» встала.

— Тихо, ребята! — шепотом приказал Антонов.

— Ку-ку!.. Ку-ку!.. — снова послышалось среди деревьев.

Миша поднес ладони к губам.

— Ку-ку!.. Ку-ку!.. — произнес он не очень громко, подражая голосу кукушки.

Наступила тишина. Потом неподалеку затрещал бурелом, и объявился человек в кубанке с автоматом под рукой. Взглянув на бойцов, он без опаски зашагал к ним. Подойдя вплотную, человек, который оказался парнем лет двадцати, деловито спросил:

— Парашютисты, что ль?

— Парашютисты, — ответил Миша.

«Парашютистами» в немецком тылу партизаны называли работников госбезопасности. Их, как правило, забрасывали сюда самолетом.

— Ильина парашютисты?

— Да.

— А мы от Карицкого.

— Из пятой?

— Из пятой.

Парень повернулся и негромко свистнул. Из-за кустов появились еще несколько партизан.

— Ведите нас к Ильину. Имеем к нему поручение из бригады.

Миша назначил вместо себя командиром опытного бойца, а сам вернулся с партизанами на базу.

Когда стихли первые восторги и ребята по законам лесного гостеприимства повели партизан к кухне, их командир сказал Александру Ивановичу:

— Надо бы поговорить.

— Пошли. — Иванов кивнул на «дворец».

Здесь командир партизанской группы рассказал, что на Валдай со специальными заданиями бригады вышли два отряда.

— ...Есть дела на «железке», надо провести кое-какую работу по деревням. Командир бригады Карицкий и начальник особого отдела Авдзейко приказали установить, что с вашей группой, где она. Из Ленинграда Авдзейко сообщили, что связь с «лужанами» потеряна...

— Рация вышла из строя, — кивнул Александр Иванович.

— Как ты понимаешь, версии по поводу вашего исчезновения можно было строить разные. Карицкий твоих бойцов называет «детишки из Савина бора». Он сказал: «Не верю, чтобы детишек немцы прихватили. Не так уж они просты. Ищите!» Ну, как видишь, нашли. Отряды будут действовать в вашем районе недели две, а потом вернуться в бригаду.

— Как там? — спросил Иванов.

— Бои идут по-прежнему. Но самое трудное, пожалуй, позади. Немцы начинают выдыхаться, уже так не лезут, как раньше. А то были такие сражения, что авиация не успевала нам боеприпасы подбрасывать. Сейчас фашист на большинстве участков блокирует нас, а наступать стремится вдоль дорог... Как будешь выполнять при-

каз по связи? Можем взять твое донесение, когда пойдём назад, а то сам посылай связных.

— Ждать не могу. Завтра же мои ребята пойдут в бригаду. Объясни, как к вам выходить.

Партизан достал карту и начал объяснять путь. Был он сложным, потому что между Савиным бором и бригадой проходил фронт, который надлежало перейти. Александр Иванович запоминал маршрут, обстановку в деревнях, явки, пароли.

— Пока ваши связные туда дойдут, обстановка, конечно, изменится, — сказал партизан. — Но как действовать, я думаю, ваших ребят учить не надо.

Они договорились о связи на Валдае, Александр Иванович подробно рассказал об оперативной обстановке в двух районах, где предстояло в ближайшее время действовать партизанам. Потом они пошли к своим ребятам, вместе пообедали.

Когда партизаны ушли, пятерка «лужан» стала обсуждать, кого послать на связь.

— Направим две группы, которые пойдут независимо одна от другой, — предложил командир. — Время очень дорого, а две группы быстрее найдут Карицкого, чем одна.

Кто будет старшим в каждой группе? Остановились на двух лучших ходаках — Володе Подсекине и Симе Малыгине. Вместе с Подсекиным направлялся в бригаду Сева Леонардов, который должен был связаться с Центром по партизанской рации.

Иванов просидел несколько часов у очага, составляя донесение на имя капитана Авдзейко, начальника оперативной группы особого отдела бригады. Покусывая карандаш, советуясь с товарищами, он писал о работе, которую «лужане» проделали после выхода рации из строя, — о диверсиях и засадах, уничтожении живой силы противника, сообщал о взаимоотношениях с населением, о работе отряда, решении продовольственной проблемы, о немецких гарнизонах, об охране железной дороги и еще о многих и многих делах. Значительное место в донесении заняли отчет об уничтожении гестаповской агентуры и предателей, информация о собранных материалах на еще действовавших агентов, которые угрожали не столько безопасности группы «Лужане», сколько жизни сотен крестьян в деревнях. Закончив донесение, Александр Иванович переписал его во втором экземпляре.

Группы ушли еще до рассвета. Несколько дней они отсутствовали, а потом вернулись с отличной вестью:

связь со штабом 5-й партизанской бригады установлена! Подсекина, Малыгина и Леонардова забросали вопросами о бригаде.

— Бои еще тяжелые, раненых много, — рассказывал Володя. — Но действуют партизаны хорошо, дают немцам огонька. Фашист подтянул к передней линии радиоусилители и начал вещать: «Партизаны сдавайтесь! Вы оккупированы!» А наши с другой стороны кричат: «Нам на это наплевать! Мы всю жизнь в окружении!» Так и не нашли общего языка...

— Сколько у них народу?

— Точно не скажу, но много. Бойцов, думаю, уже больше двух тысяч. Связь с Большой землей у них постоянная. Есть свой аэродром. Вывозят на самолетах раненых, детей, семьи, пострадавшие от немцев. Получают из Ленинграда оружие, взрывчатку, литературу. Почта ходит. Так что, ребята, можете письма родным писать, перешлют.

Последние слова Володи вызвали на базе общий энтузиазм.

Затем подробной беседой со связными занялся командир.

— Работал с Центром? — спросил он у радиста.

— Да, все прошло нормально.

— Что ответили?

— «Все указания по связи получите у Авдзейко».

— А что особый отдел? Рацию нам сбросят?

— Рации пока нет.

— Как же быть? — спросил Александр Иванович и обратился к Володе: — Ты спрашивал об этом у Авдзейко?

— Спрашивал. Смеется Игорь Владимирович... «А я, — говорит, — вам что, не представитель Центра? Работаете в моей зоне — значит, мне и будете подчиняться. Вы же, — говорит, — не кустари-одиночки. Через каждые три дня высылайте связных с информацией. Особо важные донесения — только устно».

Иванов задумался. Изменение связи с Центром оказалось для него неожиданным. Между тем это решение командования было вызвано значительным изменением оперативной обстановки в оккупированных районах Ленинградской области. Разведывательные группы не были теперь для Центра единственным источником информации. Получаемые ими данные перекрывались материалами разведки партизанских соединений и подпольных партийных центров. Вместе с тем появилась возможность объединить отдельно действующие группы. Они вводи-

лись в подчинение особым отделам партизанских бригад, во главе которых стояли опытные работники Ленинградского управления госбезопасности. Это позволяло оперативно руководить группами в зависимости от быстро меняющейся обстановки. Таким образом, непосредственным руководителем группы «Лужане» стал капитан Игорь Владимирович Авдзейко.

— Значит, приказано «замкнуться» на него, — сказал наконец Александр Иванович. — А указания какие?

— У радиста, устно, — кивнул Володя.

— «Сокращайте численность отряда, — произнес Сева. — Бойцов и медицинский персонал передайте бригаде. Передайте раненых для эвакуации самолетами».

Вечером на базе перед строем бойцов Александр Иванович прочел приказ. Сто бойцов переводились в 5-ю партизанскую бригаду для дальнейшей борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Иванов зачитывал фамилии, бойцы выходили вперед и возвращались в строй.

На базе в этот вечер было довольно грустно. Уходили друзья, боевые товарищи, вместе с которыми было немало пережито и хорошего и плохого.

Подсекин подсел к Александру Ивановичу.

— И ты, Саша, опечален? Хочешь, развеселю?.. Новость есть хорошая. Помнишь, мы сообщали в Ленинград о диверсионной школе у Черного озера?

— Конечно, помню, — ответил Иванов.

Еще бы не помнить! Сам факт, что им удалось нащупать немецкую диверсионную школу, значил немало. А они ее еще и «разработали». Школа находилась в бывшем доме отдыха «Черные горы» у Черного озера. Абвер вербовал в нее предателей и изменников. После короткого курса обучения «инструкторы» из немецкой разведки забрасывали их в тыл наших войск. «Лужанам» удалось установить число диверсантов, которые обучались здесь, фамилию начальника школы. Они составили подробную схему места, где находилась школа, отметили минные поля и замаскированные огневые точки.

— Ну так вот... Мне Авдзейко рассказывал. Нету у немцев больше этой школы. Была и вся вышла. Оказывается, Центр дал указание второй бригаде, и партизаны от школы только мокрое место оставили.

Володя забрался на нары, в сено, и спросил:

— Письмо написал?

— А как же! — Александр Иванович показал ему сложенный из бумаги треугольничек.

— Ух и обрадуются в Ленинграде! Ведь столько вре-

мении от нас вестей не было. Сева, наверное, целую тетрадку испишет. Ведь они с Ниной только поженились... Слушай, Саша, — Подсекин приподнялся, — а что, если нам взять и отправить несколько писем от населения? Пусть расскажут своим на Большой земле, как они тут живут...

— Это, Володя, дело, — быстро согласился Иванов. — Надо сейчас оповестить связных.

Они послали несколько бойцов по деревням и лесным городкам. Оттуда на базу разведчиков были доставлены четыре десятка писем. Перебирая их, «лужане» улыбались: на некоторых конвертах и треугольниках были наклеены советские почтовые марки.

Это были скорбные письма из фашистской неволи. Тут каждая строка звучала болью и ненавистью к гитлеровцам. Иван Яковлевич Андреев из Сеглиц писал своему брату в Ижевск:

«Дорогой брат Василий Яковлевич! Трудно нам жить, противно смотреть на фашистов, которые оскверняют родную землю, издеваются над русскими людьми. Если ты жив, все отдай для быстреей победы над врагом. Фашисты расстреливают тут людей при малейшем подозрении, за связь с партизанами. Немцы из нашей родни расстреляли зятя Степу, племянника Шуру, сестру Наташу и зятя Митю, дядю Васю Окунева с женой и их сына Гену. В папу стреляли, когда он убегал в лес. Он упал, и немцы думали, что убили его. Поэтому он остался жив, но сейчас болеет. Мама плачет день и ночь, не знает, что с Павлушей, Колей, Марусей и тобой. Фашисты убили Степу Зыкова — нашего соседа, убили Сашу Марулина, убили Мишу Захарова. Это только по нашей деревне, а ведь так — везде. Я это письмо пишу тебе из партизан...»¹

Утром в лесу моросил мелкий дождичек. Сто бойцов были построены и ждали команды. Александр Иванович крепко расцеловался с Ваней, с хирургом, с агрономом Ивановым.

— Семейку мою не забывай, — попросил агроном. — На тебя оставляю.

¹ Это письмо имело в дальнейшем свою интересную историю. На самолете из 5-й партизанской бригады оно было переправлено на Большую землю и доставлено в Ижевск. Брат И. Я. Андреева прочел его на заводском митинге, и рабочие поклялись не покидать своих цехов до тех пор, пока не будет завершен важный фронтный заказ. Затем письмо было переслано на фронт — второму брату И. Я. Андреева, а оттуда — его сестре в блокированный Ленинград.

— Не беспокойся. И укроем твоих, и хлебом обеспечим.

— Бойцы, слушай мою команду... — протяжно произнес Подсекин, которому было поручено вести группу. — Направо! Шагом... марш!

Иванов подошел к нему:

— Попроси у Авдзейко толу. У нас одни крошки остались.

— Сделаю, — кивнул Володя.

Дождь все шел. Было сыро, промозгло. Строй бойцов двинулся, и передние уже скрылись за деревьями. Замыкал группу обоз из трех телег, на которых ехали раненый Ваня, хирург и медицинские сестры. Под телогрейкой Ваня вез к партизанам толстую пачку писем на Большую землю.

Подсекин вернулся из бригады не только с сорока килограммами взрывчатки, с подробными инструкциями по предстоящей работе, но и с категорическим указанием Центра: «Настаиваем на решительном сокращении группы. Смените базу, тщательно замаскируйтесь, легализация исключается. Направление работы — разведывательно-диверсионное. Для обеспечения безопасности местного населения, сохранения его имущества, продуктивного и рабочего скота разрешаем увеличить состав группы «Лужане» до 24 человек».

Двадцать четыре... А бойцов на базе оставалось около ста, да еще девушки... Трудная была задача. Пятерка «лужан» отбирала состав группы. Уходить не хотел никто, напротив — все просили оставить в Савином бору. Но приказ есть приказ. Александр Иванович исходил из интересов и задач группы. Остались бойцы, имевшие наибольший опыт боевой работы, засад и диверсий, а также несколько новичков, появившихся в свое время после сцен «насильственного увода». Местные жители были необходимы «лужанам».

В день, когда в бригаду отправлялась вторая группа бойцов, произошло любопытное происшествие. Миша Герасимов привел под конвоем на базу двух... полицейских.

— Откуда эти субчики? — удивился Иванов.

— Говорят, что бежали из плюсской комендатуры. Были мобилизованы насильно, — доложил Миша. — Хотят в партизаны, немцев бить.

Командир допросил обоих. Полицейские сказали, что скитаются по лесу уже несколько дней. Однако Александр Иванович видел, что одежда их не затрепана, а сапоги кое-где даже сохранили блеск. «Липа!» — подумал он.

Возиться ему с ними было некогда, и он сказал Подсекину, которому вновь предстоял путь в бригаду:

— Захвати их с собой. Особисты разберутся. Конвойных предупреди: если по пути эти «добровольцы» попытаются удрать — пусть стреляют.

Ушла и вторая группа... Девушек партизаны 5-й бригады не могли принять из-за сложной боевой обстановки. Александр Иванович знал, что девчата сильно переживают, плачут. Надо было искать какой-то выход, и командир «лужан» приказал собрать их всех на небольшой лесной полянке.

— Девушки! — сказал он. — Вы видите, что нас остается совсем мало. Работать нам придется, опираясь на своих людей в деревнях. Я рад, что вас не забрали у меня в партизанскую бригаду, потому что вы нужны нам здесь. Ваша боевая задача состоит в том, чтобы, вернувшись в деревню или в лесные городки, сплотить вокруг себя людей, подготовить их к выступлению против оккупантов. А мы с вами будем поддерживать постоянную связь.

Девчата успокоились, приободрились и в ближайшие три ночи разошлись на новые места. На базе остался только постоянный состав группы.

Правда, выполняя приказ командования, Александр Иванович несколько схитрил. Еще в первом рапорте в бригаду он предложил направить несколько бойцов из местных жителей «ответорганизаторами» в группы лесных городков. «Добро» было получено, и он направил туда Ивана Яковлевича Андреева, Якова Васильева, Ивана Варфоломеева. Эти люди в любой момент могли пополнить группу. Кроме того, «не в счет» остался легко раненый Сергей Абрамов. И наконец, опять-таки «не в счет», осталась на базе единственная женщина — Дуня, жена Николая Варфоломеева. Веселая, никогда не унывающая, она наравне с мужчинами ходила в разведку, в засады, была напарницей мужа у тяжелого пулемета, готовила, стирала, чинила одежду и никогда не жаловалась на трудности.

Наступали осенние холода. Землю по утрам сковывал морозец, на опавшую листву ложился иней. Земля и мох стали отчетливо похрустывать под ногами. «Лужанам» было ясно, что до морозов «командировка» их не кончится и что придется на Валдае зимовать.

Место для новой базы искали долго и тщательно. Перебрав все варианты, остановились на уже знакомом

островке среди болот, за Курейкой, с торчащими песчаными буграми, густо заросшими сосняком.

В свободное от дежурств время тут начали рыть землянки.

— Строим новый «дворец»! — провозгласил Толя.

Но это название за зимней базой «лужан» почему-то не пришло, ее стали называть: «На буграх».

Землянок вырыли три — одну большую, две поменьше. Притащили железные печурки с трубами. В большой землянке печь была с конфорками, для приготовления горячей пищи. Достали небольшие застекленные рамы. Двери навесили из толстых ватных оснований грузовых парашютов. Из тех же мешков были изготовлены чехлы на рамы, для маскировки света в ночное время. Сколотили столики и скамейки из жердей. Нары устлали высушенным папоротником. Принесли котлы для воды, три керосиновые лампы. Неподалеку от островка, в кустарнике, заложили тайник с продовольствием.

Решили, пока будет относительно тепло, на базу не ходить, чтобы не пробивать лишних троп. Лишь изредка, возвращаясь с заданий, группы заходили сюда, чтобы оставить и замаскировать подобранный в лесу сушняк — дрова на зиму. Вели разведку, каждые три дня в бригаду направлялись связные с данными для Центра. Ночевали бойцы пока в холодном осеннем лесу.

На одном из таких ночных привалов Александр Иванович вспомнил:

— Володя, а что те два полицая, которых ты увел в бригаду?

— Да их там сразу опознали ребята из Плюссы, — ответил Подсекин. — Оба — расстрельщики. Один сразу признался, что искал нашу группу по заданию гестапо, а второй, я уходил, еще упорствовал. Но кого он там обманет? Думаю, оба уже давно в болоте...

ДЕЛА ОКТЯБРЬСКИЕ

Пустынно стало в Савином бору после того, как сто семьдесят бойцов ушли в бригаду. Шумно тут, по понятной причине, никогда и не было, но то и дело двигались по выбранным разведчиками тропам, в обход городков, цепочки людей. Теперь, как казалось «лужанам», их тропы совсем обезлюдели. Работа для оставшихся продолжалась привычная — рейды, дежурства у дорог, «секреты», выходы на связь в деревни, в лесные городки.

Многое разведчики делали в эти дни, чтобы, как выразился Александр Иванович, «раскачать» Букино. С тех пор как немцы были вынуждены убрать отсюда свой гарнизон, два махровых предателя — староста Фатеев и полицай Карпов — бежали в Струги. Но влияние старосты, который был попом-наставником староверов, продолжало сохраняться. Верующие — а их в деревне насчитывалось немало — собирались в доме Фатеева, где находилась молельня.

Командир сам не упускал случая побывать в этой деревне и регулярно давал задания бойцам:

— Пойдешь с «железки» — зайди в Букино, побеседуй с людьми.

Александр Иванович в детстве жил в Вологодской области, где было в то время немало староверских деревень, обычаи раскольников знал хорошо. Своих бойцов он подробно инструктировал:

— Обращайтесь с ними предельно вежливо, аккуратно. Ни в коем случае не посмеивайтесь, если увидите что-нибудь для себя необычное. Не просите поесть, перекусить, берите только то, что предложат сами хозяева. Курить в избах нельзя. Захотел покурить — выйди на улицу... Читайте им сводки, рассказывайте о положении на фронтах. Это — главное.

И постепенно лед тронулся. Бойцы как умели выполняли инструкции командира. Очень помогли им девушки, вернувшиеся в деревню из Савина бора. А что касается сообщений Совинформбюро, то они являлись главным моральным оружием «лужан». Не было даже среди самых убежденных староверов такого человека, который не захотел бы услышать свежую сводку, пусть даже она читается устами «нечистого» человека. Постепенно перед разведчиками стали открываться и те двери, которые раньше перед их появлением запирались на крепкий засов.

Один из букинских стариков как-то спросил Александра Ивановича:

— Товарищ Ильин, а вы сами, случайно, не нашей веры будете?

— Нет, — серьезно ответил Иванов. — Я, по чести сказать, безбожник. У меня никаких религиозных убеждений нет. А почему вы спросили?

— Да ваши ребята не смеются над нами, не оскорбляют нашей веры. Ровно они и не «миряне».

Надо сказать, что «лужане» сумели завоевать тут прочные позиции. Александр Иванович был заядлым ку-

рильщиком и без самокрутки никак обойтись не мог. Беседуя с крестьянами в букинских избах, он часто выходил покурить. Однако со временем его стали останавливать:

— Курите здесь.

— Но ведь нельзя же у вас курить. Это грех,— возражал командир.

— Ничего. Мы грех замолим. Курите,— говорили крестьяне.— Рассказывайте дальше...

Жители Букина точно так же, как и жители других деревень, «строились» в лесу. Староверы никак не связывали это ни с агитацией «лужан», ни с обстановкой в районе. Всеми своими действиями они словно говорили: «Мы сами по себе. А строимся в лесу, потому что так желаем». Но обосновывались они тут очень капитально. Навестив однажды Букинские городки, Иванов увидел группу крестьян, которые вместе рыли одну очень большую землянку.

— Молельню строите, крестьяне?— поинтересовался Александр Иванович.

— Баню...— ответили ему.

Тут было чему удивиться. Бани не существовало ни в одном другом лесном городке. «Эх, попасть бы со временем в нее и нам, „нечистым мирянам“»,— подумал Иванов.

В октябре группа провела три диверсии на железной дороге, но ни одна из них, по мнению разведчиков, не явилась достаточно удачной. Впрочем, причиной этого были и некоторые объективные обстоятельства. Эшелоны теперь двигались по рельсам с черепашьей скоростью, на подножках висела охрана с автоматами, спереди к паровозу были прицеплены платформы с балластом. «Лужане» проверили все перегоны: Новоселье — Струги, Струги — Карьер, Карьер — Плюсса, Плюсса — Серебрянка, везде картина была одинаковой. Более того, оккупанты в страхе перед партизанами стали внезапно менять направление движения, пускать поезда по левой колее.

При первой октябрьской диверсии у паровоза лишь вырвало топку, и он развернулся на полотне поперек. Стала поперек и платформа, которая шла за паровозом. Остальные лишь лязгнули тарелками друг о друга.

Ущерб оккупантам был невелик. А движение по линии прервалось не больше чем часа на два-три. В Стругах Красных у немцев постоянно стоял под парами ремонт-

ный состав. Ликвидировать результаты подрывов они научились очень быстро.

— Опять начинаем машинистов пугать... — сердился Миша Антонов. — Ползут как черепахи! «Гармошку» бы им сделать!

Несмотря ни на что, «лужане» не теряли надежд на «гармошку». В глухую осеннюю ночь, когда дождь хлестал по всей округе и завывал дикий ветер, они ухитрились заложить мину чуть ли не под ногами у эсэсовского патруля. Но и эта рискованная операция не дала желаемого результата: с рельсов сошел паровоз, а за ним три вагона, причем все они остались на полотне, с насыпи не свалился ни один.

— Тол у нас, братцы, на исходе, а успехов нет, — заметил по этому поводу Александр Иванович. — Рискнем еще разок?

Однако третья диверсия оказалась вовсе неудачной. Мину заметили с патрульной дрезины. К счастью, дрезина, затормозив, остановилась как раз над ней. Пришлось спешно дернуть за «удочку», поднять дрезину с патрулем на воздух и быстро убираться восвояси. Просто не повезло...

О результатах этих подрывов, а также о том, что взрывчатки больше нет, командир доложил в бригаду. Связные принесли от партизан еще двадцать килограммов тола и записку, в которой деликатно излагалась просьба «постараться более успешно».

Временные неудачи на железной дороге несколько сгладила, во всяком случае в моральном смысле, «яблочная операция», план которой возник экспромтом.

В имении «Мыза», разгромленном в начале осени группой бойцов Толи Бриллиантова, сохранились огромный яблоневый сад и небольшая кирпичная хозяйственная постройка. Та же немецкая ставленница, «барыня» Тамара Александровна, сумела выпросить у стругокрасненского коменданта охрану для сада, чтобы «ее» яблони не отрясли крестьяне. Комендант прислал команду полицейских, которые разместились в кирпичной постройке. А практически охрану сада осуществляли два старика с берданками.

Яблоки в саду были хороши. Миша Герасимов с двумя бойцами по пути с «железки» домой, на базу, решил «запасться яблочками».

— Охрана? — сказал он. — Да какая там охрана!

Но едва разведчики залезли в сад, как старик сторож, не разбирая, кто и зачем идет, пальнул по ним из бер-

данки. Тотчас всполошились полицаи, и в результате ребята были вынуждены отходить под сильным автоматным огнем.

— Старый черт! Нанялся яблоки сторожить!— ругался в лесу Миша.— Этой бы берданкой да по шее ему наkostenять.

На базу ребята, естественно, явились сильно сконфуженные. Их рассказ о происшествии вызвал бурное веселье.

— Из берданки в вас палили?.. Солью?..— спрашивал Александр Иванович, сотрясаясь от смеха.— Дожили, орлы. Скоро вас из рогатки начнут обстреливать.

— Да ведь как вышло, товарищ командир...— краснея, оправдывался Герасимов.

— Ладно,— сказал Иванов,— придется восстановить честь мундира. Заодно полицаев из «Мызы» выкинем. Да и яблоки соберем.

Так родилась «яблочная операция».

По просьбе разведчиков из Букина, Лоховы, Дуброва на полутора десятках телег в лес, находившийся неподалеку от «Мызы», ночью подъехало около пятидесяти крестьян и крестьянок. «Лужане» тем временем подошли вплотную к кирпичной постройке, где находились полицаи. Сева Леонардов выстрелом снял часового. Полуодетые полицаи, выбежав на улицу, попытались организовать оборону, но попали под сильный огонь, сразу потеряли троих убитыми и были вынуждены бежать без оглядки.

Ребята прошли в сад, отобрали берданки у сторожей и широко распахнули ворота, сделанные из жердей. В ночи слышался скрип телег. Подъехали крестьяне, и началась уборка яблок. «Лужане» выставили боевое охранение. К утру все было завершено. Часть яблок захоронили в лесу, а остальное развезли по деревням и лесным городкам. С помещьем «Мыза» было покончено, полицаи сюда больше не возвращались.

Яблоки надолго вошли в рацион «лужан». Больше всех был доволен «яблочной операцией» Толя Бриллиантов. Он питался теперь преимущественно яблоками, набивая их в запас за пазуху, под гимнастерку.

— Толя, живот заболит,— дразнили его ребята.

— Ничего,— невозмутимо отвечал Бриллиантов.— Яблоки полезные. В них железа много.

Несколько операций, подобных «яблочной», которые разведчики провели совместно с крестьянами, привели к установлению самых дружеских отношений между «лу-

жанами» и населением деревень. Теперь при встречах неизбежно начинались разговоры: «Почему не заходите? Давненько у нас не были...»

— Саша, — сказал командиру Подсекии, — в Лохове на нас народ совсем в обиде. Уж Антонину Степановну спрашивали, почему-де партизаны их совсем забыли...

— Так ведь некогда, Володя.

Яша Морозов, прислушивавшийся к разговору командира с его заместителем, заметил:

— Почему некогда? Чем в лесу от холода зубами стучать, могли бы иной раз и в деревню зайти погреться.

Уговорили командира, и однажды к девяти часам вечера группа в полном составе явилась в Лохову. К избе, где остановились разведчики, бежали девушки, шел и пожилой, степенный народ.

Когда изба заполнилась, Толя вышел на середину и объявил:

— Начинаем партизанский вечер отдыха и концерт художественной самодеятельности! Боец Коля Рогов исполнит под гармонь популярную песню «Жди меня»...

У Рогова оказался приятный баритон, и ему долго хлопали. Кто-то из местных девушек ответил песней «Мама». И пошло... Пели хором любимые песни. Весть о «вечере отдыха» донеслась в Сазоново. И оттуда повалил народ.

После концерта начались танцы. Александр Иванович сменял посты охранения через каждые тридцать минут, и ребята, что называется, с ходу включались в общее веселье. Парней в деревнях совсем не оставалось, и давно не видели здешние девчата таких умелых, галантных и культурных кавалеров, какими были разведчики. Группа за полночь покидала Лохову...

ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

В сентябре и октябре обстановка в оккупированных районах Ленинградской области продолжала стремительно, день ото дня, накаляться. Выступления против гитлеровцев приобрели всенародный характер. Константин Дионисьевич Карицкий сообщил в Ленинград, что в зоне действия его бригады созрели условия для общего восстания против оккупантов.

Ленинградский штаб партизанского движения ответил ему:

Партизанский лагерь в лесу.

«Разошлите по всем районам действий вашей бригады группы коммунистов, комсомольцев, агитаторов поднимать народное восстание, указывайте населению места сбора, организуйте народ в отряды, вооружайте их, направляйте бить врага. Не допускайте, чтобы двухлетний тяжелый труд партизан пошел насмарку. Народ поднимается, дайте ему правильный путь. Дело чести спасти наших братьев и сестер, а спасти их можно только в борьбе».

Володя Подсекин, который ходил с информацией в бригаду, вернувшись, принес несколько номеров газеты «Партизанская месть» от 17 октября с призывом: «К оружию, товарищи! Поднимайтесь на всенародную борьбу с немецкими захватчиками!»

Газета сообщала об успехах воинов Волховского фронта, освободивших Кириши и Подпорожье, и призывала: «Своими руками оградим жен и детей наших, сестер и родителей от проклятой немчуры. Поможем им уйти в леса и спрятать имущество. Все способные носить оружие — в ряды партизан!» Крупным шрифтом были выделены слова: «Мсти, партизан, немцу за горе, за слезы и кровь наших людей. Разрушай дороги, взрывай мосты, чтобы не мог уйти немец и увезти награбленное».

— Просили тебе передать, что скоро к нам прибудет

из бригады группа с особым поручением,— сказал командир Володя.

Через несколько дней группа, о которой Подсекин предупредил Иванова, вышла на деревню Лохову. Известие об этом было получено от связных тотчас, и командир «лужан» двинулся на встречу с партизанами.

Те находились в стоящем на отшибе доме Дуни Степановой. В большой комнате у окна сидел немолодой уже, но подвижный человек с веселыми глазами. Был он без телогрейки, в одной рубашке, заправленной в диагональные брюки. Вид он имел не партизанский, а, скорее, армейский.

— Ильин? — спросил он, приподнимаясь, и тут же представился: — Сергачев Николай Иванович.

— Рад познакомиться,— искренне ответил Иванов.

О Сергачеве, который работал до войны секретарем сельского райкома партии, а потом был оставлен во вражеском тылу для организации подполья, он слышал немало. Суровую школу прошел этот человек.

— Эй, хозяйюшка, обеспечь нас кипятком,— попросил Сергачев,— разговор не короткий...

И обратился к Александру Ивановичу:

— Порасспросить тебя кой о чем хочу. Не обидишься?

— Отчего же? Конечно, нет.

Сергачев начал подробно расспрашивать командира «лужан» о положении дел в Стругокрасненском и Плюсском районах, об отношениях с населением, о лесных городках, об агитационной работе, хоть многое, как понял Александр Иванович, его собеседник знал и сам.

Постепенно он перешел к делу, ради которого прибыл сюда из бригады.

— Положение в наших местах сейчас радикально меняется. Весь народ поднялся против немца,— говорил он, глубоко затягиваясь махорочным дымом.— Численный состав в бригадах вырос за считанные месяцы в шесть-семь раз. Из нескольких районов гитлеровцев мы полностью выгнали. Теперь не они на нас жмут, а мы на них. Оккупационный аппарат управления разгромлен, назрел вопрос о новых органах власти. Решили воспользоваться опытом Партизанского края. Помнишь его историю?.. Создана Чрезвычайная тройка по восстановлению Советской власти на временно оккупированной территории. Образованы тройки в районах, восстановлены сельские Советы. Старосты в деревнях смещены, на их место избраны уполномоченные. Вот я и хочу узнать: в тех мес-

тах, где вы работаете, созрели условия для восстановления Советской власти?

— Да, — твердо ответил Александр Иванович.

— Почему так уверен?

— Да потому, что немецкой власти тут практически нет. Приказы комендатуры не выполняются ни в одной деревне. Вся власть сейчас из леса, от группы. Мы и судим, мы и мирим, мы и продовольствием обеспечиваем.

— Власть — она штука такая... Взять ее не проблема, об этом речь не идет. А весь вопрос в том, чтобы... — Сергачев помедлил, — удержать власть! Понимаешь?

— Понимаю. Удержим. У нас ведь трудность одна — деревни прикрыть не можем. Они на дорогах. Прикатят каратели на машинах — не отобьем, сил не хватит. Но зато лес полностью наш. Далеко в него немцы не полезут. А в лесные городки ушла уже большая часть населения. Нагрянут каратели — уйдут и остальные. Для жизни в лесу все есть — землянки, скот, продовольствие.

— Хорошо, — улыбнулся Сергачев. — Тогда давай, брат, и восстановим тут Советскую власть официально, для всего честного народа.

Ночью с временной базы неподалеку от Букина (зимней «лужане» пока не пользовались) Александр Иванович направил по разработанному вместе с Сергачевым плану связных в деревни. Они должны были оповестить народ, где и когда состоятся собрания. Вызывались на эти собрания и представители тех деревень, где еще стояли немцы.

Подсекин в это время находился в дальнем рейде, поэтому Александр Иванович поручил командование группой Толе Бриллиантову, а сам ушел вместе с Сергачевым в Сазоново.

Здесь, в самой большой избе, их уже ждали. Собрались все сазоновские от мала до велика, пришли и старики, старухи, женщины с детьми. Угол избы занимали, не смешиваясь с сазоновскими, гости — представители Сеглиц и Кирилкова.

Когда Сергачев и Иванов вместе с бойцами вошли в избу, их встретили веселым гулом. Цель собрания была известна крестьянам, но им не терпелось услышать подтверждение того, что речь идет о восстановлении Советской власти.

— Товарищи! — начал свою речь Сергачев. — Сводки вы знаете, знаете, что наша армия повсюду громит гитлеровские полчища. Не за горами время, когда последний гитлеровский оккупант, последний фашист будет

выгнан со священной русской земли. Приходит конец ненавистой оккупации...

Он начал говорить о героических делах 5-й партизанской бригады, о ее боевых действиях.

— Ты за Советскую власть скажи! — выкрикнул чей-то звонкий голос.

— Скажу, — улыбнулся Сергачев. — Советская власть уже восстановлена партизанами в нескольких деревнях рядом с вами, у ваших соседей!

Крестьяне дружно захлопали.

— Можно ли восстановить Советскую власть здесь, в ваших деревнях? Думаю, что можно. Комендатура немецкая тут власть потеряла и ее уже не вернет. Пока остаются у вас вражеские гарнизоны, эсэсовцы, полицаи. Но дни их сочтены. Скоро наступит им конец. Так давайте же смело смотреть в завтрашний день!.. Какие будут у вас вопросы?

Вопросы так и посыпались:

— Когда Красная Армия придет?

— Вместо волости, значит, сельсовет, а вместо старост кто?

— Налог какой платить и кому? Партизанам или сельсовету?

— Как с засыпкой семян? У нас до войны в Сазонове и Воцкой колохоз был крепкий. Весной сеять надо.

Сергачев подробно рассказывал, какие меры принимает государство для восстановления хозяйства на территории, освобожденной от оккупации. Закончив, он спросил:

— Так будет у вас Советская власть?

— Будет! Будет! — раздалось в ответ.

— Кто за установление Советской власти в Сазонове, Сеглицах и Кириллкове, прошу голосовать!

Поднялся лес рук. Александр Иванович видел, как на многих лицах блестели слезы радости. Женщины утирали глаза концами платков.

— Единогласно! — объявил Сергачев и сказал Иванову: — Теперь ты, Александр Иванович...

— Товарищи! — произнес командир «лужан», обращаясь к крестьянам. — Фашистский зверь смертельно ранен, но еще не добит. А вы знаете, что раненый зверь крайне опасен. Всякие подлецы, изменники и «тайники» донесут гестаповцам о том, что крестьяне восстановили Советскую власть и больше не хотят считаться с оккупантами. Надо ждать того, что фашисты еще из последних сил набросятся на нас. Поэтому необходимо создать

Учитель из Сеглиц Иван Яковлевич Андреев и крестьянин из Жупанова Яков Михайлович Васильев — первые уполномоченные Советской власти по Стругокрасненскому и Плюсскому районам.

охрану деревень, где установлена Советская власть, избрать дружины самообороны. Бдительно следите за действиями фашистов! При серьезной опасности немедленно уходите в лес. А мы, партизаны, будем постоянно помогать вам.

На собрании были избраны уполномоченные Советской власти по деревням, тут же предложили кандидатуры в дружины. Дружинникам «лужане» вручили оружие.

На улице после собрания Иванов столкнулся с Иваном Яковлевичем Андреевым и Артуром Арнольдовичем Рейхом. Они крепко расцеловались.

— Дождались-таки мы, товарищ Ильин, — сказал Рейх. — Пойдемте теперь к нам в гости в открытую.

— Спасибо, но сейчас не получится, — поблагодарил Александр Иванович. — Дел-то еще гора.

В течение четырех дней такие собрания прошли в большинстве деревень двух районов. С оккупационной властью, со старостами — немецкими ставленниками было покончено.

Путешествуя с «лужанами», Сергачев с любопытством следил за тем, как они действуют. Один раз спросил:

— Как вам удается так точно выходить в намеченное место? Ведь лесом идем. Я думал, промахнем в сто-

рону хотя бы километра на три. А вышли прямо на точку. — Практика, — засмеялся Иванов. — Который уж месяц упражняемся в этом днем и ночью. Тут поневоле научишься.

Еще удивило Сергачева, что бойцы уверенно входят в деревни без предварительной разведки. Командир группы объяснил ему систему условных знаков, которые выставлялись надежными людьми и были, без сомнения, огромной помощью для «лужан».

Состоялись районные собрания представителей деревень. После длительного обсуждения кандидатур были избраны особые уполномоченные по районам — крестьянин из Жупанова Яков Михайлович Васильев и учитель из Сеглиц Иван Яковлевич Андреев. Они дали перед миром клятву честно служить народу, блюсти интересы крестьян и сохранять их имущество.

Сергачев помог особым уполномоченным составить план работы, в который вошли многие вопросы хозяйственной жизни в деревнях и лесных городках. Было решено объявить также среди населения добровольный сбор зимней одежды, полушубков и теплого белья для отправки партизанам. Александр Иванович передал представителям Советской власти тайники с зерном и мукой, значительное количество оружия для самооборонцев.

— Хлопот меньше с хозяйственными делами, — радовался он. — И все бы хорошо, если бы не чертовы «черношинельники»...

Как и предвидели «лужане», оккупационные власти решили обрушить репрессии на восставшие деревни. Время для карательной экспедиции они выбрали совершенно необычное — ночь, рассчитывая, видимо, застать крестьян врасплох. Из Струг Красных и Новоселья вышли машины с эсэсовцами и полицаями. Расправе оккупанты намеревались подвергнуть самые крупные деревни районов, и экспедиция замышлялась ими широко: Дуброво — Логовище — Горки — Обода-Буянщина — Пашково — Жупаново — Заборовье — Коневницы.

Однако в большинстве деревень самооборонцы сумели предупредить крестьян. Те успели скрыться в лесу, угнав скот. Лишь в трех деревнях — Пашкове, Заборовье и Коневницах — карателям удалось захватить жителей.

Эсэсовцы действовали по заранее разработанному «сценарию». Окружив деревню, они выгоняли на улицу людей и скот, собирали их в одном месте. При свете автомобильных фар переводчик зачитывал приказ комен-

датуры: все жители непокорной деревни подлежат угону на принудительные работы в рейх, их имущество конфискуется, а жилища сжигаются. После зачитания приказа приступали к работе факельщики.

Страшная была ночь. Слышались команды эсэсовцев, ругань полицаев, плач женщины, рев скота, который солдаты гнали прикладами. Одна за другой загорались избы, зарево далеко виднелось в ночи, а округу завлакивал горький дым.

На рассвете полицаи, окружив колонну арестованных крестьян, погнали ее к Стругам Красным. Скорбное это было шествие — шли крестьяне, дряхлые старики и старухи, матери с младенцами на руках.

От угона, от уничтожения их спас счастливый случай. Один из охранников внезапно заметил, что лесную просеку, подходящую к дороге, пересекает цепочка вооруженных людей (как выяснили впоследствии, это был отряд Федора Хотилова из 5-й бригады, который, ничего не зная о происходящем, шел к железнодорожной линии на диверсию).

— Окружают! — благим матом заорал полицаи, и вся охрана, не помня себя от страха, пустилась бегом по дороге к Стругам Красным.

Оставшись без конвоя, колонна арестованных на момент остановилась. Потом кто-то первым метнулся в сторону, к лесу, перемахнул через канаву и скрылся за деревьями. За ним бросились остальные. Люди спотыкались, падали и бежали снова, не чувствуя усталости.

Так они добрались до Пашковских лесных городков. Были тут слезы горя по сожженной деревне, и слезы радости, когда родственники видели друг друга живыми и невредимыми. С тройкой бойцов поспешил в городки Володя Подсекин. Тут он выслушал подробный отчет о происшедшем, выругал самооборонцев, которые «проспали» немцев, помог быстрее устроиться пострадавшим от карателей.

Когда он вернулся на базу, командир выслушал его и сказал:

— Пока три деревни... Ведь чудом люди спаслись. А дальше? Для чего нам, скажут крестьяне, такая власть, которая нас от фашиста отстоять не может? Вот ведь как, братцы.

Командир был прав. Бойцов в группе постоянно не хватало. Много времени и сил уходило на передачу информации в бригаду. Причем в каждой такой операции обязательно участвовал кто-нибудь из основной пятерки

«лужан». Особо секретные сообщения, которые передавались Авдзейко устно, Иванов доверял только «своим».

— Дороги — главное, — сказал Володя. — Уж больно дороги хороши.

И в этом суждении была правда. Немцы поддерживали дороги в отличном состоянии. Каждая выбоина немедленно заделывалась, подсыпалась гравием. Гати через болотистые места были сделаны превосходные. Даже через небольшие ручейки были перекинуты крепкие мостики. За непорядок на дорогах оккупанты сурово взыскивали с волостных старшин и деревенских старост.

—...На машинах каратели могут прорваться куда угодно в любой момент, — продолжал Володя. — Заминировать бы дороги, так тола нет.

— Может, из засады ударить? — предложил Толя. — Обожгутся разок, не будут лезть.

— Нет, бой давать нам нельзя. Двести «черношинельников» сомнут нас, подавят, уничтожат, — сказал Иванов.

— Мосты надо сжечь, — предложил тогда Бриллиантов. — Прежде всего — через Курею. Тут уж на машинах они не будут раскатывать...

— Проверим, — заинтересовался Александр Иванович. — Ребята, а ведь, кажется, задумано правильно.

— Мосты восстановить можно, — нерешительно сказал Николай Варфоломеев. — Да и броды им известны.

— Завалим броды!

Пошел дождь. Капли все сильнее стучали по шалашу. Под этот шум начали вырисовываться контуры будущей операции. Причем таких размеров, что кто-то даже усомнился:

— А поднимем народ?..

— Поднимем. Именем Советской власти, — уверенно сказал командир. — Давайте только привлекать к агитации всех — уполномоченных, наших связных, самооборонцев, учителей. Весь народ должен выйти на работу в эту ночь.

Так в одну из последних ночей октября к мостам через Курею потянулись из леса вереницы крестьянских подвод, нагруженные хворостом. Люди сваливали его прямо под мосты и уезжали прочь. Когда все было готово, «лужане» подождали тридцать минут, чтобы последние возницы могли скрыться, а потом бросили в хворост термитные шашки. Над мостами ярко вспыхнуло пламя, и они превратились в гигантские факелы. Эсэсовцы, которые примчались из Струг Красных, даже не пытались их

тушить. От мостов через Курею остались одни голые вешки.

В это время в глубине районов шла напряженная ночная работа. Слышались удары сотен заступов, пение двуручных пил, стук топоров. На дороги обрушивались деревья, образуя непроходимые завалы. Крестьяне рыли канавы поперек дорожного полотна. Одновременно разбирались или сжигались семьдесят мостов и мостиков через Курею, Плюссу, две Синюхи, Черную речку, Сытню. Уничтожались, растаскивались в стороны гати на болотах, на речные броды скатывались с берегов большие камни-валуны.

К утру дороги двух районов стали совершенно непроезжими. На повозке еще кое-где можно было пробраться, но движение автомашин стало тут абсолютно невозможным.

На протяжении нескольких дней «лужане», выходя на задания, знакомились с результатами ночной операции.

— Вот что можно сделать, если поднять народ, — с воодушевлением говорил Володя командиру. — Когда мы это замыслили, я, честное слово, не думал, что так получится. Ведь живого места на дорогах не осталось! Нам, группе, такую работу до конца жизни бы не переделать. А тут — одна ночь!

Два моста — на дорогах Струги Красные — Новоселье и Плюсса — Милютино — оккупанты отстроили заново, используя строительные батальоны. Тут они установили сильную охрану. К прочим разрушенным мостам немцы и не приближались, опасаясь проникать в глубину районов.

ПОДАРОК К НОЯБРЮ

В самом конце октября оборвалась связь с Андреем Евдокимовичем Ярмистым. Елизавета Дмитриевна Петрова, через которую он передавал сводки с железной дороги, сообщила разведчикам:

— Что с ним, неизвестно. Жена его, Елена Ивановна, ходила на станцию, немцы ее не пустили. Плачет... Узнать ничего не удалось.

Оккупанты отстранили от работы на дороге всех русских, подозревая, — как мы знаем, не без оснований, — что они передают информацию о движении поездов партизанам. Однако они не выгнали русских железнодорожников, а, напротив, собрали их вместе и посадили на

станции под арест. Лишь через месяц Андрею Евдокимовичу удалось бежать, и он появился в Селищенских городках.

Но все обстоятельства выяснились гораздо позднее, а в начале ноября «лужане» остались без крайне необходимой им информации о железной дороге. Между тем приближалось 7 ноября, а традиция отмечать праздник подарком Родине соблюдалась во вражеском тылу неукоснительно. Еще задолго до праздника слово «подарок» склонялось на все лады, пока не выбиралось самое нужное и важное дело. Эта традиция, разумеется, не составляла секрета для гитлеровского командования. Оккупационные органы, изучившие все дни «красного календаря», были начеку.

Для группы «Лужане» дорога всегда оставалась «объектом номер один». И по поводу того, как отметить годовщину Октябрьской революции, сомнений ни у кого не было: конечно, диверсией на «железке». Теперь, когда получать сведения от Ярмистого стало невозможно, приходилось пользоваться тем, что добыли раньше, и вести усиленную разведку полотна.

Для охраны дороги оккупанты привлекли большое количество воинских частей. Вдоль полотна, в нескольких десятках метров друг от друга, стояли уже не крестьяне, а сдвоенные патрули автоматчиков. Кроме того, по шпалам непрерывно совершали обходы усиленные группы солдат, готовых немедленно кинуться к месту диверсии.

Кажется, дорога была закрыта для разведчиков полностью. Но отказываться от того, что надлежало сделать, им не хотелось.

— Попробуем, — решил Александр Иванович. — Не удастся сбросить эшелон — взорвем рельсы и обстреляем состав.

На операцию группа вышла в ночь с 5 на 6 ноября. К счастью, погода словно решила помочь «лужанам». Небо было обложено темными мохнатыми тучами. Беспрерывно шел дождь, смешанный со снегом. Пока добрались к железной дороге, вымокли до нитки. Под ногами чавкала грязь, струйки воды стекали за воротник. Истрепанные плащ-палатки быстро промокли и уже не защищали от пронизывающей сырости.

Разведчики залегли в редком кустарнике у полотна. Впереди, словно в тумане, на фоне пасмурного ночного неба вырисовывалась насыпь с фигурами охранников. Сева и Миша повели свои группы вправо и влево вдоль линии. Они должны были совершить короткие налеты в

километре от намеченного места подрыва, отвлечь ох-рану.

Через некоторое время начали выдвигаться вперед подрывники — Володя, Саша, Толя и Яша. Они поползли по-пластунски, оставляя за собой на снежной крупке широкие темные следы. Ответственным за проведение диверсии был назначен Подсекин. Он же должен был, как в случае удачи, так и неудачи, дать сигнал отхода для всех бойцов группы.

По полотну один за другим прошли два эшелона с замаскированными огнями. Дождь со снегом не только не переставал, но, казалось, становился сильнее.

Время тянулось невыносимо медленно. Позднюю осень разведчики справедливо считали самой трудной порой для диверсионной работы. Уж лучше лежать в «секрете» зимой, на морозе, в снегу, чем в осеннюю слякоть и холод, когда ты словно плаваешь в грязной ледяной ванне.

Александр Иванович, который возглавлял группу прикрытия, посмотрел на часы. Было только начало первого. Холод пробирал до костей, а надо было еще ждать и ждать. Справа вдалеке раздался стук автомата. Бойцы невольно напряглись. Но нет. Дело обычное: стреляли немцы, охране что-то почудилось, и она, нервничая, подбодряла себя автоматными очередями.

Один час десять минут... Пора! Справа заговорили автоматы ребят из группы Леонардова, тотчас послышалась стрельба слева — куда ушел Антонов.

На насыпи кто-то из немцев громко крикнул, и автоматчиков словно ветром сдуло. Они кинулись по шпалам вправо и влево, на ходу ведя огонь по лесу. Немецкие «шмайссеры» заглушили звук очередей наших автоматов. В тумане пронеслись яркие нитки трассирующих пуль.

Иванов напрягал зрение до боли в глазах. Но в дождливой мгле ничего было не разобрать. Он знал, что именно в этот момент четверо ребят начали закладывать мину. Он представлял себе: закапывают, маскируют «удочку», начинают отползать по насыпи вниз...

Немцы обстреливали лес минут двадцать, потом успокоились. Стало слышно, как шипит и отдувается паровоз, остановившийся неподалеку. У разведчиков от холода сводило все тело, ледяная ванна стала совсем невыносимой. Ну, когда же?.. Послышалось шипение пара, пыхтение паровоза, лязгнули тарелки буферов.

Над насыпью в дожде медленно проплыл силуэт паровоза. За ним потянулись платформы, вагоны. Колеса отстукивали на стыках рельсов сильно замедленный

ритм. Взрыва нет. Состав прошел в тишине, только снежная крупка секла по кустарнику. Неужели неудача?

Однако сигнала отхода, который должен подать Володя, тоже нет. Все оставались на своих местах. Снова появились эсэсовцы. Тишина, бесконечные минуты ожидания... Дождь еще усилился. Над насыпью медленно, почти бесшумно проплыл силуэт второго состава. Нет взрыва...

Три часа ночи. Сколько человек может еще вытерпеть?

Послышался шум быстро приближающегося поезда. Пропустив два эшелона медленно, оккупанты осмелели: этот наверстывал потерянное время. Приподнявшись, Александр Иванович на какое-то мгновение успел увидеть его: две платформы с балластом, несколько товарных вагонов, цистерна, опять вагоны, среди товарных — пассажирские, видимо с охраной. Вот уже паровоз поравнялся с кустарником, где лежат «лужане»...

Взрыв! Ночь прорезает белая вспышка, от которой все на секунду слепнут. Грохот оглушительный.

Паровоз оседает, разворачивается и медленно валится с полотна. Платформы с балластом, оторвавшись от паровоза, продолжают катиться вперед. Вслед за паровозом с насыпи слетают два вагона, цистерна, платформа с автомашинами, накрытыми брезентом. Следующий вагон разворачивается поперек полотна, и на него с лязгом, ломаясь, сходя с рельсов, лезут остальные. Есть долгожданная «гармошка»!

Грохот, лязганье, скрежет сливаются воедино. Скот, оказавшийся в нескольких вагонах, издает такой дикий рев, что мороз пробегает по коже...

К группе заслона, пригнувшись, подбежали подрывники. Бойцы пропустили их и по команде Иванова начали быстро отходить следом за ними. А небо над лесом уже было расчерчено светящимися полосами очередей.

Глубоко в лесу, в условленном месте, пришлось долго ждать Леонардова с бойцами. Все уж начали тревожиться: не ранило ли кого-нибудь из них?

Иванов постучал Володе кулаком по спине.

— Заморозил ты нас совсем.

— А как же, Саша? Первые-то эшелоны шли едва-едва. Только тол переводить... Потерпели немного, и видишь, как хорошо вышло!

Наконец из тумана выплыла долговязая фигура Леонардова. Вслед за ним показались бойцы.

— Привет! С праздничком! — засмеялся Сева, стуча

зубами от холода.— А мы там не только «шумнули», но и двух эсэсовцев свалили. Поэтому охрана долго успокоиться не могла.

— Быстрее, быстрее! — подгонял Александр Иванович бойцов, когда они уже шли цепочкой. Чтобы ребята хоть немного согрелись от ходьбы.

А дождь лил не переставая. Пришлось долго запутывать следы на мокром снегу. Вода была всюду — и сверху, и снизу. По штанам она стекала в сапоги. Поэтому через каждые несколько километров Александр Иванович давал команду:

— Переобуться!

Танцуя босиком на присыпанной снегом земле, бойцы выливали воду из сапог, выжимали портянки. Но через каких-нибудь три-четыре километра вода опять начинала отвратительно чавкать в сапогах.

Диверсия оказалась серьезной, а группа оставила столько следов в лесу, что по ним рассвирепевшие гитлеровцы могли послать большой отряд эсэсовцев. Поэтому Александр Иванович направил Мишу Герасимова в Воцкую — предупредить, что, возможно, появятся каратели.

— Пусть лучше в лес пока уходят, — сказал командир.

Запутывая следы на лесных тропинках и дорогах, они долго пробирались к своей зимней базе «На буграх». Пришли только в сумерки, когда облачное небо над головой стало синеватым.

В большой землянке затопили печь, и она скоро начала обдавать всех блаженным теплом. Трое с тоской ушли на посты охраны. Им в утешение командир сказал:

— Сегодня будем сменяться через час.

Печь раскалилась докрасна. Володя и Миша принесли из тайника консервы, и по землянке разнесся запах тушеного мяса. Праздник! Настроение у всех было прелестнейшее. Толя подшучивал над Володей, изображая, как тому хотелось дернуть «удочку» под проходившим эшеленом и как он воздерживался.

Сева включил рацию. Попал удачно: Москва передавала сообщение «Итоги летней кампании Красной Армии». Его прослушали очень внимательно: летом советские войска освободили территорию в 350 тысяч километров с 38 тысячами населенных пунктов. Разбиты 144 дивизии гитлеровцев, только убитыми противник потерял до 900 тысяч солдат и офицеров.

— Эх, все на юге да на юге, — вздохнул Сима, когда передача закончилась. — А у нас когда начнется? Когда?!

Коля Варфоломеев протянул руку в глубину нар, вытащил гармонь. «Бьетса в тесной печурке огонь...» — тихо, едва слышно заговорила она. Ей стали подпевать. Вторая песня — «В чистом поле» — звучала в землянке погромче. А когда Николай заиграл любимую «партизанскую» — «Окрасил дым волнистые туманы...», число поющих еще увеличилось. Заключительный куплет, слова, обращенные к Родине, вполголоса пели все:

Родная мать, мы все полны стремленья
Громить врага как ночью, так и днем,
Скорей умрем, чем встанем на колени,
И победим скорее, чем умрем!

«ПРИШЛОСЬ НЕМНОГО ПОСТРЕЛЯТЬ»

Единовременно командир группы «Лужане» располагал десятью бойцами. Остальные находились на заданиях, которые нельзя было отменить. Ну от силы он набрал бы человек двенадцать... А эсэсовцев-«черношнелельников» было пятьсот. Двумя отрядами, теперь уже не на машинах, а в пешем строю, они ежедневно появлялись в «квадратах», где действовали «лужане». И каждый день над лесом поднимался столб дыма — горела еще одна деревня.

Проучить бы их! Проучить! Поймать в засаду! Эта мысль занимала разведчиков. Но засада — это военная операция, провести которую можно лишь при определенных условиях. А такие условия никак не складывались. Каратели сожгли почти все деревни Курской, Логовищенской и Сеглицкой волостей.

Преобразование оккупированных районов Ленинградской области в «мертвую зону», или «зону пустыни», было задумано гитлеровским командованием давно. План уничтожения мирных жителей, переселения их в концентрационные лагеря был косвенно связан с намечавшимся большим наступлением немецко-фашистских войск на Курскую дуге.

Гитлеровцы собирались одержать там крупную победу, а затем перейти к активным действиям на Московском и Ленинградском направлениях. Под Ленинградом намечалось провести «наступательную операцию ограниченного характера», то есть вновь замкнуть прорванное кольцо. Выселение мирных жителей из широкой

прифронтовой полосы имело в этом случае цель обезопасить тылы немецких войск.

Но под Курском и Орлом фашистские войска были наголову разгромлены. Летние бои войск Ленинградского фронта, в особенности операция «Брусиллов» в районе Синявинских высот, летне-осеннее наступление от Невеля до Азовского моря резко осложнили положение немецких армий группы «Север». В середине сентября ее командование приступило к сооружению оборонительной позиции «Пантера» за Псковским озером и по реке Нарве. Одновременно укреплялись позиции войск, непосредственно блокирующих город.

Изгнание населения из деревень, сел и городов превратилось для фашистов в условие уже не наступления, а обороны. 21 сентября командующий охранными войсками группы издал приказ о принудительном выселении за позицию «Пантера» всех жителей оккупированных районов Ленинградской области. Гитлеровцы собирались осуществлять его поэтапно.

Однако уже в ноябре под угрозой выселения оказались все мирные жители. Комендатура Псковского района подготовила приказ № 16—43:

«Вследствие деятельности партизан и по другим причинам военного характера население Псковского района должно быть эвакуировано. Оно будет переселено в другие, более безопасные местности. Совершить переселение — пешим порядком.

Приказ об эвакуации будет дан комендатурой каждому волостному старшине в отдельности. Волостные должны немедленно поставить в известность деревенских старост, которые будут распределять среди населения все имеющиеся в волости подводы.

Отъезд будет совершаться под руководством старост, которые вместо пропусков берут с собой списки жителей. Люди, которые со старостой не пойдут, будут вычеркнуты им из списков.

Каждая волость может взять с собой все, что сможет увезти на подводах и унести с собой, во всяком случае — продовольствие, одежду, скот, топоры, лопаты.

Тот, кто после эвакуации местности окажется в ней, будет расстреливаться как соучастник партизан. Кроме того, у всех оставшихся будут отобраны все продовольственные запасы с той целью, чтобы они не попали в руки бандитов.

В первую очередь будут эвакуироваться волости, в которых имеется много партизан. Незадолго до эвакуа-

ции день ее будет объявлен волостным старшинам. Сборный пункт и маршрут будут указаны позднее.

Поход должен совершаться в безупречном порядке. По прохождении около 15 километров — долгая остановка. Каждый получает в день по 350 граммов хлеба, который будет выдаваться на разных остановках.

О порядке во время похода и на остановках заботится староста, которому во время пути оказывают помощь немецкие военные части. Переход одиночным порядком воспрещается. Переселение из одной волости в другую запрещается и будет караться.

В будущем, как это было и до сих пор, население должно доверять немецким военным властям. Все будет сделано в дальнейшем для окончательного уничтожения большевизма и до тех пор, пока каждый не сможет вернуться на свою родину в лучшие условия.

Как уже много раз повторялось населению, немецкий народ ведет войну не против России, а только против большевиков. Концом этой войны будет победа Германии и уничтожение большевизма»¹.

Для рабочих промышленных предприятий на оккупированной территории гитлеровцы подготовили «Обращение»:

«Русские рабочие и работницы! В общем плане военных мероприятий предусмотрено перемещение некоторого количества предприятий... Русские рабочие, поймите правильный смысл этих мероприятий и верьте нам, что они проводятся для вашей пользы. Вы сами видите, в каком полном порядке и абсолютном спокойствии перевозятся отдельные предприятия. Не верьте зловредным толкам, не имеющим под собой никаких оснований. Помните о той работе, которую проделало для вас германское военное руководство в течение двух последних лет. Кто с немцами был, тот никогда не был разочарован»².

В Стругокрасненском и Плюсском районах, как, впрочем, и во многих других, приказ № 16—43 имел довольно призрачное значение. Последние семьи перебирались в это время в лес. «Эвакуировались», чтобы не попасть в руки партизан, лишь махровые предатели и немецкие прислужники.

Любопытная история произошла со старым знакомым разведчиков — погореловским священником. Перед

¹ Текст этого циничного и бесчеловечного приказа фашистов был полностью передан в Ленинградский центр из тыла противника передвигной рацией за два сеанса — 22 и 23 ноября.

² «Обращение» было также передано передвигной рацией.

тем как сжечь Погорелово, немцы любезно прислали отцу Василию две подводы, чтобы батюшка смог уехать в Струги Красные. Поп нагрузил обе подводы разным хламом, ибо ценное имущество он по примеру крестьян давно захоронил в лесу, и отправил их в гарнизон, заявив, что сам придет туда в скорое время. После этого отец Василий вместе с попадьею перебрался в лесные городки, куда немцам попасть возможности практически не было.

Как-то вечером шли Александр Иванович, Николай и Дуня мимо деревни Букино.

— Товарищ командир, можно, я повидаюсь с братом и матерью? — попросил Варфоломеев.

Иванов согласился. Они зашли в деревню, поужинали у родных Николая, да тут и заночевали. Иван Варфоломеев был к этому времени уже сельским уполномоченным и командиром отряда самообороны Букинских лесных городков.

Утром Иван влетел в комнату, где спал Александр Иванович.

— Каратели идут! — закричал он. — Скорее вставайте! Идут и все жгут.

Наспех одевшись, Иванов выскочил на крыльцо. Здесь стояла вся семья Варфоломеевых, смотрела на столбы дыма, поднявшиеся над лесом.

— Вон Горки дожигают... Лохова горит... — показывал Иван. — Вон там мельница у Церковной... А это наша мельница занялась...

Букинская мельница находилась километрах в трех от деревни.

— Бери пулемет! — быстро сказал Александр Иванович, бросаясь за своим автоматом.

Вчетвером они выбежали за околицу, в сторону Горок. У командира был автомат с несколькими «рожками». Николай тащил на плече тяжелый пулемет. Иван и запыхавшаяся Дуня несли коробки с дисками.

За околицей на небольшом бугре, который мог служить хорошей позицией, была старая картофельная яма. Александр Иванович спрыгнул в нее, как в окоп, и принял из рук Николая пулемет.

— Бегите назад! — сказал он Ивану и Дуне. — Пусть народ уходит в лес! Скот угоняйте!

Николай разложил запасные диски и прилег к пулемету. Вдвоем они стали ждать карателей. Оглядываясь назад, оба видели суету в деревне. Мужчины и женщины

бежали к лесу с узлами, ребяташки подгоняли коров хворостинами.

Из-за поворота, со стороны Горок, показалась колонна поджигателей. Человек двести эсэсовцев шли в строю по дороге. На горизонте за ними стояли столбы черного дыма. Каратели шли по четыре, лениво, спокойно, уверенные в своей безопасности.

Николай навел на колонну пулемет и покосился на командира.

— Подожди, — сказал тот сквозь зубы.

Он соизмерял дистанцию. Ударить по немцам рано — плохо будет, сманеврируют, окружают. Особо близко подпускать тоже не годится — забросают гранатами. Надо было удержать их под огнем.

Когда эсэсовцы приблизились метров на триста, Александр Иванович сказал:

— Ну-ка, Коля, ударь!

Николай приложился к пулемету и ударил очередью. Колонна бросилась врассыпную, а несколько человек остались лежать на дороге. Эсэсовцы залегли в цепь, открыли ответный огонь и перебежками стали приближаться.

Им удалось продвинуться метров на сто пятьдесят. Александр Иванович и Николай короткими очередями прижали их к земле.

Вновь оглянувшись на деревню, Александр Иванович заметил, что некоторые из крестьян снова бегут от леса к деревне. Видимо, все необходимое за один раз унести не удалось. А до кромки настоящего леса, не подлеска, было метров пятьсот.

— Надо еще держаться! — сказал он Николаю.

И они держались вдвоем еще минут двадцать. Позиция на бугорке над логом оказалась исключительно удачной. Пули эсэсовцев уходили над их головами в небо.

Послышалась стрельба с другого конца деревни. Перейдя Курею, наступал на Букино второй отряд карателей. Когда вспыхнула подоженная зажигательными пулями одна из соломенных крыш, командир подхватил коробку с пустыми дисками и крикнул Николаю:

— Отходим!

Выскочив из ямы, они бросились к лесу по канаве вдоль прогона, которым обычно выходил на пастбище скот из деревни. Тут Александр Иванович увидел человека, который, размахивая руками, бежал к ним по огороду. Он узнал местного сапожника-переселенца, нередко чинившего сапоги «лужанам».

— В канаву! Убьют! — крикнул ему Иванов.

Тот, не слыша, продолжал бежать, пока не упал возле канавы, рядом с Александром Ивановичем и Николаем. Командир быстро подобрался к нему и перевернул на спину. Сапожник был убит.

Этот сапожник и больной старик оказались единственными жертвами в Букине при окончательном переходе местных крестьян в лесные городки. Старика, обнаруженного в бане, эсэсовцы расстреляли, а деревню подожгли.

Добравшись до кромки леса, командир и Варфоломеев встретили цепочку вооруженных людей. Сева и Миша, оказавшиеся неподалеку, подняли бойцов самообороны городков. Тут же подошел Толя с бойцами. Он услышал стрельбу со стороны Букина и быстро собрал всех, кого мог.

— Ну, как было дело, товарищ командир? — спросил Бриллиантов.

— Да пришлось, Толя, немножко пострелять... — ответил Александр Иванович.

Приказав оставить цепь на краю леса на тот случай, если каратели посмеют сюда сунуться, Иванов пошел посмотреть на бежавших крестьян.

На маленькой заснеженной полянке он увидел сваленные грудой узлы с добром. Тут же плакали женщины. Мужики стояли кучкой в стороне, и один из них в чем-то убеждал остальных.

Александр Иванович прислушался.

— Всё от бога, — говорил мужик. — Послушались лукавого, убежали... Бес вас поманил. А за это бог и накажет: дымом и прахом пойдут дома ваши.

«Фатеев?» Иванов глазам своим не поверил. Но это и вправду был Фатеев, поп-наставник, староста, давно бежавший в Струги, заочно приговоренный трибуналом 5-й бригады к смертной казни. «Зачем ты тут появился, сволочь худая? — подумал Иванов. — Своих единоверцев под пули подводить?»

Прислонившись плечом к сосне, он послушал бывшего старосту еще. А потом громко сказал:

— Хорошо поёшь, Фатеев, где-то сядешь...

Бывший староста метнулся за спины мужиков. Потом понял, что укрыться ему тут не удастся, и побежал через поляну, все больше забирая в сторону деревни. «За немцами бежишь?» — мелькнуло в голове у Иванова.

— Стой! — крикнул он, поднимая автомат.

Фатеев продолжал бежать. Тогда командир разведчи-

ков поймал его фигуру на мушку и нажал на спусковой крючок.

Через час, уже по пути к городкам, к нему подошел бородач-старовер.

— Просим разрешения похоронить согласно обычаю убиенного раба божия, — промолвил он, глядя на Александра Ивановича.

— Хороните... — махнул рукой командир. Потом до него дошел главный смысл вопроса, и он ответил: — Можете зарыть по своему обряду. Но без шума.

На душе у него остался неприятный осадок. Не так надо было... Судить следовало Фатеева народным судом, рассказать о всех его подлостях. А рассказать о нем «лужанам» было что.

Но не вышло. «Досадно, — подумал Александр Иванович. — Опять начнется маета со староверами».

КОРОВЫ НА ЛЬДУ

— Арестую я этого Антонова к чертовой матери! — возмущенно прорычал командир, вваливаясь в землянку. — Арестую и пошлю в бригаду, пусть там с ним разбираются.

— Полегче насчет Антоновых, — засмеялся Миша-беленький.

Улыбнулся и Подсекин:

— Ну что ты говоришь, Саша? Как же можно арестовать представителя Советской власти... А что опять случилось?

— Да как же, — произнес, кипя, Александр Иванович. — Две недели вколачивал я Антонову: «Уберите сено из двух сараев у реки в лес». И слышал в ответ: «Уже убрали», «Завтра уберем». Так ведь и не убрали... А сегодня прохожу — на месте сараев одни головешки. Немцы, конечно, их сожгли. Ну что с этим Антоновым делать? Вытащили мы его на свою голову...

Однофамильца Миши-беленького, бывшего заведующего райзо Антонова «лужане» действительно «вытащили» сами. Александр Иванович несколько раз просил у бригады прислать опытного человека для проведения политической работы среди населения. Из бригады отвечали: «Ищите на месте. Наверняка такие люди в районах остались». В конце концов «лужанам» удалось установить, что в одной из деревень скрывается кто-то из бывших руководящих сотрудников райисполкома. Это и

был Антонов. Вытащив бывшего заведующего райзо из подвала, Александр Иванович спросил, почему он так долго отсиживался, а не вышел к «лужанам» или партизанам. Антонов оправдывался тем, что его товарищ, с которым они вместе скрывались, выходил к партизанам, а нарвался на карателей и погиб. Но в общем было ясно, что никакого «комиссара», в котором нуждались разведчики, из Антонова не выйдет.

Иванов определил его на хозяйственные дела по группе, а когда по приказу Центра ее состав был уменьшен, передал вместе с другими бойцами в бригаду. И вот теперь Антонов появился вновь, назначенный как человек, хорошо знающий район, в районную тройку. Отношения с ним у «лужан» никак не налаживались. Опыта работы во вражеском тылу у Антонова не было, но он отличался крайним самомнением, не терпел ни критики, ни товарищеских замечаний, расценивая их ни более ни менее как покушение на авторитет Советской власти. Александр Иванович, потеряв терпение, стал с ним общаться лишь с помощью связных.

Из-за неумелых действий тройки были потеряны не только два сарая с сеном, о которых говорил Иванов, но и основной запас кормов. Их не успели вывезти. А это создавало огромную проблему.

Сейчас уже не вспомнить, когда точно (деревни еще не были сожжены) «лужане» получили известие, что оккупанты готовятся реквизировать у крестьян весь скот. Крестьяне, оповещенные об этом через связных, немедленно перегнали коров в лес, где образовалось стадо в несколько сотен голов.

Теперь это стадо осталось без кормов. Пришлось выгнать коров на лесной луг. Трава была грубая, много лет не кошенная, покрытая тонким слоем снега. Рев голодного скота раздавался на много километров в окружности и в любой момент мог привлечь внимание карателей.

«Лужане» организовали налеты на бывшие совхозы «Андромер» и «Ретени», дали возможность крестьянам вывезти оттуда сено, солому, овес и ячмень. Но этого было недостаточно.

— Положение безвыходное. Погибнет скот, — сказал Александр Иванович Володе. — Давай быстро в бригаду, сообщи, какая у нас сложилась обстановка. Может быть, помогут.

Подсекин через три дня вернулся с ответом. Командование 5-й бригады предложило перегнать скот через

шоссейную дорогу, в леса, где у партизан был заготовлен осенью большой запас сена и соломы.

— Перегон назначен на участке Николаево — Новоселье, — сообщил Володя.

— Так там же километра полтора между гарнизо-нами!

— Партизанская разведка считает, что более спокойного места на шоссе не найти. Все детали операции я с ними обсудил. Давай, Саша, готовиться.

«Лужане» провели совещание с районной тройкой и представителями городков. Часть коров было решено оставить на месте в соответствии с имеющимся запасом кормов. Основная часть стада — семьсот голов — подлежала перегону.

— Проводим операцию «Коровы», — смеялся в землянке Сева, наматывая на ноги сухие портянки перед выходом на задание. — Был я тут радистом, бойцом, диверсантом... Теперь становлюсь погонщиком скота. Эх, Толя, тебе после этой операции деревенские непременно новое прозвище дадут: не Толя-маленький, а Толя-пастушонок.

В шутке была правда: «лужане» были вооружены не только автоматами, но и кнутами, хворостинами. Однако операция «Коровы» была в действительности важной, трудной и дерзкой.

Когда разведчики вместе с самооборонцами из городков погнали ночью коров к шоссе, стадо растянулось больше чем на километр. Рискованное это было предприятие. Шоссе охранялось патрулями и бронемашинами. Случись даже маленькая неприятность — и пиши пропало! Люди скроются, но скот попадет в руки гитлеровцев...

На шоссе разведчиков уже ждала группа партизан. Они встретились, поздоровались.

— Начнем, что ли?

— Начнем!

На шоссе вытолкнули первую корову. Когда стали ее переводить, ноги у нее разъехали по льду, покрывавшему дорогу, и она упала на бок.

— Как есть — корова на льду! — подскакивая и хватая ее за рога, воскликнул Толя.

Несколько человек схватили корову за ноги, за хвост, перетащили ее на боку через шоссе, толкнули в снег у обочины. Корова встала и не спеша, покачивая боками, пошла к лесу.

Следующую корову пытались перевести через доро-

гу, подпирая со всех сторон плечами. Но легла на бок и эта. После нескольких безуспешных попыток такого рода стали сразу перетаскивать коров по льду на боку.

Когда на шоссе показывались фары автомашины или броневика, все вокруг замирало. А потом выталкивали очередную корову.

Операцию удалось завершить к четырем часам утра. Попрощавшись с партизанами, которым предстояло гнать стадо дальше, разведчики и крестьяне «цепочкой» пошли в свой лес. Устали все основательно, но и чувство удовлетворения было немалым.

— А ведь коровы тоже не хотят, чтобы их угнали в Германию, — пошутил Миша Антонов. — Заметьте: ни одна корова не замычала, когда ее за хвост через шоссе тянули.

Вокруг засмеялись. Но факт оставался фактом: во время ночного перегона голодный скот не подал голоса.

ДУНЯ-ЗЛАТОЗУБКА И ДРУГИЕ

С первых дней пребывания во вражеском тылу «лужане» вели внешне неприметную, а на самом деле яростную, смертельную борьбу с гестапо, СД и другими органами фашистской контрразведки.

Немецкие контрразведчики располагали многими данными о группе «Лужане» и ее участниках. Они неоднократно пытались захватить разведчиков с помощью провокаций, засад, используя для этого завербованных среди населения тайных агентов. Разведчики, в свою очередь, выявляли немецких пособников и, собрав материалы о предательской деятельности агентов гестапо, получали от Центра санкцию на их уничтожение. В боевом отчете группы впоследствии говорилось о ликвидации тридцати семи опасных предателей.

Работа по выявлению немецких пособников и агентов пошла очень быстро после того, как «лужане» сумели взять в руки старшин Логовищенской, Погореловской и Курской волостей. Через них тайная агентура в деревнях передавала свои донесения в немецкую комендатуру. Самых старшин разведчики до поры не трогали, но условие им было поставлено твердое — все донесения должны просматриваться представителями группы. Таким образом, разведчики неплохо разбирались в практических делах гестапо.

После сожжения деревень, в условиях лесных город-

ков, немецкие агенты продолжали представлять большую опасность для крестьян. Фашистская контрразведка не прекратила, естественно, своей деятельности, а лишь придала ей новые формы. В лесных городках был задержан бывший старшина Пашковской волости, который уговаривал крестьян выйти из леса и сдаться на милость немцев. Дина Куницына обнаружила в городках бывшего деревенского старосту и махрового предателя Голикова. При обыске у него нашли бумагу комендатуры, удостоверяющую, что Голиков за активную помощь германской армии удостоен премии — своеобразный пропуск на случай встречи с эсэсовцами.

— И от нас получишь премию — семь граммов свинца, — сказал старосте Володя Подсекин.

После народного суда оба предателя были расстреляны.

Однако научить крестьян постоянной бдительности было трудно. И население лесных городков нередко получало от немецкой контрразведки кровавые уроки.

В конце ноября в Пашковские городки в поисках своих родственников забрела Дуня-златозубка — пухлая молодая официантка из немецкой столовой в Новоселье, сожительница офицера местного гарнизона. «Златозубкой» крестьяне прозвали ее за золотые коронки на передних зубах.

Никто в городках не обратил особого внимания ни на приход официантки, ни на ее уход. Но через несколько дней сюда нагрянули эсэсовцы. Жители землянок, за исключением старика, который, кстати, был дальним родственником официантки, сумели бежать в лес. Старика эсэсовцы расстреляли, а землянки взорвали гранатами. Они разгромили и сожгли в городках все, что смогли.

Пашковские успели заметить, что вместе с карателями по городкам шныряла знакомая им Дуня-златозубка. Поэтому, когда она вновь появилась в лесу, ее задержала группа самообороны. Через связного об этом сообщили Иванову. Он, Подсекин и Малыгин поспешили в городки.

Когда они добрались до цели, увидели, что крестьяне сами уже судят Златозубку. В ход суда Иванов, Подсекин и Малыгин вмешиваться не стали. Дело было ясное. Предательница не только не отпиралась, но и делала непристойные жесты, материлась и кричала:

— Красная сволочь!.. Ненавижу вас всех!.. Все равно всех вас поубивают, гады!..

Крестьяне были в гневе. Иванов же прислушивался

к истерическим выкрикам официантки спокойно: среди предателей, и в особенности среди сожителей немцев, такие люди попадались. У них давно ничего не оставалось не только советского, но и русского. Они искренне считали себя подданными рейха и «великой Германии».

Когда крестьяне единодушно проголосовали за расстрел предательницы, Александр Иванович повернулся к Малыгину:

— Приведи приговор в исполнение.

Сима подошел к Златозубке, ткнул ее в спину стволом автомата:

— Ну, продажная шкура, немецкая подстилка, — сказал он, — топай вперед!

Сима злился, что командир поручил это дело именно ему. Любой из бойцов был готов пойти на самое отчаянное, смертельно опасное задание, лишь бы не приводить в исполнение приговор. Но все знали, что командир не терпит ни малейшего проявления эмоций по этому поводу.

Златозубка замолчала, съежилась и пошла по лесной тропе. Малыгин — за ней. Отойдя от поляны, где проходил суд, на несколько сотен метров, он, не целясь, с отвращением коротко нажал на спусковой крючок. Официантка упала с тропы в снег.

Вернувшись на поляну, Серафим сказал крестьянам: — Закопайте ее.

Сам он спустился в землянку, где Александр Иванович и Володя беседовали с жителями городков о событиях на фронте. Поговорить тут было о чем. Наши войска взяли Киев, и наступление Красной Армии продолжало успешно развиваться. На куске старой фанеры Иванов рисовал карту, чтобы крестьянам было понятнее, где сейчас идут бои.

Они просидели за разговорами минут двадцать, как вдруг в дверь землянки просунулась голова в лохматой ушанке.

— Нету ее...

— Кого? — с недоумением спросил Иванов.

— Златозубки нету...

— Как это «нету»? — Александр Иванович резко повернулся к Серафиму.

Малыгин совершенно растерялся.

Выскочив из землянки, разведчики бегом пустились по лесной тропе. Златозубки не было... Осталась лишь вмятина рядом с тропой и несколько капель крови на снегу. Судя по всему, пуля лишь оцарапала предательницу.

И тут, впервые за год, командир сорвался, вспылил:

— Ты что, — гневно закричал он на Малыгина, — жизнью женщин и детей решил поиграться? Хочешь, чтобы эта гадина сюда карателей привела? Мало тут слез пролито? Иди за ней и не возвращайся на базу, пока не добудешь ее живую или мертвую!

Малыгин стоял понуро, ничего не отвечая. Да и что ему было ответить?

— Саша, я пойду вместе с ним, — сказал Володя. — Одному Серафиму будет трудно...

Александр Иванович согласился, и два разведчика пошли к шоссе, к Новоселью.

Дуня-златозубка жила в маленькой деревушке неподалеку от Новоселья. В Новоселье находился крупный немецкий гарнизон, а в деревушке стояли солдаты, которые несли охрану участка шоссе-ной дороги.

Днем в деревушку было не войти. Подождали ночи, Володя отправился в разведку. Свои люди у него были и здесь. Он вернулся в лес минут через сорок и сказал Серафиму:

— Тут она, вернулась домой.

— Может, ее дома и взять? — предложил Сима.

— Не получится. Немцы совсем рядом. Чуть «шумнешь» — и сам завалишься. Придется ждать, пока она пойдет в Новоселье. Должна же она туда двинуться.

Спали они по очереди в яме, которую вырыли в снегу. Мороз стоял крепкий.

В первой половине дня Златозубка из деревни не вышла.

— Слушай, Володя, а она не может пойти в городки с теми солдатами, которые в деревне стоят? — спросил Малыгин.

— Нет. Их дело — охрана шоссе. А лесные городки — забота «черношинельников», которые в Новоселье.

— А вдруг она записку в гарнизон передала?

— Не пойдут эсэсовцы по записке, городки в лесу найти трудно. Сама она их поведет. Так что пока терпи.

Трое суток кружили они вокруг деревушки, проклиная всех предателей на свете. Златозубка вышла из деревни лишь на четвертый день. Не оглядываясь, она пошла по дороге, ведущей к гарнизону. Разведчики лесом двинулись за ней.

— Смотри, Сима, опять не промахнись, — сказал Малыгину Подсекин.

И Серафим не промахнулся...

Так фашистская контрразведка теряла своих агентов. Некоторыми из них «лужанам» приходилось заниматься

месяцами. Так было, например, с предателем Михаилом Лукиным — фигурой страшной.

Впервые Иванов и Подсекин услышали о нем еще в 1942 году. Лукин, дюжий человек, обладавший незаурядной физической силой, занимал до войны скромную должность в Стругокрасненском райисполкоме. Когда фронт приблизился к районному центру, он пытался эвакуироваться, но не успел и оказался на оккупированной территории.

Страх за собственную шкуру толкнул его в объятия гестапо в первый же день оккупации. Лукин появился на дорогах района на собственном мотоцикле. Он разыскивал в это трудное время коммунистов, советских работников, комсомольцев, которые остались в оккупации для организации подполья. Лукина все знали как сотрудника райисполкома, и, к сожалению, многие доверились ему.

А вслед за ним шло гестапо. Все люди, которых выдал предатель, были расстреляны вместе с семьями. Гестаповцы тогда не увозили их в Струги, а расстреливали прямо в деревнях. Лукин приезжал на каждую такую «операцию» вместе с фашистами.

Все это разведчикам стало известно еще во время первой заброски в тыл, но тогда им до предателя было не добраться. В 1941—1943 годах Лукин работал в стругокрасненской комендатуре. «Лужане» установили, что одновременно он является доверенным лицом гестапо.

Первая личная встреча с предателем произошла у разведчиков в июле 1943 года в деревне Логовище, куда Лукин наезжал из Струг к своим родственникам. Однако в то время «лужане» не имели еще санкции Центра и отпустили изменника, стараясь не вызвать у него никаких подозрений.

С помощью Лукина немецкая контрразведка немедленно организовала две засады, чтобы захватить «странных партизан». Обе, однако, успеха фашистам не принесли.

Центр между тем преподнес разведчикам своеобразный сюрприз: он утверждал приговор Лукину при условии его дополнительной проверки. Видимо, кто-то из работников Ленинградского центра усомнился в том, что бывший советский сотрудник мог стать ярым предателем.

Володя Подсекин даже обиделся, прочитав текст шифровки:

— Что, нас за детей считают? Лукина дополнительно проверять! Да что проверять-то? Засады, которые он нам устраивает?

— Не шути, Володя. Приказ Центра будет выполнен, — сказал Александр Иванович. — Раз уж так от нас требуют из Ленинграда, мы от него «расписку» в предательстве получим.

В октябре была проведена тщательно подготовленная встреча с Лукиным неподалеку от Логовища. Александр Иванович отослал бойцов в сторонку и беседовал с предателем с глазу на глаз.

— Стыдно, что ты, бывший работник исполкома, не имеешь с нами связи, — сказал он. — А ведь мы прекрасно понимаем, что должность в комендатуре для тебя просто маскировка.

— Конечно! — откликнулся Лукин.

— Одним словом, мы нуждаемся в твоей помощи. Тебе нетрудно установить, кто из здешних жителей сотрудничает с немцами. Нам этих людей надо опасаться... Сообщи о них нам.

— Постараюсь сделать все, что смогу.

— Вот тебе список. — Александр Иванович вынул из кармана заранее подготовленный листок, на котором фамилии немецких пособников чередовались с фамилиями патриотов. — На первый случай проверь этих людей. Скажешь, кого надо избегать. Если возможно — установи, с кем из них, наоборот, следует наладить связь, кому можно доверять.

— Все выполню. А где встретимся?

Иванов сделал вид, что размышляет.

— Что же придумать? Давай мы просто зайдем в Логовище, когда ты там будешь.

— Хорошо, — обрадовался Лукин.

После этого разговора Лукин зачастил в деревню. Каждый раз в связи с его приездом тут организовывалась засада. Каратели приезжали чуть позже Лукина или чуть раньше, а иногда и вместе с ним под видом его приятелей. В комендатуре, видимо, считали, что со «странными партизанами» наконец удастся покончить.

Александр Иванович посмеивался:

— Не будем торопиться. Пусть в гестапо возникнет подозрение, что Лукин их водит за нос.

А потом нагрянула эпопея лесных городков, Лукин больше не покидал Струг Красных, и добраться до него не удавалось. Совершенно неожиданно в декабре командир и Николай Варфоломеев заметили его в Логовищенских городках. «Ишь куда тебя занесло, — подумал Александр Иванович. — И никто тут не догадывается, что ты задумал».

Они увидели Лукина в тот момент, когда он переходил из одной землянки в другую. Предатель же не обратил на них внимания. Да и время было позднее. Александр Иванович подозвал знакомого из местных самооборонцев:

- Лукин у вас часто бывает?
- Так он сейчас тут.
- Я знаю. А раньше он приходил?
- Да бывал разок...

В Логовищенских городках жили крестьяне, которые знали о предательстве Лукина. Но «лужанам» никто не сообщил о его появлении. Александр Иванович покачал головой. Лукина боялись... У многих людей он вызывал необоримый страх.

— Пошли возьмем его, — сказал командир бойцам. — Коли он сюда пробрался, дальше медлить нельзя.

Они спустились в землянку, где сидел Лукин. Увидев разведчиков, тот сам кинулся им навстречу.

— Здравствуйте, — сказал он Иванову. — Я давно сделал, что вы просили. Только случая передать не было. Вот... — Он вытащил список. — Плюс — значит, можете доверять, минус... Ну да вы понимаете.

Командир проглядел список и улыбнулся. Кресты были проставлены против фамилий предателей. Минусами были отмечены фамилии людей, которые давно помогали разведчикам. Таким образом Лукин пытался подставить «лужанам» под удар их же помощников. «Расписка» была получена.

— Ладно, — сказал Иванов.

Он сунул список в карман, достал оттуда пистолет ТТ и направил его на Лукина:

— Руки вверх!.. Обыскать!

В кармане куртки у предателя нашли тяжелый немецкий пистолет. Николай забрал его себе. Потом Лукину связали руки за спиной. Он, хоть и был ошарашен, не сопротивлялся, видимо предполагая, что имеет дело лишь с «проверкой».

Разведчики увели предателя в Лучкинские городки, где жило много свидетелей его преступлений. Известие о том, что будут судить Лукина, молнией облетело все землянки.

Крестьяне собрались в самой большой из них, где на дощатом столе горела керосиновая лампа-«молния». Командир приказал развязать Лукину руки, поставил его рядом со столом. По обе стороны от предателя встали два бойца самообороны с винтовками в руках.

Александр Иванович вытащил свой ТТ, положил его на стол возле лампы.

— Ну, Лукин, рассказывай, как ты предавал советских людей.

— Никого я не предавал, — пожал плечами Лукин, который все еще склонялся к тому, что партизаны устроили ему «проверку».

— Тогда я расскажу, — промолвил Александр Иванович.

И он стал рассказывать. Речь шла, может быть, и не о всех предательствах Лукина. Может быть, их было больше. Но то, что рассказывал Иванов, с фамилиями, с датами, с именами свидетелей, повергло предателя в шок. Он молчал и не двигался.

Когда Александр Иванович закончил, в землянке поднялся шум. Кричали со всех сторон:

— Не вся правда! Пусть расскажет, собака, как Коныхиных загубил!

— Сидоровых!

— Васильева!

Словно проснувшись, Лукин вздрогнул, поднял голову и обвел всех затравленным взглядом. Поняв, что его игра проиграна, он страшным ударом сбил с ног обоих самооборонцев с винтовками и бросился к выходу. От неожиданности люди расступились перед ним. Землянка стояла в глухом ельнике, вокруг была ночь. Выскочи Лукин на улицу — он мог бы уйти, скрыться.

Но уйти предателю не удалось. Пуля из ТТ догнала его как раз на пороге землянки.

БЕЗ ПРОИСШЕСТВИЙ

Зима была морозная, снежная, с частыми метелями. В лесах лег глубокий снег, на дорогах и просеках выросли метровые сугробы. По ночам было слышно, как потрескивают от мороза сучки.

Зимняя база «На буграх» с раскаленными печками в землянках была в эти дни и домом и убежищем разведчиков. Они возвращались сюда промерзшие, непослушными пальцами снимали оружие, стягивали с себя полушубки и сразу же присаживались к огню. Работа была той же, что и осенью: разведка, дежурство в «секретах», распространение сводок, диверсии на дорогах, нарушение вражеской связи.

Из бригады очень просили «порадовать эшелончи-

ком». Четыре мины, заложенные в декабре, результатов не дали: на предательском снегу оставались крошки грунта, песок и были четко видны следы подхода подрывников. Четыре раза пришлось подрывать вместо эшелона усиленный патруль эсэсовцев.

Закладки мин себя практически не оправдывали. Да и толу было маловато, разведчики знали, что Игорь Владимирович Авдзейко делил взрывчатку на несколько групп, которые находились у него в подчинении. Поэтому Иванов сообщил оперативной группе бригады, что меняет тактику — переходит к подрыву рельсов небольшими зарядами с короткими бикфордовыми шнурами.

Возвращаясь вместе с бойцами после одной из таких операций на базу, Александр Иванович поскользнулся на обледенелом откосе Курей и скатился вниз, на лед. Хотел встать, но не смог: ступня оказалась вывернутой.

Снег в лесу лежал глубокий, а Иванов был мужчина крупный — на плечах не унесешь. Они посоветовались, командир сказал:

— Давайте в ближайшие городки, Букинские. Там рассудим, что дальше делать.

Сима Малыгин ушел в городки, вернулся с лошадыо, запряженной в сани. В них погрузили командира и поехали. Александр Иванович чувствовал, что с ногой у него скверно.

Его внесли на руках в лесную землянку. Нога распухла так, что снять сапог было невозможно, и Иванов махнул рукой:

— Режьте!

Разрезав сапог, Малыгин попытался вправить вывих. Он несколько раз с силой рванул на себя торчавшую в сторону ступню. От адской боли Александр Иванович потерял сознание, нога, однако, так и осталась вывихнутой.

Очнувшись, Александр Иванович произнес сквозь зубы:

— Отправляйтесь все на базу. Что вы тут будете со мной возиться... Володе расскажите, что случилось. Пусть действует по своему усмотрению. Работы сейчас много.

— А не опасно тебя оставлять здесь? — спросил Сима. — Ведь староверы...

— Ничего, — сказал Иванов. — Попробую с ними договориться.

Отношения со староверами, которые «лужане» долго и успешно налаживали, оборвались с расстрелом Фате-

ева. Смерти своего попа-наставника фанатично настроенные люди простить разведчикам, и прежде всего Иванову, не могли.

Оставшись один, Иванов повернулся на нарах. Нога болела дьявольски. Хлопнула тяжелая дверь, сколоченная из толстых досок, и в землянку вошел ее хозяин — невысокий сутулый старик. Когда он повернулся к окошечку, через которое в землянку проникал слабый дневной свет, Александр Иванович вздрогнул и поморщился.

Человек этот был ему знаком. В свое время Толя Бриллиантов, организуя засаду, взял его из Букина проводником. Старик вывел группу в такое место, где все пути отступления были отрезаны рекой и болотами. Толя тогда обругал старика и отправил его обратно в деревню. «Неудачный мне попался хозяин, — мелькнуло в голове у Александра Ивановича, — может выдать...»

Старик постоял, помолчал, потом сказал без всякого выражения:

— Баня скоро будет готова. Париться пойдешь.

— Спасибо, — ответил командир, продолжая к нему присматриваться.

На этом их первый разговор и закончился.

Баня букинцев была единственной во всех лесных городках. В нее Иванова перенесли на руках два дюжих мужика. Они долго парили гостя, пытались вправить вывихнутый сустав. Александр Иванович терпеливо переносил боль, но ничего у мужиков не получилось.

В узком предбаннике, через дощатые стенки которого сыпался песок, Александр Иванович увидел подготовленную стопку чистой одежды — гимнастерку, брюки, белье.

— А где мое?

— От твоего одни дыры остались. Надевай. Собрали тебе всем миром.

Командир покачал головой. При крайней бедности жизни при оккупантах это была немалая жертва.

Когда его перенесли из бани в землянку и уложили на нары, старик хозяин послал жену за горячей водой. Потом он заставил Иванова опустить ногу в таз. Боль стала значительно меньше.

— Костоправ тебе нужен, — сказал старик. — Есть у нас в Раменье знающий старец. Если сегодня за ним послать, завтра к вечеру будет здесь.

Иванов заколебался. До Раменья было километров тридцать с лишним, и находилось оно по другую сторону шоссе. Однако, поразмыслив, он согласился:

— Ладно. Пусть кто-нибудь поедет.

Жена старика принесла Александру Ивановичу поесть — тарелку с творогом, блюдо меда, кусок пирога. «Словно дорогому гостю», — подумал он. Настороженность, которую все время испытывал Иванов, начала проходить.

К вечеру в землянку стали заглядывать крестьяне. Здоровались, усаживались на лавки, на нары. Народ все был замкнутый, казалось — нелюдимый. Такому, чтобы разговориться, надо не меньше часа. Но слово за слово — и разговор пошел. Букинские расспрашивали Александра Ивановича о том, что их интересовало больше всего, — о событиях на фронте. Потом, как водится, заговорили об обычаях, о вере, и крестьяне принялись ругать «мирян».

— А как же я? — спросил Иванов. — Почему мне, «нечистому человеку», вы разрешили есть из своей посуды? Староверы вначале смутились, замолчали.

— Не похожи твои люди на «мирян», — наконец промолвил один из них.

— Почему?

— Они веры не оскорбляют. Ведут себя достойно. Ничего без спросу не берут.

Александр Иванович вспомнил о расстреле Фатеева, но сказал только:

— Почему не берут? И у старосты и у полиция я сам все отобрал.

— Это мы понимаем, — сказал один из крестьян. — Ты их врагами своими считал... Да ведь кому пошло отнятое, мы видели — бедным.

Старик хозяин молчал дольше других, потом сказал словно для того, чтобы Александр Иванович понимал, с кем имеет дело:

— Мир правду помнит... Никто из нас не забыл, как ты своей головой рисковал, чтобы мы от врага смогли в лес уйти.

Он помолчал и вздохнул:

— Необыкновенные вы люди. Право слово — необыкновенные.

Вслед за взрослыми в землянку потянулась букинская детвора. Хоть ребятишки немного и дичились, взглянуть на партизана, да еще хорошо известного всей деревне, им было любопытно. Александр Иванович припомнил сказки, которые читал своей дочурке, и отношения с мальчишками и девчонками у него установились самые душевные.

К ночи подъехал верхом на лошади костоправ —

здоровенный, широкогрудый старик с бородой, подстриженной «под кружок». Он осмотрел искалеченную ногу командира и велел опять перенести его в баню. Тут он долго парил Иванова, массировал опухоль на ноге сильными, ловкими пальцами. Потом неожиданно дернул за стопу. Раздался хруст, острая боль пронзила ногу — и стихла.

— Никак... в порядке? — недоверчиво спросил Александр Иванович.

Костоправ кивнул головой.

Он прожил с Ивановым в землянке еще три дня, прикладывал к опухоли припарки из сена и лесных трав. После этого Александр Иванович встал, начал опираться на больную ногу. Костоправ подробно объяснил хозяину землянки, как нужно делать припарки дальше, и уехал.

Иванов начал ковылять по городкам с палочкой. Не такими уж нелюдимыми были староверы, как казалось на первый взгляд. С разговорами он, окруженный толпой ребятни, кочевал из землянки в землянку. С удовольствием отмечал командир «лужан» безукоризненную чистоту, которая поддерживалась и в жилищах, и на улице. С букинскими женщинами он сумел договориться о шитье маскхалатов для своих бойцов.

А еще через два дня командир покидал Букинские городки, направляясь на базу. Провожали его все местные жители. Угрюмый старик, хозяин землянки, в которой Иванов оказался гостем, шел рядом с ним.

— Больно хороша у вас баня! — хвалил Александр Иванович. — Может, разрешите и бойцам моим помыться?

Старик степенно наклонил голову:

— Пусть приходят. Чужих только не приводи... А для ваших все сделаем.

«На буграх» Александр Иванович застал Толю Бриллиантова, который занимался чисткой немецкого автомата. Он тут же отпрапортовал:

— Товарищ командир, Подсекин ушел в бригаду, ребята на заданиях, я отдыхаю после «железки». За все время происшествий не было...

Говоря об отсутствии происшествий, Толя имел в виду, что срывов заданий, ЧП не было и что группа не понесла потерь ни убитыми, ни ранеными. Все другие события за происшествия не считались. Между тем событий было немало, и — разных...

Николай и Дуня Варфоломеевы, которые всегда выхо-

дили в «секрет» вместе, вернулись однажды на базу очень сердитыми. У Дуни лицо было исцарапано ветками. Не глядя друг на друга, они разошлись в разные концы землянки.

Ребята сначала молчали, а потом кто-то, не выдержав, спросил:

— Поссорились, что ль?

— А, — отмахнулся Николай. — У бабы волос долог, ум короток.

— Сам хорош! — бойко откликнулась Дуня и передразнила мужа: — «Для лучшего наблюдения...» Наблюдатель!

После долгих препирательств Николай и Дуня рассказали историю, которая послужила причиной ссоры. Ночью они благополучно вышли в «секрет» на линии железной дороги. Николай залег под большой елью, а Дуне велел забраться на дерево. «Для лучшего наблюдения», как он выразился. Дуня вскарабкалась наверх и устроилась в ветвях ели. Рассвело. Мимо шли эшелоны. От холода приплясывали на железнодорожной насыпи охранники. Совсем продрогнув, Дуня неловко пошевелилась, вниз посыпался снег, и ближайший автоматчик полоснул по ели очередью. Дуня отпустила ветку, за которую держалась, и «спикировала» прямо на лежавшего под деревом Николая.

— Тут расстроишься, — закончил Варфоломеев под общий хохот. — Человек сидит в «секрете», занимается делом, и вдруг такой кавардак... Нет того, чтобы рядом упасть. Прямо на шею мне угодила, едва хребет не переломился. Немцы, конечно, истерику подняли, пришлось сменить пост.

Ребята долго веселились по поводу этой истории. А ведь что, казалось бы, смешного? Выходили Николай и Дуня под сильным огнем автоматчиков, могли бы и не уйти...

Когда Александр Иванович попал в Букинские городки, на базе вышел из строя и приемник рации. Сева Леонардову пришлось совершить лесной переход в бригаду и обратно — 120 километров. Это также особым происшествием не считалось. Передатчик Сева так и не удалось наладить, но приемник заработал.

А это было крайне важно. Почти все свободное от боевых заданий время Сева проводил в разных лесных городках. Человек с рацией тут был самым дорогим гостем.

Разрушение линии связи во вражеском тылу.

— Теперь я первый парень на деревне, — смеялся радист. — Затмил всех лучших гармонистов.

«Лужане» хорошо знали, что ни одна листовка, ни одна сводка не действует так, как голос радио, живой голос Большой земли, Москвы, Родины. В землянку, куда приходил Сева, люди набивались так, что яблоку негде упасть. Готовы были слушать всё — последние известия, концерт, лекцию на любую тему. Радист обычно сажал нескольких человек записывать сводку. Теперь крестьяне уже могли это делать.

Одно из декабрьских событий заслуживает того, чтобы его отметить особо. В декабре местные жители, члены дружин самообороны, впервые начали участвовать в боевой работе разведчиков. Самооборонцы по собственной инициативе стали спиливать столбы вражеской телеграфной и телефонной связи.

Услышав об этом, Александр Иванович встревожился, что крестьяне нарвутся на засаду, и просил ребят, чтобы они предупредили дружинников об этой опасности.

Однако крестьяне успокаивали «лужан»:

— Не страшно. Немецкую засаду всегда видно. Фриц не может в снегу лежать, холода не любит, шевелится. Ну мы его и обходим. Отойдем в сторонку, да тройку — пятерку столбов и спилим.

Дело у самооборонцев пошло тут так успешно, что командир «лужан» полностью снял своих бойцов с подобных операций. Возглавить эти диверсии было поручено двум местным жителям: Ивану Яковлевичу Андрееву — по Плюсскому району и Якову Михайловичу Васильеву — по Стругокрасненскому.

К 20 декабря, ко Дню чекиста, из бригады на базу «лужан» были доставлены подарки — письма с Большой земли. Всем бойцам группы Центр объявлял благодарность, а командиру были присланы именные часы. Однако больше, чем часам, Александр Иванович обрадовался тридцати килограммам взрывчатки, которая прибыла вместе с праздничными подарками.

— Тол есть. Предлагаю отметить День чекиста задним числом. А то у нас к этому дню специальной боевой операции не было, — сказал командир.

Объектом диверсии на этот раз выбрали шоссе. Расходовать тол «в чистом виде» было роскошью, и заряд соорудили из нескольких мин от миномета, «подправленных» шашками взрывчатки. Заложили фугас удачно и ждали машину с большим нетерпением.

Подошла легковая с офицерами. Однако вместо взрыва, как выразился Сева, получился «один пшик». Мины почему-то не сдетонировали от толковых шашек, а разлетелись в стороны. Машину бросило к обочине, но шофер справился с управлением и начал уходить. Ребята, вскочив на ноги, со злостью ударили по машине из автоматов. Однако тут же подскочил патрульный броневик и открыл стрельбу по лесу. Пришлось отойти от шоссе.

— Конечно, не очень удачно получилось, — рассуждал Миша Антонов, когда они возвращались на ба-

зу.— Но будем надеяться, что кое-кого в машине мы зацепили.

Незаметно подошел и Новый год. Ночь была тихой, ясной. В большой землянке «На буграх», где собрались бойцы, Сева включил рацию, настроил ее на Ленинград.

— «От Советского Информбюро,— раздалось в землянке.— Войска Первого Украинского фронта, перейдя в наступление на Житомирском направлении, прорвали оборону немцев и за шесть дней упорных боев, к исходу 29 декабря, продвинулись вперед от 50 до 100 километров, расширив прорыв до 300 километров по фронту... В ходе наступательных операций наши войска разбили 8 бронетанковых дивизий немцев и 14 пехотных дивизий...»

Поднялся радостный говор. Мнение у ребят было такое: если столь хорошо идут дела на юге — дойдет дело и до севера, до Ленинградского фронта.

Рацию долго не выключали. Прослушали новогоднюю передачу из Ленинграда, приветствие кировцев-танкостроителей, сообщение о том, что область выполнила квартальный план лесозаготовок. Кто-то из писателей, выступая перед микрофоном, мечтал о первом прямом поезде на Москву, о том, как вновь откроется сезон в Мариинском театре, как вернуться на свои места клотовские кони на Аничковом мосту...

КОЗА, ГАЛОШИ И САМОГОН

В старом «почтовом ящике» разведчиков на лесном кордоне оказалось письмо с такой надписью: «Командиру наших партизан в Валдайском лесу». Когда связные принесли его на базу, Александр Иванович развернул листок, прочел текст и пожал плечами:

— Ерунда какая-то... Быть такого не может!

Письмо было жалобой крестьянки Дарьи Смирновой из Доброборских лесных городков на Владимира Шмидта. Жалобщица писала, что Шмидт «ограбил ее имущество», и просила у «командира наших партизан в Валдайском лесу» защиты от «изверга».

Лесные городки не знали воровства, а тем более разбоя или грабежей. Исключением был один-единственный случай. Правда, случай такой, что он испортил разведчикам немало крови. Оказались разрытыми и разграбленными две ямы в лесу с крестьянским добром. Когда

Александр Иванович услышал об этом, зубами заскрипел. «Надо же быть такой сволочью...» — подумал он.

Вора установить не удалось, а вскоре всякие «недобитки» распустили среди крестьян слухок, что раскопанные ямы будто бы дело рук партизан. Иванову, хочешь не хочешь, пришлось докладывать об этой истории оперативной группе, в бригаду. Ответ Игоря Владимировича Авдзейко, приказ, был короток: «Мерзавца найти, судить при всем народе и повесить».

Легко сказать — найти... А как? Вскоре оказалась раскопанной еще одна яма. «Лужане», можно сказать, потеряли душевный покой. Однако нашлась и зацепка. Вор приезжал к яме на лошади, и Миша Герасимов заметил на глине необычный отпечаток — сломанной подковы. Он вырезал кусок глины с этим следом и принес его на базу.

Проверить всех лошадей во всех лесных городках было, конечно, сумасшедшей работой, но другого пути у «лужан» не было, и они начали ею заниматься. Разыскали все-таки лошадь, которой высохший кусок глины подходил как влитой. Она принадлежала мельнику с Курей. В его землянке при обыске нашли некоторые вещи и длинный металлический шуп, с помощью которого он разыскивал ямы. Деваться мельнику было некуда, и он во всем признался. Мародер был судим и публично повешен.

И вот теперь, прочтя письмо Дарьи Смирновой, Александр Иванович вспомнил эту неприятную историю. Но поверить в то, что Шмидт из Доброго Бора может стать грабителем, он не мог никак. Владимир был надежным помощником разведчиков еще с 1942 года, связным, давал отличную информацию с железной дороги, бывал со специальными поручениями в Плюссе.

Однако ни одну крестьянскую жалобу разведчики не оставляли без внимания, и командир протянул листок Толе Бриллиантову, который собирался в «секрет» на железную дорогу:

— Проверь, что там у них произошло. Тебе как раз по пути.

Толя забрал листок, поторопил своего напарника, молодого бойца Федю, и они быстрым маршем пошли прямо через лес к Доброборским городкам.

Там Толю-маленького встретили, как всегда, улыбками. Он везде неизменно пользовался симпатией. Но на этот раз Бриллиантов был не только серьезен, но и мрачен, словно на похороны пришел. Он выбрал боль-

шую землянку, велел пригласить в нее Дарью Смирнову и Владимира Шмидта, добавив, что будет суд и что на нем могут присутствовать все желающие.

С торжествующим видом пришла Дарья Смирнова — сухонькая вертлявая старушка в черном платке.

— Давно пора! Сладу с ним нет! — сказала она и уселась на скамейку у стены.

«Задашь, видать, ты, бабушка, мне работы...» — подумал Толя. Он снял свой длинный полушубок, отложил его в сторону, уселся за стол и приготовил тетрадь и карандаш.

В землянку между тем набились любопытствующие крестьяне. Едва ли не последним пришел Шмидт, хмурый, недоумевающий. Строго оглядев всех, Бриллиантов сказал:

— Слушается дело об ограблении имущества гражданки Смирновой гражданином Шмидтом.

Он взял карандаш и написал на обложке название «дела». В землянке стояла тишина. Потом он прочел жалобу старушки и спросил ее:

— Потерпевшая, что можете добавить к своему заявлению?

— Забрал. Истинный бог, — застрекотала старушка. — И не отдает. Совести в нем нету.

— Какое имущество похитил у вас гражданин Шмидт?

— Галоши.

— Что? — переспросил Толя.

— Галоши, говорю... Черные, на валенки, «Красного треугольника».

— Гм, — глубокомысленно проронил Толя. — Так и запишем. «Галоши «Красного треугольника», черные, на валенки...» Гражданин Шмидт, брали галоши?

— Брал, — мрачно ответил Шмидт. — Будь они не-

ладны...

— И не отдали?

— Не отдал.

Суд прерывался паузами, потому что Толя с мрачным видом записывал в тетрадку и вопросы, и ответы.

— Почему не отдаете?

— А где я их возьму? Брал я их еще в прошлом году. Промочил, повесил сушить на тын. Пришла коза и сжевала их, стерва. Превратила, одним словом, в негодность. Только клочки остались...

В землянке вспыхнул смех, но под строгим взглядом судьи снова установилась тишина.

— Деньгами надо было отдать.

— Да я ей уж сто раз предлагал, и деньгами, и зерном, — махнув рукой, ответил Шмидт. — Нет, пристала как банный лист. Подай ей галоши, и все тут.

— А на что мне твое зерно? — вцепилась в него старушка. — Галоши брал — галоши давай. Нынче таких не купишь. «Красного треугольника» были галоши, сама в сельпо брала...

Толя деловито вел протокол, изредка почесывая за ухом кончиком карандаша. Старушка попалась бойкая, и разбор дела угрожал затянуться. Надо было как-то с честью выйти из положения. Да и «секрет» на «железке» их с Федей ждать не мог.

— Итак, гражданин Шмидт, — строго спросил он, — вы утверждаете, что галоши съела коза?

— Коза...

— Привести сюда козу!

Снова раздался смех, но двое тотчас выскочили из землянки за козой. Остальные их ждали с нетерпением. Крестьяне втащили козу за рога и поставили ее перед столом.

— Съела, преступница, чужие галоши? — спросил Толя.

Коза трясла бородой, и хохот вокруг становился еще пуще. Не выдержав, засмеялся и судья. Потом снова принял серьезный вид.

— Суд удаляется на совещание, — сказал он.

Крестьяне с любопытством следили за тем, как он что-то пишет в тетрадке.

— Объявляется приговор суда! — поднимаясь, объявил Толя. — Коза виновата и, раз не понимает человеческого языка, приговаривается к десяти розгам. Виноват гражданин Шмидт. Он взял чужое имущество, но хранил его халатно, не учитывая гастрономических склонностей козы. Гражданин Шмидт напишет расписку в том, что, когда кончится война и откроется сельпо, он купит гражданке Смирновой точно такие же галоши. А пока идет война, сторонам следует примириться.

Речь была закончена блестяще. Но хохот в землянке становился все громче, и Толя почувствовал, что дело тут не только в его словах. Секунду Толя недоумевал, а потом бросился к козе с криком: «Ах ты, скотина проклятая!»

Пока он писал приговор и произносил блистательную речь, на козу никто не обращал внимания, и она с мелан-

холичным видом жевала полу Толиного полушубка, лежавшего на скамейке.

Хохот в землянке долго еще не прекращался. Тонко заливалась «истица» Смирнова, вытирая глаза концом черного платка. Басом хохотал, схватившись за грудь, «ответчик» Шмидт. Суд был окончен.

Натянув на себя полушубок с изжеванной полрой, Толя направился дальше, на дежурство. Вместе с Федей они прошли лесом несколько километров и выбрались на укатанную дорогу. Оглянувшись назад, Толя увидел, что их догоняют лошади, запряженные в сани.

— За сеном мужики едут, — сказал он напарнику. — Давай подсядем. Все не пешком...

Стоя посреди дороги, они поджидали обоз. Когда передовые дровни оказались совсем близко и Толя был готов поднять руку, чтобы остановить их, с саней соскочило несколько эсэсовцев в черных шинелях.

Из того, что они кричали, Толя понял только «хальт» и «хенде хох». Его напарник уже бросился бежать к лесу. Толя метнулся в другую сторону. За ним увязались три немца. Эсэсовцы не стреляли, рассчитывая схватить мальчишку в длинном полушубке, с карабином в руке, живьем, голыми руками.

Толя бежал, проваливаясь в снег. Изжеванная козой, промерзшая пола полушубка хлопала его по ноге. Погоня растянулась. Вперед вырвался здоровенный немец с автоматом.

— Хальт! — задыхаясь от бега, еще раз крикнул он.

Очередь из автомата взрыла снег у самых ног Толи. Эсэсовец хотел напугать, остановить его. Толя бежал что было силы. Прогремела очередь, еще одна...

А потом автомат замолчал. Скорее всего, эсэсовец не рассчитал запаса патронов в «рожке», а перезарядить автомат у него не было времени.

Гонка продолжалась. На кромке леса Толе преградила дорогу изгородь. Перелезть ее было некогда. Набегая, он ударил ее грудью, повалил и упал сам. Немец прыжками приближался к нему. Но Толя последним рывком преодолел расстояние до деревьев.

Как только это произошло, эсэсовец остановился. Оккупанты панически боялись леса. Эсэсовец замер, потом оглянулся назад. Свои от него отстали. Тогда он повернулся и, петляя, чтобы не попасть под пулю, побежал обратно к дороге.

Только тут Бриллиантов заметил, что тянет карабин за ствол. Приклад волочился по снегу. Выстрелить в

немца у Толи не было сил. Грудь разрывалась, перед глазами плавали синие круги. Волоча за собой карабин, он пошел в глубь леса.

Минут через пятнадцать Толя отдышался, закинул карабин за плечо и направился в сторону «железки». Он перебрался через засыпанный снегом лесной овраг, вышел на полянку и остановился.

На полянке горел небольшой костер. На нем стоял бачок со змеевиком — самогонный аппарат... Такой грех в лесных городках водился. Много боролись «лужане» с самогоноварением, разбивали аппараты, стыдили самогонщиков. Крестьяне вину признавали, обещали прекратить это безобразие, но... самогон можно было найти в любом лесном городке.

Толя опытным взглядом окинул место. Хозяин аппарата только что был здесь. Следов он натоптал порядочно.

Рассчитывая на то, что владелец аппарата прячется где-то неподалеку, Толя закричал:

— Эй ты, самогонщик! Людям жрать нечего, а ты хлеб на отраву переводишь! Привлечем тебя по закону военного времени! Хоть ты и прячешься, мы тебя найдем!

Пошумев и постращав самогонщика, Толя присел и, взяв посудину из-под змеевика, отхлебнул на пробу. Первач был вонючий, отменной крепости.

— Чистая отрава! — сделал заключение Толя и выплеснул самогон подальше на снег.

Потом он взялся за аппарат, разбил его прикладом, растоптал и разломал на несколько частей. Трудился Толя очень старательно потому, что, кажется даже совершенно уничтоженные, аппараты обладали удивительной способностью восстанавливаться. Обломки он разбросал в разные стороны по лесу.

После всего этого Бриллиантов наконец добрался до «железки» и залег в «секрете». Дежурство тут считалось трудным в любое время года. Весной и осенью боец стыл под холодными дождями. Летом его донимали комары. Зимой он промерзал до того, что трудно было шевелить губами. А продолжалось дежурство двадцать четыре часа. Боец знал, что только через сутки в другие «секреты» выйдут его товарищи и сменят его.

Сутки, как и положено, Толя пролежал в снегу, подчитывая эшелоны, вагоны, платформы, военную технику. Потом он без приключений вернулся на базу.

Его появление «На буграх» было похоже на воскресение из мертвых. Федя рассказал всем на базе, что прои-

зошло. Сам он спасся потому, что до леса ему бежать было гораздо ближе. У Бриллиантова, по мнению Федича, никаких шансов на спасение не было. Александр Иванович приказал разыскать убитого и принести его на базу. Ребята ходили на дорогу, но ничего не нашли. Решили, что эсэсовцы увезли тело с собой.

Толю обнимали и целовали все подряд. Сима, хлопнув его по плечу, спросил:

— А что ты думал, когда фашист по тебе в упор лупил?

— Ничего не думал. Некогда было, — ответил Бриллиантов. — Но чувствовал, что вот-вот он меня ухлопает. Такое странное чувство. Первый раз в жизни испытал.

Александр Иванович на радостях распорядился выдать «воскресшему» котелок меда, который разведчики берегли для лечения от простуды и до которого Толя был большой охотник. Черпая мед ложкой, Бриллиантов продолжал докладывать командиру:

— Охрана на дороге, верно, меняется. Сосунки появились. Старики. Много стало австрияков.

Опустошив добрую половину котелка, Толя вдруг хлопнул себя по лбу:

— О, ребята, вспомнил! Сейчас посмеетесь. Как коза галоши съела...

И, достав из кармана тетрадку, он принялся зачитывать протокол слушания дела «об ограблении имущества гражданки Смирновой гражданином Шмидтом».

СМЕРТНЫЙ БОЙ

С начала января в оперативных сводках Совинформбюро, которые «лужане» принимали по рации, одно за другим пошли сообщения о действиях ленинградских партизан.

9 января: «Несколько партизанских отрядов Ленинградской области с 27 по 31 декабря пустили под откос 30 воинских эшелонов и один бронепоезд противника. В результате крушений разбито более 20 паровозов и до 250 вагонов и платформ...»

12 января: «Группа ленинградских партизанских отрядов рассеяла немецкие подразделения, которые пытались угнать на каторгу в Германию жителей более 100 сел и деревень...»

17 января: «Ленинградские партизанские отряды с 1 по 10 января пустили под откос 37 немецких воинских

эшелонов с боеприпасами, горючим и продовольствием... Партизаны разрушили 80 километров телеграфно-телефонной линии связи...»

В январе 1944 года Ленинградский обком партии обратился с воззванием к партизанам и населению оккупированных районов: «Бейте врага смертным боем! Ни один поезд не должен пройти по железной дороге, ни один обоз не должен проследовать по шоссе. Выведем все дороги из строя!»

Газета «За Ленинград», орган окружного комитета партии в тылу врага, который был образован на оккупированной территории (его секретарем стал начальник политотдела 5-й бригады И. И. Исаков), писала: «Братья и сестры, встанем врагу поперек пути! Умрем в бою, но не дадим немцам в рабство ни одного нашего человека. Не обороняться, а нападать — наш долг».

И в это самое горячее время командир «лужан» опять вышел из строя. Еще поздней осенью Иванов провалился на Курейке под лед. Ему пришлось окунуться с головой, чтобы достать автомат, погрузившийся на дно реки. После этого он непрерывно покашливал, а в начале января старая простуда после одной из операций обернулась, как установил Яша Морозов, тяжелейшим воспалением легких. Александр Иванович метался в горячке, в бреду, часто теряя сознание. Хотели увезти его в бригаду к Андрею Ивановичу Соколу, но до бригады было 60—70 километров, и выдержит ли этот путь командир, бойцы не знали. В конце концов Александр Иванович сам сказал, что будет отлеживаться «На буграх».

Игорь Владимирович Авдзейко требовал: «Усильте диверсионную деятельность». Володе Подсекину часто приходилось направляться в бригаду, а вся тяжесть повседневной боевой работы легла на плечи молодых командиров — Толи, Севы и Миши.

Иван Яковлевич Андреев рассказал ребятам, что неподалеку от Сеглиц в песчаный бугор зарылась неразорвавшаяся тяжелая авиационная бомба. Взрывчатки у «лужан» было в обрез, и находку решили немедленно использовать.

Вместе с бойцами за бомбой отправились и самооборонцы — Андреев, Яша Васильев, Иван Варфоломеев и несколько человек из Сеглиц. Бомба зарылась глубоко, песчаный бугор пришлось раскапывать целый день. Но когда наконец огромная туша авиабомбы обнажилась полностью, Толя шлепнул по ней ладонью:

— Красавица! Сейчас мы ее к делу пристроим.

С предосторожностями начали вытаскивать ее из воронки. Саперов-специалистов среди участников этого дела не было, и Иван Варфоломеев, кряхтя от натуги и дыша морозным паром, просил время от времени:

— Поосторожней, братцы. А то как ба-бахнет!

Добытую бомбу накатили на легкие деревенские саночки и, впрягшись в них, потащили к шоссе. Следом везли еще одни саночки с шестью неразорвавшимися артиллерийскими снарядами.

Дорога была тяжелая — то спуск, то подъем, то кочки, то болота. Бомба норовила скатиться с саночек, и ее поддерживали со всех сторон. К ночи процессия с санками добралась по болоту до намеченного места на шоссе, где под полотном дороги была проложена большая бетонная труба.

Выставили боевые заслоны и начали затаскивать бомбу в трубу. Повозиться пришлось немало, но в конце концов она ушла под полотно дороги вместе со снарядами и «приправкой» из толовых шашек. Установили «удочку». Миша Антонов, Толя и Миша Герасимов залегли неподалеку от дороги, на болотной кочке. Остальные отошли в глубину леса.

Ждать пришлось долго. Фугас разведчики заложили мощный и тратить его на какую-нибудь «пустяковину» не хотели. Только в половине пятого утра на шоссе показалась колонна автомашин с солдатами.

Миша Антонов натянул «удочку», когда над трубой прошла первая машина. Фугас разорвался под третьей. Взрыв был страшен. Автомашина поднялась в воздух, и «лужане» увидели, как она разваливается на куски и как летят вверх, словно тряпки, распластанные фигуры солдат.

Ближайшие машины оказались отброшенными к кюветам. Солдаты колонны, выскочив из грузовиков, открыли автоматный огонь. Некоторые даже пытались сунуться в лес. Но болото в этих местах не промерзло даже в самые сильные морозы. Поэтому бесцельно постреляв по деревьям, солдаты вернулись на шоссе и принялись заделывать воронку от авиабомбы, сваливая в нее хворост, камни и землю. Трое подрывников сумели отойти незамеченными.

Через три дня Толя, Миша Антонов, Сима Малыгин и Саша Лукомский провели еще одну операцию на шоссе — с помощью найденных крестьянами артиллерийских снарядов подорвали грузовую машину.

Александр Иванович, который поднялся после двух

недель болезни, был доволен действиями своих заместителей. Но думал он и о том, что выздоровел вовремя: что-то стало непрерывно меняться на территории, где действовала группа «Лужане». Данные разведки свидетельствовали о какой-то активности немецких частей. Движение по дорогам усилилось, поселки и деревни, где стояли оккупанты, стали превращаться в опорные пункты. Из бригады «лужане» получили приказ командования усилить разведку оборонительных линий, сооружаемых оккупантами у Плюссы. Началась подготовка кроков, схем расположения дотов, окопов, артиллерийских окопов и минометных батарей.

Все говорило о том, что назревают важные события. Какие? Разведчики вслушивались в сводки, пытаясь уловить в них хоть малейший намек... Вначале наступление развивалось далеко на юге — Белая Церковь, Бердичев, Житомир. Потом части 2-го Украинского фронта заняли Кировоград. Начал наступать Белорусский фронт... С Ленинградского не было никаких известий. «Лужане» слышали из родного города новый Государственный гимн Советского Союза, сообщение о том, что школьные каникулы кончились и юные ленинградцы опять сели за парты.

Как и многие тысячи других людей, на фронте и в тылу, разведчики не подозревали, что до начала больших военных операций, которые приведут к полному снятию блокады и отбросят фашистов далеко от стен Ленинграда, остались считанные дни и часы. Между тем в штабе Ленинградского фронта уже уточнялись последние детали операции «Нева-2», в которой перед Ленинградским и Волховским фронтами ставилась задача одновременными ударами по флангам 18-й немецкой армии юго-западнее Ленинграда и в районе Новгорода сломить сопротивление фашистских войск, а затем, развивая наступление, завершить разгром главных сил противника и очистить от захватчиков Ленинградскую область.

О предстоящих событиях «лужане» могли судить здесь, в немецком тылу, лишь по заметным им косвенным признакам. Резко усилили свою деятельность эсэсовские каратели. В середине января их отряд ворвался на территорию района. Прежде чем разведчики успели что-либо предпринять, эсэсовцы окружили деревню Смилище. Всех, кто не успел бежать, они согнали в сарай с соломой и сожгли. Такая же участь постигла Сеглицы, где были сожжены тридцать шесть человек — старики, женщины,

дети. Остававшееся еще в трех деревнях население оккупанты угнали в Плюссу.

Жуткую расправу учинил один из эсэсовских отрядов в Гривцеве. Здесь каратели захватили двадцать одного человека и придумали им страшную казнь. Они вырубili две проруби на реке и стали протаскивать людей на веревках подо льдом. Обледеневшие трупы эсэсовцы выстроили в ряд на берегу реки. Отряд карателей тотчас был окружен партизанами и разгромлен. Офицер, который им командовал, попав в окружение, застрелился.

Скорбную весть принес из Тухиней Володя Подсекин.

— Нет, Саша, больше «нашего полицака», — сказал он командиру. — Сожгли его «черношинельники» вместе с семьей в доме.

— Откуда известно?

— Сам разговаривал с мужиками, которым удалось бежать. Они рассказывали.

— Жаль человека, — вздохнул Александр Иванович. — Кто-то, наверное, его выдал.

— Вероятно, — согласился Подсекин.

Каратели стремились расправиться с мирным населением, укрывшимся в лесу. На берегу Плюссы эсэсовцы обнаружили две отдельно стоявшие землянки. Их обитатели — двое мужчин, двенадцать женщин и детей — были тут же расстреляны. День спустя группа бойцов под командованием Малыгина наткнулась в лесу на шестьдесят карателей в маскхалатах. Разведчики дали им бой, заставили отступить. А затем каратели наткнулись на партизан из 5-й бригады и откатились к Гривцеву.

Лесные городки оказались под угрозой. Крестьяне плохо соблюдали правила маскировки, пробили множество дорог, выезжали из леса к своим деревням, чтобы захватить из ям картошку или остатки сена, соломы. Александр Иванович послал бойцов в городки для проведения агитационной работы, проверки дружин самообороны.

Началось новое «переселение народов». С окраин леса крестьяне уходили в глубину, в чащобу. Выезд из Савина бора был запрещен, дороги прокладывались теперь только внутри него. На подходах к городкам установили посты из самооборонцев, которые могли бы предупредить крестьян в случае опасности. По приказу «лужан» горластые петухи, гордость хозяек, были отправлены в котел. И когда все старые следы перемела поднявшаяся метель, разведчики вздохнули с облегчением.

Но тут с новой заботой на базу явился Миша Антонов.

— В Букинских городках голодают те, кто из Заборовья, в том числе Паня и Зина Босовы. У них все осталось в деревенских ямах. Просили помочь.

Задача была не из простых. Сожженное оккупантами Заборовье стояло неподалеку от моста через Курею, который «лужане» уничтожали дважды. Восстановив мост во второй раз, оккупанты поставили там сильную охрану. У самого моста были построены дзоты, у мельницы немцы установили две скорострельные малокалиберные пушки, которые «лужане» называли «стуколками», на Мишенном дворе постоянно находился патрульный броневик и до семидесяти охранников. Таким образом, надо было вскрывать ямы под самым носом у немцев.

Но командир все-таки решил провести эту операцию. Глубокой ночью из Букинских городков вышел обоз из двенадцати саней и благополучно добрался до сожженного Заборовья. Крестьяне начали вскрывать ямы. Долгое время все шло хорошо, но потом шум отбрасываемой в сторону мерзлой земли, скрип саней донеслись до моста. Охранники дали несколько автоматных очередей наугад. Тотчас начали работать «стуколки», но снаряды шли с большим перелетом. Командир дал приказ грузиться быстрее и идти обратно не по дороге, а лесом, по целине.

Это было правильное решение, потому что немцы тут же стали накрывать дорогу снарядами. Обоз уже спускался в лощину у Горок, когда со стороны Мишенного двора показалась группа охранников. «Лужане» встретили их огнем, солдаты отпрянули, залегли в кустах и начали вести огонь наугад. Пушки с перерывами молотили дорогу до самого утра. Больше немцы в лес не полезли, но Александр Иванович держал тут засаду еще два дня, пока снег не перемел полностью следы обоза.

Незаметно подошла середина месяца. 19 января вечером Сева Леонардов, как обычно, включил рацию, чтобы ребята прослушали сводку. Раздалось привычное: «От Советского Информбюро...» Но следующие слова диктора заставили всех соскочить со своих мест.

— «На Ленинградском фронте, в районе южнее Ораниенбаума, несколько дней назад наши войска перешли в наступление, прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев и, — диктор повысил голос, — успешно развивают дальнейшее наступление!..»

— Ура!!! — грянуло в землянке. — Дождались!

Ребята обнимали друг друга.

— «...На Волховском фронте, севернее Новгорода, несколько дней назад наши войска перешли в наступление, прорвали сильно укрепленную оборону немцев и... успешно развивают наступление!»

К разведчикам пришел праздник. Ребята, возвращаясь с заданий, первым делом спрашивали: «Как на фронте? Где наши?» А радостные вести шли одна за другой. Взят Красное Село и Ропша. За пять дней наши части продвинулись на 12—20 километров, севернее Новгорода — на 30 километров. 20 января — взят Новгород. 21 января — Мга. 24 января — Пушкин и Павловск. 26 января наши войска штурмом овладели Гатчиной.

— Гатчина! Ох и здорово! — воскликнул Миша Антонов. — Мы с ребятами туда до войны ездили. Там же парк мировой... За сколько же дней до нас дойдут, а? По прямой к нам еще километров сто семьдесят...

На следующий день Ленинград салютовал победителям. Каждое слово торжественного приказа отдавалось в сердце: «В ознаменование одержанной победы, в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады, сегодня, 27 января, в 20 часов город Ленина салюует доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий...»

Ликованию ребят не было предела. Они грезили салютом... Глядя на их восторженные лица, Александр Иванович подумал: «Неужели доживем?» — и сам удивился своей мысли. До сих пор он не думал о смерти, как не думает о ней пилот, ведущий напряженный воздушный бой. Как у пилота, у командира группы «Лужане» не было для этого времени. Только теперь, когда победа была близка, эта мысль появилась.

Вечером того же дня связные принесли сообщение Владимира Шмидта: немцы готовятся провести против лесных городков широкую карательную операцию. Получасом позже Толя Бриллиантов привел прямо на базу Петра Андреевича Исакова из Сазоновских городков.

— Важные новости, — сказал Толя командиру.

— Рассказывай, Петр Андреевич, — попросил Иванов.

— Дела совсем скверные. В казарму на переезде было около трехсот эсэсовцев. Готовят они нам разгром. Пьяные солдаты заходили сегодня в Замошки, хвастались, что «завтра все партизанские лагеря — капут». С утра, надо полагать, и пойдут.

— А кто выведет?

— Крестьяне говорили, вроде у них наводчики есть. «Да,— подумал Александр Иванович,— рано мы праздновали победу». Он окинул взглядом своих ребят. На базе было одиннадцать человек, остальные — в дальних заданиях. Из одиннадцати — двое тяжелобольных. Значит, девять. Против трехсот «черношинельников» — маловато.

— Спасибо, Петр Андреевич, что предупредил,— сказал Иванов.— Поставь в известность теперь самооборонцев, пусть будут начеку. И крестьянам следует готовиться. Если что — пусть уходят дальше в лес.

Когда Исаков ушел, Иванов несколько секунд сидел молча, затем обратился к «лужанам»:

— Слышали, ребята?.. Придется стоять насмерть. Другого выхода для нас нет. Если каратели пройдут, то только когда нас не будет в живых... Все вы теперь грамотные: девятью бойцами удержать батальон трудно. Да еще тут и не засада, после удара уходить не придется. Если меня убьют, командиром станет Толя или Сева. Договоримся на месте. Вопросы есть?

Вопросов не было. Никто из ребят не пытался шутить или бодриться. В военных делах они разбирались отлично и знали, на что идут.

— Раз вопросов нет — приготовить оружие!

Бойцы принялись набивать патронами диски и магазины. Александр Иванович написал письмо в бригаду: просил Авдзейко принять к себе оставшихся бойцов, которые вернутся с дальних заданий. Письмо он оставил на базе двум больным.

Перед выходом он посоветовался с Толей и Севой.

— Где их будем встречать?

— Надо прямо с Замошек,— предложил Толя.

Замошки, деревня из шести домов, которая оставалась еще несожженной, была расположена в километре от казармы.

— Точно, в районе деревни,— подтвердил Сева.— Дальше будет труднее.

— Пошлют они разведку или нет?— задал вопрос Толя.

— Хорошо бы, не послали,— сказал Иванов.— Но и пошлют — никуда мы не денемся. Только в этом случае совсем мало немцев свалим.

Неизвестно, как складывался бы план операции, если бы «лужане» знали, что разведка уже находится в Замошках. А между тем так оно и было. В пять часов вечера сюда пришел патруль из трех эсэсовцев-автоматчиков

и одного полицаю. Тут они должны были находиться до утра.

Этого разведчики не знали, а гадать — что проку? Девять человек надели белые маскировочные халаты, подхватили заплечные мешки с патронами и остатками тола — пятнадцать килограммов, засунули за пазуху по краюхе хлеба, по куску вареного мяса и вышли из землянок.

Первую остановку они сделали в Доброборских городках, предупредили крестьян об опасности, приказали эвакуировать в глубину леса женщин и детей, захватили с собой трех самооборонцев.

В Замошках в это время эсэсовцам и полицаяю надоело ходить по морозу и охранять деревню. Они ввалились к старосте Скачку (это прозвище дали ему крестьяне за походку: староста был инвалидом с деревянной ногой) и потребовали самогону. Дело было обычное, деревня находилась под боком у казармы, самогон гнали в каждом доме, и солдаты приходили сюда сиживать, словно в кабак. Скачок выставил на стол большую бутылку с желтоватой жидкостью. За час солдаты напились вдребезги и завалились спать, приказав старосте, чтобы он разбудил их в пять утра. Патруль к подходу карателей вновь намеревался изображать охрану деревни.

Разведчики вместе с самооборонцами пришли в Замошки в три часа ночи, начали поднимать население. Услышав шум, выскочил на улицу староста и тут же получил приказ от Толи:

— Давай, Скачок, собирайся. Вся деревня эвакуируется в лес. Земляночку-то небось давно вырыл?

— Слушаюсь... — пробормотал староста.

Он кинулся в дом, разбудил своих пьяных гостей. Немцы схватились было за оружие, но полицаи тут же объяснил им, что в случае сопротивления их неминуемо уничтожат, что лучше спрятаться где-нибудь в избе, пока партизаны не уйдут. Скачок открыл люк подполья, эсэсовцы и полицаи спустились вниз. Староста захлопнул люк, закрыл его на задвижку, надвинул на него тяжелую бочку с водой. Таким образом, патруль оказался в мышеловке. Скачок же поспешил запрягать лошадь.

Добра у крестьян в деревне было немного, — всё давно захоронили в лесу. Поэтому небольшой обоз собрали быстро. Прежде чем отправить его, командир подозвал к себе самооборонцев.

— Будете сопровождать обоз — смотрите в оба, ни

один человек не должен отстать. Всех не проверишь. Если какой-нибудь холуй предупредит немцев — все пропало. Ясно? И первый удар они нанесут по вашим, Доброборским городкам.

— Будь спокоен, товарищ Ильин, — сказал один из дружинников. — Никто от нас не уйдет.

При первых проблесках зари командир расположил бойцов на позиции. Пулемет был установлен под прикрытием развалин печи, оставшейся на месте спаленной избы, с таким расчетом, чтобы простреливать всю дорогу до поворота, за которым скрывалось здание казармы.

— Пока я не открою огонь, себя не обнаруживать, — приказал командир. — Первые очереди дать на полную катушку, потом — по обстоятельствам. Автоматами отсекать немцев от леса. Пулеметчику от головы колонны переносить огонь в хвост.

Отдавая приказ, он размышлял над тем же проклятым вопросом: пойдут немцы в деревню обычной колонной или вышлют вперед разведку? Если двинется разведка, все пропало: схватка с ней, стрельба насторожат немцев, и они пойдут в наступление боевыми порядками. Тогда группа погибнет.

Иванов думал об этом спокойно и трезво. Но не потому, что он равнодушно относился к смерти, а потому, что за спиной группы лежали в лесу заснеженные лесные городки. Глупо было погибать в канун победы. Но что значила смерть нескольких человек по сравнению с массовым уничтожением крестьян, которое станет неизбежным, если карателям удастся прорваться в лес?

Он оглянулся назад, на деревню.

— Эй, Дуня! — негромко позвал он Варфоломееву. — Запали огонь в печах. А то деревня словно неживая.

Дуня поспешила к домам, чтобы поджечь дрова, положенные крестьянами в русские печи еще с вечера.

Становилось все светлее и светлее, заря разлилась уже на полнеба. Дым из труб поднимался в безветренном воздухе белыми столбами. Тихо было в деревне, спокойно.

Теперь Александр Иванович видел уже всех своих бойцов. Николай у пулемета говорил о чем-то с женой и, наверное, шутил, потому что Дуня замахивалась на него кулаком. Сева, раскинув длинные ноги, распластался на снегу. Он поворачивался на бок, примериваясь, как вести огонь. Толя шевелился, пристраивая свой автомат на какой-то невидимый командиру упорчик. На фланге были

Дуня и Николай Варфоломеевы.

видны Яша Морозов и Сима Малыгин. Чуть поодаль лежал Миша Герасимов с немецким автоматом.

Колонна появилась на дороге с первыми лучами солнца. Она показалась командиру отвратительной черной змеей, которая вытягивается из-за поворота. Вот колонна выползла полностью. Было видно, как со стороны казармы бегут опоздавшие солдаты и пристраиваются на ходу.

Эсэсовцы шли по три в ряд, с какими-то лихими восклицаниями, смехом. Первый ряд Александр Иванович видел совершенно отчетливо. Между двумя офицерами с планшетками на боку шла женщина, наводчица. Она что-то бойко говорила одному из офицеров, и он, поворачивая к ней голову, смеялся. «Весело идут, — с ненавистью подумал командир. — Идут убивать во славу „великой Германии“». Взяв первый ряд на мушку, он терпеливо подсчитывал расстояние. Сто метров... Семьдесят... Пятьдесят...

Он нажал на спусковой крючок. Первый ряд тут же ткнулся в снег, и командир заметил, что под огнем колонна начала ходить, как ходит трава под порывами ветра. Эсэсовцы бросились в стороны, к лесу. Но Толя и Миша исправно исполняли свое дело, отсекая их очередями, и снег за обочинами покрылся темными пятнами.

«Черношинельники» топтались на дороге. Николай, вскочив, поставил пулемет на печь и, не скрываясь, начал

бить по эсэсовцам в упор, перенося огонь дальше, туда, куда слабее доставал огонь автоматов. Колонна легла прямо на дороге, мертвые перемешались с живыми. Из завалов тел появились огоньки выстрелов, но разведчики тотчас подавляли ответную стрельбу.

Наконец черная дорога замолчала. Но Николай, слившись с пулеметом, все бил и бил по ней. Потом он стащил пулемет с печи: кончились патроны. Замолкли и автоматы. Продолжали стрелять из винтовок Яша Морозов и Дуня. У Дуни с головы свалился платок, но она, не замечая этого, яростно щелкала затвором, посылая на дорогу пулю за пулей.

— Отходим! — скомандовал Иванов.

Поднявшись, ребята начали отбегать. К Александру Ивановичу подскочил Миша Герасимов.

— Такая работа мне нравится, командир! — прорычал он. — У меня «рожок» остался. Я прикрою.

— У меня тоже «рожок», — ответил Иванов.

Пока ребята отступали, они держали дорогу на прицеле. Со стороны казармы ударили минометы. Первые две мины разорвались у леса, рядом с эсэсовцами.

— Своих решили добивать! — бросил Герасимов, и они пустились назад, за дома.

Минут через двадцать они были уже далеко в лесу. Остановились, сошлись в кучу, обнялись. Александр Иванович увидел, что у ребят темные, осунувшиеся лица. Дуня плакала навзрыд, тыкала мужу кулаком в спину:

— Куда ты на печь полез? Убить могли!

— На печи же теплей, — отшутился Варфоломеев.

— Молодец ты, Николай, сегодня! Ну и молодец, — сказал Сева.

Варфоломеев только улыбнулся и махнул рукой.

— Перезарядить оружие! — скомандовал Александр Иванович.

Подготовив оружие, они снова залегли в засаду. Было ясно, что эсэсовцев они уничтожили не всех. Но посмеют ли каратели снова сунуться?.. С места засады им была видна деревня, а дорога — нет. Они только слышали, как на дороге фырчит мотор грузовика. Потом по деревне между домов стали мелькать черные фигурки. Избы задымили и одна за другой начали заниматься огнем...

«Лужане» ждали. Поднимался ветер, начиналась метель. Когда совсем стемнело, бойцы поняли, что карательная экспедиция не состоится, что она сорвана. Тогда они пошли к городкам. Доброборские дружинники были

на посту и встретили разведчиков километрах в двух от землянок.

В городках забрали оставленные здесь по пути пятнадцать килограммов тола. Ребята упросили командира отпустить их на железную дорогу, чтобы произвести подрыв «под метель». Боевое счастье сопутствовало им в этот день. Взрыв на железнодорожном полотне прогремел в четыре часа утра. Под откос слетели паровоз и пять вагонов. Семнадцать вагонов и платформ легли на насыпи «гармошкой». Это был последний подрыв, который провела группа «Лужане». В дальнейшем взрывать было нечего: немцы не восстанавливали линию до конца оккупации.

НАКОНЕЦ — СВОИ!

Оперативная группа бригады приказала, чтобы разведчики взяли «языка».

— А куда его девать? Отправить в бригаду? — спросил Александр Иванович у Симы Малыгина, который принес этот приказ Авдзейко.

— Нет. Велено держать у себя.

— До подхода наших войск?

— Об этом Игорь Владимирович ничего не говорил.

Иванов пожал плечами и бодро сказал:

— Приказано — возьмем.

Однако задача оказалась труднее, чем предполагалось. С целью захвата «языка» разведчики организовали пять боевых операций. В них уничтожили сорок четыре гитлеровца, ранили девятнадцать. А «языка» так и не взяли.

— Словно заколодило! — сетовал по этому поводу Леонардов. — Хоть бы какой-нибудь паршивенький фриц попался...

Но не было и «паршивенького». Еще две ночи бойцы просидели в засаде у спаленного Букина, пообморозили руки и ноги. Мины и «удочки» так вмерзли в землю, что чеку было не выдернуть. Но оккупанты тут так и не появились.

— Плюнули на эту дорогу, ребята! — сказал Иванов, как и все остальные, фиолетовый от стужи. — Переменим место.

Бойцы были измотаны, на коротких привалах в лесу мгновенно засыпали. Они сидели в снегу, покачиваясь, но достаточно было негромкого «Подъем!», как все вскакивали на ноги и шли дальше.

База «На буграх» оставалась в эти дни пустой, совсем редко тут можно было увидеть двух-трех бойцов. Задание следовало за заданием, и на отдых времени не оставалось.

«Секреты» на железной дороге были сняты, ибо наблюдать было уже нечего. «Лужане» обратили свое внимание на Плюссу, где скапливались воинские эшелоны. Удалось установить, что станция стала для оккупантов крупным перевалочным пунктом. Здесь военное снаряжение перегружалось на автомашины, которые доставляли его к фронту. Командир срочно направил Малыгина и Морозова в бригаду с просьбой вызвать авиацию.

Но не успели Сима и Яша добраться до партизан, как 5 февраля над Плюссой появились советские штурмовики и бомбардировщики. Они разгромили станцию и эшелоны, стоявшие на путях. Через день одна из групп «лужан» доложила командиру о факте, который в первый момент показался всем невероятным: немцы на железнодорожном полотне сами снимают рельсы и спиливают столбы!

— Меняем свое отношение к дороге на сто восемьдесят градусов! — приказал командир. — До сих пор мы ее громили как могли, теперь, наоборот, надо ее поберечь.

Разведчики несколько раз обстреливали оккупантов, демонтировавших полотно. Во время одной из таких операций едва не погибла группа во главе с Малыгиным. Немцы взяли ее в «клещи», и ребятам удалось уйти только благодаря наступившей темноте. «Уберечь» железную дорогу разведчики, конечно, не смогли. За несколько суток оккупанты превратили железнодорожную насыпь в шоссе, по которому непрерывным потоком двинулись отступающие фашистские части.

«Лужане» продолжали следить за развитием событий по сообщениям Совинформбюро. 1 февраля наши части ворвались в Кингисепп. 9 февраля был взят Оредеж, и в сводках появилось новое, Лужское направление. Лугу взяли штурмом 13 февраля. К середине месяца войска Ленинградского и Волховского фронтов с боями продвинулись на Нарвском направлении на 50 километров, на Псковском — на 120 километров, на Лужском — на 100 километров.

Части 18-й немецкой армии отступали. Обочины дорог были завалены разбитой техникой, трупами солдат, которые уже не хоронили. Фашистов громили с воздуха и из леса. Никто из оккупантов не знал, удастся ли ему

уйти от партизан. Отступали части, державшие в блокаде Ленинград, эсэсовцы, уничтожавшие мирное население, каратели, полицаи, прихвостни оккупантов.

Разные истории разыгрывались на этих дорогах. К мызе Васильковичи, где находилось отделение СД, подошла фронтовая часть. Офицер, возглавлявший ее, дал зихердинстполицаям на сборы тридцать минут и вышиб их из мызы. В ней разместились на отдых солдаты. Эта часть на следующий день была полностью уничтожена нашими войсками и партизанами, которые ударили по ней одновременно с фронта и с тыла. А недовольные полицаи СД, не подозревавшие, что чудом спаслись от гибели, присоединились к немецким обозам...

В Сиверской «отличился» командир — гехаймфельд-полицай Губерт Рейхе. Получив указание уничтожить заключенных местной тюрьмы, в спешке он приказал своим подчиненным всех расстрелять, а трупы сбросить в колодцы. Когда наши бойцы ворвались в Сиверскую и увидели колодцы, забитые трупами, командиры не могли их удержать от нового броска на противника.

В Савин бор к «лужанам» звуки фронтовой канонады еще не доносились. Разведчики отдавали много сил и времени в эти дни организации охраны лесных городков. Они бдительно следили за Плюссой, где еще оставались сто пятьдесят эсэсовцев. Что предпримут каратели в последние дни?

Немало опасений вызывали у разведчиков действия отступавших немецких частей. Их командиры путались на местности, части нередко передвигались без дорог и того и гляди могли забрести на территорию лесных городков.

В ночь на 17 февраля, когда «лужане» готовились к очередной засаде на «языка», немецкая группа разведки, застрелив старика самооборонца, двинулась прямо к Букинским городкам. На счастье, тут оказался Иван Варфоломеев с шестью дружинниками. Они завязали бой с немецкими разведчиками и заставили их отступить. К концу боя подоспели и «лужане».

Едва стихли последние выстрелы, отчаянная стрельба донеслась с другой стороны. Какая-то заблудившаяся в лесу немецкая часть наткнулась на самооборонцев со стороны лесного кордона. Разведчикам пришлось совершить бросок через лес и отогнать гитлеровцев к дороге. Так они металась от городка к городку в течение двух суток и на запланированную засаду смогли выйти лишь 19 февраля.

Для засады Александр Иванович выбрал большой бугор, возвышавшийся над берегом Курей. На дне реки тут били ключи, и река не замерзала. В этом месте зимовали обычно утки-подранки. По противоположному берегу, который отлично просматривался и простреливался, шла дорога.

Бойцов у Иванова было четырнадцать. Все они в маскхалатах залегли в снег на холме. Ждать пришлось долго. Лишь в середине дня со стороны Букиня к фронту прошли легковая и грузовая машины под прикрытием двух танков, на которых сидели десантники-автоматчики. Их, естественно, пришлось пропустить. Затем проскочил по дороге мотоцикл с двумя солдатами. Его тоже пропустили: ради такой мелочи не стоило демаскировать четырнадцать бойцов.

К неходу дня появилась долгожданная цель — отряд. Впереди на лошадях ехали два офицера. За ними четверо солдат-бронбойщиков несли противотанковые ружья. В строю насчитывалось сто — сто двадцать пехотинцев.

Александр Иванович махнул ребятам рукой: «Приготовиться...» Когда отряд поравнялся с холмом, ударил пулемет, и тотчас застучали автоматы. Массированный огонь с короткого расстояния положил оккупантов на дорогу. Некоторые из солдат бросились бежать, но тут же повалились на обочину. Уцелевший офицер пустился на лошади вскачь.

— Коля, достань! — крикнул командир Варфоломееву.

Тот приложился к пулемету и короткой очередью сшиб офицера, который повалился на дорогу. Лошадь поскакала дальше без всадника.

Александр Иванович уже собирался дать команду группе захвата, но послышалось близкое гудение моторов: возвращались танки.

— О черт! — выругался кто-то из бойцов. — Опять будем без языка.

Пришлось спешно отходить, скрыться в глубине леса. Миша Антонов иронизировал по этому поводу:

— Хорошо, что хоть Родине металл сберегли...

Эта фраза объяснялась следующим образом. Как-то Бриллиантов вспомнил прочитанное давно в журнале: еще в первую мировую войну на уничтожение одного вражеского солдата расходовалась тонна металла. Ребята заинтересовались этой мыслью, стали подсчитывать, сколько они «сберегли металла Родине» в тоннах. Получалось очень много...

На следующий день командир вывел своих бойцов на то же самое место на берегу Курей. Они осмотрели дорогу — на снегу валялись обрывки окровавленных бинтов, бумаги. Несколько санных следов сворачивали с дороги на целину и шли в обратном направлении.

— Давайте здесь же попробуем. Место больно хорошее, — предложил Александр Иванович. — Бывают такие случаи, когда рыбка на один крючок дважды ловится.

В морозной тишине слышался рев моторов. Подошли и остановились на месте побоища танки. На переднем откинулся люк, из башни высунулся офицер с биноклем, принялся осматривать местность, следы на снегу. Его внимание привлекла свежая тропа, проложенная «лужанами». Вела она, конечно, не на холм, а в сторону, в подлесок. Люк башни захлопнулся, танки развернулись, дали по подлеску несколько выстрелов из пушек, построчили по нему из тяжелых пулеметов и покапали дальше.

Лежать в засаде пришлось еще часов семь. Несколько раз возвращались те же танки, проходили танкетки, бронетранспортер с автоматчиками. Гитлеровцы взяли дорогу на Букино под крепкую охрану. Разведчики продрогли до костей, окоченели, даже переговаривались с трудом, едва шевеля посиневшими губами.

Наступал вечер, солнце скрылось за деревьями. В первых сумерках на дороге показался военный обоз. Бойцы насчитали пятнадцать саней, на которых сидели солдаты.

— Стрелять только по саням, лошадей беречь, — передал Александр Иванович по цепи. — Чтобы не было завала...

Он имел в виду, что на образовавшемся завале немцы смогут организовать оборону.

Лошади приближались мелкой рысью. Командир пропустил трое саней, которые должны были попасть под огонь ребят, лежавших левее его, прицелился в четвертые и нажал на спуск автомата. Разом не стало слышно ничего — ни ржанья лошадей, которые пустились галопом, ни криков солдат, ни ударов копыт о дорогу. Все поглотил гром пулеметных и автоматных очередей.

Весь обоз пролетел мимо за какие-нибудь двадцать секунд. Переноса огонь с одних саней на другие, Александр Иванович заметил, что сначала он бил по сидевшим гитлеровцам, а потом, на санях в хвосте обоза, уже никто не сидел. Гитлеровцы лежали запрокинувшись, в

неестественных позах. Два трупа вывалились на дорогу. Из последних саней один немец успел выпрыгнуть. Он кинулся на лед Курей, под защиту крутого берега.

Когда разгромленный обоз скрылся за поворотом, Иванов приказал Малыгину снять оружие с убитых и привести немца, спрятавшегося под обрывчиком.

Солдат оказался тощим, сутулым, с сосульками под носом. Из глаз у него текли слезы, он с ужасом глядел на разведчиков.

— Дайте ему работу... — приказал Иванов. — И пошли!

Ребята мигом сняли с пленного ремень, обрезали пуговицы у штанов, жестами объяснили, чтобы он их поддерживал руками. После этого пленный не мог убежать.

Группа пошла с Курей в Савин бор. Примерно через час разведчики наткнулись в лесу на группу немцев человек в пятьдесят. Рассыпались цепью. В этот момент всех поразило поведение пленного. С криком ужаса, продолжая поддерживать штаны, он юркнул в снег, спрятавшись за спинами наших бойцов. Встреченная группа, однако, боя не завязала и быстро отошла.

На базе пленного завели в большую землянку и рассмотрели уже как следует. «Язык» и верно оказался жалкий, паршивенький.

— Дорого же ты своим, такой ледащий, обошелся, — заметил Александр Иванович. — Ведь только на седьмой засаде мы тебя взяли.

Не понимая его, пленный заплакал, принялся утирать лицо грязным рукавом шинели. Саша Лукомский, который знал немного немецкий язык, успокоил его и принялся допрашивать. Ответы пленного он сразу же переводил:

— Зовут его Карл... Ефрейтор... Да погоди ты, немчура, медленнее говори. «Лангзам», понял?.. Он из команды в восемьдесят человек, которая с тремя офицерами следовала к фронту для прикрытия минометных батарей у Гривцева... Довоенная его профессия — бухгалтер... Гитлера он не любит... Русских очень любит... Говорит, что всегда был социал-демократом...

Ребята даже не шутили по поводу ответов пленного, смотрели на него, надо признаться, туповато: очень устали. Яша протянул немцу горсточку партизанского самосада. Тот свернул сигарку, затянулся, закашлялся. Потом достал фотографию жены, начал ее всем показывать. Фотографией никто не заинтересовался. Тогда он опять тихо заплакал.

— Чего хнычешь? Боишься, что расстреляем? — скептически оглядывая нескладного ефрейтора, спросил командир. — Да кому ты нужен. Живи на здоровье. Какой ты ни есть, а все-таки «язык».

Он приказал посадить немца в землянку, где раньше стояла рация, и дал распоряжение Дуне Варфоломеевой:

— Придется тебе пока с базы не отлучаться. Будешь охранять это добро до подхода наших.

Фронт остановился на реке Плюссе, теперь уже совсем недалеко. Ребята, вернувшиеся от Воцкой, рассказали командиру, что в район Сазонова прорвались три наших танка, покрутились по снежному полю, постреляли и ушли назад. Александр Иванович обрадовался: значит, наши войска уже форсировали Плюссу.

Все в те дни перемешалось на территории, где действовали «лужане». По железнодорожному полотну продолжал катиться на юг поток отступавших немецких войск. По обе стороны насыпи валялось все больше сломанных и полусгоревших грузовиков, разбитых пушек и повозок — работа наших штурмовиков.

В лесу оккупанты проложили несколько новых дорог, «зимников». Командиры немецких частей, ориентируясь по карте, путались, ибо не осталось ни старых дорог, ни мостов, ни мельниц на реке. В любой момент они могли двинуть на городки.

По глухим лесным чащобам со стороны Николаева и Мызы били тяжелые немецкие орудия. Обстрел производился методично, по квадратам. Несколько снарядов упало рядом с базой «На буграх». В Букинских лагерях прямым попаданием разворотило землянку, погибли двое женщин и двое детей. Появились раненые среди крестьян и в других местах.

Трудно было в этой неразберихе разведчикам. Разве за всем углядишь! Когда ребята спали в землянке после задания, а Иванов, сидя у стола из жердей, заканчивал чистку автомата, прибежала девушка из Сазоновских городков.

— Спите? — крикнула она. — А прямо к вам немцы идут! Километра три осталось. Они застряли у мостика через Курейку...

— Подъем! — рявкнул командир, и землянка наполнилась дружным топотом ног.

— Рассказывай пока... — сказал Александр Иванович девушке.

— Колонна большая, с пушками, тракторами, машинами... По шоссе им было не пробраться, там все забито,

стоят войска, они свернули в лес. Выбрались на просеку, потом прошли через край наших городков, прямо мимо землянок. Вышли на старую дорогу, а там гать еще с осени разобрана, они и уперлись в болото... К нам в землянку пришли два офицера и четыре солдата. Вежливые. Один офицер хорошо по-русски говорит. Забрали деда, чтобы показал им дорогу на Букино...

«Лужане» бегом поспешили к месту происшествия. От мостика до самой развилки, до поворота на бывшее Букино, дорога на протяжении полутора километров была забита военной техникой, снаряженными ящиками, полевыми кухнями. Подобравшись вплотную, ребята наблюдали, как немцы на стальных тросах вытягивали провалившиеся в болото машины, с трудом разворачивали колонну. Разведчики кусали губы от досады. Сюда хотя бы полсотни бойцов! Вся бы техника наша была! «Шумнуть», конечно, можно было крепко и вдесятером, но ведь крестьянские землянки рядом, им пришлось бы расплачиваться.

— Близок локоть... — со вздохом заметил Миша Антонов, когда колонна медленно пришла в движение и направилась в сторону Букина.

«Лужане» вернулись обратно. На базе их уже поджидали жители землянки, в которой побывали немцы, в том числе и дед, взятый ими в проводники.

— Ну, батя, как было дело? — спросил Александр Иванович.

— Обыкновенно, — ответил дед. — Показал, значит, им поворот на Букино, они и пошли... Спрашивают у меня: почему тут все сожжено и народ в лесу живет? Ваши, говорю, сожгли. Ну, оба головами покачали. Потом достали из сумок шоколаду, галеты, немного сигарет. И солдата мне дали, чтобы обратно проводил без помехи.

— Хорошие, значит, тебе немцы попались?

— А чего ж... Культурные, — одобрительно сказал дед. — Видать, и среди них люди бывают.

«Эх, батя, батя... Типично ты русский человек, — вздохнул про себя командир. — Не успели еще фашистов выгнать, а ты среди них уже культурных людей нашел».

Утро 21 февраля выдалось не очень солнечное, но светлое, сиреневое. Снегопада не было, и мороз как будто бы немного спал.

Володя Подсекин, пробираясь во главе цепочки бойцов по лесу, выглянул из-за покрытого снегом куста и остолбенел. В двух шагах от него связист в белом халате с железной катушкой за спиной тянул провод. Связист

никак не походил на немца, да и катушка вроде была наша, зеленая, каких Подсекин повидал за военную службу немало. Неужто наш?! А вдруг — немец?

Обернувшись назад, Володя жестами показал: «Схватим!» Они набросились на связиста, сбили с ног, повалили на снег. Солдат попался здоровый как бык и отбивался что есть мочи. Володя пытался стащить с него маскхалат, но тут из-под капюшона выкатилась красноармейская шапка со звездочкой. Как лежал Подсекин на груди у связиста, так и чмокнул его в щеку.

— Наш! — заорал он на весь лес. — Ребята, это же наш!!!

Поднимаясь и выплевывая снег, попавший в рот, связист изумленно глядел на окружавших его людей, которые выплясывали какой-то странный танец и махали руками.

— Братишка! Свой! — ликующе кричал Володя. — Ну до чего же ты хороший!

Столкнулась с незнакомыми людьми и группа Иванова. Разведчики заметили цепочку людей в маскхалатах, которые шли по тропе, ранее пробитой «лужанами». Обе группы тотчас развернулись и залегли, приготовились к бою.

Не открывая огня, Александр Иванович стал присматриваться. В это время с противоположной стороны поднялась темная фигура и побежала к разведчикам.

— Не стреляйте! Свои пришли!

Иванов узнал Петра Андреевича Исакова.

— Александр Иванович, это на-ши!..

Командир группы «Лужане» встал, выдвинулся вперед.

— Моя фамилия Ильин. Кто у вас старший?

— Я. — В цепи напротив поднялась белая фигура.

Они сошлись на середине небольшой полянки.

— Покажи погоны, — потребовал разведчик.

Человек оттянул отворот маскхалата, и Александр Иванович увидел полевой погон с четырьмя звездочками.

— Как твоя фамилия?

— Рагозин. Командир разведки артдивизиона.

Иванов обнял капитана и крепко расцеловал его.

— Ну, Рагозин, — сказал он, — буду помнить тебя всю жизнь, до самой смерти.

К ним со всех сторон бежали люди. Летели в воздух ушанки. Начались объятия и поцелуи.

— Слушай, — сказал капитан. — А мы как раз к вам

идем. Нам «язык» нужен. Крестьяне говорили, будто у вас есть свеженький.

— «Свеженький...» — с сомнением ответил Иванов. — «Свеженького» нет, есть паршивенький.

Бойцы и разведчики рассмеялись.

— Да они теперь все паршивенькие, — весело сказал капитан. — Пошли!

ПУТЬ ДОМОЙ

Гурьбой они пришли на базу «На буграх». Капитан и его бойцы с любопытством осматривали землянки.

— Послушайте, товарищи, — спросил Рагозин, — как это немцы дали вам тут спокойно жить?

Вокруг засмеялись. Александр Иванович ответил:

— Так просто не объяснить... Главное, мы немцам спокойно жить не давали. Но, подожди, еще поговорим.

Он крикнул:

— Дуня, Герасимов! Спроворьте обед.

Пока готовился обед — щи и картошка с мясом, а Дуня пекла лепешки из настоящей белой муки, допросили пленного ефрейтора. У Рагозина был свой переводчик, но он знал немецкий с пятого на десятое. Пришлось кликнуть Сашу Лукомского. Вдвоем они сумели выяснить у немца все, что интересовало капитана.

Сели за стол. Миша Герасимов, исполнявший в группе обязанности завхоза, вдруг появился с бутылкой и, покосившись на своего командира, налил капитану кружку первача. «Ведь где-то на базе, разбойник, держал...» — подумал Александр Иванович.

— Эх, хороша... — крикнул, попробовав из кружки, Рагозин и спросил у Иванова: — А ты что же?

— Я эту дрянь видеть не могу, — махнул рукой командир «лужан».

После обеда пошли к артиллеристам. Их батарея вела дуэль с Мызой, Николаевом и Стругами, где засели гитлеровцы. Озабоченный командир батареи просил помочь с транспортом — у артиллеристов убило двух лошадей шальным снарядом. Александр Иванович написал записку Ивану Варфоломееву в Букинские городки. Там у «лужан» после налета на бывший совхоз «Андромер» находились в резерве восемь лошадей — рослых немецких тягеловозов. Их население разбирало неохотно: «Едят много, а кормить нечем».

В первый день все в Савином бору жили как будто

и не на фронте, но и не в тылу. Гремела канонада, падали снаряды. Под шум боя во всех лесных городках, во всех землянках бурно праздновали победу. Неподалеку от батареи Иванов встретил Ивана Яковлевича Андреева. Учитель обнял командира разведчиков.

— Все-таки дождались мы своих,— сказал он чуть не плача от радости.

Александр Иванович больше всего опасался, что у него растащат всех бойцов по землянкам. А дела еще были. Артиллеристы просили доставить пленного в штаб бригады. Захватив с собой ефрейтора, Иванов поехал на санках в Плюссе, сдал его в разведотдел. Пришлось рассказать в связи с этим и о последней засаде. Штабной полковник воскликнул:

— А, так это ваша работа! Мне доложили, что у деревни Гривцево обнаружены два штабеля убитых немцев. Они так изрешечены, что мои разведчики никак не могли понять, в каком бою их убили. Значит, ваши «крестники».

Он попросил Иванова выделить проводников, которые могли бы провести группы немцам в тыл. Пришлось опять разгонять ребят на задания.

В Плюссе же Александр Иванович разыскал только что прибывших оперативников, доложил возглавлявшему их капитану, что разведывательно-диверсионная группа «Лужане» свою работу в немецком тылу закончила. Капитан был порядочно задерган делами, но гладко выбрит, в отглаженной гимнастерке и начищенных до блеска сапогах. Расспросив Иванова о боевой работе, он сказал:

— О вас никаких указаний не имею. На кого вы замыкались в последнее время? На Авдзейко? Ну, Игоря Владимировича хорошо знаю... Давай так договоримся. Я сегодня свяжусь с Ленинградом, с управлением, доложу о вас. Приезжай завтра, дам точный ответ.

Иванов уехал в лесные городки прощаться со своими друзьями и помощниками. На следующий день капитан, встретив его, сказал:

— Приказано прибыть в Ленинград семерым. Вас пятеро, да у тебя еще есть два парня из штаба партизанского движения. Пропуска уже выписаны. Вот они, получи. Остальных бойцов впредь до особого распоряжения я заберу себе, чтобы было на кого тут опираться... Продаттестаты вам оформлять?

— Не надо. В Ленинграде сделаем,— ответил Иванов.— Я тебе с бойцами передам полтуши мяса, несколь-

ко мешков муки, крупы. Вы уж сами оприходуйте их как положено.

— Ладно. Послушай, деньги у вас есть?

— Ни копейки, — улыбнулся Иванов. — А зачем они нам?

— Так ведь вам даже за трамвай в Ленинграде заплатить будет нечем, — резонно ответил капитан. — Погоди...

Он открыл железный ящик, достал запечатанную пачку денег, бросил на стол.

— Пиши расписку. Это вам на первый случай. В Ленинград я доложу...

Пока Иванов писал расписку, капитан спросил:

— Сколько вы тут были?

— Ровно год.

— Значит, за год и денежное довольствие разом получите. Крепко! Ну, будь здоров. Сам рад бы в Питер, да теперь, наверное, не скоро придется там быть.

Александр Иванович вернулся домой, «На бугры». Собственно, базы больше не было. Остались три землянки, к которым прямо, в открытую вели со всех сторон тропинки. Теперь тут было постояннолюдно. Крестьяне шли к «лужанам» за выяснением самых разных вопросов.

Иванов пытался было во всем разобраться, но потом взмолился:

— Братцы, увольте. Меня же председателем сельсовета никто не избирал. Обратитесь к представителю тройки. Вон он мне бумажку пишет...

Представитель чрезвычайной тройки, присев в землянке к столу, писал командиру справку, первый официальный документ, который должны были получить «лужане» за год.

— Саша, как тебя именовать-то? Командир...

Иванов задумался: никто не знал, что пять разведчиков являлись сотрудниками органов государственной безопасности.

— Пиши: «командир спецгруппы».

«Справка. Дана командиру спец. группы т. Ильину в том...» — написал представитель тройки и остановился.

— Чего же писать? Нешто все опишешь...

— Пиши, что хочешь, — махнул рукой Иванов. — Только укажи, что мы трясли пособников комендатуры и гестапо. Это нам надо для отчета.

«...Что т. Ильин, — продолжал писать представитель тройки, — работая командиром спец. группы, проявил

Справка.

Дана командиром Спец. группы тов. Ильин в том, что тов. Ильин, работая командиром спец. группы проявил большую работу по выкорчевыванию немецких шпионов на территории Плюсского, Стругокрасненского районов между шоссе и железной дорогой. Одновременно проводил большую работу среди населения по спасению от урона в немецкое рабство, благодаря чему все население спасено, в частности, как продуктивный скот, так и рабочий скот не попали в руки к немцам. Под командованием тов. Ильина совершено несколько налетов на немецкие гарнизоны, а также спущено несколько эшелонов немцев и часто производились взрывы линии железной дороги. На данной территории установлена Советская власть, где тов. Ильин проявил большую инициативу по установлению таковой.

Фотокопия справки, полученной А. И. Ивановым (Ильиным).
(Архив Ленинградского управления КГБ).

(надо «провел», но никто этой ошибки тогда не заметил, и она осталась в документе) большую работу по выкорчевыванию немецких шпионов на территории Плюсского и Стругокрасненского районов между шоссе и железной дорогой. Одновременно проводил большую работу среди населения по спасению от урона в немецкое рабство, благодаря чему все население спасено...»

Представитель тройки еще подумал и продолжил: «...В частности, как продуктивный скот, так и рабочий скот не попали в руки к немцам. Под командованием тов. Ильина совершено несколько налетов на немецкие гарнизоны, а также спущено несколько эшелонов немцев и часто производились взрывы линии железной дороги. На данной территории установлена Советская власть, где тов. Ильин проявил большую инициативу по установлению таковой».

Взяв справку, командир пошел в другую, жарко нагретую землянку, где лежал Толя Бриллиантов. Болен он был давно, но пока шли бои, держался. А теперь стал таять как свеча. Как и у всех остальных, у него сошла кожа на руках и ногах от жестокой чесотки. Но кроме этого у Толи целая куча болезней — воспаление легких, нефрит — не работают почки, воспаление голосовых связок, воспаление среднего уха. Да еще крепко обморожены пальцы на руках и ногах.

— Крепись, Толя, не робей, — подбодрил его командир. — Как приедем в Ленинград — положим тебя в настоящий госпиталь.

Александра Ивановича позвали. Подошла кошевка с хорошей лошадей. Начались проводы, прощальные объятия, рукопожатия, шутки. Толю посадили в середину, укутав со всех сторон. Остальные разместились как придется.

— Прощайте, товарищи! — крикнул оставшимся бойцам командир. Он в последний раз окинул взглядом базу «На буграх» и скомандовал: — Поехали!

Лошадь шла хорошей рысью, комья снега из-под копыт постукивали по передку. Покачиваясь в санках, командир думал: «Все сделали? Кажется, все. Нет, Антонов...» Он думал об Антонове из районной тройки, о том самом, с которым не сложились отношения у «лужан». Да и не в том беда... Не сложились у Антонова отношения и с населением, а в результате стал он подбирать себе помощников с бору по сосенке. Оказались в его свите и те, кто раньше выслуживался перед оккупантами, «перевертыши». Командиру пришлось специально сообщать об этом оперативной группе бригады. «Ладно, — решил он, — теперь разберутся и без нашей помощи».

На лошади разведчики добрались до деревни Милутино. Здесь остановили первую попавшуюся грузовую машину, которая шла в Ленинград. Толю пришлось поднимать в кузов на руках, он совсем ослаб. Машина довезла их до Гатчины. Пешком, в трескучий мороз, они прошли через пустынный разрушенный город к железнодорожной станции. Тут выяснилось, что пассажирские поезда еще не ходят. Дежурный помощник коменданта и слышать не хотел, чтобы отправить их с товарным, твердил: «Не положено. Не могу помочь».

Но где растеряется разведчик? Пришлось немного попартизанить. Они отвлекли внимание поездной бригады, забрались в пустой товарный вагон и задвинули тяжелую дверь. Минут через двадцать состав тронулся. «До-

мой... до-мой... до-мой...» — стали выстукивать колеса. Мимо плыли поля и перелески, ленинградская земля, на которой не было ни немецких солдат, ни «черношинельников», ни полицаев. Восхитительное это было ощущение!

Состав остановился на дальних путях, километрах в трех от вокзала. Пришлось вылезти, топтать по шпалам. Володя и Сева поддерживали с двух сторон Толю, который с трудом передвигал ноги. На станционных путях им встретилась старушка с чайником в руках. Заметив группу вооруженных людей в шапках с алыми лентами наискось, она остановилась и громко сказала:

— Батюшки! Это кто же? Казаки?

Ребята засмеялись, а Толя неожиданно сказал хриплым голосом:

— Нет, мамаша, не казаки...

За путаницей станционных путей, за вагонами и вокзальными постройками открывался перед разведчиками родной город, и, как всегда, гордо вздымалась над ним Адмиралтейская игла.

Темнело... От Балтийского вокзала, покрытого зелеными пятнами маскировки, они прошли к мосту через Обводный канал. Редкие прохожие с удивлением разглядывали их, оборачивались. У моста группа остановилась, и ребята с неммым вопросом посмотрели на Иванова. Тот начал рассуждать вслух:

— Всем, конечно, хочется домой, своих повидать. Но нам еще надо доложить о прибытии в управлении. Сегодня идти туда поздновато, да и вид у нас такой, что вон люди косятся... Предлагаю сегодня быть вместе. Приведем себя в порядок, завтра утром доложимся и, думаю, сразу после этого повидаем родных.

— Давайте все ко мне, — предложил Сева. — Ко мне ближе всего.

Леонардов жил в старом ленинградском доме. Они прошли под арку, немало напугав своим видом дворничиху, стали подниматься по лестнице. Миша Антонов засмеялся:

— Странно как-то себя в городе чувствуешь. Как новичок в глухом лесу.

Сева с трепетом нажал на знакомую кнопку звонка. Никто не отозвался. Пришлось постучаться к соседям. Те объяснили, что мама — у родственников, а Нина — на дежурстве. Они дали ключ, и Сева открыл квартиру, в которой не был больше года.

Толю сразу уложили на кровать. Он лежал, закрыв глаза, хрипло дышал. Сева начал возиться на кухне с

керосинками. Сима и Яша стали открывать консервные банки. Остальные пошли мыться.

Когда консервы зашипели на сковородке, Яша сказал Александру Ивановичу:

— Как же мы не догадались, товарищ командир? Сейчас бы по стаканчику за победу...

— Да, промазали...— согласился тот.— А сейчас поздно. Откуда взять?

В прихожей раздался звонок.

— Мои!— кинулся открывать Сева.

Однако на пороге появился лейтенант-милиционер в сопровождении патруля, трех красноармейцев с винтовками.

— Предъявите документы,— строго сказал лейтенант, входя в комнату.

Он окинул всех цепким, милицейским взглядом. Вещемешки были свалены в углу, у дивана на полу лежали наши и немецкие автоматы, аккуратная горка из ручных гранат красовалась на этажерке.

Александр Иванович встал из-за стола и неожиданно для самого себя улыбнулся.

— Дорогой ты мой, какие документы?! Мы уж и забыли, что это такое,— промолвил он.— Ты лучше скажи: где сейчас водки достать? Нашей, беленькой, хоть две бутылки. Парня, видишь, растереть надо, весь горит, да и мы сегодня имеем право на стаканчик.

Лейтенант секунду глядел на всех очень строго, а потом сверкнул белозубой улыбкой:

— Все понятно. Давайте одного со мной. Для вас — достану. Не будь я здешний уполномоченный!

ЛЮДИ, А НЕ БОГИ

Их было пятеро, обыкновенных советских людей:
рабочий-электрик,
лейтенант-танкист,
школьник,
курсант «мореходки»,
ученик ремесленного училища.

Долг по защите Родины позвал их на очень опасное дело — они стали разведчиками-диверсантами. Во вражеском тылу, в страшных условиях гитлеровской оккупации они сумели сплотить вокруг себя сотни патриотов, и 1400 квадратных километров советской земли остались советскими даже за линией фронта. Кажется, что выполнение такой задачи выше человеческих сил. Но они это сделали.

Бесспорно, боевому упорству, мужеству пяти разведчиков сопутствовало военное счастье. Каждый из них мог погибнуть десятки раз, но не погиб. Все остались живы. Как же сложилась дальнейшая судьба «лужан» в то время?

В Ленинграде Толе Бриллиантову и Мише Антонову пришлось сразу же лечь в госпиталь. Оказалось, что у Миши дела со здоровьем обстоят тоже очень неважно. Сева Леонардов был направлен в радиоподразделение управления, Володя и Александр Иванович — снова в спецшколу, на переподготовку.

Иванов стал готовиться к новой, третьей заброске во вражеский тыл. На этот раз — на территорию Эстонии. Многие уже было ему хорошо известно, занятия шли нормально, оставалось время и на шахматы. В тылу у немцев ему часто играть не приходилось, зато в школе он числился заядлым шахматистом.

Однажды он сидел один, задумавшись над шахматной доской. Вдруг кто-то тронул его за плечо и сказал:

— Здравствуй, Ильин...

Александр Иванович поднял голову и, несмотря на всю свою выдержку, потерял дар речи. Перед ним стоял и улыбался не кто иной, как «гражданский комендант» Струг Красных Быков!

— Быков, это ты? — наконец изумленно спросил Иванов.

— Конечно, я, — ответил тот, очень довольный. — Давай-ка, сыграем.

Он сел за стол и начал быстро расставлять шахматы.

— Я уж ребятам в управлении в ножки поклонился, что они меня прикрыли... А то бы ты меня отправил прямо на тот свет. Да, наверное, и вместе с кучером?

— Нет. Кучера мы хотели оставить. А уж тебя, прости...

— Бывает. «Своя своих не познаша», как сказано в писании. Ходи.

Александр Иванович подвинул пешку. Быков ответил. Иванов подвинул вторую, собираясь разыграть староиндийскую защиту.

— Ты с кем был в контакте?

— С опергруппой второй бригады.

— А с нами почему связь не установил?

— Значит, было не положено... — медленно ответил

Быков, размышляя над очередным ходом.

С этого времени бывшего командира группы «Лужане» и бывшего «гражданского коменданта» Струг Красных частенько видели вместе за шахматами.

Здесь, в школе, среди боевых товарищей, Александр Иванович пережил горе, больше которого не бывает. Его сын Леша был заброшен со своей группой в немецкий тыл вскоре после того, как туда вылетели «лужане». Его группа по рации передала шифровку о выполнении первого боевого задания — крупной диверсии — и замолчала. Долгое время разведчики считались без вести пропавшими. Судьба группы была выяснена после полного освобождения Ленинградской области от захватчиков. Оказалось, что она наткнулась на эсэсовцев и карателей. Сменяя друг друга, они упорно преследовали разведчиков трое суток и в конце концов захватили их, когда они спали в снегу. Оккупанты казнили Лешу и его товарищей на площади в Луге.

Иванову был предоставлен месячный отпуск. Когда он вернулся в школу, обнаружилось, что задание, к которому он готовился, уже не имело смысла: наступление наших войск шло так стремительно, что район, в который их должны были забросить, стал прифронтовой полосой. Наметили новый район, но и тут вскоре от заброски пришлось отказаться. Со временем все яснее становилось, что новых заданий Александру Ивановичу Иванову (Ильину) не будет.

Его вызвали в управление и спросили:

— Останетесь работать в органах государственной безопасности или вернетесь на завод?

Собственно, вопрос ставился так, что, мол, грех уходить, имея такой боевой опыт. Стоит только подучиться и...

Но когда Александр Иванович услышал вопрос, он понял, что война для него кончилась. Он обдумал все в несколько секунд и сказал:

— Разрешите, товарищи, вернуться к себе, на Кировский...

На Кировском заводе Александр Иванович сдал в отдел кадров справку о том, что был в партизанах, и вновь оформился электриком. О таких заводах, как Кировский, Ижорский, в Ленинграде шутили, что фашисты поставляют им металл прямо в вагранки. Заводы находились под непрерывным обстрелом. Энергетическое хозяйство Кировского пострадало очень сильно. При его восстановлении Александр Иванович получил почетное прозвище — Кудесник. А потом нахлынули другие заботы, связанные с реконструкцией завода. Еще четверть века отдал после войны Кировскому заводу электрик Александр Иванович Иванов.

Двадцать лет спустя. «Лужане» в редакции «Ленинградской правды». Слева направо: Анатолий Васильевич Бриллиантов, Владимир Федорович Подсекин, Александр Иванович Иванов, Михаил Александрович Антонов.

Вскоре после него пришел на Кировский и Владимир Федорович Подсекин. Он тоже больше не менял места работы, трудился мастером гальванического цеха.

Михаил Александрович Антонов после выздоровления вернулся в те места, где воевал, стал работником Струго-красненского райисполкома. Отважная связная «лужан» Галя Михайлова, выполнявшая опасные поручения разведчиков, стала после войны Галиной Степановной Антоновой.

Всеволод Иванович Леонардов и Анатолий Васильевич Бриллиантов выбрали в 1943 году, как оказалось, путь на всю жизнь. Они остались работать в органах государственной безопасности.

На протяжении двух десятилетий деятельность разведчиков сохранялась в тайне. Папка с крупной надписью «Лужане», хранившаяся в архивах Ленинградского управления КГБ, была доступна лишь для группы работников органов государственной безопасности. Долгое время не представлялось возможным предать широкой гласности разведывательную и боевую работу группы.

Но нет ничего тайного, гласит пословица, что не стало бы явным. Появилась возможность коротко рассказать и о «лужанах». В «Ленинградской правде» была опубликована статья «Их было пятеро». Сотни людей, знав-

ших разведчиков во время войны, откликнулись на нее горячими письмами. Им радовались так, как радуются родственникам и друзьям, потерянным в военные годы и вновь найденным.

Состоялась в редакции «Ленинградской правды» и первая за многие годы встреча всей пятерки. Удивительная встреча! Бывшие бойцы обращались к Иванову по старой памяти:

— Товарищ командир...

— Какой я вам командир, — отмахивался Александр Иванович. — Я электрик. Это вы теперь стали командирами.

Многое вспомнили «лужане» о пережитом, и тогда родилась мысль написать быль, боевую хронику разведывательно-диверсионной группы, где события отображались бы так, как они происходили в действительности, а все действующие лица были названы подлинными фамилиями.

Хочется привести тут слова Александра Ивановича Иванова, когда он говорил о том, каким, по его мнению, может быть это повествование. Они интересны еще и потому, что представляют взгляд командира группы на всю ее историю:

— Мне приходилось немало читать о разведчиках, которые были исключительными людьми и вся деятельность которых представляла собой цепь приключений. Что ж, бывают разные люди, разные обстоятельства... Но к нам это не относится. Мы были не героями-одиночками, а маленькой частичкой своего народа, который вел смертный бой с фашизмом. Сражались солдаты на фронте, блокадники в Ленинграде, стремились внести свой вклад в общую победу и мы. Такова правда... Если же конкретнее говорить о делах разведчиков-диверсантов, то я на первое место поставил бы спасение населения оккупированных районов от угона в рабство. Об этой стороне деятельности органов государственной безопасности почему-то ничего не написано. А ведь огромная была работа! Надо было организовать крестьян, вдохновить их, направить на борьбу с оккупантами, ибо спасение от гитлеровской каторги, от уничтожения можно было найти только в этой борьбе. А народ у нас какой замечательный! Героический народ! Что мы смогли бы сделать впятером, не опираясь на крестьян? Ничего. Фашисты просто взяли бы нас в ловушку и уничтожили. Только помощь десятков патриотов дала нам возможность по-настоящему действовать. Никогда не забудем мы этих людей, колхозников и учителей... Надо бы сказать и о мальчиках

семнадцати-восемнадцати лет, которые приходили в группы, подобные нашей. Трудная у них была юность, воевать они в нечеловечески трудных условиях. Мы вышли из тыла, остались живы. А немало наших товарищей погибло. Много безымянных могил на ленинградской земле... Что же касается собственно разведывательной и диверсионной работы, то мы старались ее выполнять как положено. Случалось, что и ошибались. Мы ведь люди, а не боги.

ВСТРЕЧИ, ПИСЬМА...

Впервые в полном составе на места бывших боев пятерка «лужан» выехала в дни, когда праздновалось 20-летие освобождения Стругокрасненского района Советской Армией. Мелькали за окном рейсового «Икаруса» засыпанные снегом знакомые поля и перелески. Александр Иванович Иванов посмеивался:

— Узнают ли нас, ребята? Ведь столько лет прошло... Даже Рыжий стал седым. Деревень тех, где мы бывали, нет и в помине. Где сейчас наши помощники, наши боевые друзья?..

Между тем в Стругах Красных «лужан» ожидала удивительная встреча. Трудно им было на торжественном вечере пройти к трибуне, их останавливали, целовали, передавали из объятий в объятия. Многих встретили здесь бывшие разведчики, и оказалось, что боевая дружба так же крепка, как и два десятилетия назад. Были тут и слезы радостных встреч, и бесконечные воспоминания о пережитом...

Появилась возможность проследить, как сложилась судьба многих боевых соратников «лужан». Каков дальнейший путь партизан, которые первыми влились в группу и были с разведчиками до конца?

Вот что написал из Боровичей Яков Яковлевич Морозов: «Когда вся группа вернулась в Ленинград и Александр Иванович доложил в управлении госбезопасности о проделанной работе, мы с Симой Малыгиным были направлены в Штаб партизанского движения, который находился тогда на Васильевском острове. Тут нам предоставили 10-дневный отпуск. К Симе, в Коми АССР, было ехать далеко, и мы поехали ко мне, в Боровичи. После отпуска Октябрьским райвоенкоматом Ленинграда были призваны в ряды Советской Армии. Сима стал командиром взвода пехотного полка, я — орудийным номером 115-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Оба мы участвовали в освобождении Эстонии.

Бои были упорными, наши части продвигались вперед. В начале апреля попали в «мешок» на берегу Финского залива. 18 апреля 1944 года я встретился с разведчиками, которые сказали мне, что взвод Симы, выдвинутый к шоссе, почти полностью погиб. Отпросившись у комбата на два часа, я пошел к пехотинцам и тут узнал, что мой друг, с которым столько было вместе пройдено, погиб в бою. О смерти Симы я написал его родителям и жене... В окружении мы дрались недолго, свежие части пробили коридор, сменили нас. После реформирования под Псковом наша часть участвовала в освобождении Карельского перешейка, а после капитуляции Финляндии была переброшена на юг, на Сандомирский плацдарм. Оттуда с боями прошли Польшу, форсировали Одер. За форсирование Одера я был награжден медалью «За отвагу». Потом освобождали Чехословакию. Известие о том, что гитлеровская Германия капитулировала, застало нас в Австрии, в Вене. Все вздохнули: «Война окончена!» Но в тот же день наша часть была поднята по боевой тревоге и переброшена в Лизинг на Эльбе. Там махровые фашисты из группировки фельдмаршала Шернера продолжали упорное сопротивление. Были жестокие бои в горах... Демобилизовали меня в октябре 1945 года. Приехал я на родину, в Боровичи, вернулся к своей мирной, самой гуманной профессии медика. Часто вспоминаю «лужан». Передаю всем большой привет от жены и двух сыновей».

Может быть, читатель помнит Мишу Селиверстова из Лучкиной, связного «лужан», а затем, после «насильственного увода», бойца группы, который участвовал в ее боевой работе и впоследствии вместе с другими молодыми парнями был передан в 5-ю партизанскую бригаду? Когда «лужане» встретились с ним вновь, Михаил Алексеевич Селиверстов был главным агрономом колхоза имени Мичурина в Псковской области. Вот что он писал: «Прошло много времени с тех пор, как мы вышли победителями в жестокой битве с фашизмом. Но никогда не изгладятся в памяти те времена и люди, которые в голоде, холоде, не зная усталости, не давали покоя фашистам в тылу. «Лужане» опустились на парашютах в топи и болота, глухие леса и глубокие снега, чтобы организовать всенародную борьбу против лютого врага. Нас, небученных и невооруженных подростков, они сумели организовать, сплотить, превратить в грозную боевую силу. Многие фашисты навсегда остались в псковской земле. Верно сказано в песне: «Запомнит враг Советскую Псковщину и не забудет красных партизан...» Коротко о своем

боевом пути после группы «Лужане». Воевал в 5-й партизанской бригаде товарища Карицкого. Много с ней пройдено боевых дорог. Участвовал в подрыве эшелонов, в разгроме карательных отрядов, в боях с регулярными частями фашистской армии под Новосельем и под Уторгошем. А в общем моя биография сложилась так: начинал партизаном в Савином бору, а закончил войну под Прагой с гвардейским минометом, «катюшей». Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Шлю всей пятерке боевых друзей и руководителей огромный привет от всей нашей семьи и тех, кого они спасли от угона в фашистское рабство. Много, очень много они сделали!»

Откликнулся из псковской деревни Щир «дядя Миша» Изотов, первый, кто стал когда-то помощником разведчиков: «Здравствуйте, дорогие друзья! Мы со старухой живы, хотя здоровье, конечно, не то, что было. Дети выросли, разъехались. А внуков у нас уже девять. Как только будете в наших местах, очень прошу заехать в гости. Приезжайте, пожалуйста. Ваш друг дядя Миша».

Из деревни Ольгиной написал старый знакомый «лужан» «дядя Яша» Елисеев: «Будет возможность, приезжайте к нам во всякое время как днем, так и ночью, встретим как лучших друзей. Всегда будем помнить, как вы сохранили нас от врага. Большое спасибо за вашу работу, благодаря которой мы только и живы остались».

Письма, письма... «Вот уже двадцать лет я ношу в памяти имена этих замечательных людей, беспредельно преданных своему народу, перенесших столь тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны,— писала в редакцию «Ленинградской правды» Антонина Степановна Целикова (Петрова) со станции Низовская.— Может быть, и они вспомнят Петрову из деревни Воцкой, которая, как и другие, оказывала посильную помощь партизанам. Я думаю, что они помнят замечательного человека, военного врача Андрея Ивановича Сокола, которого мне удалось переправить в их отряд...»

«...Помните, как на саночках везли бомбу к шоссе, чтобы подорвать колонну машин?— писал «лужанам» Иван Яковлевич Андреев, учитель гривцевской начальной школы.— А сколько было спилено столбов немецкой связи, сколько уничтожено проводов! У меня и сейчас дома сохранился где-то кусок немецкого кабеля метра в полтора...»

Невозможно даже кратко пересказать письма, полученные бывшими разведчиками. Однако некоторые из них интересны тем, что дополняют историю группы. Елиза-

вета Андреевна Ефимова, которая заведовала во время войны логовищенской школой, писала из деревни Воробино Псковской области: «Володя (Рыжий) был в те годы легендарным человеком. Численности группы, ее состав мы тогда не знали. Рыжий предпринимал что-то ежедневно. Спуск эшелона, уничтожение машин, фашистов... Всего не перечислить. Рыжий был дерзок и неуловим. Оккупанты бросались на проческу, а в ответ гремели новые взрывы на дорогах. Его боялись и немцы, и их прислужники. Вот характерный пример. Мне угрожал арест за помощь партизанам. Совершенно неожиданно на мою защиту поднялись староста и другие предатели, стали доказывать фашистам, что я человек «лояльный» и «добропорядочный». Секрет этой истории оказался простым: Рыжий предупредил немецких прислужников, что если со мной что-нибудь случится — он их немедленно уничтожит. Вот как его боялись! Только впоследствии, в лесу, я узнала, что Володя — член спецгруппы, которой командовал Александр Иванович».

В письмах — благодарности за спасенные жизни, просьбы о встречах, воспоминания о пережитом.

Вот еще одно письмо, от семьи Ладыгиных из деревни Новолисино Тосненского района: «Здравствуйтесь, Александр Иванович, ваша жена, дочь и внук Андрейка! С горячим сердечным приветом к вам мама, Миша, Галя, Витя, Валя. За ваше письмо сердечно благодарим и даем ответ... Большое спасибо партии и правительству за заботу о всех нас, но также спасибо и вам. Есть же такие люди!»

Тогда выяснилось, что многие боевые сподвижники «лужан» живы и здоровы. В Стругах Красных трудились Яков Михайлович Васильев, Андрей Евдокимович Ярмистый. Петр Андреевич Исаков жил в деревне Маркошев Луг неподалеку от Плюссы, Конкордия Михайловна Куницына (Сергеева) — в поселке Заплюсье, Надежда Васильевна Курышева — в деревне Демьянка, Антонина Артуровна Рейх (Гольдман) — в Гатчине.

Многих удалось разыскать, но, к сожалению, не всех. Осталась неизвестной судьба Ивана Иванова, из первой тройки партизан. Раненый, он был эвакуирован самолетом из 5-й бригады в Ленинград, а после войны, кажется, жил в Великих Луках. Других сведений нет. Не удалось найти Михаила Герасимова, и известно о нем совсем немного: до войны его семья жила в Ленинграде на Суворовском проспекте. Ничего не удалось установить о Николае Рогове (Коле-черном). По заданию партизанской бригады вместе с группой бойцов он перебра-

сывал за железную дорогу представителя ЦК ВЛКСМ, который прибыл в немецкий тыл для вручения молодым партизанам комсомольских билетов. Переброска прошла успешно, но на обратном пути на «железке» оккупанты встретили бойцов огнем. Всем, кроме Рогова, удалось перейти. Коле-черному пришлось остаться за железной дорогой, во 2-й или в 6-й бригаде...

Впрочем, оставалась надежда, что «потерянные» бойцы еще откликнутся. Тем более что встречи иной раз бывали просто удивительные. Владимир Федорович Подсекин поехал как-то во время отпуска в Струги Красные навестить своих боевых друзей. Пробыл он там довольно долгое время и, проходя однажды по улице райцентра, решил зайти в парикмахерскую, подстричься.

Женщина-парикмахер, в кресло которой он сел, взглянула на седую голову Подсекина и спросила:

— А ведь во время войны вас, кажется, звали Рыжий?

— Да, было такое,— согласился Владимир Федорович.

Он не удивился вопросу, потому что ему не раз уже приходилось выступать в Стругах Красных, и в лицо его тут знали многие.

— Вы помните дядю Сашу из Тухиней?

— «Нашего полицая»? Конечно, помню. А почему вы спросили?

— Я его дочь.

Подсекин резко повернулся в кресле:

— Но ведь мне очевидцы рассказывали, что дядю Сашу каратели сожгли вместе с семьей в его доме...

— Дом сожгли, верно,— улыбнулась женщина.— А мы сумели убежать в лес. Там и дождались своих.

— Так дядя Саша жив?!

— Жив и здоров.

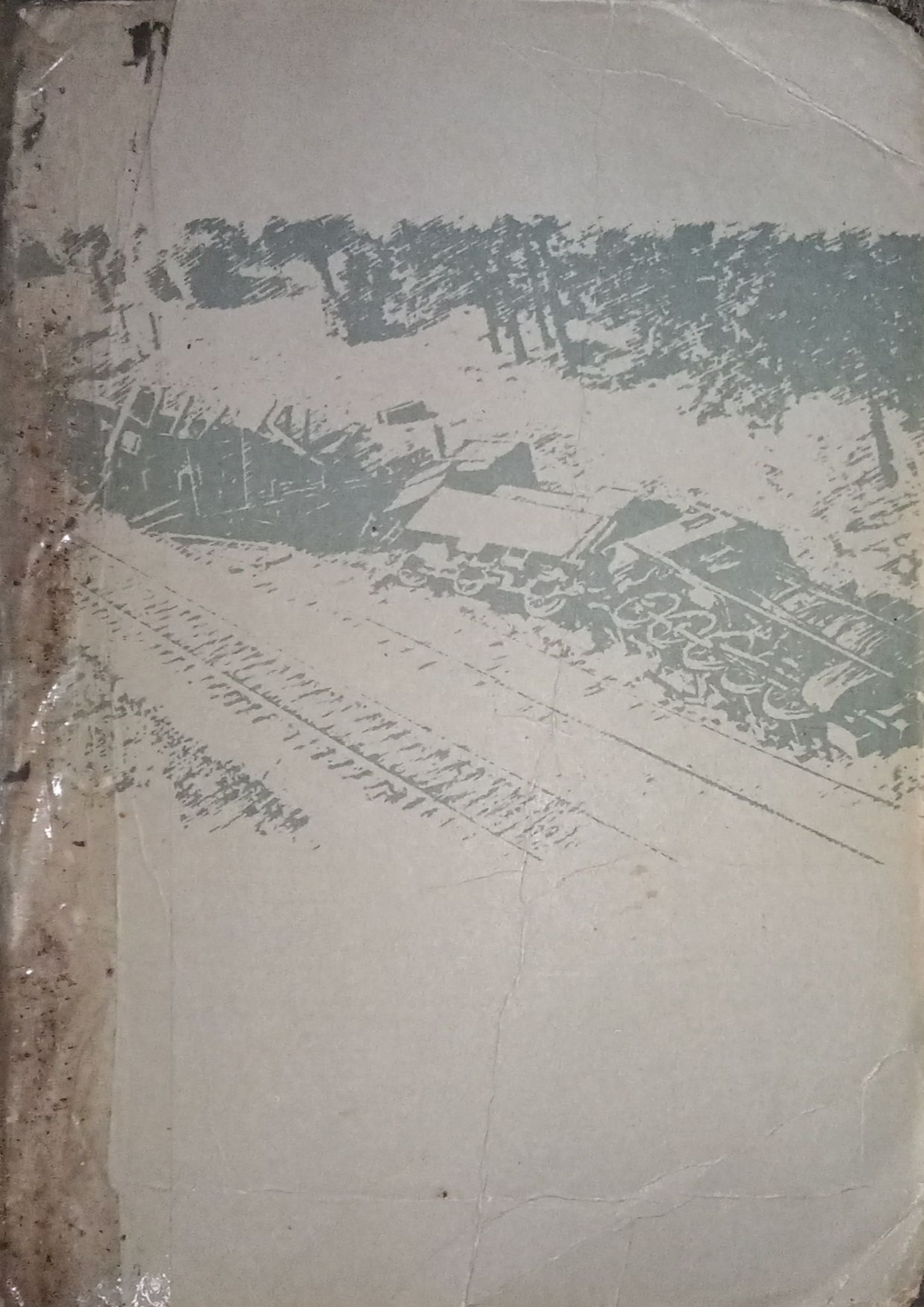
— Где он сейчас?

— В последнее время работал в Сосновом лесничестве, на кордоне Анкундин. Недавно вышел на пенсию. Часто вас вспоминает. Так что приезжайте в гости...

Чем следует заканчивать повествование о группе разведчиков-диверсантов? Как расставаться с героями этой истории?.. Увы, бег времени неумолим. За минувшие годы ушли из жизни Александр Иванович Иванов и Михаил Александрович Антонов. Что же касается еще трех участников группы, то они живут в Ленинграде. И наверное, расстаться с ними было бы правильней всего, пожелав им успехов и большого счастья.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	3
Ночной разговор	8
Как обстояло дело	12
Иванов, он же Ильин	22
Подсекин, он же Попов	31
В школе	40
Испытательный срок	62
Семнадцатилетние	74
Пошли в тыл	83
«К фрицам в гости»	88
«Лужане» выходят в эфир	102
О Рыжем известно в абвере	117
Лесные университеты	129
Трое у костра	137
За сапогами	143
Первомай	151
Без хлеба и без связи	161
Братья по оружию	175
В кольцо	183
Проческа	189
Удачи и неудачи	200
Центр присылает «сову»	209
«Психологическая операция»	216
Группа растет	236
Бунт на станции Дивенская	242
В волчьем логове	248
Поп и староста	257
Битва на рельсах	269
Власть из леса	276
Гестапо ищет ход	281
Урожайная осень	289
Последняя радиограмма	293
Конец гарнизона	300
Разгорается пламя восстания	313
Еще ЧП	318
Деревни в лесу	322
В Ленинград через бригаду	330
Дела октябрьские	335
Есть Советская власть!	344
Подарок к ноябрю	349
«Пришлось немного пострелять»	355
Коровы на льду	358
Дуня-златозубка и другие	365
Без происшествий	373
Коза, галоши и самогон	379
Смертный бой	391
Наконец — свои!	400
Путь домой	406
Люди, а не боги	411
Встречи, письма	411

1 р. 10 к.

И.Б. Лисочкин
**БОЙ
ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА**

Лениздат